

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 4 / 2017
ИЮЛЬ – АВГУСТ

Литературный журнал
выходит
при поддержке
департамента культуры
и национальной политики
Кемеровской области

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:

Виктор АРНАУТОВ,
Владимир ИВАНОВ,
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА,
Александр КАТКОВ,
Вера ЛАВРИНА,
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь),
Валерий ПЛЮЩЕВ,
Ирина ТЮНИНА,
Марина ЧЕРТОГОВА,
Евгений ЧИРИКОВ

Адрес редакции:
650000, Кемеровская область,
г. Кемерово, пр. Советский, д. 40.
Тел. 8 (3842) 36-85-14

12+

Содержание

ПОЭЗИЯ

Виктор Брюховецкий. Грустная правда.....	3
Юлия Сычёва. День-деньской	59
Василий Костромин. Дни против шерсти.....	61
Марина Шамсутдинова. Золотая Орда и донская весёлость.....	80
Виктор Тихомиров-Тихвинский. И солнце над деревнею дрожит.....	95
Валерий Дмитриев. Заставушка	97
Екатерина Малофеева. Дом стоит.....	104
Евгений Казаков. Хочется стать временем.....	107

ПРОЗА

Вера Лаврина. Сестра. Повесть	6
Марина Струкова. Рассказы.....	64
Василий Козлов. Никёмное железо. Непридуманные рассказы	83
Дмитрий Воронин. Два рассказа.....	99

ЭССЕ

Иосиф Куралов. Я зарастаю памятью. Фрагменты рукописи	109
--	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

Николай Ничик. Не стыдно ветеранам рассказывать о прошлом	118
Диана Балибалова. Празднование первого Дня шахтёра в Кузбассе	121
Станислав Зотов. Революция русского народа. Сто лет февральской революции в России	125
Сергей Распутин. Замысел или умысел?.....	131

ШАХТЁРСКОЕ СЛОВО – КРЕПЬ РОССИИ

Наталья Монастырёва. Тополь в синицах.....	136
Иван Тащев. Стихи	140

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Елена Трухан. «...слушать лягушек и – пить солнце!..» (О последнем дневнике В. Ф. Булгакова) ..	141
--	-----

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Владимир Матвеев. Некоторые примечательные факты моей биографии в связи с моим 70-летием	151
Екатерина Тюшина. Совет поэта выслушать спешите. Владимир Матвеев.....	154

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

Надежда Кудрявцева-Кузнецова. Молитвы русских поэтов. Воздаяние – мои божественные встречи	158
--	-----

ИСКУССТВО

Галина Лавренкова. «Путешествие с Достоевским». Выставка иллюстраций по мотивам произведений Ф. М. Достоевского.....	163
--	-----

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Игорь Волгин. С чуть заметной и невесёлой усмешкой	166
Михаил Калинин. Учительство по призванию	166
Елена Елистратова. От классики до авангарда	167
Юлия Сычёва. Отзыв на 3-й номер журнала «Фантастическая среда».....	168

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Поздравления Союза писателей с 55-летием.....	169
Литературная хроника. Подготовил Д. Мурзин	171

Поэту Владимиру Фёдоровичу Матвееву – 85 лет

(1932–2003)

«Беря что-то у взрослых и ребят, – писал о своём творчестве Владимир Матвеев, – замечая, над чем и почему они смеются, ничего слишком не выдумываю, не стараюсь поразить воображение сногшибательным образом. Просто стремлюсь по-хозяйски распорядиться попавшим в руки даровым, ещё сыроватым материалом, обогащаю его, пропустив через себя, и возвращаю прежним владельцам. Каюсь, операции такого рода удавались и удаются не всегда, и всё-таки именно в них весь «секрет» моего творческого метода».

**Виктор
БРЮХОВЕЦКИЙ**

ГРУСТНАЯ ПРАВДА

* * *

Санний след – две чётких линии.
Жеребец, обросший инеем.
Снега хруст из-под копыт...
Я ещё никем не бит.
Я ещё сопля и небыль,
Я совсем не знаю неба,
Для меня весь мир – вожжа!
Для меня весь мир – в буланом
Да в отце, от горя пьяном...
Хлеба в доме – ни шиша!
Ни дровинки... Мёрзнут ноги.
По обочинам дороги
Сбитый косами бурьян.
Рваный Лог. В логу туман.
В небе солнце со столбами,
И оно как лампа в раме,
С неохотой глядя вниз,
Греет так, что весь я сиз,
Греет так, что над губою
Воздух шапкой голубою
Застывает на лету...
Шарю глазом пустоту:
Степь мертва. Как гроб.
Немая.
Я ещё не понимаю

В это утро, что меня
Жизнь лупцует в два ремня,
Что меня уже кружило,
Что во мне хрипела жила,
Что поможет это мне
Где-то там, в грядущем дне.

НА КОНЮШНЕ

Жеребца превращали в мерина.
Он лежал, тяжело дыша,
И сознание его не верило,
И не чувствовала душа,
Что уже мужики не балуют –
Сталь отточена и крепка! –
Что к другому уходит чалая,
Хоть и рядом стоит пока...
Он не верил, что мы – жестокие,
Он в ремнях сырмятных вяз,
И глазами, как ночь, глубокими,
Шею выгнув, смотрел на нас...

До чего ж эта правда грустная!
Как забрёл я в неё, пострел?
Сколько лет прошло – всё клянусь себя,
Всё жалею – зачем смотрел...

БРЮХОВЕЦКИЙ Виктор Васильевич родился в г. Алейске Алтайского края в 1945 году. В 1962 году переехал в пос. Кузьмолровский Ленинградской области. Служил три года в ракетных войсках под Плесецком. Окончил Ленинградский институт авиационного приборостроения, работал инженером на опытном заводе Государственного института прикладной химии. Лауреат литературных премий: Пушкинской (Нью-Йорк, 1994), Всероссийской им. А. Прокофьева (СПб., 2012), Губернаторской им. Р. Рождественского (Барнаул, 2014), Всероссийской православной им. Св. влк. кн. Александра Невского (СПб., 2016), журналов: «Нева» (2004), «Москва» (2004), «Наш современник» (2011). Автор 15 книг. Публиковался в журналах: «Нева», «Москва», «Наш современник», «Сибирские огни», «Подъем» и многих других. Член Союза писателей России. Живёт в пос. Кузьмолровский Ленинградской обл.

ПЛЮШЕВЫЙ МЕДВЕДЬ

Глаза враскос, на шее – красный бант,
На груди – галстук, сам – синей, чем небо,
Сидит передо мною словно фронт,
Но я-то знаю, что таким он не был.

Он бурый был, с когтями и живой!
Умел легко ходить на задних лапах,
Ему понятен был малины запах
И щебетанье птиц над головой.

А как ревел! Шарахалось зверьё.
Тайги хозяин, ярый и косматый!
От лап его не раз бежал сохатый,
Вдыхая ночь распахнутой ноздрей.

Вблизи селений в ранние часы
Он появлялся откровенно смело,
И, хлебным соком наливая тело,
Под корень мял медовые овсы...

Но там, где речка свой смиряет бег,
Где бьёт малька таймень крутой волною,
В закатный час в кустах, на водопое
Его поймал на мушку человек.

Поймал... Погоревал... Поговорил...
Снял выкройку с его могучей туши,
И, зная геометрию, из плюша
Подобье для забавы сотворил.

Детишки, знаю, влюблены в него.
Детишкам что, детишкам интересно...
А мне вот жалко, я признаюсь честно,
Косматого и страшного – того.

ТЮМЕНЬ

Лучами фар просвечен лес –
Урюм, задумчив, осторожен.
Красавец лось лучом стреножен,
В зрачках – безумный интерес.

Космические блики глаз!
Казалось, он из бронзы вылит.
Его свинец пробил навывлет.
Лось рухнул в снег, и луч погас.

Ему и нам не повезло.
Нас четверо, и каждый молод.
Теперь нам был не страшен голод.
Как жутко это ремесло!

Кровь пахла, приторно свежа.
Мы страшное вершили дело,
Кромсая неживое тело
В четыре острые ножа...

Нас увозил тягач домой,
Висело небо тёмной грудой,
И окровавленное блюдо
Луны вставало за спиной.

Качался лес на вираже.
Мы не шумели, не кричали,
Мы зло курили и молчали,
И скверно было на душе.

* * *

Под напевы реки, у высокого края,
Где звезда по дуге упадает, сгорая,
Где кривой горизонт и берёзы кривы,
Я бродил пацаном, шалопаем бездомным,
Объяснялся в любви деревенским мадоннам
И на зорях литовкою столько травы

Повалил. Куликовое поле! Не меньше.
Чистотел ли, татарник... И было не лень же
Хороводиться ночь и мотаться в луга,
Чтобы вволю натешиться острой сталью,
Чтобы видеть потом журавлиную стаю –
Как летит, задевая крылами стога!..

Ой, стога! Высоки! До луны, до звезды!..
По утрам у коровы слюна из слюды
Повисает с губы, и пахучим настоем –
Молоком да прожаренной солнцем травой –
Как дохою, накроет меня с головой...
И припомнятся ночи с далёкой верстою,

И роса, и дышащий туманом Алей,
И высокие трубы седых журавлей,
И тугие отавы, и кони на броде...
Неужели всё это прошло, протекло,
И не склеить разбитое это стекло
Никому. И душа, словно кость к непогоде,

Так болит...

* * *

Луг росистый, луг белёсый,
Солнце брызжет под колёса –
Впереди двенадцать вёрст!
Не спеша везёт корова.
Подо мной мешок с половой.
Ни обиды и ни слёз.

Я привык два раза на день
(Что поделаешь, коль надо)
Совершать вот этот путь –
Через мост над речкой синей
Посреди страны России.
Мне бы только не заснуть.

Грай ворон над росным лугом –
Друг за другом, круг за кругом
Облетает вороньё
И кричит, не умолкая...
Песня верная какая
Про моё житьё-бытьё.

«Как!» да «как!» – висит над полем.
А никак! Совсем не больно,
Даже больше – красота!
Вон – корова, шаг отменный,
И рога как две антенны,
Жалко – музыка не та...

Я корову не ругаю,
Я корову понимаю,
Разговор с коровой прост:
Я вздохну – она вздыхает,
И шагает, и шагает
На зарю... Двенадцать верст.

...Выйдет батя на дорогу:
– Ну, поспели, слава богу...
И, неближний путь кляня,
Он меня с телеги ссадит,
Улыбнётся и погладит
И корову, и меня.

ПРОРОЧЕСТВО

Зóрят гнёзда. Здоровый мужик и ребёнок.
Разбрелись, между ними – шнурок-тетива,
И – по травам, как неводом. Утка спросонок
Обязательно вылетит – вот, голова! –
И гнездо обозначится... Тёплые яйца...

«Ты чему его учишь, скажи, борода?
Твой пацан к сорока перестанет смеяться,
Вот попомнишь...» – сказал и исчез навсегда.

Кто он был, этот Некто, из облака, что ли?
Из росы? Из тумана?.. Не всё ли равно –

Мужика уже нету. Распахано поле.
Да и уток все меньше. И сорок давно.

* * *

Испеки мне, родная, блинов,
Заварных, с золотистой коркой.
Положи их на тряпочку горкой
И меня позови – я приду.

Я приеду, примчусь, я смогу...
Если свяжут, связавшим на зависть
Выйду во поле, оземь ударюсь
И на крыльях к тебе прилечу.

Мы зажжём керосиновый свет.
Эта лампа всё детство не гасла...
Ты мне дашь для коровьего масла
Маховое перо крякаша.

Тем пером стану маслить блины.
Чай заварим малиновой плиткой
И услышим, как скрипнет калитка, –
Это сёстры придут на огонь.

Хватит места для всех за столом.
И бывое войдёт из тумана –
Вспомним батю и вспомним Ивана:
Где они? Может, рядом стоят.

И почувствуем – рядом они.
Ощутим их дыханье плечами.
Ах, как часто я, мама, ночами
Их пытаю о нашей судьбе.

Все никак не умею понять:
Почему от родного порога
Разошлись мы по разным дорогам...
А семья-то какая была!

Испеки нам блинов, а когда
Ждать устанешь и лампа иссякнет,
Ты за наши заблудшие души
Помолись и свечу засвети.

**Вера
ЛАВРИНА**

СЕСТРА

Повесть

*печальная, полная света
сегодня луна
мне показалась сестрой*

Наташина жизнь передо мной как на ладони, она исчислена и завершена. Можно посчитать, что Наташа прожила 19 826 дней...

Мы были вместе с тех пор, как только стали осознавать себя, и я находилась рядом с ней в последние минуты её земной жизни. О ней я могу свидетельствовать, с ней я кровно и навсегда связана.

Чувства безысходности и непоправимой беды после её ухода стали притупляться тогда, когда я начала делать записи о Наташе, когда смогла это делать. Ни книга, ни эссе, ни воспоминания, а просто записи. Они стали писаться из-за тоски по сестре.

Наташа была какой-то источающей радость частью моего существования. В моем дневнике есть запись от 27 декабря 1976 года: «Вчера я плакала от счастья. Я лежала в постели, во мне родилось новое, непонятное чувство, то, которое поэты называли, наверное, «радость бытия». Я чувствовала себя счастливой оттого, что я родилась. Я! Оттого, что вокруг меня прекрасный мир, что впереди прекрасное, непознанное, таинственное. Счастлива оттого, что есть весна, моя сестра, небо с кудряшками облаков, морозное окно, крепкий душистый чай, запах жареного

картофеля, ласковый котенок. От того, что существует возможность мечтать, думать, влюбляться, любоваться людьми».

«Рисунок» моей судьбы, несомненно, правился Натальей. Вслед за ней я приехала поступать в Томск, в университет, и влюбилась в этот город. Она приобщила меня к туризму: сначала спелеология, потом были горный туризм, альпинизм. Сестра перезнакомила меня со всеми своими друзьями, и они стали моими тоже. Позднее я поняла, что её детские произведения «Дарья», «Шумный двор», «Одно лето» и другие дали мне неосознанный писательский импульс. Наташа после детства ничего не писала, кроме историй болезни, а я начала писать «произведения» и не могу остановиться до сих пор.

Она была мне не только сестрой, но и сердечной подругой, с которой я могла поделиться своими проблемами и тайнами. Горечь от того, что мне придётся часть жизни прожить без сестры, неизбывна.

ЖЕНСКИЙ «ПЭНСКИЙ» ДЕНЬ

Наташа родилась в Лавровке, где родители работали учителями. Когда ей было семь лет, наша семья переехала в Раздольное. У сестры не сохранилось воспоминаний, связанных с Лавровкой. Но вот друг отца Алексей Романович, приезжавший к папе в гости, очень хорошо запомнил его старшую дочь.

ЛАВРИНА (ПРАВДА) Вера Леонидовна родилась в Казахстане, в с. Лавровка Кокчетавской области. Окончила исторический факультет Томского университета. Стихи и проза публиковались в журналах «Огни Кузбасса», «После 12», «Дружба народов», «Наш современник», «Врата Сибири» и других. Автор более двух десятков книг стихов и прозы, учебников. Член Союза писателей России. Доцент кафедры истории, философии и социальных наук КузГТУ. Живёт в Кемерове.

Голоса друзей.

Алексей Романович Коротченко

– Ей было около года, когда я увидел её впервые. Это был живой обаятельный ребёнок с распахнутыми агатовыми очами и чёрными кудряшками. Она сразу очаровала меня своим доверием к незнакомцу. Протянув ручки и нимало не смущаясь, взобралась с моей помощью на колени и стала нежными пальчиками ощупывать лицо, трогать нос, глаза и уши. Так она искала ласки не только у родителей, но и у гостей.

Украшением квартиры Поповых были чудесные венские стулья, нарядные и лёгкие. Они интересовали и Наташу. Ухватившись за край сиденья, она толкала стул перед собой и, переступая ножками, училась ходить.

Её общительность и доверие к людям распространялись и на врачей, приходивших лечить. Они её не пугали, а вызывали интерес. Когда в её реквизите появились куклы, она тоже их старательно лечила: перевязывала раны, делала примочки, ставила уколы и укладывала в постельку. Доминирующими чертами её характера были любознательность и интерес ко всему окружающему. Бывало, уткнётся носом в кромку стола и внимательно следит за работой родителей, которые листают книжки или пишут. Уяснив это, она и сама, раздобыв листок, тоже чертит каракули, а позже и рисует.

Любила не только лечить, но и играть в школу. До школы освоила азбуку и счёт. А когда пошла в первый класс, училась прилежно, с охотой усваивая школьную науку.

Повзрослев, смуглая, черноокая Наташа могла сойти за красавицу южных, кавказских кровей. Как и они, отличалась лёгкой походкой, стройностью и ловкостью в движениях, а также приветливостью и общительностью. Когда Леонид начинал расспрашивать о Томске, живо подключалась к беседам и задавала немало вопросов. Влюблённый в Томск, я, не жалея красок, рисовал сказочное деревянное зодчество, проспекты, запруженные весёлой студенческой молодёжью. Целые оды посвящал университету, научной библиотеке, знаменитой Университетской роще, медицинскому, политехническому институтам. Наташа, как губка, впитывала всё это, хотя больше всего её интересовал медицинститут.

Наше детство прошло в Раздольном. Этот затерянный в степи посёлок с невысокими до-

миками был со всех сторон окружён небом. Оно простиралось от горизонта до горизонта: дневное – безоблачное, сытно-синее или в причудливых облаках и ночное – звёздное. В солнечный день манящие воздушно-белые облака, плывущие от края и до края земли, благовествовали о счастливой новизне каждого дня. А вечером весь космос с дальними и ближними звёздами был как на ладони. Вьюжные зимы наматывали сугробы прямо возле дома. Сумерки заставляли нас с сестрой играющими на снежных горках. Синеющие сумерки даже на вкус были чудесными. Мы ложились на снег и смотрели в небо. Снег совсем не охлаждал, он становился тёплым. Небо быстро чернело, и на нём вспыхивали звёзды. В ясную морозную ночь с вышины сияли мириады звёзд. Мы часто видели огненные полосы сгорающих метеоритов, неторопливо летящие огоньки спутников. Если мы долго смотрели вверх, терялась граница между небом и землёй: или звёзды опускались, или мы возносились к ним и втягивались бездонной звёздной далью. Мы вдруг ощущали себя глядящими в космос из колыбели Земли. А он ожидал, радостно мигая звёздами.

Мамин голос:

– Наташа, Вера – домой!

Мы неохотно плелись к дому.

Наша маленькая речка Чаглинка была миниатюрным отражением Вселенской Реки, как, наверное, любая река. Она текла к нам из каких-то неведомых степных далей и, замысловато петляя, уносила свои небогатые воды к ближним и дальним посёлкам.

Это была нескудная река, вдоль её берегов росли шуршащие на ветру заросли камышей, пестрели мелкими цветами заливные зелёные лужи. Крошечные песчаные косы сменяли обрывистые глинистые берега, в которых ласточки или стрижи делали норки. А в отдалённых от посёлка местах, в тихих заводях, среди круглых, как блины, зелёных листьев цвели золотые кувшинки и белоснежные водяные лилии, местная разновидность лотоса – мистического цветка древних цивилизаций. Увидеть лилии или получить один-два цветка от взрослых было большой радостью. Мы вглядывались в красновато-жёлтую сердцевину цветка, вдыхали его удивительный аромат, сродни запаху утренней влажной свежести, и всерьёз ожидали волшебства.

В жаркие летние дни плескались в парной воде до лихорадки.

Степной пейзаж монотонным не назовёшь. Разнообразие придавали ему бесконечно меняющиеся цвет и форму облака, плывущие в манящей близости от земли. И ещё свет – свет солнца, разгорающегося к полудню и ало пламенеющего к вечеру. Но самое поразительное в степи не нарисовать, не опишешь, не переместишь, не воспроизведёшь и не привезёшь в подарок – это запах. Дух нагретой солнцем степи, настоящий на множестве трав и цветов, пьянит, будоражит, наполняет радостью и витальной силой. Наверное, он пробуждает какие-то глубокие пласты памяти о вольной кочевой жизни древних степняков.

Взрослея, мы потеряли целый континент драгоценных чувств и ощущений, они теперь не подвластны даже самому старательному описанию.

Тогда, в блаженную пору добуковенного и дописьменного существования, мы были ещё связаны незримой пуповиной с таинственной добытийностью, тогда всё было другим, краски – плотнее и ярче, звуки – нежнее. Радость захлёстывала, охватывая целиком всё детское существо до кончиков растрёпанных волос.

Наше безтелевизионное и безкомпьютерное детство подарило нам возможность играть в свои игры и выдумывать свои собственные миры и увлекательные истории. Застрельщицей в этом была Наташа. Её фантазия и поразительный творческий потенциал детской души красочно расцветили наше детство.

Самой первой и самой важной игрой была игра в дом. Действительно, ведь человек призван, прежде всего, устроить на земле свой дом, в котором он и его близкие будут чувствовать себя защищёнными, любимыми и любящими. Хорошо, если когда-нибудь в такой дом превратится вся наша планета с наличным числом цивилизаций, стран и народов.

Первый «домик» мы устроили ещё в Лавровке, в скверике возле избушки под раскидистыми кустами акаций. Я запомнила чисто выметенную землю под густыми кронами, почерневшие доски на чурочках – лавочки. И что-то так влекло меня туда и наделяло это отъединённое пространство особенной значимостью. Потом, уже в Раздольном, мы устраивали домик в уголке сарая. Но появились домашние животные и выселили нас оттуда. Наташа придумала устроить домик на чердаке – таинственное и сказочное место. Про Карлсона тогда никто и слыхом не слыхивал. По шаткой лестнице мы поднимали на чердак старые одеяла, доски. Просили у мамы какую-ни-

будь посуду. И так в наличии появились все составляющие настоящего жилища: постель, стол, домашняя утварь. Рвали высокие стебли полыни и делали из них веники – наш домик должен был содержаться в чистоте. Здесь мы собирались с подругами, вели душевные беседы, играли, делали кукол из подручных материалов, приносили какую-нибудь еду для совместных трапез, с удовольствием обзоредали с высоты окружающий пейзаж. Этакая детская община. Конец общине положил папа. Боясь, что мы проломим потолок, он запретил нам собираться на чердаке. И потом уже игра в домик не заладилась – не находилось никакого укромного места для него.

Из любимых игр – жмурки, вышибала, прятки. Казалось бы, в наших небольших, бедно обставленных комнатах невозможно было играть в прятки. Но это не так. Маленькие, мы могли уместиться в самом дальнем углу шкафа за висящей одеждой, на небольшом уголке стола за трельяжем, спрятаться между перин на кровати, залезть в чемодан. Однажды сестра с подругой не могли меня найти в двух комнатах часа два. Зал, спальня и кухня были смежными. Мы прятались в зале и спальне. В зале всё легко просматривалось, и прятаться там особо было негде. Поэтому, заглянув под стол, искатели отправлялись в спальню. Я догадалась встать на подоконник за этажерку в зале. Как только Наташа с Ларисой уходили в спальню, соскакивала с подоконника и убегала на кухню. И когда они уже переворачивали вверх дном всю спальню, радостно подпрыгивая, прибежала из кухни:

– Эля, эля*! Вы меня не нашли!

И так несколько раз.

– Мам, куда она прячется? – пыталась выведать Наташа мой секрет.

– У неё есть порошок невидимый, – не выдавала меня мама.

А уж на улице среди сараев, стогов сена, бочек и заборов попробуй-ка отыщи.

Ещё играли в догоняшки, ножички, классики, в мячик, козла, штандр, магазин, прыгали через скакалочки, крутили хулахуп. Зимой «резались» в настольные игры. Из любимых: шашки и «чапаев». Мультки в нашем детстве появлялись нечасто. Иногда их показывали в киножурналах перед началом фильма в клубе. Редкостная, упоительная удача! Но зато в нашем доме в большом количестве были пластинки со сказками. Все они записывались с прекрасным музы-

* «Эля!» – наш детский возглас похвальбы.

кальным оформлением. Папа, не жалея денег, покупал и привозил их нам отовсюду. Эти пластинки были прослушаны нами, думаю, сотни раз: «Кошкин дом», «Чиполлино», «Приключения Незнайки», «Конёк-горбунок», «Золушка» и другие. Я бы и сейчас, наверное, с первых звуков узнала старые записи полюбившихся сказок.

Был ещё фильмоскоп и диафильмы. Старые фильмоскопы своим видом были похожи на маленький танк. Воинственно, как дуло, выдвигался вперёд объектив. «Готов к борьбе за развлечения и просвещение детей!» – говорил их грозный вид. Долгими зимними вечерами мы смотрели диафильмы с гостями или вдвоём с сестрой. Вставляешь диафильм в специальную «крутилку». Надо правильной стороной вставить, а то картинка будет наоборот, и ни одного слова не прочитаешь. «Крутилку» вставляешь в фильмоскоп, гасится свет, всё поглощает темнота, солнечный луч вырывается из объектива, и вот яркие цветные картинки появляются на белой известковой стене – начинается сказка.

Была у нас одна игра, которая, я думаю, досталась детям со времён каменного века – это «камешки». Для игры нужно найти пять плоских небольших камешков, одну или две подружки – и игра могла затянуться на часы. Она имела много конов и различных вариаций. Камни разбрасывались на плоской поверхности, потом надо было выбивать один камень другим, как в «чапаеве», потом они подбрасывались и ловились тыльной стороной ладоней – сначала двумя, потом одной. Постепенно количество камней в игре уменьшалось. Мы, наверное, стали последней генерацией детей, которая играла в эту игру, свою дочь я уже не смогла ею заинтересовать. Да... Где «камешки», а где компьютерные игры...

На лето мама шила нам одинаковые платья и сарафаны. Одну такую пару сарафанов с широкими ляжками я запомнила. Они были сшиты из ситца: по белому полю – маленькие розовые тюльпаны с зелёными листиками на коротких стебельках. Часто нас отправляли на улицу в трусиках и босиком. За летний сезон мы чернели, как головёшки, подошвы ног грубели, наподобие кирзы, и становились неуязвимы, как у йогов, ни для стёкол, ни для гвоздей. Раз в три дня мама делала нам причёски: косы заплетались так туго, что глаза смещались к ушам.

– Терпи, казак, атаманом будешь, – приговаривала она казацкую присказку.

Кстати, вспоминаю и другие её присказки. Если терялась какая-то вещь, которая всегда была под рукой, вдруг непостижимым образом пропадала, мама искала её, приговаривая: «Чёрт-чёрт, поиграй да отдай!».

На осень и весну у нас были ботинки и высокие резиновые сапоги, в них хорошо было месить деревенскую грязь и измерять глубину луж. Зимой, конечно, валенки; они много раз подшивались, отчего делались неуклюжими и смешными, но зато удобными для зимних забав. Вся эта обувь практически не различалась по гендерным признакам и была в основном чёрного цвета.

У моего гардероба было одно преимущество по сравнению с Наташиным: я добровольно, без всякого принуждения донашивала за сестрой всё, что она не смогла сносить. Поэтому, хоть и плохонькой, но одежды у меня оказывалось больше. Историю про Наташину шубку и красное пальто, которое мне папа привёз из Москвы, я не могу забыть до сих пор. Почему-то тогда наша отечественная промышленность не предлагала курток никаким категориям населения – только шубы и пальто. И у меня даже есть предположение, почему. Из всех видов курток в ходу была только одна – фуфайка или, проще говоря, ватник – одного фасона на все тридцать миллионов или, иначе, больше экземпляров, которые выпускались в стране ежегодно. Дешёвые и тёплые ватники предназначались для простых и грубых работ. А вот пальто или шуба – статусная вещь. Выпусти куртку – кто её купит, она же на ватник похожа. Папа купил мне пальто в Москве, примерив его на случайно подвернувшуюся в магазине восьмилетнюю москвичку. Когда на меня надели пальто, стало ясно, что москвичка оказалась акселераткой: рукава свисали до колен, полы волочились на уровне пяток, внутрь пальто можно было запихать ещё две таких же девочки, как я. В нашем втором «А» я была самой маленькой, Нина Кресс, замыкавшая шеренгу на физкультуре, не считается, потому что все думали, что она лилипутка. Пальто повесили в гардероб и стали ждать, пока я подрасту.

– Ну и хорошо, на несколько лет хватит, – рассудила мама.

Шли месяцы. Но то ли пальто подрастало вместе со мной, то ли я совсем не росла – я по-прежнему утопала в нём по макушку. Меня вполне устраивала Наташина шубка. Правда, теперь ручонки по локоть выглядывали из рукавов. И вот однажды, через год после приобретения

пальто, я собралась в кино, набросила изрядно порыжевшую, но такую дорогую моему сердцу Наташину шубку.

И вдруг папа спросил:

– Ты почему пальто не носишь?

Наверное, я вызывающе выглядела.

– Оно мне ещё большое.

Видимо, папа был возмущён тем, что прекрасное московское пальто из красного кашемира в рубчик, с воротником из золотисто-коричневой овчины висит без толку в гардеробе, а дочь ходит в критически неприличной шубе. Он сурово произнёс:

– Надевай пальто, в шубе я тебя не пущу.

Я, понутив голову, напялила пальто. Рукава безжизненно болтались, вызывая подозрения, что рук в них нет вовсе, полы заканчивались где-то на уровне подошв, под обвисшие плечи можно было подложить по подушке-думочке. И вот в таком клоунском виде я должна идти в кино? Девочка из «Республики Шкид». И хотя я уже тогда из всех искусств важнейшим считала кино, ронять свою репутацию перед сельским сообществом ради него не хотела. Я остановилась на пороге и расплакалась. Всё-таки у папы оказался кое-какой вкус, он смилостивился:

– Хорошо, иди в шубе, – сказал он.

Я радостно накинула шубу, которая на мне уже элегантно превращалась в полушубок.

Мама надставила Наташину шубу, чтобы я могла и дальше в ней ходить. Но пальто продолжало-таки угрожающе краснеть в гардеробе. Наконец, к четвёртому классу мама решила обрезать его по моему росту. И как только его обрезали – я стала уверенно расти и к следующему году из него окончательно выросла.

Ещё не владея грамотой, мы с сестрой пытались «читать».

В диафильмах под картинками был текст, который сначала нам читали родители. А когда мы смотрели диафильмы без них, «читали» друг другу – рассказывали всё, что запомнили про эти картинки.

Папа как-то подписал нам с Наташей открытку к 8 Марта. Читать мы не умели, и мама нам несколько раз прочла: «Дорогие дочери, Наташа и Вера, поздравляю вас с Международным женским днём Восьмое марта...» Потом мы с Наташей «перечитывали» друг другу эту открытку, так как «международный» не могли ни запомнить, ни произнести, читали так: «Поздравляю вас с женским «пэнским» днём Восьмое марта».

Теперь мы так и поздравляем друг друга в семье – с «женским пэнским» днём.

Также нередко мы «читали» книги. В доме педагогов детских книг было очень много. Из любимых: народные сказки, «Конёк-горбунок» Петра Ершова, стихи Корнея Чуковского, Самуила Маршака, Агнии Барто, Сергея Михалкова – в общем, вся советская детская классика. Кроме того, папа много покупал для нас сказок народов мира. Будучи сам библиофилом и книголюбом, он приохотил нас к чтению.

Тогда мы вполне обходились без гугла, потому что гуглом нам служил папа. Раньше про таких, как папа, говорили: ходячая энциклопедия. А сейчас как сказать? Ходячий гугл? Ну, при мобильных устройствах и это уже не образно. А можно так: «Не мозг, а гугл». Или просто: «Ну ты гугл!».

Ну вот, мы обращалась к нему за разъяснением непонятных слов, с бесчисленными вопросами про то и это. Не помню, чтобы папа чего-нибудь не знал. Потом он сам не стал нам разъяснять, а отправлял к словарям и энциклопедиям, которые внушительными рядами стояли в высоком шкафу. Нам в словарях рыться не хотелось. Но папа твёрдо решил приучить нас самих добывать информацию. Только мы к нему с вопросом – он молча, с улыбкой на шкаф с энциклопедиями кивает: дескать, ищите сами.

– Ну, пап... – начинаем канючить.

А папа опять кивает. Приучил всё-таки.

Мы любили с сестрой смотреть картинки в Большой советской энциклопедии и книгах по искусству. Их у отца тоже было много. Кажется, мы как-то комментировали друг другу картинки. Точно помню игру – каждая стремилась быстрее закрыть ладошкой понравившуюся картинку и выкрикнуть: «Это моё!». Так мы обозначали свои предпочтения. Часто в пылу делёжки под ладошку попадались какие-нибудь странные или безобразные, с нашей точки зрения, вещи, типа «Похищение дочерей Левкиппа» или «Сатурн, пожирающий своих детей». Это нас очень веселило. Наше детское целомудрие не позволяло подробно рассматривать картинки с «обнажённой», которой в классических живописных произведениях было более чем достаточно. И если кто-то из нас двоих дольше положенного задерживался на таких картинках, другая говорила:

– Листай быстрее, как тебе не стыдно, бесовская!

Приучив нас читать, папа потом боролся с этой страстью. Мы готовы были читать всегда, за едой, ночью, нарушая строго установленный режим. В одиннадцать вечера все должны были ложиться спать. Мы придумывали разные способы, чтобы обойти этот запрет. Наташа, например, ночами читала с фонариком, под одеялом. Уже в Красном Яре у нас была двухуровневая квартира. Когда папа засыпал в соседней спальне, я потихоньку спускалась со второго этажа и читала внизу на кухне. Если сверху начиналось движение – выключала свет и пережидала. Однажды папа забрал у меня и спрятал книжку за то, что я читала во время обеда или ужина за столом. Такую книжку! «Консуэло» Жорж Санд. И как раз в самый разгар романтических страстей.

Папа нас не лупил никогда. Я запомнила лишь одну оплеуху, полученную от него. По моим нынешним представлениям, я её заслужила. Папа наказывал тем, что ставил в угол, это в сугубо раннем детстве. Его главным педагогическим средством была воспитательная беседа, хотя и не только. Отец обладал таким авторитетом, что его слов было достаточно для нашего вразумления. Мы боялись нарушить его требования. Он творчески подходил к наказаниям. Например, чтобы отбить у нас привычку болтаться поздно вечером на улице, он завёл такое правило: в десять вечера мы с сестрой должны были быть дома. Случалось, заиграешься где-нибудь, заболтаешься с подружками и вдруг с ужасом узнаешь, что роковая черта пройдена. Стрелки двинулись к одиннадцати. Начинались бешеные гонки домой. В голове одна мысль: только бы не закрыл дверь, только бы не закрыл дверь! И вот холодная от страха подбегаешь к двери, осторожно тянешь её на себя – ужас! – она закрыта. Если бы не было страшно остаться на ночь на улице, то мы бы остались. Даже не знаю, что страшнее было: встреча с папой после десяти или бездомная ночь на улице. Вот стоишь перед закрытой дверью с двумя большими страхами. Тихо, как мышка, стучишь в дверь. На стук после десяти дверь всегда открывал папа. Звук его шагов был вызовом на страшный суд. Если папа нас не лупил, чего же мы так боялись? Папиного гнева, его недовольства нами. И потом, могут же педагогические принципы дать осечку. У мамы педагогические принципы осечку давали.

В небогатые и непритязательные советские времена обходились скромным минимумом ве-

щей. Домашняя мебель была куплена на заре нашего детства и с тех пор не менялась. Её я помню назубок. Две панцирных широких кровати, громоздкий платяной шкаф, овальный стол с трельяжем и несколько скрипучих венских стульев в спальне. Всё детство мы с сестрой спали вместе на одной кровати, потом появилась детская кроватка для Володи, два шкафа с книгами, круглый раздвижной стол, лёгкая этажерка тоже для книг и шесть лакированных стульев с обитыми голубым коленкором сиденьями – в зале. Эти стулья поначалу выглядели даже изысканно. Раз в месяц мы отчищали порошком их голубые сиденья и протирали лаковые закруглённые спинки. Потом лак облез, коленкор повредился. Но и венские стулья, и голубой коленкор дожили до маминого переезда в Томск в тысяча девятьсот девяносто втором году. И потом, когда мамину квартиру продали, мебель раздали желающим, Наташа сильно жалела по поводу венских стульев.

– Что же мы не догадались?! – спохватилась она позже. – Надо было их отреставрировать, покрыть лаком и оставить как память о нашем доме, они бы и сейчас очень хорошо смотрелись.

Они смотрелись бы хорошо... И теперь, при воспоминании об этих отданных случайным людям наших старых венских стульях мне становится до слёз грустно.

На кухне стояли немудрёные стол, табуретки, сработанные сельскими плотниками. Потом появился буфет с зеркальными стёклами в верхнем шкафчике. Нам он казался верхом роскоши. А позже в доме появились телевизор на ножках и холодильник.

Были и совсем экзотические вещи – аквариум с рыбками, который завёл папа. Для нашего маленького посёлка это было в диковинку. Приходили совсем незнакомые люди, в основном дети, посмотреть на маленьких рыбок – родители всех пускали. Эпизод из фильма «Собачье сердце», когда бабулька пришла в дом профессора Преображенского посмотреть на «говорящую собачку», живо напомнил мне наш аквариум.

Из вещей родительского дома у нас остались лишь папины книги и мамины одеяла и подушки.

Быт в Раздольном был довольно тяжёлым: в доме отсутствовали вода, канализация, центральное отопление. Но у нас с сестрой осталось светлое, лёгкое, комфортное ощущение от этого дома.

Вечером, лёжа в постели, мы рассматривали узоры трещинок на известковых стенах и потолке, отыскивая среди них знакомые фигуры: птиц, людей и деревьев. К утру дом охлаждался. Проснувшись, мы ждали, когда мама растопит печь. Заслышав её ровный гул, хватали в охапку одежду и бежали босиком по холодному полу к печи. Печь уже щедро отбрасывала густые красные блики, исходила жаром и приветливо гудела, пощёлкивая поленьями. Греясь то одним, то другим боком возле неё, мы неторопливо одевались, поджидая, когда тепло разольётся по всему дому. Летом в солнечные дни я любила сразу после пробуждения выбегать в палисадник к восточной стене, которая уже ярко освещалась и прогревалась солнцем. Сидя на корточках и греясь в его лучах, начинала палочкой рисовать на земле каракули, копать ямки или канальчики, выковыривать из земли маленькие красивые камешки.

Большая часть тягот лежала на маме: она и топила печь, и варила, и ухаживала за домашними животными и за огородом. Не сразу я оценила всю ту огромную работу, которую мама делала ради семьи.

Хотя нас обеих рано приобщили к домашним заботам, Наталья проявляла к ним большее усердие и охоту. Нашим делом были уборка в доме, мытьё посуды, помощь на огороде. Кухню мама нам не доверяла, готовила всегда сама. Иногда с небольшими ведёрками мы ходили за водой на водокачку. Сестра пыталась научиться доить корову. Если говорить о домашних животных, которых мы помнили и любили, – это наша Жданка. Она была ярко-рыжей, по-коровьи изящной, с большими, я бы даже сказала, умными глазами. Когда мы уезжали из Раздольного, её пришлось зарезать. Думали, что она нестельная, а у неё оказался телёночек. Мы видели отрезанную голову Жданки с открытыми, полными ужаса, вывороченными глазами. Сестра очень плакала о Жданке.

Когда-нибудь в своих иномирных странствиях Наташа попадёт в тенистую берёзовую рощу, окружённую зелёными лугами.

Шелестят ветви берёз, их листочки-сердечки трепещут и подрагивают на лёгком ветру. Если лечь на траву и закрыть глаза, то кажется, что где-то неподалёку шумит океан. В его шум вплетается звон мушек, гудение шмелей, шуршание травинки. Плывёт нежный сладкий запах цветущих лугов. Вдруг кто-то влажно касается Ната-

шиной щеки. Она открывает глаза. Грустные большие глаза уставились на неё.

– Жданка! Жданочка? Это ты?! – Наташа сразу узнаёт свою любимицу.

Она обнимает Жданку за шею. Корова поворачивает голову назад, и к ней на тоненьких ножках-спичинках бежит телёночек, такой же рыжий, как и Жданка. Он тыкается бархатной мордочкой в Наташины ладони, нетерпеливо топотит своими чёрными агатовыми копытцами, треплет подол платья...

Уже к склону лет я осознала, что Наташа была уникальным ребёнком, уникальным по своей одарённости. О написанных ею в детстве «произведениях» я подробно писала в изданной ранее семейной хронике «Так было»*. Там же я рассказала о том, какие необыкновенные куклы и кукольные семейства придумывала и мастерила сестра.

Я перебираю детей и взрослых и отмечаю, что не знаю в своём ближнем и дальнем окружении того, кто бы в детстве писал, иллюстрировал и «издавал» книги, как Наташа. За исключением, может быть, сестёр Бронте. Но это уж совсем «дальнее». Тогда я это всё очень любила и восхищалась, но оценить уникальность Наташиного дара, конечно, не могла. Не знаю тех, кто бы так плодотворно придумывал новые игры, мастерил кукол из самых невероятных предметов – бутылок, щепок, початков кукурузы, камней. Тогда это было обыденностью детских игр с их спонтанным и бесконечным творчеством.

Вот цитата из Наташиного произведения «Шумный двор, или Барак».

Замечу сразу, что слово «барак» в нашем детстве не несло никакого негативного смысла, как сейчас: временная, полупригодная для проживания, убогая постройка, которая к тому же использовалась в концлагерях. Да, это была вытянутая в длину одноэтажная постройка, в которой проживало несколько семей. В бараках целинного посёлка, каковым являлось Раздольное, жили хорошие семьи, они содержали себя в чистоте. В здании барачного типа находился клуб, где показывали кино и проходили праздники. Это был тип постройки, и только. Итак, начало «Шумного двора...»:

«Утро. Солнце поднимается, петух кукарекает. Улица просыпается, и в бараке, о котором идёт речь, тоже просыпаются люди. В кухнях во всех уже горит свет, мамы варят обед и

* Лаврина В. Л. Так было. Томск: Д-Принт, 2008.

завтрак. В детских и спальнях завешены окна и темно. Дверь барака закрыта. Видно, что ещё никто из барака не выходил».

Неплохо для одиннадцатилетней девочки.

Произведение открывается анкетой:

«Анкета

Издательство: домашнее

Художник: Попова Наташа (ил.)

Режиссёр: Попова Наташа

Название произведения:

Шумный двор (барак)

Издание: 1-е

Начато: 30/Х – 65

Кончено –

Роспись: (Наташина роспись)».

Наташа как-то сказала мне: «Хорошо, что я не стала писательницей, а то писала бы всякую ерунду». Она имела в виду свою сентиментальность, думая, видимо, что произведения её были бы безвкусно чувствительными. Наташу ничего не стоило растрогать, чуть расчувствуется, и уже слёзы в глазах стоят. Во мне её слова произвели странную реакцию, я не была согласна с ней в том, что это «хорошо», ведь её дар такой неизгладимый след оставил в моей душе. Он удивлял и других, соприкоснувшихся с Наташиным творчеством. Скорее всего, тогда, в детстве, как уже говорила, под впечатлением её произведений завязался невидимый узелок моей писательской судьбы, хотя «писательский зуд» проявился много позже. Если бы она дерзнула стать писательницей!

Мне вспоминаются зимние вечера нашего детства, когда мы пребывали в надёжных ладнях семьи, в колыбели родительской любви, когда ничего не было известно о будущих радостях и скорбях, о тяжёлом разводе родителей, болезнях.

Жарко топится печь, на ней покойно шипит старый эмалированный зелёный чайник. Горит керосиновая лампа, отбрасывающая на стены причудливые тени. Мама, накинув на плечи пуховую шаль, сидит за столом и проверяет тетрадки. Вот-вот стукнет дверная щеколда – вернётся с работы папа. А мы втроём устроились на полу, на расстеленных шубах. Наташа рисует картинку к своей повести «Дарья». Я засыпаю её вопросами о том, что случится с Дарьей на следующей странице, на следующий день. Володя ползает между нами, норовя поближе подобраться к Наташиной повести. Он уже знает, с

каким весёлым треском и как легко рвётся клетчатая бумага. Метель сыплет в окна пригоршни снега, зябко трепещут в палисаднике молодые тополя. В стайке Жданка жуёт душистое сено, дремлют на насестах куры. На краю посёлка под ледяным зеркалом спит замёрзшая река. А дальше простираются укутанные снегом степи с редкими перелесками. А дальше, дальше... начинается незнакомый мир, в который нужно будет вступить, когда закончится детство.

ПЕРЕЕЗД ИЗ ДЕТСТВА

В отроческие лета Наташа начала писать дневник, в четырнадцать лет. Событием, которое положило этому начало, стал переезд из любимого Раздольного, разлука с подругами, школой. Переезд из Раздольного в Красный Яр явился, по сути, «переездом из детства». В этом дневнике наличествуют все подростковые «страсти»: ревностные отношения с подругами, первые безответные влюблённости, конфликты с родителями, попытки самоанализа и самооценки. И в нём уже есть то, что станет её «фирменным» дневниковым стилем: видение и осуждение своих недостатков и планы по их преодолению, работа над собой.

13

Наташа, какой мы её знаем, – добрая, открытая, внимательная к людям, горячо отзывчивая на помощь и поддержку – не родилась такой. Думаю, она такой себя сделала. В её первом дневнике она не размышляет о своём отношении к людям. Скорее, её интересует то, как к ней относятся близкие. И лишь в конце, недовольная собой, своей учёбой начнёт себя ругать и строить планы по преодолению «грехов».

Первый дневник сестры – общая тетрадь в сорок восемь листов в клеточку; на обложке шариковой ручкой Наташа нарисовала водяную лилию. На обратной стороне обложки стоит дата – 19 августа 1969 года (дневнику около полусотни лет – уже раритет). Эту и ещё две тетрадки ранних дневников Наташи за 1976–1977, 1980–1984 годы обнаружили уже спустя семь лет после её ухода из жизни среди книг и старых историй болезни. Наташа вела дневник до две тысячи седьмого года – тридцать восемь лет с небольшими перерывами. За последние два года записей нет, хотя осталось шесть чистых листочков. Некоторые студенческие дневники она потеряла, о чём с сожалением сама написала.

Итак, первая запись начинается с горестного для сестры известия.

«Роковой день – 21 августа 1969 г.

В этот день я узнала, только сейчас, что мы уезжаем из Раздольного. Вот мама сказала: «Разве не одинаково? И там класс, и там подруги».

Нет, нет! Никогда! Милый Раздольный! Милый! Милый! Милый!»

Уже приходили смотреть наш дом, уже Наташа думает о незнакомой девочке, которая будет жить в нашей комнате вместо неё, о том, что после переезда она больше не сможет зайти сюда: «О, как хорошо сейчас, в августе в нашем огороде! Этот наш дом, этот наш огород надо запомнить на всю жизнь. Уехали 10 сентября. Пустые комнаты, <отрезанная> голова Жданки. Локон Ларисы. Последний день в школе. Ревела как корова. Я сбегала со ступенек родной школы с полными слёз глазами, ничего не разбирая, перемахнула через заборчик и побежала, задыхаясь от плача и бега». Собираясь, Наташа складывает в чемодан дорогие вещи: локон подруги, Таниного козлика на трёх ногах, книжку «МК» (Коли Мазура?).

Ещё не уехав из Раздольного, мечтает о приезде туда в гости: купит конфет, какой-нибудь подарок. Она придумала уже, в каком наряде поедет в Раздольный.

Сквозная тема этого отроческого дневника – отношения с подругами, тема дружбы. Наташа пишет не только о переменчивых отношениях со своей любимой подругой Ларисой Тиссен, но и о моей дружбе с Луизой Алексеевой, Леной Якубовой. Наташа с обидой замечает: «И вообще Луиза гораздо нежнее к Лене, чем к Вере»:

«Луиза. Почему мы, две сестры, такие несчастные в дружбе с девочками? Почему? Надо подумать». Наташа нашла ответ на этот вопрос. В строках, обращённых к Ларисе, она пишет: «Я доверяю тебе душу, но не всю, а до моих интимных дел тебе не должно быть дела. Я не люблю интимных дел и никогда никому о них не говорю. Может, поэтому у меня нет сердечных подруг, а только – душевная. Потому что подруги любят сердечные тайны. Они такие интересные! Они такие увлекательные. Просто целый роман».

Сестра часто пылливо всматривается в своих подруг-одногодок, двоюродных сестёр, стараясь «разгадать человеческие души». Несколько страниц дневника она посвятила своей любимой двоюродной сестре Гале Поповой. Восхищается её женственностью, даже называет «святой», ревнует к подруге Любе. «Обе они очень привлекательные, умные, а я со своим постным лицом

и монашескими выходками отпугиваю...» Наташа представляет, как она пойдёт на Малую сопку в Аиртаве и выбьет на камне слова: «Галя и Наташа, 1 мая 1970 г.».

В свой день рождения сестра записывает: «27 августа (1969 г. – Прим. В. Л.) у меня был день рождения. Мне исполнилось 15 лет. Меня никто не поздравил. Я им напомнила через два дня».

Пятнадцать лет – возраст первых влюблённостей, в дневнике сестры им посвящены многие страницы.

Она пишет о симпатии к какому-то мальчику, но даже имя его остаётся неизвестным. Возможно, это одноклассник Коля Мазур. Он – красавчик, дон Жуан, «опытный», который уже целовался с девочками. «А я – дурнушка. Между нами ничего общего».

«Мне приснился сегодня он. Я не знаю где, как будто в нашем доме, но комнаты такие светлые, большие. Только я вспоминаю об этом сне, как в голове у меня кружится белый лёгкий туман, и я, напоённая этим туманом, лечу... лечу...»

Встречается ещё паренёк, по прозвищу Фитиль, из Раздольного, о котором с симпатией и воздыханиями пишет Наташа. Но так как она даже в своём дневнике не называет его имени, разобраться до конца с её сердечными привязанностями я не смогла.

В Красном Яре у неё появляются новые симпатии. И совсем неожиданными для меня были признания, в которых Наташа любитесь мальчишеской фигурой, одеждой: «Почему мужская фигура такая стройная, статная? Шапка-ушанка, прямое зимнее пальто, брюки, ботинки – и так красиво, просто. Ах! Как бы я хотела родиться мальчишкой!».

Подружки «дружат», «ходят» с парнями. Наташа грустит: «Одна я ещё ни с кем не дружила, не ходила, не целовалась. Мне ещё ни один мальчишка не говорил, что я нравлюсь ему, что он хочет со мной дружить. Наверное, нужно какое-то специальное женское обаяние, которого у меня нет. Зуева Таня говорит, что я неприступна. Как бы я хотела узнать, правда это или нет? Ну вот, от сердца у меня отлегло, настроение проясняется».

Влюбившись в мальчишку в Красном Яре и увидев его с другой, она с яростью пишет: «Опять безответная любовь? Хватит с меня безответной любви! Я хочу ответной! А где она? Хоть бы за-

худалый какой-нибудь выискался. Так нет же... Наверное, так приятно быть любимой. Знать, что о тебе сейчас думают, что тебя ждут каждую минуту. Ну почему я такая несчастная? Неудачница? Сильно гордая, неприступная, сильно скромничаю? Нет, не то. А что? Что!!!?»

Честно говоря, я забыла о каких-то острых, конфликтных отношениях с сестрой в детстве и отрочестве. Мне они казались безоблачными. Но оказывается, мы с ней ругались и даже дрались!

Я встретила в дневнике интересный фрагмент: это наша переписка с ней. Наташа была ранимым подростком и серьёзно относилась ко всякого рода глупым и задиристым высказываниям, которые в запале могли исходить в том числе и от меня, преувеличивала их, принимая близко к сердцу.

15 марта 1970 года: «Сейчас Верка меня ужасно обидела. «Не старайся быть умной, когда ты дура». Сколько раз она мне говорит об этом. Ну нужно хотя бы для такта соблюдать приличия. Она жестока, считает себя выше всех, я слышала, как она разговаривает с подругами. Считает меня круглой душой, а себя очень умной и со множеством других достоинств, которых нет ни у меня, ни у кого другого. Она всегда такая, никогда её не вызовешь на откровенный разговор, не узнаешь её душу, и это она считает тоже достоинством. Для чего она живёт, для кого, если она думает только о себе и занята только собой? А зачем тогда жить?»

Наташа решает дать мне прочесть эти её записи: «Пусть знает, что я о ней думаю. Хотя, может быть, это её внешняя оболочка, которой она прикрывается, а внутри идёт жизнь умственная, бурная, как у меня. Но, наверное, наши мысли совсем противоположные. Неужели правда, правда, она считает меня коровой? О чём речь? Нет сомнений».

Наташа даёт мне прочесть её дневник и эти строки, касающиеся меня. И вот я в её дневнике неуклюжим стилем записываю ответ, покаянный, но при этом с попытками ответной атаки: «Наташа, это нетактично, так отзываться о человеке, притом которого ты хорошо знаешь. Мы живём вместе 13 лет и не можем понять, узнать друг друга. Ты правильно сказала, я эгоистка, но ты не знаешь о том, что я заставляю себя от одного поступка к другому вырабатывать в себе хорошие чувства. Ты ошиблась, когда сказала, что считаю тебя душой».

Всё, что я писала, это так.

P. S. Мне очень трудно бороться с собой и мне ещё в редких случаях удаётся побеждать себя. И иногда это тоже моя слабость. Когда ты вот что-нибудь делаешь, после непринуждённо отмахиваешься словами, я не могу тебе ничего сказать и говорю что-нибудь обидное из-за злобы».

Сестра мне отвечает уже мягче: «Разве, Вера, тебя узнаешь, с твоим-то характером! Такая замкнутая, задумчивая. И ты ведь знаешь, что я всё принимаю всерьёз. А то, что ты написала насчёт дуры – это правда, тебя кольнули мои упрёки о такте или ты просто пожалела меня? А я ведь так не люблю жалостей. А из этого всего выходит, что я, наоборот, хотела сейчас, чтобы меня пожалели. Зачем я тогда дала тебе дневник прочесть?»

Наташа считала, что ей не повезло с наследственностью: «Во мне слились все отрицательные черты родителей, а в Вере – все положительные, хорошие. Надо что-то делать». Вообще-то она неправа: ей достались мамины кудри, а мне – ни одной кудринки. И потом, анализируя мой характер и поступки, она сама вскрыла мои отрицательные черты.

Конечно, и после, в студенчестве, наши отношения, как любые родственные, не были безоблачными. В студенческом дневнике сестра пишет: «Зашла к Вере в научку. Тогда мне показалось, что мы вовсе не сёстры, а двое чужих людей. Как-то не то... не то... Я была подавлена экзаменом, рабочей ночью, не удовлетворена результатом сессии. Она была довольна всем. Она сдавала сессию на отлично. Верка очень умна. Глубоко не уважает меня. Она видит, знает и чувствует, что я глупа. А она, как и отец, уважает только ум. Расстались мы с ней холодновато. Как, интересно, у нас сложатся отношения, когда мы будем взрослыми?» (1976 год).

Жаль, что Наташа не чувствовала того, что я всегда ценила её доброту и сердечность. Наверное, я сама в этом виновата. Тогда Наташа с друзьями самозабвенно ездил по пещерам, выезжала на скалы. Я же больше сосредотачивалась на учёбе и не понимала, зачем по три раза в месяц мотаться в карстовые полости. Ощущение жгучей романтики и туристического братства созрело чуть позже.

А вот ещё одна запись в студенческом дневнике сестры, от 8 апреля 1977 года, которая свидетельствует о том, что в годы учёбы в Томске и

мимолётные отчуждения, и другие нестроения не прерывали нашей сестринской связи: «Первый раз поссорилась с Верой. Правда, ума хватило всё загладить. Совсем забыла её. Но могу оправдаться: было отвратительное настроение. Хочу Вере связать шапочку на весну, но когда? Конференция, а потом и носить её не надо будет – тепло. И надо купить ей зимние тёплые варежки. Но на что? 50 р. долга. Раньше бы бросила конференцию, но связала. Ещё бы заняла пятёрку на варежки и купила». Хоть Наташа и не связала мне шапку, зато подарила красивое платье и прекрасную павловопосадскую шаль.

Наташин первый студенческий дневник заканчивается странными словами: «Моя милая Веруська! Чувствую себя чем-то обязанной перед ней...» (1 мая 1977).

В подростковом дневнике Наташи содержится единственный в своём роде пассаж на политическую тему, в последующих записях сестра ни в малейшей степени не касалась её. Эти размышления четырнадцатилетней девочки не могут не вызвать улыбку, но они интересны тем, что отнюдь не отражают официальную точку зрения, которая вбивалась в головы советскими СМИ, в них, скорее, прорываются народные оценки и настроения и какие-то Наташины представления.

Итак: «Сейчас в мою (умную) голову пришли мысли о политике. Когда наша страна была могучей? В 10–11 веке, когда ходили на Царь-град. При Петре Первом она не успела стать могучей. Сейчас? Да. Но много недоделок и недомолвок. А нам пока кукиш показывают. И теперь сильные, крепкие наступают нам на пятки. А если мы от них отстанем, будут они нам помогать? Все не допускают мысли, что они перегонят нас. Посмотрим! Перегонят, а мы будем смотреть на их зады. И ведь в русскую мужицкую голову так туго заходит новое, передовое, всё за старенькое держимся. И на царей и правителей очень везёт или совсем нет. Ярослав Мудрый, Пётр Первый, Ленин. Но Ленина я не променяла бы на всех президентов, правителей, царей, лишь бы управлял, советовал. Зачем он так рано умер?! А на какого чёрта сидел Хрущёв? Дарил подарки, а мы голодали! Целыми вагонами, парходами увозил за океан. Лучше уж Брежнев (кажется, смыслённый мужик), но его надо понять. А я поняла кого-нибудь? Я думаю, всё не работало в полную мощность. А сколько бы мы сделали за эти годы, пока он разъезжал по всему миру то один, то с жёнкой.

Почему задержалось освоение космоса? Зачем Хрущёв деньги поменял, сделал реформу? Растратился! А что сказал бы Брежнев, прочитав всю эту чушь? Наверное, заругался бы ещё похлеще, чем я здесь, несмотря на своё воспитание. Во мне сегодня всё кипит злобой». Это запись от 22 сентября 1969 года.

Воспоминания о Раздольном, тоска по подруге пронизывает весь её отроческий дневник. Она рвётся туда всей душой.

На Новый год, тридцать первого декабря шестьдесят девятого года Наташа уезжает в Раздольный – долгожданная поездка. Там она проведёт четыре счастливых и волнующих дня. Восемь страниц дневника посвящены описаниям этой поездки. Хождение по гостям, разговоры с любимой подругой все ночи напролёт, случайные встречи с мальчишками, которые нравились, но не обращали на Наташу внимания, походы в кино, первый бокал вина, первые взрослые танцы в клубе, первая пощёчина наглому мальчишке – всё это вместят четыре незабываемых дня.

В следующий раз ей удастся съездить в Раздольный через три месяца.

«Была в Раздольном. Только сейчас избавилась от такого настроения, что каждую минуту навёртываются слёзы». И Наташа опять подробно описывает своё пребывание там. Самое трогательное в её описаниях – это взаимоотношения с подругой: «Наши с Ларисой ночи. Это самое моё дорогое воспоминание о Раздольном, о Ларисе. Стихи... обо мне. Да такие нежные, тёплые, дружеские, милые и красивые. Вот уже не думала, что когда-нибудь кто-нибудь будет писать обо мне и мне стихи... А ведь это делает мой самый лучший друг – Ларочка... Как это прекрасно, хорошо, что о тебе думает друг, который раньше не очень-то дорожил мной. Но как Лариса всё это переживает! У неё, прямо можно сказать, душа поэта. Неуравновешенная, нежная, скромная. Но чем же я буду оплачивать за её добро? Я думаю, тем, что у меня сейчас в избытке: любовь. Любить, любить. И чтоб любить и дружить всю жизнь, не запачкав, не уронив, не потеряв. А ведь тогда, ночью, я побоялась дать эту клятву. Вдруг я её не выполню? Что она подумала, милая? Но я права, не надо давать эту клятву».

Переписка с Ларисой будет продолжаться много лет. Я не знаю, где сейчас Ларочка Тиссен. Скорее всего, в Германии.

Несмотря на столь горестное переживание переезда из Раздольного, сестра быстро привы-

кает к новой школе и одноклассникам. О первом дне в красноярской школе она пишет: «Я почему-то совсем не боялась, когда в первый раз шла в школу «новенькой», вышло как-то просто. Много нарисовала...».

Но Новый, тысяча девятьсот семидесятый год на школьном вечере она встретила невесело. «29 декабря 1969 года. Сегодня целый день сидела и делала костюм «Химии». Сделала... Пошла на вечер. Было так грустно! И, как всегда, устала. Переделалась дома и снова пришла. Мой новогодний наряд казался таким жалким по сравнению с другими. И так грустно мне было на вечере. Я здесь такая жалкая».

Наташу всё больше беспокоит учёба. Январь 1969 года: «Учусь я всё хуже и хуже. Одну тройку исправлю, вторую получу. Уже не думаю, как бы пятёрок больше, а как бы от троек избавиться. А ещё мечтаю в институт поступать. Что обо мне думают все?».

7 января 1970 года: «Сейчас был разговор. Говорила вся наша семья. Я сказала, что мне скучно. Если бы я была откровенна, мне кажется, была бы буря. Мне кажется, что со мною все что-то не договаривают. Особенно острые отношения с мамой. Она на меня злая. Платит тем же, что и я ей. Папа считает, что я бессильная зазнайка, считаю себя умной. Здесь больше половины правда. Да, я сейчас бессильная, пассивная. Но никогда, никогда я не считала себя умной. Я дура, дура, дура. А ведь я и правда зазнайка. Чем-то веет от меня напыщенным. Теперь второе. Почему я злая? Наверное, потому, что у меня ничего не удаётся. Меня ни во что не ставят. Моя пассивность объясняется очень просто: мне лень. Давно, давно пора кончать с этим. Учиться надо хорошо и добросовестно. Убирать-ся тоже. У нас такая грязь стала!»

Оттого у меня серенькая жизнь!

Итог. Обязательно составить расписание дня, режим».

В третьей четверти девятого класса Наташа совсем съехала по учёбе, она пишет в отчаянии: «Уроки! Уроки! Уроки! Что со мной! Ведь совсем не стала учиться. Боже! Мне страшно! Что будет?! О, мама! И даже не тянет! Ой, ой, ой!»

Гадкая, противная девчонка, безвольная нюня! Сейчас же, паразитка, кончай мазню и садись, садись учи, дура! Надо братья за себя».

И сестра принимает обязательства, оформляя их в виде таблицы.

«Обязательства, принимаемые на IV четверть 9 класса

По режиму дня – как всю первую четверть
Систематически учить, учить уроки
И каждый день, ровно в 11 часов, отчитываться за проведённый день в дневнике
Иметь отличный внешний вид
Быть вежливой
Во все дни, кроме субботы, убираться не позже 4 часов дня
Добросовестно учить уроки

(Про уроки – дважды, потому что это очень важно. – *Прим. В. Л.*)

Пусть две тройки в этой четверти, в четвертой – ни одной.

Смотри, Наташка, гадина этакая!

Гори, а не копоти белый свет».

Наташин дневник любопытен опытами первого критического самоанализа: «У меня в теле сидят две души. Одна Хорошая, другая Плохая. Но Плохая сильнее, намного сильнее. Она меня развинчивает всю, никогда не вскрывает недостатки и только хвалит, возвышает над другими: ты лучше всех, ты умнее всех. Особенно ей важно, что я умная. Хорошая душа слабенькая, но всё равно сильно тревожит Плохую. Хорошая в сознании бессилия иногда владеет не только мыслями, но и языком, в истерике орёт на Плохую: «Замолчи, дура! Замолчи!» Вот и сейчас Плохая лгиво шепчет: «Ну вот, видишь, ты всё же лучше других, сумела вскрыть свои недостатки». А Хорошая на неё: «Заткнись! Хорошие [души] и глубже вскрывают, и стараются исправить свои недостатки, а ты вскрыла кое-как и возносишь выше звёзд и луны». Я бессильна». Как интересно! Наташа приблизилась прямо-таки к святоотеческому пониманию жизни души в её мучительной диалектике между грехом и благочестием. Через несколько дней она приписывает к этому: «Прочитала кое-что, и стало тошно. Такая чушь! Даже Плохая [душа] согласилась. Наверное, брошу вести дневник, если он ничего не выражает».

27 февраля 1970 года: «Дальше так жить невозможно».

Но в итоге Наташа примиряется с дневником, дружески прощаясь с ним. На последней страничке запись: «Всё... Кончила мой самый первый настоящий дневник, в котором чуть-чуть есть моих мыслей. Сегодня 1 апреля 1970 г.».

Мы планировали эту поездку давно, с две тысячи пятого. Списывались и созванивались с двоюродными сёстрами и братьями по всей стране и даже с теми, кто жил в Германии. План был такой: приехать в Кокчетав, встретиться, побыть на могиле отца. Мы и задумывали эту поездку как мемориальную. Восьмое июля две тысячи девятого года – годовщина смерти отца, двадцать пять лет, как он ушёл из жизни. Потом всем вместе поехать в Аиртав, там лежат все наши бабушки, дедушки. Потом день-два пожить всем вместе на озере Аиртав, в чудесных сосновых борах. Такой слёт сестёр и братьев. Маршрут следования Томск – Кокчетав выбрали по интернету. Там предлагалось ехать через Новосибирск, Павлодар, Ерментау. Расстояние по трассе – тысяча двести восемьдесят километров.

Пятого июля к дому Ситожевских на улице Лесной в шесть утра подъехал Володя.

Наташа после душа не успела досушить волосы.

– Когда поедем, высунешься из машины и досушишь, – пошутила я.

Свой халатик она второпях бросила на кровать. Когда мы вернулись, всего лишь через четыре дня, а по сути, из другой жизни, он так и лежал в их спальне на кровати. Лёша долго не решался его трогать. Долгое время он не мог спать в спальне на их общей кровати.

Выехали из Томска пятого июля рано утром на Володином РАФе. Нас было четверо: Наташа с мужем Алексеем, я и брат Володя. Мы планировали добраться до Кокчетава за сутки, без ночёвки.

Последний месяц предвкушали эту поездку. Встречи с родственниками – их у нас там очень много, с подругой. Взяли с собой палатки, спальные, котелки.

Серо-голубые бриджи, спортивная клетчатая сорочка, новые коричневые сандалии – так была одета Наташа в этот день.

– На рынке на Дзержинке купила за шестьсот рублей, – хвасталась Наташа своими сандалиями.

– Хорошие, мне нравятся.

– Хочешь такие купить? Я покажу тебе где.

– Нет, Наташ, спасибо, я ещё не доносила свои. Ничего себе! Дочь покупает босоножки за четыре тысячи, а мать за шестьсот рублей! – возмутилась я. При мне Анечка договаривалась с отцом о покупке дорогих босоножек.

– Правильно, – улыбнулся Лёша, – так поступает настоящая жена, она должна быть экономной.

Он обнял Наташу за плечи. Лёша часто так делал.

Примерно в то же время из Каменска-Уральского с женой выехал наш двоюродный брат Сергей.

Стояла чудесная солнечная погода. Беспокойло только предстоящее прохождение таможи на российско-казахстанской границе. Когда мы ездил в Казахстан в две тысячи втором году, нас продержали на таможне более четырёх часов, вынудив всё-таки заплатить деньги за пересечение границы. В этот раз всё получилось удивительно легко. В багажнике лежало несколько упаковок книг «Так было». И когда таможенник строго спросил: «Что это такое?», я выскочила из машины, мобилизовав всё своё небогатое обаяние, стала рассказывать ему, что, мол, я писательница, эту книгу написала о своей малой родине, о Казахстане, где мы проживали ранее в Кокчетавской области. Мы едем на родину и везём родственникам эту долгожданную книгу, я с радостью подарю ему книгу и даже с автографом. Этот напор возымел действие. Таможенник быстро пропустил нас.

Мы вздохнули с облегчением.

Остановились пообедать в пригороде Павлодара. Когда направились к придорожному кафе, Наташа взяла Лёшу за руку, в последний раз.

В дорогу купили плитку шоколада. Она так и осталась лежать в кармане переднего кресла. Рядом, прицепленные за дужку, висели её очки.

К вечеру уже достигли казахстанских мелко-сопочных степей. Этот последний пейзаж, который видела Наташа, был знаком ей с детства: бескрайние степи с возвышающимися то там, то здесь невысокими сопками. Закат был фантастически красивым: высокое степное небо, загадочные огни под небом на дальних сопках. На горизонте синели облака, как будто там собиралась гроза. Вспыхивали зарницы. Открывающаяся с высоты панорама позволяла ощутить округлость земли, её космический масштаб. На западе разлились багровые полосы заката. И когда они разгорелись и когда стали гаснуть, что-то грозное появилось в окружающем пейзаже. В этот миг меня пронзила тоскливая мысль: «Стоит ли ради поездки так рисковать, ведь всё что угодно может случиться, не зря ли мы отправились сюда?» И тут же: «Да перестань! Миллионы людей туда-сю-

да ездят, мотаются на автомобилях, мотоциклах, велосипедах, пешком по всему свету, на лодках по океанам плавают. Ещё и детей за собой таскают. И ничего с ними не происходит. Всё будет благополучно, это важное путешествие в память об отце, а если цель благая, то нас защитят небесные силы, ничего страшного не произойдёт».

В эту ночь было полнолуние. Но прежде чем вошла луна, на степь опустилась непроглядная тьма.

«Я МАЛО ДУМАЛА О СЕБЕ»

После окончания школы в семьдесят первом году Наташа уехала поступать в Томский медицинский институт. Как уже говорилось, она приняла решение стать врачом ещё в детстве и шаг за шагом осуществляла свою мечту. Первый год она не поступила. Осталась в Томске, работала санитаркой в факультетских клиниках и изо всех сил готовилась к вступительным экзаменам. У меня сохранилось девять писем Наташи, из них одно Володе, одно маме. Два из них касаются как раз этого периода.

Без конверта и числа. Скорее всего, это осень семьдесят первого года. Я учусь в девятом классе.

«Здравствуй, Веруня.

Работала сегодня с 8 утра до 8 вечера. Завтра опять мне идти на смену, вставать в 7 часов и заводиться на целый день.

Пишешь, что почти уверена, что первый год не поступишь. Не надо сразу так себя настраивать. Если настроишь, что не поступишь, то и не поступишь. Точно такая же история произошла со мной. Другое дело, если ты не выберешь ещё себе специальность по душе. Но ты думай, думай. Лучше запоздать с решением, чем ошибиться на всю жизнь.

Очень рада, что ты хочешь строить коммунизм и быть в самой сердёвке жизни. У меня мысли попроще. Я буду лечить людей, по возможности буду возвращать радость, здоровье, избавлять от страданий. Я окажусь в гуще человеческих страстей. Ведь самые трудные люди – больные. Их надо и ободрить, и вылечить. Иногда сама уверенность в выздоровлении вылечивает, а неуверенность губит. А если разобраться, я тоже буду строить коммунизм. И если буду хорошим врачом, очень много сделаю для людей.

Моя профессия, будущая и настоящая, благодарная. Благодарность я получаю сразу же и в глаза. Но сколько для этого надо будет трудить-

ся, сколько потратить сил, энергии, сколько выдержки. А сколько будет неудач и ошибок, за которые надо будет жестоко расплачиваться...»

Кстати, сейчас у меня не вызывает иронии признание в желании строить коммунизм. В этом проявлялся своеобразно порыв к высокому служению, самому-самому главному. Хотя в комсомол мне особенно не хотелось, вернее, вовсе не хотелось. Вступила, потому что в институт надо было поступать.

В одном из писем, узнав, что я стала комсомолкой, Наташа написала: «Поздравляю тебя с более высокой степенью партийности: теперь ты комсомолка. Мне в таких случаях всегда казалось, что я стану после этого другим человеком. И начинала себя перевоспитывать».

Письмо от 22 января 1972 года, Наташа уже полгода в Томске: «...Спрашиваешь, что я тебе могу посоветовать в выборе профессии? Только одно: не торопись! Думай, думай. Все это, конечно, слова и только. А вот чем я могу помочь тебе существенно, не словом, а делом? Будешь учиться в десятом классе, а я буду учиться на первом курсе медицинского института. И ты приедешь ко мне на каникулы. Я покажу тебе медицинский институт и в белом халате, и в черном, сверху донизу, покажу и санитарскую работу. Не буду стараться всё залить розовой краской. Увидишь всё, даже анатомку (я, между прочим, была только в анатомическом музее). Подумай, времени у тебя ещё целый год. Если захочешь – милости прошу.

Вера, работают ли в школе Фахат Миниханович и Юрий... Вот склероз, забыла, как величать! Ну, ты меня поняла.

Новый год я встречала у дяди Лёни. Приехала я к ним часиков в 8 вечера 31-го. Дяди Лёни и тети Вали не было. Мы встречали Новый год втроём: Саня, Витя и я. Перед самым Новым годом, минут без 15 двенадцать, Витя самостоятельно изобрел и синтезировал коктейль. Мы налили его в бутылку из-под шампанского и пили. После, уже в 1972 году, пошли на каток. Но был сильный мороз, и мы вскоре вернулись обратно. Спать легли в четыре утра. Проснулись к обеду. Сварили обед, убрались, и тут приехали дядя Лёня и тётя Валя. На следующий день вечером я уехала обратно в Томск.

Веруся, напиши, нужно ли тебе трико. Если надо, здесь появилось, я куплю и вышлю тебе.

Что мама пишет насчёт какого-то чувства к Кольке? Что за чепуха!

Он мне даже не нравится. Как проходят школьные вечера? Интересно? Скучно? Дружат ли Валя Щепак с Сашей? Передавай мой тёплый привет бабушке Щепачке. Что нового дома? Чувствуется ли дома моё полугодичное отсутствие, или вы уже привыкли? Ты не на все мои вопросы отвечаешь. Как дела в школе у тебя, Володи и у Саши? Как здоровье отца, матери? Кого ты часто видишь из нашего класса?

Ну вот, вроде и всё.
До свидания!»

Голоса друзей. Виктор Коротченко

– Мои воспоминания о дорогом человеке относятся к годам юности. Мой отец всегда придавал дружбе особое значение. Его друзья были друзьями и всей семьи. Из тех, кто произвёл на меня неизгладимое впечатление и оказал огромное воспитательное значение, был Леонид Александрович Попов, его старинный казахстанский друг. Их юношеская дружба была настолько сильна, что не могла не сказаться на детях. Единожды приехав к нам в гости, Леонид Александрович затеял со мной, школьником, долгую переписку. Бывая в Казахстане у родни, отец никогда не забывал навестить семью Поповых.

Поэтому было совсем неудивительно, когда однажды у нас в доме появилась старшая дочка Поповых – Наталья. Она была чуть старше меня и приехала в Томск поступать в медицинский институт. Этот образ юной, слегка кудрявой жизнерадостной девушки так и остался в памяти, сколько бы лет с тех пор ни прошло.

Ещё вспоминается её потрясающее трудолюбие и стремление к чистоте. Приехала в Богашёво, вроде бы гостья, а она буквально отнимает у моей мамы тряпку и буквально драит квартиру. Я никогда не видел такого радостного отношения к рутинной работе.

Несмотря на то, что Наташа была сильно занята, получала маленькую зарплату санитарки, она умудрялась баловать нас посылочками: посылала подарки всем к праздникам, дням рождения, выполняла мои школьные заказы, если удавалось. И Наташины подарки доставляли необыкновенную радость, мне уж точно.

Письмо от 26 февраля 1972 года: «Здравствуй, милая Верусенька!

Хотела в посылке отослать тебе письмо, но так торопилась отправить посылку, что даже письмо не написала.

Как отцу рубашка? Не спрашиваю, понравилась ли, а размер как раз? Ему трудно угодить. Поморщил нос, наверное. Бутылочка коньяка не разбилась? Если и разбилась, то цело ли всё остальное (рубашка папе)? Как тебе трико? Думаю, штаны как раз, а вот рубашка мала. Так или не так? Как поделили эмблемы Саня с Вовкой? Кому «Романтик», а кому «Турист»? Как Вовке книга «На солнечной стороне улицы»? На мои вопросы, я прошу тебя, ответь. Спрашиваешь, давать или нет мои письма к тебе отцу или матери. На твоё усмотрение. Я же тебе пишу. Не давай только те письма, в которых я тебя буду спрашивать, пишет ли Колька: нет? Наверное, передумал.

Кроме вас, я переписываюсь с Ларисой, Люба Шабаева прислала письмо, Валя Рожнова, конечно, со Светой Фридман, вот и всё. Да мне и некогда вести обширную переписку.

Ну вот, ответила на все твои вопросы и, кажется, не о чем больше писать.

Да! Завтра идём с Любой Мозжероиной на концерт во Дворец спорта. Выступает дважды Краснознамённый имени Александрова ансамбль песни и пляски Советской Армии. Жаль, завтра воскресенье, а я работаю с 7 часов утра до 8 вечера в раздатке. Попросили... Вчера на курсах была контрольная полугодовая по русскому и контрольная по физике. Жду не дождусь результатов по химии, биологии, литературе, не говоря о физике и русском.

Признаться, я не хочу, чтобы мама приезжала летом. Её приезд только выбьет меня из колеи. Лучше уж пусть, если приезжает, то во второй половине августа или позже, но ни в коем случае во время подготовки к экзаменам. Знаю, она придет «поболеть». Вера, лучше это письмо ты родителям не давай. Мама не поймёт, обидится.

Да, на курсах учиться довольно легко. Но и здесь свои трудности. На курсы после работы приходишь уставший, не со свежей головой, а иногда даже клюёшь носом. Причём дома о тебе заботились и папа, и мама, а здесь только ты один. А для того, чтобы заботиться о себе, нужно время. В общежитии обязательно надо уделить время себе, порядку и чистоте в своем углу, иначе – никакого мало-мальского авторитета (а как жить без хотя бы мало-мальского авторитета?), и в конце дня еле ноги волочишь».

Наташа подробно писала о всех своих делах. Знала, что мы с напряжённым вниманием следим за её жизнью, что скучаем, переживаем за

неё, поэтому старалась рассказывать всё, что происходит, включая и бытовые мелочи, и денежные дела.

Письмо от 5 марта 1972 года маме: «Здравствуй, дорогая мамочка!

Вот, собрала вам посылку к 8 Марта. Мама, я прошу тебя и папу не высылать мне денег, пока я сама не попрошу. Мне хватает, я сыта, сама теперь работаю. Вот посчитай: с декабря месяца у меня деньги никуда не идут. В месяц я получаю 60 рублей. 3 рубля в коммуны, 3 рубля на транспорт, 3 рубля на разные стиральные порошки. И вы мне выслали уже 280 рублей. А я купила себе всего зимнее пальто и осеннее. Излишек денег таянет меня к мотовству.

Мама, обязательно напиши мне, как твоё и папино здоровье. Получила контрольную по биологии – четвёрка. В среду получим по химии. Сейчас мне ужасно некогда. Вчера ночью в клинике делали газету к 8 Марта. И сегодня в воскресенье до обеда.

Пошли в Дом обуви, и купила я себе войлочные сапоги за 11 рублей. Резиновых я не нашла. Скоро начнёт таять, а я в валенках. На твои же деньги я купила себе вчера шарф тёплый за 25 рублей. Значит, на следующую зиму я полностью одета. Сейчас соберу посылку и пойду на почту. Опять она не придёт к сроку. Только вчера получила посылку. Но лучше поздно, чем никогда. Вере я тогда посылала трико 40-го размера, а сегодня увидела 42-го. Ничего, два костюма ей не помешают.

Сегодня же у меня начнётся грандиозная стирка и надо идти на дежурство в штаб ДНД в 8 вечера. И помыться в душе надо. Если отложить стирку на завтра, то завтра – курсы – понедельник. И задачи по физике, свою контрольную надо решать.

Недавно ходила в кино «Корона Российской империи, или Снова неуловимые». Ничего, понравилось. Смотрела и думала: «Вовку сейчас бы сюда». На следующую кинокартину пойду 13 марта, на мультфильм «Ну, погоди!» – полное собрание. И думаю: «Эх, Вовку бы сейчас повести». Но, наверное, у вас там тоже скоро эти фильмы будут, и Володя посмотрит их без меня.

Ну вот, вроде и всё.

До свидания.

Всего хорошего!»

Мы с мамой и папой на весенних каникулах приезжали к Наташе. Я ночевала в огромной

комнате общежития для медработников, похожей на казарму. Жили там молодые санитарки, медсёстры. Ряды коек, чистота. Свет в углу не выключается даже ночью – девчонки по ночам приходят с дежурства и уходят. В комнате условий для занятий нет. Надо было действительно преодолевать весьма неудобные условия жизни, чтобы интенсивно готовиться. В тот наш приезд одна Наташина подружка сказала нам с уверенностью: «Наташа обязательно поступит. Она так готовится, как никто из нас».

А как она работала! Алексей Романович Коротченко вспоминает эпизод из того времени: «Однажды я заехал вечером за ней, чтобы отвезти домой. Гляжу – она моет лестницу. Но не шваброй, как все, а стоя на коленях руками трёт до блеска ступени, напевая вполголоса. Заметив и оценив её трудолюбие и стремление навести идеальную чистоту, профессора-хирурга стали поручать Наташе подготовку инструментов к операции».

В более поздних дневниковых записях Наташа так пишет об этом времени: «Вспоминаю год, когда я работала. Я мало думала о себе. Я целыми днями в клинике, я на подготовительных курсах, после курсов – в библиотеку. Я часто писала домой, послала две или три посылки, вовремя поздравляла. Я покупала себе только самое необходимое. А как ко мне относились больные и врачи! Это забываемо и, наверное, неповторимо! Тогда я твёрдо держала слово, и меня все уважали. Я ходила редко в кино. Мне было некогда. Я не вела дневник. Мне было некогда. Или вела? Во всяком случае, очень мало. Я тогда как бы была пронизана одной целью – мне надо было поступить во что бы то ни стало! И как-то это сочеталось с моим самоотверженным отношением к людям». Это запись от 19 февраля 1977 года. Сравнивая себя прежнюю с нынешней, Наташа приходит к выводу, что она за эти пять лет «здорово помельчала». Тогда она мгновенно откликнулась на просьбу о помощи, «из кожи лезла, чтобы помочь».

Наташины письма также свидетельствовали: она вся устремлена к одной цели – поступить, поступить. Порой сомневается в успехе, потом решительно отмечает сомнения. В последнем перед вступительными экзаменами письме пишет: «Уже сдала документы, попросилась во второй поток. Экзамены с 9 по 18, так что если вдруг и случится такое чудо, что я поступлю, домой всё равно не смогу приехать».

Числа 28–29 узнаю, какой у меня первый экзамен. Хочу физику. Трудный экзамен самый первый, энергии много надо, а уж потом остальные. Хожу на месячные подготовительные курсы. Я всё делаю так, что если я не поступлю, я могу себя обвинять только в умственной отсталости, да и в том, что, наверное, не судьба мне учиться в Томском медицинском». И потом на отдельном листочке, отмечая все сомнения, написала: «Это последнее письмо абитуриентки, следующее будет письмо студентки – провалиться мне и прогореть, если всё будет не по моему!»

И вот летом семьдесят второго года начались вступительные экзамены в мединститут. О результатах каждого экзамена Наташа телеграфировала. Помню, что Наташины пятёрки вызывали у нас не просто радость, а многодневную эйфорию. И вот, наконец, последняя телеграмма: «Я – студентка Томского мединститута!». Началось осуществление мечты.

Это время – год работы и поступление в мединститут – Наташа считала самым результативным, высоким и чистым, когда она всё поставила на цель и добилась её. «Какой я могла быть! Аж завидки берут», – напишет она позже про этот год.

«МОЙ ИСПОВЕДНИК»

О студенческих годах сестры, её устремлениях, буднях, праздниках, путешествиях и дружбах свидетельствуют её дневники, две тетрадки. Первый сохранившийся студенческий дневник начат сестрой 6 января 1976 года (четвёртый курс). Второй – 16 мая 1977 года (пятый и шестой курсы)*. Эти тетрадки в чёрном и коричневом переплётках и через тридцать с лишним лет источают резкий, характерный запах низкосортного дерматина.

Мне спокойно и радостно погружаться в её записи, в те молодые годы, когда у неё много лет впереди и ещё так далеко до трагедии. Я знаю, потом она выйдет замуж за своего любимого Лёшу, родит двух сыновей и дочь и, словно в раю, будет жить в прекрасной Тимирязевке, окружённой сосновым бором, со своими родными людьми, заниматься гинекологией, принимать младенцев, строить свою усадьбу. Хорошее слово «усадьба» – место у сада, ме-

сто, окружённое садом, в саду. А сад всегда отсылает воображение к райским кущам.

Вместе с дневниками Натальи я снова вернулась в нашу молодость, пережила совместные путешествия и приключения. Я не могла больше здесь с ней встретиться, а там, в том времени, мы болтали с ней под стук колёс, любовались закатами, бродили по пещерам. Наташины дневники и описания в них путешествий позволили и мне вновь совершить блаженное странствие в прошлое, пережить ощущение бесшабашной, радостной жизни... Я в своих дневниках не описывала путешествия, потому что живые впечатления были столь полными и яркими, что записи, как мне казалось, только портили бы и ухудшали их. Но со временем память многое не удержала, упустила. И Наташины записи позволили мне воскресить ушедшее, восстановить чудесные, волнующие моменты соприкосновения с прекрасным временем.

Зачётная лихорадка, подготовка к экзаменам, конференциям, цейтнот, панические настроения перед экзаменом, поездки, походы, путешествия, друзья и подруги, размолвки и примирения – всё это вылилось на страницы дневника.

Первый студенческий дневник, как упоминалось, начат 6 января 1976 года накануне сессии: долги по немецкому, защита по предмету «история болезни», денежные долги («Ну что мне с собой, растяпой, делать?!»), поездка в пещеру Торгашинскую и прохождение маршрута 4а – это на первых страницах дневника.

Второй дневник она начала писать на улице 16 мая 1977 года: «На площади Революции в ясный, тёплый и солнечный майский день я сижу с открытой тетрадкой – моим будущим дневником. Здравствуй, мой новый дневничок! Выпало тебе не совсем приятное занятие – быть дневником одной несобранной, ленивой и глупой девушки. Сегодня у меня неудачный день. Хоть и вывернулась на занятиях, но отвечала в общем хуже всех в группе. А когда пришёл Лепёхин, то он про меня вообще сказал, что я бруцеллёз не знаю. Хотела хоть что-то сдать по психиатрии – Татьяна Михайловна только посмеялась надо мной и сказала: «Идите, идите, Наталья Леонидовна, учите!».

У Наташи сложился своеобразный «весенний ритуал»: весной она с дневником садилась на скамеечку на Кировском проспекте или где-нибудь ещё и подводила очередные итоги, писала. «Первый раз, я помню, это было на втором

* Дневники за младшие курсы (второй и третий) Наташа потеряла, она сделала об этом запись 19 февраля 1977 года. Вела ли дневник между 1970-м и 1975-м, неизвестно.

курсе. Села на скамеечку. Все меня уважали тогда... Любила Аваза. Дырявые туфли, перештопанные чулки и мокрые ноги не портили моего настроения. А может, даже наоборот. Тогда, помню, был подъём жизненных сил, тонуса, настроения. В общем, мне и сейчас хорошо. Но тогда мне было 19 лет, а сейчас – 22. Тогда у меня было всё впереди – и годы учёбы, и надежды на большую любовь... И громадные спелеопланы. Мне 22, и я теперь уже, наверное, такая, какую и останусь на всю жизнь. А я не хочу быть такую всю жизнь. Я хочу быть намного лучше – честней, добрей, настойчивей, умней, красивей, чем я сейчас».

И вот тут-то мы подступаем к стержневой теме Наташиных дневников, их нерву. Дневник студенческой поры стал для сестры важнейшим инструментом борьбы за лучшее в себе, она его и называла исповедником: «Мне столько много хочется тебе сказать, мой милый дневничок! Хочется покаяться перед моим исповедником»(!). Самобичевание, самообличение, анализ своих недостатков, промахов, отрицательных черт характера – самая устойчивая линия её дневников.

Её гложет вечная неудовлетворённость собой: «Я чувствую себя гадким утёнком в своей группе», «Я совершенно не умею учиться!», «Какая я растяпа! Какая я медлительная! Какая я дура!». Эпитеты и определения, которыми она себя щедро награждает: бестолковая, беспамятная, глупая, несобранная, ленивая, растяпа, дура, мотовка. Ругает себя за постоянные огромные долги, за неумение тратить и экономить деньги, за неумение сосредотачиваться, неумение учиться. Упрекает себя в эгоизме. Это Наташа-то эгоистка?!

«У меня какой-то дурной стиль жизни. Я не могу жить равномерно, планомерно. У меня всё рывками. Я то работаю, как вол, то волюню непростительно». Особенно в дневнике семьдесят шестого – семьдесят седьмого годов Наташа чуть ли не на каждой странице яростно ругает себя за... за всё.

Неутоляемая жажда самосовершенствования, беспощадность по отношению к себе – они удивительны в Наташе.

«Жалкое положение, жалкий вид у меня. Бездарность и серость, растяпа, беспринципный и неинтересный человек. Не клянутся у него и личные дела. Обросла учебными и денежными долгами, больная и неуклюжая от природы, до-

нельзя медлительная – вот мой портрет». И далее Наташа со злой самоиронией пишет: «Переделать я себя уже не переделаю. Зачем такому человеку, как я, вести дневник? Пустая трата времени. Ничего интересного не записываю, только разбрызгиваю собственные слюны по листочкам дневника. Типа: ну, Наталья, давай жить! Хорошо жить. Началась весна!!! Ты же любишь весну!!! Как ты можешь так плохо жить весной!!!? Тьфу, противно!!!»

Вообще-то Наташа была прекрасной девушкой. Сессии сдавала за редчайшим исключением на четыре и пять, всегда работала, зарабатывая деньги для спелеопоездки, занималась в кружке по акушерству и гинекологии, чтобы попасть на эту специализацию; много ездила по пещерам, занималась спелеоклубом, фотографией, окружена была друзьями. С моей точки зрения, она очень плодотворно провела студенческие годы: объездила весь Советский Союз, приобрела пожизненных друзей, получила желанную специализацию. Но как же она себя самобичевала! «Мне, наверное, надо бросать институт, надо бежать из медицины, не оглядываясь!» – даже так писала.

Что же ещё, кроме неблестящей учёбы, долгов и прочего она ставит себе в вину? А вот: «Я стала эгоисткой. Стали увлекать тряпки. Много думаю о себе, обратят ли на меня внимание. Самой сейчас противно писать эти строки. (А ведь это такое естественное желание для любой девушки. Наташа костерит себя за то, что хочет себе купить новое платье или кофту, сшить сарафан. Порой примиряется. – *Прим. В. Л.*) Вообще-то быть опрятно одетой – не порок для врача (ну, если для врача...), это обязательно. И ещё замечаю за собой крайне отрицательное качество: если какая-то трудность – опускаю руки, отступаю. Самая главная причина, что у меня ничего не клеится, я думаю в одном: дура я». И далее по списку: разгильдяйство, серость и т. д.

«Мне хочется быть опрятной девушкой – но что я делаю для этого? Мне хочется быть интересным человеком – но что я делаю для этого? Мне хочется поднять спелео – но что я делаю для этого?»

Она подняла и держала для себя очень высокую планку, всегда находясь в эпицентре этой яростной до изнеможения борьбы с собой. Дневник был средством самоанализа и самоотчёта.

Такое непрерывное обличение себя, с моей точки зрения, носило характер покаяния, испо-

веди, а дневник являлся её исповедником, о чём она сама писала. Это дало столь благодатные результаты. Наташа, не будучи верующей, была постоянно в состоянии покаяния и смирения. Поразительно! В центре её духовной жизни была именно эта проблема: преодоление себя, своих «грехов». Кроме того, дневник стал её своеобразным «бумажным психоаналитиком», она часто обращалась к нему как раз в трудные, кризисные моменты, когда ей было грустно, тоскливо. «Поговорив» с ним, испытывала облегчение.

Тем не менее у неё шла борьба и с дневником, она много раз хочет его бросить, не видя в нём никакой пользы и ничего интересного, грозит сжечь: «Итак, собираемся в Кашкулак. Я тебя там сожгу, дневник, на костре. Ты так же не нужен и никчѐмен, как твоя хозяйка» И всё же дневник вѐлся дальше.

Временами Наташа примиряется с собой, устав от бесконечных попреков и ругани в свой адрес: «Ну ладно проклинать себя. Уж какая есть. Себя любить надо». А порой: «Хватит канючить, хватит плакаться и брызгать слюной. Мне 21 год. Я многое могу. Я совсем молодая. У меня всё впереди».

Обратной стороной этой неустанной борьбы с собой было построение обширных программ и планов по преодолению себя, составление списка обязательств. Планами на будущее и обязательствами исписывались целые страницы.

Учась в институте, Наташа осваивала не гинекологию, хирургию или анатомию. Она с самого начала осваивала профессию врача. Быть хорошим доктором – это как главнейшую цель она всегда ставила перед собой.

В одном из своих писем из села Подгорного, где они с Ниной Иванниковой проходили медицинскую практику, Наташа с живостью описывает свои первые врачебные опыты. Это письмо примечательно тем, что сестра формулирует в нём свои жизненные цели и приоритеты. Написано письмо 12 июля 1976 года, позади уже четыре курса мединститута. Дышащее энергией письмо настолько интересно, что приведу его целиком.

Наташа была увлекательной рассказчицей.
«Здравствуй, Верусенька!

Долго ждала от тебя письма, уже стала потихоньку поругиваться. Очень была рада, когда, наконец, вчера получила его. Многое ты угадала, как мы живѐм. Дни наши насыщены до предела, нет свободных минут. Расскажу всё по

порядку. 23 июня после проводов Аваза пришли домой часа в три ночи. Ещё накануне решили пойти купаться. Симка пришла со свадьбы и спала (Женька, её брат, женился). Мы её подняли. К нашему великому удивлению, она без писка поднялась, и мы пошли. Брезжил рассвет. Над Томью колыхалась лёгкая дымка. Небо было неопикуемой красоты. Мы страшно хотели искупаться голышом. Но ничего не вышло, даже в такое время на берегу было много народу. Вода очень тёплая, нежная, ласковая. Мы хлюпались часа полтора. Шли домой, уже было светло, встало солнце, щебетали птицы.

Поспали с Ниной два часа и пошли за билетами на «Ракету». Я была как варѐная курица, сонная, вялая. Поехала отвозить рюкзак, еду обратно – здорово опаздываю. Без двадцати час... без пятнадцати, а я на Южной («Ракета» в час дня). Десять минут ловила такси. Заревела от злости, от досады. Но всё-таки за пять минут до отхода «Ракеты» поймала такси. Шофѐр многозначительно посмотрел на меня: «Придѐтся нарушить правила движения». Мы ехали, как гангстеры, скрывающиеся от погони. Я отдала ему трояк. Вещи мои были у Нинки. Я металась по причалу. Наконец подбегаю:

- «Ракета»?
- «Ракета».
- До Колпашево?
- До Колпашево.

И я прыгнула на борт уже отходящей «Ракеты». Думала, что Нинка на борту. Сбегала в салон – нету! Выбегаю на корму, а Нинка в отчаянии машет мне гитарой с берега. Я чуть не выпрыгнула за борт! Еду без билета, без вещей, в штанах и стройотрядовской куртке. Познакомилась с тремя калымщиками. Инженеры, закончили ТИАСУР. Потом узнала: у одного такая тяжѐлая жизнь. Женат. Квартира – конура, натопись – +30 градусов, проветрить нельзя. Сын в полгода заболел рахитом. У этого инженера был как раз день рождения. Они угостили меня «Чѐрными глазами». Похоже на жуткий анекдот?

На следующий день я добралась до Подгорного. И как была, в чѐрных штанах, кедах, стройотрядовской куртке, двинулась к главному, потом к заместителю, потом в отделение. Договорились. Пошла искать Иванниковых. Перебралась через Чаю на пароме. Паром мне понравился. Потом шла километра три по лугам до Рямого. Какая красота! Шла и радовалась, что мы каждый день будем ходить здесь. Дома

у Иванниковых были гости: Нинин родной брат с женой и детьми. Дали они мне платье, босоножки, и я снова пошла в больницу на практику.

Мне там сразу всё понравилось: и больница, и больные, и врачи, и персонал. А после обеда я пошла встречать Нинку. Прождала её на автостанции часа четыре на солнцепёке. Она, наконец, приехала. Нинка на «Ракету» опоздала. А я винила себя. Думала, что она вышла из «Ракеты», дожидаясь меня, а я пролетела мимо неё.

И началась у нас бурная жизнь. Ко всему прочему мы устроились с Нинкой на работу медсёстрами. Зарабатываем деньги на экспедицию. Я не хотела столько смен, сколько поставили, а поставили 16 смен: 8 дней и 8 ночек. Работаем день, на следующий день – в ночь, два дня дома, плюс каждый день практика до 3–4, а иногда до 5–6 часов вечера. Нинка работает в терапии, я – в хирургии. Мне всё очень нравится, я просто влюблена в свою хирургию. Отделение такое чистое, уютное, удобное. Больные, мужики в основном, простые люди, весёлые, горластые. Женщины – простые и хорошие. Вообще, лучше людей я ещё не видела, вернее, столько хороших людей вместе.

Дел хватает, не посидишь. И почему-то хочется очень-очень делать всё хорошо. Работать и сестрой, и врачом интересно, стоит только подойти к делу с душой. Недавно дежурила в хирургии в день. Привезли женщину, думали аппендицит. В отделении вообще работают три хирурга. Сейчас один, все в отпуске. Бедного Анатолия Семёновича мне даже жалко – высох весь (мне бы хоть немного подсохнуть!). Стали собираться на операцию. Обычно Анатолий Семёнович аппендицит делает один с сестрой. Но женщина была тяжёлая, и стали искать ассистента. Я бы с великой радостью стала ассистировать, но я дежурная сестра по отделению – одна на всю хирургию: я и в процедурной, я и в перевязочной, я и на посту. У нас с Ниной смены полностью совпадают (за что я благодарю бога). В терапии было две сестры, и Нину взяли ассистенткой. Как я ей по-доброму завидовала! Разрезали – а там!.. Лопнула нагноившаяся киста яичника – перитонит. Операцию делали четыре часа.

Прошли мы практику по терапии. С сегодняшнего дня на акушерстве. Смотрели аборт. Анатолий Семёнович дал немного поскрестись в матке. Прости за подробности.

Говорят, для счастливой жизни нужно три вещи: внимательный муж, интересная работа и

здоровые дети. Одна треть счастья у меня уже есть. Знаешь, Верка, я просто счастлива, что учусь в медицинском, что я буду врачом. Только немного страшно. Слишком всё серьёзно и ответственно. И хочется быть непременно хорошим врачом. Иначе вообще не стоит быть им. Но для этого нужно старание, настойчивость. Это у меня есть немного. Но вот руки – крюки, да добавил бы бог умишка.

Самая первая и очень важная проблема – внимательный муж. Я остро почувствовала этим летом, что я уже взрослая – мне исполнится 22! С профессией у меня решено. Сейчас мне нравится абсолютно всё: и терапия, и хирургия, и акушерство. Я совсем не расстроюсь, если не пройду по конкурсу на акушерство и гинекологию. Но о замужестве я задумываюсь всё чаще и со всей серьёзностью. Раньше у меня даже следа не было в мыслях. Да! Дала себе слово, что не выйду замуж просто так, чтобы выйти.

Село Подгорное очень нравится. Чем-то напоминает мне Аиртав, мой край. Село большое и очень, очень зелёное. У нас на улицах растёт трава-мурава, ходят гуси и овцы. Всё это мне очень напоминает детство. Так и кажется, что вот-вот из ворот выйдет старенькая сгорбленная баба Даша в переднике, с натруженными руками.

На работу и на практику ходу три километра по прекрасным лугам вдоль берега речки Чаи. Солнце, сенные запахи, стрекочут кузнечики. Выходим за час до работы. Загорела я первый раз за пять лет. И снова стала похожа на негритёнка, как в Раздольном.купаемся часто. До умопомрачения паримся в бане. Хотели сделать баню сегодня, но Нинина мама не разрешила: сегодня Петров день – грех. Нинка решила ввести новшество: поддавать пар свежим квасом. Попробуем завтра. О результатах сообщу.

Кормят нас как на убой. Выпиваем 2–2,5 литра молока. Знаешь, как хорошо идёт с белым хлебом и вареньем, с кислицей, с сахаром и т. д. и т. п. Спим на крыше. Дед Семён сделал настил из досок. Тулупы покрыли белоснежной простынёй. Огромные подушки и ватное одеяло сохраняют нас от излишней свежести. Над нами висят берёзовые веники и дивно, одурманивающе пахнут. Наверное, они дурманят и комаров – не помню, чтобы хоть один паразит нас укусил. В свободный денёк выбрались на рыбалку с Ниниными знакомыми на моторной лодке и с бреднем. Взяли рюкзак для рыбы. Уехали на моторке километров за 40 по Чое. Но карась

не шёл. Полдня мы лазали по лесным озёрам по грудь в воде, по бёдра в грязи. Исходили с бреднем озерца вдоль и поперёк и поймали – курам на смех – десять карасей. Но рыбалкой остались довольны. Ведь главное не рыба, а сам процесс...

12.07.76».

Голоса друзей. Нина Марченко (Иванникова)

– Когда я вспоминаю Наташу, то в памяти возникают светлые и чудесные моменты моей жизни. Во-первых, годы нашего совместного проживания – это лучшие годы нашей молодости: настоящая любовь, а не детская влюблённость, настоящая дружба, студенчество...

Наташа была немного старше меня. Когда я поступила в мединститут, мне было шестнадцать лет, я к ней относилась как к старшей сестре, и она всегда для меня была авторитетом. Но Наталья никогда не пользовалась этим. С её стороны я ощущала всегда безоговорочное уважение к моим поступкам и поддержку, как от мамы: что бы я ни сделала, я права.

Мне очень-очень повезло со встречами с людьми, но лучшей из всех была Наташа.

Очень близкими друг другу мы были в спелеологических походах. Сразу вспоминаю мою первую экспедицию в пещеру. Это была пещера Миртовская. Я помню, все ребята старались показать мне подземные красоты, поддерживать физически и морально. Прямо скажем, у меня был не самый тяжёлый рюкзак, в отличие от Наташиного, конечно, не считая парней. К слову, те парни все были тоже настоящие: был наш любимый Аваз и ребята из политехнического института. Но более всего я ощущала поддержку от Натальи.

Мне кажется, на этой фотке, где мы с ней в пещере Миртовской, видно излучение от неё доброты.

По окончании института мы разъехались по разным городам, у каждой появились семьи, мы стали редко общаться. Но я, например, всегда знала, что могу к Наташе обратиться с любым вопросом. Я знаю, что она была и чудесной мамой и женой.

Наверное, Наташа не была святой, но если у неё и были какие-нибудь пороки, то мне о них неизвестно. Для меня она осталась светлым и безукоризненным человеком.

Каждое утро я молюсь об упокоении её души, как и о своих родных. К сожалению, это все, что я могу сейчас для неё сделать.

Светлая, вечная память Наташе.

В Наташином дневнике есть история, которая свидетельствует о её удивительной готовности и способности понять друзей, принять их обстоятельства, их выбор, даже если они болезненны и горьки для неё. Эта история связана с Ниной и полностью подтверждает её слова.

На страницах первого студенческого дневника начинается мелькать имя Валеры Якубовского. Студент-геолог из университета, спелеолог, турист, обаятельный, общительный, красивый парень, он стремительно вошёл в их компанию, где был радушно принят. Они очень много ездили вместе в пещеры. Многим девчонкам, в том числе и Наташе, он нравился. Валерка служил в Германии, где неплохо овладел немецким языком. Он помогал Наташе переводить «тысячи» по так нелюбимому ею немецкому языку. Но никаких особых отношений, кроме очень тёплых, дружеских, у неё с ним не было, хотя, судя по её записям (19 августа 1976 года), она их ожидала. Отмечает, что во время поездки в пещеру Кубинская «встретились мы с ним обычно, без эмоций,

не как я ожидала. Ещё на Бирюсе я заметила, что Ниночка очень равнодушна к Валере. Сознаться, сердце от ревности немного пощипывало.

И вот мы едем на Алтай в Геофизическую <пещеру>. В поезде, ложась спать, Нина мне сказала: «Ой, Наташа, как он мне нравится!». Ещё она говорила несколько раз, что чувствует себя виноватой передо мной. На это я ответила: – Да ты лучше спроси, кому он не нравится. А относительно чувства вины: брось, Нина, ерунду молоть!

Геофизическая – памятный выезд. Но главное воспоминание от Геофизической – Валерка.

И вот тот знаменитый привал на обед. Нинка и Валерка баловались, толкали друг друга в ручей. Потом пошли «доить корову», взявшись за руки... Вот тут-то я и... Их долго не было...

Потом вечер разложения в избушке, где Нина и Валера уже как влюблённые».

Дальше Наташа, забыв про Нину и Валеру и свою ревность, вздохнул описывает прохождение Геофизической, Мраморной пещер, их необычайные красоты.

«Вышли, постирались. Валерка не торопился, задумавшись, курил. Мы ушли, они остались вдвоём». Без Валерки их проводник завёл группу куда-то не туда, так что ночь они провели под открытым небом, а утром решили вернуться к Геофизической. Их встретил Валерка и привёл к лагерю. «Нина дремала. На лице одни огромные счастливые глаза и зацелованный рот. Не берусь описывать свои чувства. Уж больно они противоречивы. Я боролась с собой. Ревность дралась со здравым смыслом.

В лесу нас застал дождь.

Нина с Валеркой весь этот день лежали в спальнях мешках и целовались. После ужина вышли с Нинкой на улицу:

– Да, был день... Наташка, тебе не кажется, что я схожу с ума?!

И опять извинения...

Мы вышли. Был туман. Как всё-таки Валерка хорошо ориентируется!

Они шли всё время, взявшись за руки. Я была угрюма и даже украдкой смахивала слезу.

Когда мы сели в автобус, мой кризис кончился. Я встала рядом с ними, и Нина нам рассказывала сказки из «Тысяча и одной ночи»... Как они смотрели друг на друга! Сколько было нежности в их движениях! Расцветала любовь на глазах.

Мне сначала, ещё до Геофизической, думалось, что Нина проверяет свои женские чары.

В автобусе мне показалось, что он не любит её... Но нет. Наверное, тут, действительно, что-то серьёзное и большое. Дай бог!

День в Томске после приезда, оборванные и грязные, мы ходили по городу, обнявшись. Потом – банкет. Я – служанка и дура. Следующий день разлагались, получила перевод. Дежурство 18-го».

Валерка дозвонился мне из Горно-Алтайска, когда мы уже ехали на кладбище хоронить Наташу.

– Что же, что же это?! – горестно спрашивал он.

Ниночка приехала на похороны из Новокузнецка.

О неожиданных эпизодах из жизни Наташи рассказала Ольга Володарская.

Голоса друзей. Ольга Володарская

– Впервые я познакомилась с Наташей в общежитии на Котовского, когда меня подсадили в комнату, где жили Наташа, Люда Карбатова (за большие глаза мы звали её «чебурашкой»), Лена Фёдорова (гимнастка, КМС – из знаменитой ленинск-кузнецкой школы гимнастики). Это было в середине зимы семьдесят второго года.

Жили дружно, было нам всем по семнадцать – восемнадцать лет, можно сказать, поздний подростковый период. Были бесхитростными, прямолинейными, принимали друг друга такими, какие есть. Наташу мы воспринимали как неформального лидера в комнате и в спелеосекции, в которую она начала ходить. Потом вовлекла туда меня и Люду Карбатову.

Наташа уже на втором – третьем курсе была для меня другом «навсегда» – по душе, по уму, как сестра. Надёжная, преданная, понимающая.

Практически все годы мы жили с Наташей вместе в различных общежитиях – на Котовского, Вершинина, Московском тракте, я чаще жила «зайцем» у Наташи. И никогда она не упрекала меня – спали вместе или я спала на раскладушке. У нас была очень дружная комната. На четырёх кроватях мы умудрялись жить по шесть – восемь девочек. Не помню, чтобы между нами происходили какие-то ссоры, разборки. Хотя все мы были разными. Наташу помню немногословной, серьёзной, но с нами, подругами, была весёлой и общительной.

Наташа ревновала меня к моим подругам – Лене Фёдоровой, Татьяне Б. из Улан-Удэ. Однажды был такой случай: третий курс, Татьяна приехала в Томск на три – четыре дня, ко мне в гости. Мы наметили побывать на лекции (в интересной круглой аудитории), экскурсию по городу и посещение подруг. В тот год мы с Наташей жили отдельно: она на Московском тракте, я на Котовского. Время – вечернее, мы с Татьяной зашли к Лене Фёдоровой, Лена была очень весёлым и оригинальным человеком. Пообщались, много смеялись. А Наташа жила через стену, но в другом блоке, и слышала наши разговоры и смех, узнала по голосу, что я веселюсь в соседней комнате. Так как время было к вечеру, мы решили не заходить к Наташе (но, видимо, я обещала зайти). И вот Наташа встречает меня в холле общежития, когда мы идём от Лены, и даёт мне пощечину со словами: «Насильно мил не будешь!». У меня был ступор...

Но я поняла её и простила почти сразу – это была ревность к моим подругам. Поговорили мы с Наташей через несколько дней. Я сказала, что все трое – мои подруги и она мне тоже хорошая подруга, и не стоит переживать.

Много лет спустя, когда мы вместе с Наташей и Лёшей путешествовали по Байкалу, как-то зашёл разговор о профессиях. Я вспоминала свои командировки в районы, куда ездила как педиатр в группе с хирургами, гинекологами, терапевтами для лицензирования медучреждений. У каждой специальности какие-то общие черты: у хирургов – конкретность, резкость, смелость, фанатизм; у терапевтов – умение ладить с пациентами, клинический кругозор, у педиатров – заботливость, ласковость, щепетильность («сюсю-мусю»), а у гинекологов – понемногу от всех врачебных профессий: от хирургов – смелость, быстрота, резкость, от педиатров – заботливость. Ну, а я тогда Наташе сказала, что она самый интеллигентный и человечный гинеколог, которого я только знала... Да, для меня моя подруга была и остаётся самым лучшим человеком во всех своих проявлениях.

Запись Наташи в дневнике от 29 мая 1976 года: «Кончается четвёртый курс. Какой-то неудачный, взбалмошный и... хороший и плохой – всё вместе. Я только и знала, что ругала себя. И сейчас буду ругать. Сессия, сессия, боже мой! Ты и

радость для некоторых, для меня – беда. Я робко мечтаю, что, может, на будущий год я изменюсь в лучшую сторону. Буду хорошо учиться, везде успевать. Может, меня будут просто любить...» И она сдала эту сессию прекрасно: терапия – пять, лор, хирургия, кожные болезни – четыре. «Я из комнаты уезжаю первая. Грустно расставаться с девчонками. Мы так здорово жили, дружно. Буду ли я знающим и умным врачом? Будут ли меня любить? Буду ли я счастливой женщиной? За это, Наташенька, надо бороться. Жёстко. В кровавой схватке с самой собой за себя лучшую, чем ты есть».

Не только «кровавые схватки», но и лирические строчки рассыпаны по страницам дневника: «Ну вот и весна, 1 марта. Люблю весну. Вчера в комнате мы её встретили криком «ура!» и открыли окно, чтобы она зашла к нам».

На одной из последних страниц этого дневника Наташа записывает единственное своё читательское впечатление (она прочла книгу «Униженные и оскорблённые» Достоевского): «Они так много думают о человеческих отношениях, так глубоко чувствуют, все так понимают друг друга. А мы, а я – мне некогда задуматься о жизни, поразмыслить, как дальше жить. И я живу, как будто опустошённая, живу просто так, без мыслей, без чувств, без этой глубокой и самоабвенной любви к жизни или к людям, да что там говорить, хотя бы к одному человеку. Хочется какой-нибудь перемены в жизни».

В записях нового дневника за семьдесят седьмой год Наташа вновь формулирует свои жизненные принципы, своё врачебное кредо.

21 октября 1977 года: «Первое место и главное в моей жизни будут занимать, пока нет семьи, детей, мужа (кстати, Наташа мечтала о четверых детях. – Прим. В. Л.):

- I. Родные, больные.
- II. Друзья, я сама.
- III. Иглотерапия.
- IV. Лекарственные растения.
- V. Фотография.
- VI. Звёзды.
- VII. Спелео, туризм.
- VIII. Книги, музыка, газеты».

У Наташи так и было – на первом месте у неё всегда был ближний – тот, кто рядом: её родные, близкие, друзья, её гости. Поразительно! Больных, то есть своих пациентов, она приравнивает к родным. Эта мысль потом не раз будет у неё звучать:

«Хочу:

IV. Никуда не опаздывать.

III. Смотреть своих больных до пятиминутки.

I. Чтобы слово, сказанное мной, было твёрдым (выделено Наташей. – Прим. В. Л.).

II. Быть очень собранной и пунктуальной».

И далее: «Хочу, чтобы моим девизом было: собранность, энергичность, быстрота».

8 июля 1977 года: «Всё ли в моих руках, чтобы быть просто хорошим врачом? Или есть что-то для этого у «бога»?»

Как-то сестра получила тройку по психиатрии – третью в зачётке. Она целый день ходила по городу, забрела в кинотеатр, смотрела фильм. «Стыдно было идти в комнату, стыдно было перед девчонками», – призналась в дневнике.

Летом следующего семьдесят восьмого года, во время каникул, Наташа практиковалась дома, в Красном Яре. Была два раза в роддоме и сама принимала роды (конечно, под контролем врачей). Она пишет об этом: «Как приятно держать в руках нового человечка! Как здорово смотреть в глаза женщин, только что родивших, когда они загораются материнским огнём и излучают мягкий, лучезарный свет! Это чистейшая, благороднейшая работа – работа акушера!»

Тогда за одну ночь они приняли одиннадцать родов! Младенцев накопилось на столах столько, что сестра боялась их перепутать.

Перед шестым курсом Наташа даёт себе зарок, он звучит, как клятва: «К каждой больной относиться, как к матери, как к сестре». И эту клятву она напоминает себе на страницах дневника из раза в раз. Это свидетельство удивительной глубины и духовной зрелости девушки. Она страшится, что не сможет стать достойным врачом: «Когда я подумаю, что учусь на шестом курсе – не верится, что я уже без трёх минут врач. Эх, доктор, доктор, Наталья Леонидовна!»

Доктор Наталья по-прежнему не даёт себе спуску: «Я недовольна собой. Делаю всё механически, не знаю сути болезни, сути лечения, механизма применения лекарств. Много бегая, совершенно не умею планировать свои действия, свои поступки. Что взбредёт в голову – сорвалась и побежала. Это даже смешно, как я, отключив свой «нижний торс», мчусь на всех парах по клинике».

Сестра крайне болезненно переживает свои первые врачебные неудачи. При родах у роженицы получился разрыв. Она пишет: «Я сделала роженице разрыв 3-й степени. Конечно, в основном

была виновата я, хотя были объективные предпосылки: крупный плод, первородящая, отёк промежности и, наверное, разрыв начинался с шейки матки – и пошло. Неправильно – резко выводила плечики. Шили около двух часов <...> Долго я не могла дежурить ночами, было страшно».

Наташа восхищалась многими своими преподавателями, любимейшей среди них была Л. В. Зальмеш, преподаватель по гинекологии. И перед госом по акушерству и гинекологии она записывает: «Моя милая Лариса Владимировна! Как я люблю тебя! Почти так же, как акушерство и гинекологию».

Накануне экзаменов сестра в панике: «О, объятные акушерство и гинекология! Послезавтра заваливаю свой предмет. Голова тяжёлая, сил нет». На этой страничке в дневнике была записка, в которой Наташа выражала свой восторг по отношению к Ларисе Владимировне: «Как я её люблю! Какая она милая женщина, каких я, наверное, ещё не видела. Она была прекрасна в домашнем халате, такая живая, весёлая, лицо её светилось... Быть бы мне хоть капельку похожей на неё, с такой же, как у неё, энергией, энтузиазмом, отзывчивостью, привлекательностью».

С Ларисой Владимировной Наташа поддерживала отношения до конца.

В том, что касается отношения к людям, отзывчивости, внимательности, Наташа полностью усвоила уроки своего любимого педагога. Она к каждому человеку относилась как к родному, а значит, и к пациенту – удивительно: сосредоточенно, нежно.

Сестра всегда с радостью и признанием отмечала хорошие черты в людях, но и негативные ей были заметны. В её дневнике есть живой рассказ о ребятах, с которыми она впервые сплавлялась на байдарках по реке Яе. Ей они очень интересны, она присматривалась, пыталась их понять и оценить. Каждому дала краткую ёмкую характеристику.

«Анюта – золотой человек. В общем-то умница. Она женственна и кокетлива немного, что мне чуть-чуть завидно даже. Золотые руки – движения быстрые, умелые. По сравнению с ней я черепаха и медведица. Очень добрая, хочет всем помочь. Тщательно ухаживает за собой даже в походе. Работящая – буквально вырывает у всех работу. Санька Иванов тоже мне очень нравится. Всё по делу. Шутки – к стати. Быстр в движениях и скор в решениях. Санька Шишкин – самоотверженный. Митрико – избалованный, но

остроумен. По духу не турист. Не понимает, что девчонку надо в серединку положить. Может сказать: «Девчонки, пустите меня в серединку, я замёрз». Эгоист», – делает вывод Наташа. Мы тогда ещё не читали Фрейда и не могли распознать подсознательные желания. «Берутя – самая молодая, но девчонка очень ответственная, хозяйственная, трезво-расчётливая».

Неплохой анализ. Просматривается писательский дар.

Уже работая над этой книгой, я обнаружила ещё один источник информации. У меня лежала большая стопка писем, самых разных: от друзей, от папы, мои письма домой. Я решила их пересмотреть в надежде найти что-нибудь интересное. К своему изумлению, нашла огромное количество своих писем домой, а потом и к отцу, начиная с первого письма времён «абитуры» и заканчивая восемьдесят первым годом – годом смерти папы. Он сохранил все мои письма с семьдесят третьего года. Я очень благодарна ему за это. В письмах я пишу и о Наташе, и очень часто о Володе. Володя как младший брат был объектом нашего неусыпного внимания. Мы ходили к куратору его группы, отчитывались родителям о его учёбе, расходах, покупках, о том, во что и как он одет.

Наташа «шефствовала» и надо мной. Она активно втягивала меня в свою компанию. Я не сопротивлялась, мне нравились её подруги и друзья.

Сестра не боялась прийти мне на помощь в самых рискованных ситуациях. В пору нашего студенчества в вузах для юношей четыре года преподавалась «военка», и после сборов они получали звание лейтенанта. А для девушек – медицина, мы становились медсёстрами гражданской обороны в чине рядовых и были военнообязанными до пятидесяти лет. Нам приходилось сдавать экзамены по анатомии, терапии, хирургии. И вот накануне экзамена по хирургии мне в голову пришла дерзкая мысль: а почему бы Наталье не сдать за меня экзамен по хирургии? Она уже на пятом курсе, знает её, мы с ней похожи, хирургический навык мне никогда в жизни не понадобится. И потом, лекции мы слушали огромными объединёнными потоками, в лицо нас никто не мог запомнить. Со своей просьбой я обратилась к Наташе. Она ничтоже сумняшеся приняла моё предложение. Я ей передала зачётку, сказала, куда надо прийти на экзамен и стала радостно предвкушать халявную пятёрку. Однако в

день экзамена радость сменилась тревогой: я вдруг поняла, во что вляпалась. Если подлог раскроется, меня могут выгнать из университета, да точно выгонят! Могут и у Наташи начаться неприятности. У меня начался мандраж похуже экзаменационного, я не могла найти себе места, била мелкая нервная дрожь. «Зачем я это сделала?! Подумаешь, хирургия, сдала бы как-нибудь. Больше никогда, никогда-никогда так не поступлю!» Я тряслась в несколько раз больше, чем если бы сама сдавала экзамен.

Наташа пришла с пятёркой.

Ей экзаменаторы сказали:

– Отлично! Вы, Наталья Леонидовна, не туда попали, вам нужно было идти в медицинский институт.

Ладно, вру, так не сказали. А должны были!

Наташа тоже описала это в своём дневнике:

«Вчера сдала за Верку экзамен по хирургии.

Да, приключение, щекочущее нервы. Впечатления, конечно, остались. Вот тебе и из ряда вон выходящее событие. Страшно хотела получить пять. Ведь не для себя. И не помню, чтобы я волновалась так перед каким-нибудь другим экзаменом. Всё обошлось благополучно, но в конце, когда она ставила мне отлично, спросила:

– Кто у вас вёл практику?

– Да я не помню...

Верка страшно радовалась, прыгала вокруг меня, вешалась на шею. Мне от её ребячьего восторга тоже стало радостно на душе».

В студенческие годы много и охотно мы ходили в театры, кино, на концерты, гораздо чаще, чем теперь. Ведь возможности посмотреть их по телевизору или в интернете не было. Родителям мы сообщали, что смотрели спектакли томского драмтеатра «Сталевары», «Вишнёвый сад», «Мисс Пайпер ведёт следствие». Мелькали названия фильмов: «Генералы песчаных карьеров», «Андрей Рублёв», «Баллада о солдате». Ходили всегда компаниями. Билеты на концерты, в кино, в музеи были дешёвыми. В студенчестве мы могли себе позволить слетать на самолёте в Новосибирск, в театр оперы и балета. И летали!

Пошли к концу года учёбы. Начался новый этап жизни. В дневниковой записи сестры от 13 июля 1977 года есть такие яркие строки: «Мы решили отметить окончание учебного года, окончание института... Пошли нашей незабвенной комнатой на то место, где был туристический слёт. Больше всего запомнилось купание на рас-

свете: вода тёплая, как парное молоко, от неё исходит парок, лежит на воде тонким, нежным полотном туман. Я плыву... Вода колыхается, колыхает туманное покрывало... Кружится голова отчего-то...»

Голоса друзей.

Людмила Худовекова (Задирако)

– Почему-то по прошествии многих лет мы начинаем понимать, насколько бесценна наша жизнь, как она может быть мимолётна, непредсказуема, каким фейерверком счастья она проявляется временами, какие фантастические возможности нам даёт, особенно в молодости. Вновь оцениваем себя, друзей, соизмеряем свои дела с мечтами и целями.

Один из ярчайших периодов моей жизни – это студенчество. Семидесятые годы – сплошной калейдоскоп счастливых, радостных, солнечных событий. Мы верили в добро, делали его, и оно стократно к нам возвращалось.

Томские студенты, собравшиеся из разных уголков нашего Советского Союза в древнейшем культурном центре Сибири, – активные, жадные до знаний, открытые, возвышенные, креативные, контактные, целеустремлённые, отважные, сильные, юморные, предприимчивые, порой бесшабашные.

Окружение неординарных личностей, множество друзей, знакомых накладывало свой отпечаток. Мы варились в одном большом котле с позитивным настроем на будущее, каждый привносил в него своё, творили свою жизнь. Никогда было скучать, печалиться. Мы действовали. Учёба в мединституте забирала много времени (плюс занятия в кружках). Свободное время, хоть его и мало было, мы старались проводить разнообразно, увлекательно. Посещение концертов эстрадной, симфонической музыки, бардовской песни, филармонии, лекций столичных музеев с показом слайдов, кино- и драмтеатров, Дома науки, бассейна. Походы в пещеры, горы, на скалы с проведением соревнований, посвящений, тренировки, альплагеря были неотъемлемой частью нашего бытия. Мы объездили полстраны: Сибирь, Дальний Восток, Урал, Украину, Кавказ, азиатские республики. Помню, проезд из Томска до Киева по студенческому билету в общем вагоне в зимние каникулы в семьдесят седьмом году стоил одиннадцать рублей. И всё состыковывали без интернета и мобильных телефонов, их ещё и

в помине не было. Игры в жмурки, бадминтон, волейбол, футбол. Фотографировали, готовили стенгазеты, фотомонтажи, сочиняли стихи, частушки о друзьях, наших поездках, проводили разборы походов, варили глинтвейн, учились готовить еду (плов от Аваза), писали праздничный новогодний сценарий, готовили костюмы, вовлекали младшекурсников в туризм, пекли пироги, торты, обучали и принимали экзамены по медицине у туристов политеха и универа. Любимый праздник – Новый год – традиционно проходил на природе, в лесу, у костров, с пельменями, оливье, хворостом, которые готовили сами, у нарядной елки. Однажды встретили его в сорокаградусный мороз, и никто не обморозился.

Поговорим о Наташе. Она одна из ярчайших звёздочек на небосклоне моей жизни. Впервые я встретила и познакомилась с ней в стройотряде в г. Стрежевой, где штукатурили пятиэтажку. Лето семьдесят четвертого года. Я закончила первый курс, Ната – второй. Там трудились студенты из Уфы, Казани, Минска, Томска. Вечерами у костра заслушивались её туристическими байками, красочными рассказами о спелеопоходах. Она и увлекла, и привела меня в турклуб «Альтус», за это я благодарна ей и судьбе. С третьего курса и до окончания института жили с ней в одной комнате в общежитиях на Московском тракте и на Вершинке. А с нами Сима Чойнзонова, Ната Буржинская, Оля Володарская, Нина Иванникова. Мы учились на разных курсах, факультетах и учились жить и сотрудничать, быть одной командой, жили на полную катушку.

Наташа Попова – обыкновенная, казалось бы, девчонка, неброская внешность, невысокомерная, была в меру серьёзна, ответственна, в меру беззаботна, весела, умела мечтать, ставить цели, настойчиво их достигать, с разнообразием интересов, с душевным обаянием и красотой, любовью к природе, своей специальности, фантазёрка-затейница, выносливая, заботливая. Ей нравилось хоть изредка угощать нас выпечкой, тортиками собственноручного изготовления.

Студенческая пора. По праздникам у нас всегда были выезды на природу на два – пять дней. Чтоб придать нашим пропускам занятий в вузе какую-то официальность (всё ж медицина), мы становились бесплатными донорами, нам давали справки. Сдавали кровь три – четы-

ре раза в году по триста – четыреста пятьдесят миллилитров. Жор нападал на нас потом жуткий. А ведь порой по пятнадцать – двадцать пять километров ножками топтать приходилось в походах. На выездах у нас всегда соблюдался сухой закон. По возвращении сдавали преподавателям пропущенные темы, тратя на это в три – четыре раза больше сил и времени (конспекты монографий, отработка в клиниках, устные опросы педагогов). И всё ж охота была пуще неволи. На выездах царила такая радость, единение наших душ, взаимовыручка. Песни нас сплывали. Какие голоса были у Валеры Якубовского, Лёши Стеблева, Тани Балохоненко, Коняжкиных. Мы к ним, как мотыльки на огонёк, летели. Подпевали и те, кому мишки встали на уши, голоса прорезались у безголо-сых. Параллельно обучались фотоделу, игре на гитаре, кулинарии, сценарному искусству. Это помогало нам раскрепоститься. На старших курсах уже семьи создавались. А какие сценарии к свадьбам писали и действия ставили!

Людмилиин очерк, как и другие голоса друзей Наташи, – это своеобразный портрет томского студенчества семидесятых годов.

В СВОЕЙ СТИХИИ

Спелеология стала для Наташи «осевым» делом, вокруг него сконцентрировалось очень многое. Во-первых, это круг друзей, которые остались на всю жизнь. Во-вторых, путешествия, и не только в пещеры, поездки во многие уголки страны заполнили все студенческие годы. В-третьих, спорт и тренировки – нужна была хорошая физическая форма, чтобы таскать рюкзаки, лазить по колодцам и шкуродёрам. В-четвёртых, фотография – как не запечатлеть такие красоты на фото. И, в-пятых, кулинария. На разборах походов и на праздниках пекли тортики и пироги, варили глинтвейны и всякие вкусности. Да во время выездов хотелось накормить своих друзей чем-нибудь особенным.

У сестры сложилась чудесная компания друзей. Им всегда хотелось быть друг с другом, вместе отмечать праздники и, конечно, лазать по пещерам. Среди них: умудрённый опытом шутник и балагур Валерий Розбицкий, всех спасающая и опекающая огненно-рыжая Олечка Володарская, отважная и неутомимая Людмила Задирако, смешливая, лучезарноглазая Ниночка Иванникова, ответственная и порой по-детски

озорная Наталья Буржинская, мягкая и пугливая Людмила Петрашко, которую так и прозвали – Заяц, рассудительная Сима Чойнзонова. Душой этой компании был Аваз Матхаликов, приехавший в Томск из Ташкента учиться на врача. Внешне худенький, даже тщедушный, невысокого роста, с большими выразительными глазами, Аваз обладал непоколебимой духовной крепостью. Да и физической. Он занимался боксом, таскал огромные рюкзаки. Аваз пользовался безусловным авторитетом у девочек. После отъезда Валерия Розбицкого руководил фактически всеми выездами и походами. И девочки, полагаю, были немножко в него влюблены не только как в друга и товарища. Из всех он выбрал себе в жены Зайца. О крепости и значимости дружбы внутри этой компании свидетельствует один эпизод из письма Натальи от 12 июля 1976 года, где она рассказывает о расставании с Авазом: он окончил вуз и отбывал по месту распределения.

«23 июня мы провожали Аваза. За день до этого, вечером он пришёл к нам. «Ну, что, девочки, уезжаю я, наверное, завтра», – и грустный-грустный. Нинка запищала, у Задираки – слёзки на колесиках, я тоже захлюпала. Потом смотрю, а у Буржинской из-под очков крокодилы слёзы льются. «Да не надо, ради бога, а то я тоже сейчас...» – Аваз выбежал из нашей комнаты как ужаленный. Людмила потом нас спросила: «Вы что там ему сказали, что он от вас убежал, а у него слёзы из глаз катятся?»

На следующий день вечером они с Людой снова были у нас. Мы их накормили жареными карасями и пообещали прийти на вокзал. Для этого случая купили торт и бутылку шампанского. Поезд уходил в час ночи («Томич»). Прихватили гитару. Прямо на перроне выпили бутылку, ополовинили торт. И пели песни. Играли Нинка, Наташа и сам Аваз свою «Я к маменьке родной» и нашу «Пампасы». Пришёл поезд. Мы, обнявшись, все встали в кружок. Молчали. Я не выдержала, у меня потекли ручьями слёзы. Тронулся поезд, Аваз и Людмила прямо набросились друг на друга. Мы с Нинкой побежали за поездом. Аваз нам долго махал, кричал, мы только разобрали, что надо смотреть за Зайцем и поддерживать её в трудную минуту. Пришли к нашим девочкам. Людмила ещё висела на ограде. Мы пешком, медленно-медленно, как похоронная команда, пошли, сиротинушки, домой. Пришли домой часа в три ночи».

Это первое поколение друзей сестры после окончания вуза разъехалось по разным городам Союза. Валера Розбицкий уехал в Екатеринбург, Аваз увёз Зайца в родной Ташкент, Задирако отправилась в Магнитогорск, Володарская вернулась в Улан-Удэ, Ниночка Иванникова обосновалась в Новокузнецке, Буржинская – в Челябинске. Осталась в Томске только Наташа. У них с Лёшей появилось второе поколение друзей. И дружили они уже семьями: это супруги Столяровы, Сусловы, Мальцаны, Людмила Смирнова, Галина Панина.

О том, как в Наташину жизнь вошла спелеология, вспоминает первый руководитель спелео-клуба.

Голоса друзей. Валерий Розбицкий

– В семьдесят втором году все старые спелеологи окончили институт, и я остался один. Повесил объявление в главном корпусе о наборе в спелеосекцию. Пришла Наташа с подругами, ещё несколько ребят. Количество колебалось от десяти до шестнадцати человек. Наташа была постоянный кадр. Мне она, конечно, нравилась, но ухаживать за ней я стеснялся, так как был на шесть лет старше. В течение трёх месяцев ушли все, кому эти тренировки и грязные пещеры не понравились. Остались самые стойкие, такие как Наташа, Люда Петрашко, Аваз Матхаликов, Задирако, Буржинская, Даша Хегай. Наташа на всех выездах была отличным организатором и громоотводом, прекрасно готовила, часто брала на себя функции казначея и завхоза, что очень трудно.

В спелеологии нас привлекала возможность открыть для себя потрясающий подземный мир. Когда мы открывали новый участок известной пещеры или вообще новую пещеру, пусть даже маленькую, то это всё равно новое географическое открытие. На земле всё нанесено на карту, а под землёй нет. Кроме грязных участков в пещерах, были потрясающие залы с каскадами сияющих сталагмитов и сталактитов, да ещё и разноцветных, что совершенно не отражалось на наших чёрно-белых фотографиях. В пещерах у нас всегда было хорошее настроение, многочисленные царапины и порезы заживали быстро и без всяких следов, что вызвано повышенным содержанием радона и отрицательных ионов. Правда, мы об этом не задумывались, хотя о спелеотерапии знали.

Валера Розбицкий однажды спас Наташе жизнь или, по меньшей мере, предотвратил опасное падение со скал. Это было на Тутальских скалах под Юргой, куда спелеологи и альпинисты часто выезжали на тренировки по скалолазанию. Наташа страховала одного, ну, скажем, амбала. Валера заметил, что сама она не пристрахована, что являлось нарушением техники безопасности:

– Наташа, дай-ка я привяжу тебя за верёвочку, – сказал Валера.

Через некоторое время амбал резко рванул-ся вниз, так что Наташа вместе со страховочной верёвкой полетела за ним и повисла над обрывом на дополнительной страховке, которую навесил Валера.

Кстати, Валера справедливо ставил себе в заслугу то, что во время его руководства не было ни одного трагического случая в клубе или даже сколь-нибудь серьёзной травмы.

Голоса друзей. Ольга Володарская

– Занятия спелеологией на первом – втором курсе очень сблизили нас с Наташей. Были тренировки на скале, под мостами, поездки в пещеры Хакасии.

В нашей комнате была, можно сказать, штаб-квартира секции спелеологии. Лестницы, верёвки и другое оборудование хранилось под кроватями. Все советские праздники – 7 Ноября, 8 Марта, 1 Мая – выезжали в пещеры Хакасии. Это было интересное, романтическое время. Обычно руководил поездками Валера Розбицкий, Наташа являлась его первой помощницей. В походах проверялась и крепла дружба; плохие, эгоистичные люди не приживались. Уходили в пещеры утром, а возвращались затемно, ночью. Время, которое уходило на дорогу и обратно, прохождение самой пещеры составляло от восемнадцати до двадцати четырёх часов. Возвращались поздно, только на небе сияли яркие звёзды. Наташа хорошо знала звёздное небо и научила меня видеть несколько созвездий. Ночевали в каком-нибудь сельском клубе, о чём заранее договаривались с местным начальством. Как раз Наташа могла хорошо договариваться с людьми. Народ после тяжёлых испытаний засыпал на ходу. Наташе нравилось быть опорой, помогать. Мне по натуре это близко, мы обе с ней – спасатели. В походах были как две «мамочки».

И вот пришли в жильё (обычно нас было десять – двенадцать человек). Народ падал, а мы с Наташей, как всегда, варили любимую еду – картошку с обжаренными морковкой и луком и иногда с тушёной.

Задаём друг другу вопрос: будить или не будить? Решаем – будить! И вот очень ласково и осторожно будим народ, упрашиваем поесть и очень рады, что народ покушал. В походах у нас, «мамочек», всегда имелись лишние носочки, варежки для друзей. Наташа могла поделиться и своими варежками.

Поездки в пещеры были большим праздником, радостью для нас. Проехать по железной дороге зайцем – романтика! Раза два – три я была зайцем из-за маленького роста. Медики «зайцевали» скромно – из двенадцати – четырнадцати человек было всего два зайца, которые прикрывались старыми билетами. А энергетика из политеха были понаглее. Рассказывают, что однажды из двадцати – тридцати человек чуть ли не половина ехали зайцами. Главная задача зайцев была сразу после посадки в вагон рассосаться, то есть спрятаться на третьих полках и под сиденьями. Однажды во время посадки в вагон проводник совершенно справедливо посчитал, что билетов ему предъявили меньше, чем зашло пассажиров. Он пошёл по вагону проверять билеты, и вдруг с третьей полки падает (неспециально!), пролетая на миллиметр от носа проводника, огромный рюкзак. С жутким грохотом он ударяется об пол. На этом проверка билетов закончилась.

Валере Розбицкому запомнился один загадочный случай, который произошёл в пещере Орешная. Эта пещера, первой категории трудности, использовалась обычно для тренировки новичков. Наташа тоже была на этом выезде.

Голоса друзей. Валерий Розбицкий

– У пещеры был входной вертикальный колодец глубиной восемнадцать метров, вся остальная огромная пещера была горизонтальна (шестнадцать – восемнадцать километров) и легко проходима. Возвращаясь, остановились на отдых в гроте Львиный, так как рядом было подземное озеро с кристально чистой водой. Я набрал полное ведро воды, поставил паяльную лампу и стал кипятить чай. Вдруг одна из девочек вскрикнула:

– А прохода, по которому мы пришли, нет!

Мы с Наташей подошли к напуганной девочке. Она показывает рукой на серую каменную стену, из-под которой виднелась тропка, по ней мы шли. Потрогал рукой – действительно, стена, нет тропки.

Я говорю:

– Наташа, займись девочками, успокой их. Через час тут должна быть ещё одна группа спелеологов из Томска, восемнадцать человек. Мы должны разойтись с ней в этом гроте, чтобы столпотворения не было в узком проходе и на выходе из пещеры.

Наташе удалось погасить панику:

– Девочки, запоминайте всё. Это обычная массовая галлюцинация. Очень интересно!

С ребятами мы тщательно осмотрели все стены и ни одного выхода не нашли. Я встал напротив тропки, идущей к выходу из пещеры, и стал ждать. Вдруг из каменной стены появляется руководитель другой группы спелеологов.

– Стой на месте! Не двигайся!

Он замер. Я подошёл к нему, за ним виднелся обычный пещерный ход, по которому в грот входили спелеологи. В гроте появились все семь ходов. Я объяснил, что с нами случилось, и посоветовал яркой материей отметить вход и выход из грота. Он сказал, что от входного колодца через двести метров впереди оказалась брошенная деревянная изба с повалившимся забором из жердей, затем она исчезла. Видели её все. Если бы не сорок метров под землёй, то всё было обычно. Так как через два часа у входного колодца могла появиться ещё одна группа спелеологов, мы быстро пошли на выход. Идти до выхода было метров четырёхста по ровной тропе. Я уходил последним. Впереди послышались крики:

– Изба!

Поднялись наверх из колодца.

– Кто видел под землёй избу? – спрашиваю.

Оказалось, восемь человек из двенадцати. Больше никогда ничего подобного ни с кем не случалось.

Валера очень ярко описал красоту подземного мира. О красотах пещер я рассказывала родителям в письмах. После поездки в Кашкулак в письме от 24 мая 1976 года пишу: «На Первое мая мы ездили в Кашкулак, в Хакасию. Выезд был великолепный, ничего красивее этой пещеры я не видела. Там прямо в первом входе «растут» ледяные тюльпаны, их целая поляна. Это

такое чудо – у меня слов не было! А грот Мракобесов – это вообще сказка! Словами не опишешь! Наташа должна выслать вам фотографии пещеры и нас на улицах Томска в новых пальто». Эти фотографии сохранились. Я купила пальто болотного цвета, Наталья – красного.

И это только одна пещера. А сколько их было – с подземными озёрами, водопадами, феерическими гротами и замысловатыми колоннами-сталактитами, появляющимися и исчезающими избами. И каждая поездка – это обязательно приключение.

Голоса друзей.

Наталья Лаврова (Буржинская)

– Семьдесят пятый год, Хакасия. Пятеро студентов-спелеологов. В глухой деревне старый хакас предупредил о большом количестве рысей и посоветовал вооружиться палками.

– Несите их, как ружья, – на плечах, – сказал он нам на прощание.

Предутренный тёмный лес был неприветлив. Наталья всех нас «поставила в ружьё», и так мы шли, воинственно уткнув палки в небо. Довольно быстро добрались до пещеры. Я первая опустилась в грот, достаточно большой, как спортзал, – и в одной из ниш увидела... рысь! Я заорала оставшимся наверху. На помощь ко мне спустилась Наталья. Вот уж воистину: почувствовав опасность, пропусти вперёд женщину. Следом спустился Аваз с ножом... перочинным и ржавым. А за ним – остальные. Отчаянно и храбро мы пошли на смертельную борьбу. Драйв испытали ещё тот! Наш отважный Аваз всегда был мужчиной и защитником, он резко бросился к нише и... заржал. Это был камень, похожий на рысь. Какое долгое веселье царило в гроте! Его и спустя сорок лет всё ещё живо помнишь! Последующие гроты, колодцы и шкуродёры преодолели без приключений. Белый свет после подземелья нас встретил солнышком и теплом. Девочки – Задирако, Попова, Буржинская пошли чистить пёрышки в сосенки. И вдруг заорала Задирако, непрерывно тыча пальцем в небо: над нами медленно проплывала летающая тарелка. По форме бесшумно летящий аппарат напоминал шляпу с длинными полями. На корпусе по кругу были прорези. Мы онемели. Потом оцепенение прошло, и Наталья безапелляционно заявила, что это космический спутник. Приказала живее собираться – поход заканчивался. И до, и после было много походов,

наполненных интересными событиями, красотою и радостным общением друг с другом!

Я отследила по первому дневнику, сколько же поездок Наташа с друзьями совершила за год. И так, за полторы недели до Нового семьдесят шестого года, два раза съездили в пещеру Торгашинскую под Красноярском. Во второй половине января семьдесят седьмого года после досрочно сданной сессии едут своей компанией в пещеры Миртовская и Кирилловская. В конце января – начале февраля Наташа с подругами летит в Москву, «просто посмотреть, походить по музеям и театрам». В Москве Наташе понравилось, девушки посетили все туристические, знаковые места. В итоге к началу нового семестра «дебет с кредитом» не сходится, долг сто пятьдесят рублей (это примерно четыре стипендии), необходимость много подрабатывать, чтобы рассчитаться с долгами и заработать на новые спелеотуры, так как Наташа собирается ещё более активно заниматься спелеологией. Затем в конце марта – начале апреля поездка в пещеру Геологическую на Алтае. Хоть Наташа твёрдо решила не ехать – её уговорили и очень грамотно обработали («Ведь изведёшься же, если не поедешь. Собирайся, всё равно ведь поедешь!»). В апреле едут в Назаровские пещеры. В мае – Кашкулак. Летом – в Подгорное на практику. В августе в Кубинку и потом на Алтай, снова в Геофизическую. В октябре уже нового учебного года – в Саксырскую. Одиннадцать поездок за неполный год! И ещё Наташа удивляется и ругает себя за огромные долги. А как им не быть?

Голоса друзей. Ирина Маромыгина (Мокина)

– Вот уж никогда не думала, что придётся писать воспоминания, что ушли удивительные люди, которые были рядом в то волшебное студенческое время.

Боже мой! Я уже тридцать пять лет работаю после окончания института! А мы встретились с Наташей Поповой в семьдесят пятом году в «Альтусе»*. Жизнь в «Альтусе» кипела. Туристы взахлёб рассказывали о походах, альпинисты – о вершинах, а спелеологи – о подземных приключениях. Наташа Попова и Люся Задирако были главные спелеологини. Мы, новички, смотрели на них с восхищением.

* Название туристического клуба мединститута «Альтус» получается от соединения первых букв слов «альпинизм», «туризм», «спелеология». В переводе с латыни altus означает «высокий, крутой».

Никогда не забуду свою первую пещеру – Саксырскую. Нас было трое новичков. В три больших вертикальных колодца спускались по одному на самое дно. Там, в подземном зале, нас троих Наташа и Люся посвящали в спелеологи – как полагают, ознакомили с калашом в очень тёплой и торжественной обстановке. Мы были счастливы. Потом – никогда не забуду – они нашли вертикальный довольно большой подъём-стенку и выход в ещё один удивительно красивый зал. Я за ними карабкалась, забыв о страхе, о страховке. А они были в своей стихии, восхитительны и прекрасны. Потом был разбор похода в клубе – нас хвалили Наташа и Люся, это было очень приятно. С той поры пещеры – моя любовь.

Встречали Новый год в лесу под ёлочкой. Звёзды, ночь. Костёр, песни под гитару, горячие пельмени, смех, веселье, несмотря на мороз. Наташа была в цветастой, пёстрой, длинной юбке, ярком платке, чёрном приталенном полушубке, румяная, весёлая, задорная, тёмные кудри из-под платка – залюбуешься, краса. Хочу помнить её такой – красивой, смелой, очень обаятельной, заботливой.

Последний студенческий Новый год Наташа с друзьями встречала в Куманово, в избушке. «Очень, очень весело и хорошо проводили старый и встретили Новый, боже мой! Уже 1978 год! В этом году закончу институт... Что там, впереди?..»

Как здорово встречать Новый год просто в лесу! Живая ёлка на небольшой опушке, окружённой вековыми деревьями, наряжена и увита гирляндами. Самодельный длинный и узкий стол из двух досок – и на нем пироги и вино. Падают пушистый-пушистый снег. В первые минуты Нового года живёшь с ощущением благодатной новизны и в предвкушении счастья.

В «Альтус» прибывали новички. Наташа и её подруги становились мэтрами. Они обучали молодёжь, вывозили их в пещеры, на скалы, общались к увлекательному миру спелеотуризма. Таким новичком была Людмила Смирнова, которая и по сей день хранит верность и любовь к спелеологии.

Голоса друзей. Людмила Смирнова

– Наташка, Наташка... Не раз думала о том, что если бы не Наташа, то вряд ли бы я была спелеологом... Сейчас понимаю, что ско-

рее всего это не так, много их было – старших героев, тех, на которых хотелось быть похожим, но Наташка, да, она была особенной, той, за которой идти хотелось просто, без оглядки, причём во всём и всю жизнь. Конечно, их было две – «спелеомамы»: Наташа Попова и Люся Задирако. И были они очень разные и вместе с тем чем-то неуловимо похожие – старшие. Для студентов-младшекурсников шесть – семь лет – это уже запредельный космос. Тем не менее с первой же пещеры они безоговорочно приняли нас в своё братство и, как нам тогда казалось, полюбили нас сразу и безусловно. Как любит всех своих детей мама. Именно сейчас, когда я пишу эти строки, я очень отчётливо поняла, что всё мое последующее общение с приходившими в клуб новичками я всегда строила по образу и подобию тех отношений, какие когда-то давно выстраивали с нами Наташа и Люся. Совершенно подсознательно, не отдавая себе в этом отчёта, но тем не менее точно так же принимала безоговорочно всех и каждого, каждого пыталась окружить почти материнской заботой и вниманием. Люди, приходившие к нам из других клубов, говорили, что отношение к новичкам – это отличительная особенность «Альтуса». Надо сказать, что впоследствии мы даже этим гордились. В среде горников всё было гораздо жёстче, да и, наверное, не могло быть по-другому в мужской компании. И в восемнадцать – двадцать лет мне, как ребёнку, хотелось вновь и вновь окунуться в эту атмосферу безусловного «принимания», где можно было просто быть собой и быть не только принятой, но и даже, казалось, понятой. Да, скорее всего, это и было основой того, что я осталась именно в спелео. Зимой восьмидесятого, когда Наташа и Люся уже не были студентами, мы пошли в пещеры под руководством Иринки Маромыгиной. Она всего на три года старше нас и, хотя стиль общения был такой же, с ней мы были почти на равных. А вот это ощущение, что рядом с тобой надёжные старшие товарищи, было только с Наташей и Люсей. Надо сказать, что пронесли мы его через всю жизнь. Но только к Наташе я до сорока с лишним лет ходила советоваться в сложных жизненных ситуациях. Её мнение было очень ценно для меня. Её пример всегда вдохновлял на подвиги, в том числе и трудовые.

В Бородинку, мою первую пещеру, в семьдесят восьмом году нас водила Люся Задирако.

Наверное, она и рассказала нам про Наташу Попову. Первое, что запомнилось и бросилось в глаза – это её красота. Наташка всегда, всю жизнь была для меня очень красивой, просто потрясающе красивой и очаровательной женщиной. Открытая улыбка, веселый нрав в сочетании с яркой внешностью производили неизгладимое впечатление! С ней хотелось общаться, ходить, дружить. Кроме, пожалуй, Галки Латынцевой, Наташка была единственная девушка, кем я просто откровенно любовалась. Иринка Маромыгина вспомнила встречу Нового, семьдесят девятого года. Я тоже там была, это первая моя новогодняя ночь с «Альтусом» в морозном лесу под живой ёлкой. Яркое описание Иринки про Наташину внешность врезалось в мою память: длинная юбка, чёрный, короткий овчинный полушубок и поверх него – чёрный платок с алыми цветами и длинными кистями, а из-под платка – иссиня-чёрные весёлые кудри! Наталья была неотразима! Кажется, она была Снегурочкой в ту ночь. Наверное, это была самая красивая Снегурочка в моей жизни. Да, валенки! Я забыла про валенки. Наташа, как и все остальные участники праздника, была в валенках, которые придавали шарма образу.

Потом был Кашкулак на 8 Марта семьдесят девятого года. Водили нас уже Наташа и Люся. Что осталось в памяти с того времени? Люся нас водила в Бородинку и была уже знакомой и своей. Наташа же для нас, вчерашних новичков, была почти легендой. Люся была попроще, а Наташа – это чувствовалось сразу, была серьезнее и серьезней относилась ко всему. Это внушало уважение.

МЫ ЕДЕМ, ЕДЕМ

Почему мы так любили путешествия? Понятно, потому же, почему их все любят. Но речь идёт не только о жажде новых впечатлений. В наших туристических компаниях тех лет складывалась особая атмосфера общения: лёгкая, весёлая, доброжелательная. И при этом сохранялись очень ответственные отношения друг к другу. Люди иной пробы не приживались. Отправляясь в пещеры, в горы, не только наслаждаешься красотами и общением с друзьями, но и рискуешь здоровьем, жизнью, испытываешь тяжёлые физические нагрузки. Хочешь не хочешь, а учишься сканировать людей (подсознательно): доверишься – не доверишься.

Советская эпоха семидесятых – начала восьмидесятых годов, как я себе сейчас представляю, была самым благоприятным временем для путешествий. Билеты на автобусы, поезда и даже самолёты были очень дешёвыми. Для студентов существовали пятидесятипроцентные скидки. На такие расстояния и столько, сколько мы путешествовали во время учёбы, путешествовать уже больше не доводилось. Мы с лёгкостью поднимались, летели и ехали за многие тысячи километров. Жили у друзей, родственников, в палатках, в турклубах. Помню, как после третьего курса мы с девчонками полетели в Якутию, в Ленск, работать пионервожатыми в пионерлагере. Так мы решили отработать пионерскую практику. Нас туда повезла Таня Двоглазова, которая сама была из Ленска. Потом, заработав немного денег, махнули через всю страну в Киев, где жила подруга нашей старосты Тани Паранько. Потом решили побывать на Чёрном море и из Киева поехали в Николаев, где жила Танина тётя. Нас подвело незнание географии. Оказалось, что Николаев стоит не на Чёрном море, а на лимане, образованном Бугом. Тяжёлый промышленный город, где мы не нашли ни одного приличного пляжа.

Путешествие на Дальний Восток по маршруту Томск – Улан-Удэ, Иволгинск (Иволгинский дацан) – Хабаровск, пещера Соляник на Чиндлазе – Уссурйск – Находка (неудачная из-за дождей попытка дойти до пещеры Великан) – Алексеевка – Сергеевка – Владивосток, острова Попова, Рейнеке в Японском море – Томск обошлось нам в сто двадцать рублей с человека. Для молодого поколения объясняю: сто двадцать рублей – это практически чуть меньше, чем среднемесячная заработная плата. Молодой специалист после вуза получал сто пять рублей.

Во время учебного года на праздники никогда не оставались в общежитии, уезжали либо в какую-нибудь пещеру в Юргу или Красноярск на скалы. Весной, на майские праздники, бывало, сплавливались.

Вспоминая что-нибудь интересное из наших путешествий, какие-то эпизоды яркие, я радуюсь всегда и думаю: «Наташе расскажу». И потом, после её ухода, ещё часто во мне возникало это желание, которое разбивалось вмиг: «Наташи нет».

Я вспомнила эпизод с посещением вокзального ресторана в Тайге, когда мы возвращались

из пещеры, возможно, Боджейской или Кашкулака. Обычно на станции Тайга мы шли в деповскую столовую: петляли долго по рельсам в темноте, потом заходили в огромный ангар, и где-то в его глубине, в пропахших мазутом недрах, была большая непритязательная рабочая столовая. А тут мы где-то очень сильно сэкономили, и у нас осталось столько денег, что мы, подсчитав, решили пообедать в ресторане. Тем более случилось это на 8 Марта. После грязных деповских столовых, общих вагонов, холодных пещер в заштатном ресторане мы почувствовали себя как на королевском приёме: залитый солнцем большой зал, белые салфетки, блеск стекла (хотелось бы написать: серебра и хрустала). Нам хватило денег даже на то, чтобы заказать всем по сто граммов красного вина. Я вижу это вино в простой маленькой рюмочке на ножке, рядом тарелка с аппетитной котлетой по-киевски. Уже это давало такое предвкушение праздника, что можно было и не есть, и не пить. Но, поев и выпив, мы ощутили полное блаженство.

ВОЮЕМ С ПЕЧКОЙ

Наташа после вуза была распределена гинекологом в Центральную районную больницу Тимирязево. Она сняла комнату у бабы Клавы в доме по улице Старая трактовая, 49. Больница оплачивала за жильё двадцать пять рублей. Уже осенью я приехала в Томск, и началась наша совместная с сестрой жизнь в Тимирязевке.

В письме отцу 3 октября 1979 года я писала: «С жильём у нас всё нормально: небольшая светлая комнатка в уютном предместье Томска. Ездить даже ближе, чем до Красного Яра. Бегаем по утрам с Натальей. А воздух здесь чудесный». И воздух чудесный, и бегали мы по утрам, но не всё было так благостно, о неприятностях мы старались не писать.

Обстановка в комнате – архиаскетическая: старый стол, панцирная кровать, раскладушка и пара с трудом доживающих век табуреток. Денег нам почему-то не хватало. Завтракали мы дешёвым хлебом с дешёвым же маргарином и чаем. Мы с сестрой тогда мало внимания обращали на внешнее. Наташа начала самостоятельную врачебную деятельность. Вся была в медицине, в друзьях и будущих походах. Я начала искать работу, трудиться над своей диссертацией, писать стихи. В одном из них я и описала эту нашу комнату:

*Я сижу на старом табурете
В комнате, неприбранной и узкой,
В доме пригорода, на планете,
В космосе, летящей между тусклых
Звёзд, туманностей и млечной пыли.
Смятая постель на раскладушке,
Душный запах кухни, окна голы.
Эта комната чужой старушки,
С щелеватым и облезлым полом –
Мне жилище в космосе безбрежном.*

Через некоторое время баба Клава продала дом тёте Ане. Мы хотели съехать, но новая хозяйка сказала:

– Да живите, я не против.

У тётки Ани муж Коля оказался буйным алкоголиком. Вечерами он напивался, впадал в угрюмое состояние, ругался и матерился. Объектом его неприязни были не конкретные люди, а всё несправедливое – и тут бы сматериться – устройство мира. Хозяева держали свиней. И каждый вечер на печи парилась в бадье баланда для хрюшек, источая по всему дому тошнотворный запах.

Тётя Аня работала медсестрой, часто дежурила ночами, были ночные дежурства у Наташи. Случалось так, что я оставалась один на один с изрыгающим ругательства пьяным дядей Колей, невыносимым запахом свинячьих блюд и с непроницаемым мраком за окном. В нашей комнате невозможно было закрыться, там не было двери, вместо неё висела ветхая занавеска.

В скором времени от тётки Ани мы сбежали. Дядя Коля стал нарушать священный принцип частной жизни и неприкосновенность нашего жизненного пространства. Следующей нашей квартирной хозяйкой стала тётка Фая, которая тоже работала медсестрой. Узнав о наших мытарствах, добрая женщина сама предложила нам маленькую чудесную избушку на улице Деповской.

В письме папе от 29 ноября 1979 года сообщая: «Мы живём теперь отдельно, в маленькой избушке. Это уже здорово. Воюем с печкой по вечерам. На наше счастье, до сих пор стоит очень тёплая погода. Нас целыми днями не бывает дома. Сейчас Наташа одна в больнице осталась (все гинекологи на больничном), так она уходит в 7:30 и приходит в 10 вечера. Я после работы занимаюсь в научке».

Папа просит подробно описать наш быт, питание, я ему отвечаю в письме от 26 марта 1980 года:

зьяйки располагался свиначий хлев. «Свинская тема» нас преследовала по пятам буквально.

Переезд никак не изменил нашего образа жизни. Наташа по-прежнему была вся в работе, друзьях и туризме. Я обычно до десяти часов вечера занималась в научной библиотеке университета, к одиннадцати приезжала домой.

Там мы начали вести с Наташей хозяйство: весной сажать картофель, на зиму солить капусту, заготавливать дрова.

Восстанавливают детали нашей жизни на Больничной опять же письма к отцу. Письмо от 3 октября 1980 года: «Готовимся к зиме. Дрова уже Лёша порубил, будем сегодня их складывать в поленницу. Неважные, правда – осина полугнилая, а обещали хорошие. Собираемся солить капусту в следующее воскресенье. Это будет заключительным этапом подготовки к зиме».

Не раз мы приглашали папу себе в гости. Письмо от 17 декабря 1980 года: «Папка! Приезжай! Вечером мы получили письмо и начали фантазировать: ты приедешь, мы позовём Ольгу, мою подругу (я очень хочу, чтобы вы познакомились), приедет Лёшик, мы посидим, поговорим, преодолеем «разрыв поколений», попьём вина, что-нибудь вкусное сготовим. Например, пельмени. Потом ещё сходим в театр – у нас отличный новый драматический театр. И недавно здание ТЮЗа построили. Говорят, что тюзовцы очень незаурядные вещи делают. Съездим к Коротченко А. Л., если ты, конечно, захочешь. Он тебя звал. Говорит: «Если папка приедет, тащите его к нам». Так мы фантазировали, и нам сильно-сильно захотелось, чтобы ты приехал. Да и ты тут отдохнёшь. Можно будет лыжи напрокат взять, в лесу сосновом покататься. Правда, тебя этим не удивишь, у вас у самих там такой лес чудесный. <...>

Володя собирается поступать в наш ТИАСУР. Мы очень рады – постепенно наша родня собирается в Томске, это славно. Часто ли ты его видишь? Мама писала, что он покуривать стал и сказал ей: он будет курить, когда окончит школу, ему нравится, и никто от этого не умирает. Лёшик обещал затравить у него на глазах никотином крысу, чтобы продемонстрировать вред курения, мы все его поддержали.

Заканчиваю на этом, надеясь на скорую встречу и долгий-долгий разговор с тобой».

В восемьдесят первом году, летом, в Томск приезжает брат Володя поступать в ТИАСУР.

В Тимирязево позже Наташа с Лёшей получили квартиру. Оно стало для них местом, где они создали своё родовое гнездо.

«Я – ЖЕНА»

Уже не раз мелькало в моих письмах родным и в дневниках имя Алексей, но нейтрально. Тогда и Лёша, и Наташа были увлечены другими. Судьбоносная встреча состоялась, а вот когда, сказать трудно. Сам Алексей вспоминает об этом так: «Как мы познакомились – не помню. Или не знаю, какой, собственно, случай считать знакомством. Меня вроде бы она заметила где-то в турклубе. Я заметил её в другом клубе – фотографическом, поскольку обнаружил там неожиданно Наташу, уже напечатавшую какие-то фотографии с очередного туристического мероприятия и, как мне показалось, зря потратившую большое количество драгоценной фотобумаги (я уж не говорю, что вход в фотолaborаторию был строго по членским билетам). Наташа позже сказала, что тогда её удивило: что это я проявил такое участие в её «фотоделах». Потом (а может быть, и до того) была пещера Баджейская, и уже потом Наташа призналась, что говорила девочкам (наверное, Гале Паниной или Люде Смирновой) о том, что было неплохо, если бы я пошёл в эту пещеру. То есть с какого-то момента я уже был неведомо для себя руководим».

Как я уже писала, Наташа дала себе слово, что не выйдет замуж без любви. В отношении с парнями она избегала того, что называют флиртом, заигрыванием, жёстко пресекала ухаживание молодых людей, если у неё не было встречной симпатии. Несколько раз целовалась с парнями. А уж как корила себя за это! Как-то на дне рождении у Ольги она целовалась с парнем, которого практически не знала, и он ей не нравился. «Разве бы я могла такое раньше сделать?! Видите ли, я просто проводила эксперимент и отвечала на свой вопрос, просто это или сложно, могу или не могу. И он мне преподнёс подарок – не показывается две недели. Оказывается, это с одним просто, а с другим сложно».

До встречи с Лёшей у неё не было парня, с которым бы она дружила, думаю, по причине этой максималистской позиции. Она не могла завести отношения просто потому, что понравилась какому-нибудь парню и он стал за ней ухаживать – этого она себе не позволяла. В дневнике она описывает несколько эпизодов, случившихся на сплаве, которые касаются этой сторо-

ны. «Митрико замучил меня своей притворной любовью. Я его, наверное, оскорбила. Он замолк, лёг с соломинкой во рту. Это меня даже испугало. Таким его я ещё не видела». Серёжка (видимо, Прохоренко, со сплава. – *Прим. В. Л.*) попал в больницу. Наташа подозревала, что он легкомысленный сердцеед, и хотя он ей нравился как человек, как парень вызывал настороженность. «Серёжка лежит в больнице. Была у него два раза. Гуляет у Томи! Целыми днями. Каков больной! Но сейчас ему уже легче. Даже не хромает. И ещё пытается за мной ухаживать. Этого мне не хватало! Но до чего противная, гадкая женская натура – приятно – в корне не пресекла. 7-го будет у меня. Сбежит!»

Её влюблённости оставались до времени безответными. Как любая девушка, переживала и боялась, что не встретит своего избранника, свою судьбу. 29 октября 1977 года пишет: «Когда мне трудно и тоскливо, мой милый дневничок, я обращаюсь к тебе. Опять мне хочется понять о собственной неполноценности, о том, какая я дура и что меня никто не любит».

Зимой семьдесят восьмого года Наташа собиралась в пещеру на Урал, в Сумган-Кутук. Перед пещерой заехала домой: «Я еду домой снова с рюкзаком, снова на три дня. Моя бедная мама! Она, конечно, хочет увидеть меня прекрасно одетой, с умным, серьёзным, симпатичным и любящим женихом-мужем (похож на образ Лёши. – *Прим. В. Л.*), хочет видеть меня в дальнейшем счастливой матерью, я приезжаю в рубище с огромным рюкзаком, как вьючная кляча. Наташка-Наташка, начинающая потихоньку вянуть старая дева». И это в двадцать четыре года она именуется «старой девой»?!

Однажды Наташа решила «...стать настоящей женщиной! («Ой, не могу!» – её ироничная ремарка. – *Прим. В. Л.*) Буду следить за собой. По утрам, кроме бега, мечтаю – ежедневно! – накручиваться и краситься! И вообще... Не стесняться хорошо одеваться!». Странные все же мы усвоили установки, если Наташа своё желание хорошо выглядеть и заниматься женскими домашними делами принимает с опаской и настороженностью.

26 января 1978 года: «И ещё я замечаю за собой слабость, милую, женскую, которая очень мне помешает в будущем, хоть и не совершенствоваться, но ковылять и поспевать за гинекологией и вообще медициной – люблю заниматься хозяйством: стирать, гладить, наводить порядок в

чемоданах, даже посуду мыть для меня приятнее, чем сидеть за книгой. Меня это приводит в ужас. Зачем тогда кончать институт? Я не против того, что я за последнее время стала лучше следить за собой, но у меня иногда прорывается неукротимое желание шить, стирать, штопать. А где взятое в душе обязательство непременно три часа сидеть с книгой? И не просто сидеть, а готовиться серьёзно, углубленно. Только намеки – и больше ничего». Думаю, что установки на приоритет общественного перед личным мы подсознательно усвоили от отца. Поэтому, наверное, сестру беспокоит получение естественного удовольствия от домашней работы. Забегая вперёд, скажу, что Наташа в будущем легко разрешила этот конфликт: с радостью шла на работу, с удовольствием занималась домашними делами.

Поэтому если Наташа сама подспудно стала проявлять едва заметную активность в отношении Лёши – тому были очень веские причины и самые серьёзные намерения. А Лёша, придя однажды к Наталье в гости, остался навсегда. Это было тогда, когда мы жили у тёти Фаи.

В письме папе 11 августа 1980 года я сообщаю: «Натальюшка моя, скажу тебе по величайшему секрету, дружит. Парнишка у неё очень хороший. Он учится на пятом курсе мединститута. Они оба увлекаются туризмом, фотографией. Правда, он младше её на четыре года. Но мы все уверены, что они останутся вместе. Лёша мне очень нравится: он и мастерит, и рисует, и учится хорошо (хоть бы уж не сглазить!). Если ты приедешь, ты его увидишь».

Собственно говоря, новый дневник тысяча девятьсот восьмидесятого года сестра начинает вести после трёхлетнего перерыва в момент, когда после ссоры с Лёшей ей было очень горестно. Впрочем, ссора Лёши была не с Наташей, а со мной, уже не помню почему, да и Наташа не поняла, в чём суть разногласий. Лёша уехал в город. Я тоже.

10 ноября 1980 года: «Ревела. Господи, влюбилась по уши и больше! Я люблю его, люблю очень, очень. 13 октября сказала ему всё честно, что я верю в нашу любовь, в её постоянство и вечность. Милый, как он принял это, целовал меня. Та суббота, когда я не сдержала чувства... Какая за ней последовала «неделя нежности», как я назвала её. Позволь Лёхе, он бы не спускал меня с рук». У Наташи путаются даты, слова от трепетных, волнующих воспоминаний. «В этот день мы окончательно решили пожениться».

И вот в письме к папе от 26 января 1981 года я пишу со всей определённой: «У Натальи всё хорошо. Работает она сейчас за двоих. В работе страшно ответственна, любит её, что ещё нужно? И на личном фронте всё прекрасно. Всё идёт к свадьбе. Я тебе сейчас больше ничего писать не буду, она тебе всё сама напишет, где-то, я полагаю, в конце или середине февраля».

Запись в дневнике 25 января 1980 года: «Сегодня уехал домой Лёшка сообщать родителям, что он женится. Страшно мне чего-то. Вот только замёрзла, не дождалась, когда поезд уйдёт. Не хорошо? Как там сейчас пройдут переговоры?» Через три дня: «Дождусь ли своего любимого? Пошли третьи сутки, как проводила. Тосковала, тосковала, особенно сегодня, даже сердце болит. Как они воспримут эту новость? А больше всего, как они воспримут, что я старше его на 4,5 года?»

После этого у Наташи начались серьёзные проблемы на работе, и поэтому она даже не поделилась с дневником впечатлениями о переговорах Лёши с родителями.

Пред свадьбой Лёша повёз Наташу в Бийск знакомить с ними.

«Даже не могу сказать, кто больше волновался при встрече: Наташа или мама, Галина Вячеславовна», – сказал позже Лёша.

Обе эмоционально переживали это первое знакомство. Оно оказалось счастливым. Наташа полюбила свекровь – открытую, общительную, как бы сказала молодёжь, позитивную. Они были очень близки в понимании главных жизненных ценностей. Главной ценностью для Галины Вячеславовны была семья. Она – замечательная хозяйка, мастерица, садовод и невероятный, просто магический кулинар. Всё, что выходит из-под её рук, имеет только один недостаток: оно быстро съедается и оставляет навязчивое желание снова испытать неповторимый вкус. К тому же она прекрасно шила, вязала, вышивала, плела макраме, выращивала невиданные урожаи. Всем своим опытом свекровь щедро делилась с невесткой. Галина Вячеславовна говорила позже: «Если стану совсем немощной в старости – жить буду только у Наташи с Лёшей».

Письмо папе от 24 апреля 1981 года: «Я думаю, что скоро мы с тобой встретимся. Ты уже, наверное, получил от Наташи телеграмму, из которой мог бы узнать, что 30-го у неё свадьба. Так что твоя книга (о супружеской жизни) оказалась более чем кстати, мы её все штудлируем».

И вот: «Здравствуй, дневничок! Прошло 4,5 месяца. Много воды утекло. Я – жена. Свадьба была 30 апреля, хорошая, нам понравилась» (1 августа 1981 года).

Свадьбу сыграли в тимирязевской столовой. Тогда была очень популярна передача «От всей души», которую вела Валентина Леонтьева. Мы решили сделать свадьбу в стиле этой передачи. Я была ведущей, то есть Леонтьевой, старательно пародировала её запредельное воодушевление и экзальтированный пафос. Лёшин друг Женя Борунов изображал оператора. К фанерному почтовому ящику он приделал красный фонарь и чёрную длинную трубку – объектив. Уморительно «снял» всё происходящее, фиксируя свою трубку на жующих ртах, поглощаемых салатах и напитках, на произносящих тосты. У нас даже состоялась настоящая неожиданная встреча – такие часто сопровождали передачу Леонтьевой. На свадьбу был приглашён друг Лёши и Наташи Валера Столяров. Он в это время работал в Кургане, куда его распределили после вуза. Валера приехал на свадьбу. Но мы скрыли его приезд и убедили жениха и невесту, что он не сможет попасть к ним на свадьбу. И вот – волнующий момент – друг жениха посреди свадьбы появляется в зале. Изумление, радость, крепкие мужские объятия – всё как по нотам.

Друзья приготовили ещё один сюрприз. Когда жених и невеста уже были одеты и собрались на свадебный пир, к избушке подъехала машина для перевозки мебели, дверцы распахнулись, а там – холодильник! Друзья торжественно поднесли его жениху и невесте:

– Самая нужная в хозяйстве вещь!

Жених и невеста не скрывали радости.

Открылась новая страница в жизни Наташи и Лёши, наполненной и счастливыми событиями, и заботами. Они ждали первенца.

«Папа, ты скоро будешь дед – Наташа ждёт ребенка, рожать будет в феврале – марте. Вот такая добрая новость», – пишу я папе в письме от 8 ноября 1981 года.

И через месяц: «У Натальи всё хорошо, она «растёт» и цветёт. На Новый год собираются приехать сватовья из Бийска – всей оставшейся семьёй».

Однако на работе у Наташи в это время начались серьёзные неприятности. Из-за некоторых врачебных ошибок и непомерных амбиций одной из сотрудниц отделения разгорается острый конфликт между ней и Наташей. Та пыта-

ется очернить Наташу перед руководством больницы. Единственный раз Наташа признаётся в ненависти к человеку – именно к этой сотруднице, не буду называть её имени. Удивляется её грубости, наглости. «Такое предчувствие, что мне рюют яму, что я доживаю последний месяц в больнице», – пишет она. С уходом Натальи в декретный отпуск всё «рассосалось».

Третьего марта восемьдесят второго года рождается сын Роман: «Я – мама. Необычно. С сыном в Бийске. Алёша в Томске».

*шестое июля –
ещё один гвоздь
заколочен в сердце*

Это случилось близ города Ерментау, в полутора километрах от посёлка Селета, у моста через местную речку. Дорога была неважная, ехали со скоростью не более восьмидесяти километров. Мы дремали на задних сиденьях. Сначала был ослепительный свет, потом резкий удар, нас бросило вперёд, по груди ударили ремни безопасности. Мотор заглох. Лёша и Володя вышли из машины, бросились открывать задние двери. Я вышла с их помощью. Качало, перед глазами плыли блестящие мушки. Наташа просила не трогать её. Это был первый ужас. Нас положили на спальные возле дороги. Над степью висела эта зловещая, бледная, какая-то сдавленная с боков луна в коконе из мутного света.

– Наташа, больно?

– Мне трудно дышать.

Володя и Лёша стали вытаскивать людей из белой девятки, которая вылетела на встречу и врезалась в нашу машину. Там было двое мужчин и две женщины. Их укладывали рядом с нами. От них шёл резкий запах перегара. Некоторые машины, несмотря на просьбы, аккуратно объезжали место катастрофы. Потом собрались мужчины, помогавшие вытаскивать людей. Один из них стоял рядом с нами и постоянно спрашивал наши имена, чтобы проверить, живы мы или нет.

– Камилла, – ответила лежащая рядом девушка.

В горле у неё клокотала кровь.

Приехала машина, которая повезла нас в местный медпункт, в посёлок Селета.

– Как, Наташа?

– Мне не хватает воздуха, трудно дышать.

Меня завели в пустую палату, а Наташу положили на пол в процедурной.

В медпункте творился ад. Сначала пришли родственники одного скончавшегося – водителя – и начали плакать и выть, потом другого, потом Камиллы. Метались санитарки и медсестры.

Я пыталась молиться, но что-то ужасное уже вторглось в мою жизнь и ломало и обессиливало молитву.

Потом стало тихо, и я слышала голос Лёши, он был возле Наташи.

Она была очень спокойна. Как врач руководила своим спасением. По её просьбе поставили физраствор.

– Быстрее! – глухо просил Лёша. – Человек уходит.

– Мне надо к хирургу...

И последние её слова, она попросила кислородную подушку, потом впала в кому.

Я услышала всхлипы, вышла из палаты:

– Лёша! Что?!

– Она ушла, она умерла...

Наташа лежала на деревянном полу. Лицо её было очень белым и невероятно красивым, молодым, таким же молодым и красивым, как в моём сне.

Плакать я смогла только на третий день.

Я видела мёртвое лицо этого водителя, врезавшегося в нашу машину и убившего Наташу, казаха лет тридцати пяти, на лице застыло выражение удивления. Я не испытала ни ненависти, ни жалости – ничего. Отвернулась. У него не было прав, он, пьяный, с нетрезвой компанией угнал машину у отца.

Убогая районная гостиница. Медленно, борздя по сердцу зазубринами, течёт время. Изнурительная жара. Следствие, показания, поездки в милицию.

Мы пришли за ней в морг. Вынесли гроб. Прежде чем поставить его в рефрижератор, открыли, чтобы посмотреть на Наташу ещё раз. Мы увидели Наташу в гробу: безжизненно-бледное, чуть тронутое желтизной, но по-прежнему красивое лицо и её чёрные локоны, разметавшиеся, такие непокорные, как всегда – живые! Яркий свет дня. Сердце обжигала смертная тоска. Но может быть, потормошить, разбудить её? О Боже! Что-нибудь, ну, как-нибудь! Надо что-то вернуть обратно, не может этого быть, не должно, это неправда, быстрее проснись, выдерни себя и Наташу из этого кошмара! Как-нибудь надо спастись от этой нелепицы – Наташа лежит в гробу в этом городе!

Но это длилось, длилось и длилось – ни спасения, ни пробуждения не наступало.

Порой неслучившееся, воображаемое впечатляет нас, держит наше внимание с такой силой, как будто мы на самом деле день за днём, час за часом проживали это событие и «помним» его в подробностях, оно воскресает из каких-то метафизических глубин.

Проводник ушёл в посёлок докупить продукты. Странница сидела на берегу реки у подвешенного моста. Через мост шла девочка. Странница вглядывалась в её худенькую фигурку, загоревшее лицо. Необъяснимое волнение охватило её. На вид девочке было лет девять. Невысокая, лёгкая, с чёрными кудряшками; сарафан с широкими ляжками, истрёпанные сандалии. Когда она подошла совсем близко, паломница рассмотрела узор на сарафанчике: по белому ситцу – маленькие розовые тюльпаны с зелёными листиками на коротких стебельках.

«Эта ткань... она ещё сохранилась...» Как зачарованная, странница поднялась и пошла вслед за девочкой. Та прошла по тропинке между домами. Прежде чем завернуть за угол, она обернулась, внимательно посмотрела на странницу, кивнула ей – или просто так показалось – и исчезла.

Вечером они сидели с проводником у горящего костра. Красные языки пламени торопливо лизали синие сумерки. Странница вспоминала: «Мама сшила нам с сестрой на лето одинаковые сарафаны из ситца: по белому полю рассыпались мелкие розовые тюльпаны. Мне нравилось слушать, как стрекочет мамина ручная машинка, и нравился хлопковый запах новой ткани. Неужели такой ситец ещё производят? Через столько лет?»

Неумолчно шумела река. Проводник снова рассказывал об Озере.

– Если хочешь увидеть что-то необыкновенно красивое, что может получиться от соединения воды, камней, деревьев и гор, надо идти к Озеру. Кстати, в переводе название Озеро именно это и означает: «Красивое озеро». Нам повезёт в любую погоду: будет ли там дождь или солнце, наползут ли с гор тучи, окутает ли его туман – всё выявит его особенную, неземную красоту.

Странница молча подбрасывала хворост в костёр.

На четвёртый день пути её стали удивлять необыкновенные детали, которых она раньше не замечала, или просто они вдруг появились. Рюкзак стал очень лёгким. И сама она не уставала.

Звери и птицы перестали их бояться. Толстая пищуха, не спеша бежала перед ними по тропинке, не собираясь уступать дорогу. Красноперая птица уселась на рюкзак проводника и начала деловито чистить перья.

– Это влияние Озера, мы приближаемся к нему, – объяснял проводник. – Там всё живёт по-другому. Завтра в полдень мы уже будем там.

На следующий день ближе к полудню они увидели её сидящей на рюкзаке у ручья.

Девушка приветливо улыбнулась:

– Решила здесь передохнуть. Присоединяйтесь, прошу вас. Вот орехи, изюм, печенье. Вода какая в ручье! Сладкая-сладкая!

– Да, здесь во всех ручьях сладкая вода, – согласился проводник.

В приглашении девушки было столько безыскусной радости и сердечной теплоты, что путники тотчас же сняли рюкзаки и устроились рядом с ней.

– У нас курага, чернослив, мюсли, – странница разложила припасы на траве. – О! Тут и белочка с вами трапезничает!

– Да, понравились ей орешки, – рассмеялась девушка.

«Какой необыкновенный вкус у её орехов и изюма, как из восточной сказки, – изумилась странница. – И сама она... Как будто я её где-то видела, знала раньше. Но лицо незнакомое. Бывают такие люди: побудешь с ними минутку и будто всю жизнь знал их. Родственные души.»

– Вы тоже идёте на озеро? – спросил проводник.

– Да. Я была уже там. Давно. Хочу ещё раз увидеть его.

– Я вас понимаю. Такой бирюзовый цвет воды можно увидеть только там.

– Мне хочется увидеть закат. Там необыкновенно красивые закаты. Говорят, из-за расположения Озера относительно сторон света удивительным образом преломляются лучи света.

– Просто там Небо сходится с Землёй – вот и весь секрет, – сказал проводник.

Оставшиеся несколько часов шли до Озера втроём. Они не разговаривали, так как шли по узкой тропе друг за другом. Но и просто присутствие девушки источало удивительное умиротворение и душевную тишину.

Она уже полчаса сидела, не шелохнувшись, обратив лицо к западу. В закатных лучах солнца сияющая бирюза темнела, насыщалась изумру-

дом, вспыхивала тёмная зелень кедров, в причудливом порядке обступивших Озеро. Светлый камень скал оттенялся нежной зеленью трав. Далеко вдающиеся в Озеро живописные каменные мысы оживляли линию берега. За скалами южного берега, смешиваясь с облаками, поднимался заснеженный хребет, окрашенный в розовые предзакатные тона. Из озера с неумолчным ликующим шумом вырывалась водопад-река Йолдо-Айры, устремляясь к своей вечной сестре Кони-Айры.

– Мне пора, прощайте и... спасибо вам, – девушка легко встала и пошла прочь, быстро приближаясь к подножию курума.

«Почему она уходит? Так внезапно?! Я не хочу, чтобы она уходила. Ей нельзя уходить», – забеспокоилась странница.

– Подождите, может, вы ещё останетесь?! – крикнула она вслед девушке.

Но та, не оборачиваясь, быстро удалялась, поднимаясь по склону навстречу закатному солнцу.

– Подождите!

Тут взгляд странницы упал на то место, где сидела девушка. Она заметила тетрадку, на обложке которой был изображён знакомый рисунок. Странница подняла тетрадку и прочла надпись, сделанную крупным детским почерком: «Дарья».

– Наташа! Наташа! – странница бросилась за девушкой. – Наташа! Как ты могла?! Не сказати! Вернись! Подожди!

Но девушка уже исчезла.

Странница опустилась на траву и стала горько плакать.

– Почему она не сказала, почему не захотела остаться?!

Проводник обнял странницу за плечи.

– Она пока не может остаться с тобой, – мягко сказал он.

– Почему?! Почему?!

– Очень разные времена и задачи.

– Ты знал, ты узнал?

– Да.

– Но разве это не важная задача, побыть со мной, когда мне это так нужно? Я ждала эту встречу, надеялась. Почему сейчас это не важно для неё? Она не хочет?

– Поверь, она хочет. Она и побыла с тобой. Ей и это пребывание с нами далось очень нелегко. Но то, чем она занята, она делает для вас всех, для тебя. Когда-нибудь, не сейчас, вы встретитесь, и эта встреча будет другой.

БЫЛ СВЕТ

длинные облака

*в проталинах золотистого света
и Наташа на небесах*

Я смогла написать крестной лишь спустя несколько месяцев после трагедии. Переписка с ней стала началом исцеления от нестерпимого ощущения потери. Мы с ней скорбели, размышляли над загадкой Наташиной смерти и жизни, искали пути преодоления острой боли от ухода родного человека, примирения с трагедией.

19 ноября 2009 года: «Добрый вечер, Людмила. У нас случилось горе. Этим летом мы попали в автокатастрофу, и погибла моя сестра Наташа. 6 июля. Мы ехали в Казахстан, в общем, на могилу отца: 8 июля – 25 лет, как папы не стало. Ехали четвером: Володя, Наташа, я и Лёша, Наташин муж. Мы сидели с сестрой на задних сиденьях и были пристёгнуты. Уже в начале первого, ночью под городом Ерментау произошло лобовое столкновение. «Девятка» с пьяным водителем выехала на встречную полосу. Он погиб на месте и ещё двое с ним. Наташе от удара ремнём поломало рёбра и обломком ребра смертельно ранило сердце. Она прожила сорок минут. Сознание не теряла, затем впала в кому. Мне ремнём поломало ключицу. У Лёши ссадины. У Володи никаких повреждений. Ничего страшнее в жизни я не переживала. Я понимаю, что ни вера, ни молитва не гарантируют ни счастья, ни благополучия, но что-то произошло после этого с моей верой. Почему Наташа? Сотни подонков живут. Утешаю себя тем, что Господь милостив и всё делает к лучшему Ему одному известными путями. Прошу твоих молитв о р. б. Наталье».

20 ноября 2009 года: «Вера! Все мои слова будут мелкими перед такой катастрофой. Но сердцем очень чувствую твоё горе. О Наташе, которую полюбила по твоим рассказам, буду молиться и заказывать обедни. Год душа будет сильно страдать от невыносимых воспоминаний. Но потом «время залечит рану», частично, конечно. Родителей нет 4 года, а душа тоскует по ним, иногда до слёз. Человек не может не ужасаться, когда встречается смерть близких. Тогда остро понимаешь, что человек – тварное существо, здоровье, жизнь и смерть которого в руках Творца. Почему Наташа? Мы только знаем, что Бог забирает человека в вечность в наилучшем

для него состоянии. Тебе будет легче, если ты будешь постоянно напоминать себе, что она жива в вечности, в Царстве Небесном, что у неё теперь другие, очень серьёзные задачи. Своими молитвами мы можем ей помочь. Помогает и милостыня в её воспоминание. Ты не кори себя за то, что вера поколебалась. Мы же не титаны духа, не святые. Помнишь Иова? Прости меня, боюсь быть тебе в тягость своими словами. Пиши мне. Целую и обнимаю!»

СНЫ

*видно, праведных
не хватает на небесах,
раз Наташу так рано забрали*

И ещё были сны, в которых я тоже пыталась разрешить тайну ухода Наташи.

06.08.2009. Сегодня месяц, как нет Наташи. И было полнолуние, как в ту ночь, когда она погибла. Мне снились кошмары.

В каком-то помещении много народа. И вдруг на заднем плане мелькает кто-то очень похожий на Наташу. Я приближаюсь, вглядываюсь, узнаю Наташу. Меня охватывает ужас, ведь я знаю, что её нет среди живых. Я опять теряю сознание, но не полностью, а как во время проводниковой анестезии: я осознаю действительность, но скована, не могу двинуться и начинаю видеть себя со стороны, чуть сверху и сбоку. Я вижу, как моя голова клонится к столу и глаза закрыты. Я тяну руку, раскрываю её, мне нужно, чтобы кто-то взял меня за руку. И рядом появляется Якубовский, он вкладывает в мою раскрытую ладонь свою ладонь, я судорожно сжимаю её и отхожу от ступора. Ему надо уезжать.

Другой эпизод.

Наташа сидит, и я накидываюсь на неё с плачем, я злюсь на неё из-за того, что она ушла от нас, умерла. Я отталкиваю её, но она сидит, безучастна, только чуть удивлена.

Третий эпизод.

Теперь мы попадаем в очень странное пространство. Я вижу на ночном, но светлом небосклоне цветное пятно, яркое, как переводная картинка. Я удивлена, всматриваюсь в него. Это, оказывается, высоко в небе изображение какого-то сказочного персонажа, возможно, Карлсона. «Это специально для детей», – думаю я. Но пространство странное. Я уже однажды, кажется, попадала в него: сумрачность, но это не наша ночь, потому что от небосклона

идёт неяркий, очень блёклый свет, он идёт, как будто сквозь небесный полог. Будто сами небеса подсвечены из каких-то дальних сфер. Звёзды горят не очень ярко, но они больше обычных звёзд, напоминают неярко светящиеся горошины. Небесный свод совсем другого, непривычного масштаба: он высокий и очень круто изогнутый. И при этом ощущается как бы большая наша власть над пространством, не знаю, как передать это ощущение, будто своим взглядом мы способны проникать в более высокие сферы и более низкие.

Потом я замечаю ещё одно цветное пятно на небе – при общей светло-серой сумеречности и какой-то монохромности всего окружающего – это тоже некий персонаж. И вдруг я замечаю движущуюся к нам гигантскую фигуру в белой развевающейся одежде. Она идёт не по центру, а сбоку, как бы подпирая головой одну из нижних сфер. Я не пугаюсь, думаю, что это привидение или призрак. Фигура подходит ближе, я замечаю на голове невысокую белую шапочку с красным крестом, как у врача, и белый саквояж. Это женщина, по образу – медсестра, пожилая, тощая. В ней есть что-то трогательно-ироничное, и я понимаю, что это тоже сказочный персонаж, она здесь для детей. Но никаких детей в этом пространстве нет. Оно пустынно. Пока я осознаю в нём только себя.

Потом в этом пространстве я вижу дорогу – узкую, серебристо-блестящую, асфальтированную, но бугристую. По ней мы едем с Андреем и Наташей. Дорога стиснута с двух сторон непонятными объёмами. С одной стороны я вижу ступенчатое строение, мимо которого мы проезжаем, и на нём лежат много огромных чёрных моржей или нерп, в общем, морских животных с лапами, которые громоздятся, нависают угрожающе над нами, готовые свалиться на нас. Я этого опасюсь.

Потом мы уже не на машине. Наташа полулежит на земле, на коврик, на ней коричневый свитер и спортивная шапочка. Она спокойно осматривается. Я подхожу к ней и спрашиваю: «А где дети?»

Четвёртый эпизод.

Я подхожу к Наташе, опять плача, в отчаянии. Наташа в своём любимом платье, бежевом, с розовыми цветочками, в котором её похоронили. Она мне говорит:

– А я к вам больше не приду...

И так легко говорит, даже чуть улыбаясь.

09.08.2009. Наташа приходит не в дом, а в какое-то учреждение и приносит бумаги, в них разделено всё на разделы, и в первом разделе столбцы из цифр типа: 2 × 2 × 2 × 4 × 5. И ещё какие-то знаки. Я ничего не понимаю. Наташа в платке, в широкой длинной юбке. Во сне я знала, что Наташа умрёт. И я не могу решить: говорить мне это ей или нет. В напряжении смотрю на неё и раздумываю.

15.10.2009. С какой-то компанией, там и знакомые, и незнакомые, накрываем стол на улице. Я беру противень и ухожу за угол дома. Навстречу идёт Наташа. Я знаю, что она умерла и, остолбенев, смотрю на неё. Она в платье в мелкий золотистый цветочек, которое носила долго в первые годы замужества. Наташа потерянно смотрит, проходит мимо меня, не взглянув, не узнав. Я поворачиваюсь и иду за ней. Она стоит у стола, спиной ко мне, мне кажется, что она кого-то ищет глазами. Я вижу её чуть более объёмную фигуру, узнаваемую в каждой линии. Я приближаюсь, протягиваю руку... Сейчас я узнаю, что это не призрак и не видение. Я прикасаюсь к ней и чувствую тёплое, живое тело. Наташа поворачивается и теперь узнаёт меня. Мы обнимаемся, плачем. И я вижу, как из глаз её текут нечеловечески огромные слёзы.

И я задаю ей, наконец, всё время мучающий меня вопрос:

– Наташа, почему?

– Почему мы... – и тут она употребила какой-то глагол, я не запомнила, но смысл её уточнения был таким: «Почему мы родились сёстрами в одной семье?»

– Нет, – говорю я, – почему так рано (почему так рано ты ушла)?

Сон оборвался на этом месте, я не услышала такого нужного мне ответа.

Я помню напряжение всей этой сцены, как будто в ней было что-то запретное, неразрешённое для меня ли, для Натальи ли, и мы могли поплатиться за это. Но переживание это шло фоном, оно было похоже на осознание недоброго надзора, слежки.

17.07.2010. На крутом обрыве реки пикник. Я с ребёнком маленьким. Ему очень рада, у меня благостное настроение. Не совсем ясно, кто он мне – сын, внук. Но это мальчик, очень хорошенький. Со мной Наташа и ещё какие-то дети с нами. Полуосознанно я знаю, что произойдёт с Наташей: скоро она погибнет, но я не хочу ей это говорить, не хочу нарушать атмосферу

праздника: «Ещё не время». На другом, далёком берегу иногда появляется Андрей, тоже с детьми. Мы видим их, радостно приветствуем. Но всё мое внимание сосредоточено на ребёнке, я люблюсь им. Ему три – четыре года. Играя, он отсаживается от меня и вдруг соскальзывает с обрыва и падает в воду. Я понимаю, что это почти неизбежно – гибель. Обрыв очень высокий, ребёнок не умеет плавать, он не выплывет. Меня охватывает ужас. Я смотрю вниз на воду, она покрыта сверху ярко-зелёной тиной. И из воды угрожающе выступают какие-то железные конструкции. «Прыгай! Прыгай! – мысленно приказываю я себе. – Тебе надо прыгнуть, чтоб спасти его!»

Я боюсь, медлю, мне очень страшно, я могу напороться на эти железные прутья. И тут в голове шевелится трусливая мысль: «Если я немного помедлю, то обязательно прыгнет Наташа».

И Наташа прыгает. Она достаёт ребёнка и выносит его. Но теперь он другой: это маленький младенец без одежды. У него распухший от воды живот. Кажется, Наташа сделала ему искусственное дыхание. Я кладу его на живот и надавливаю тихонько. Из рта вытекает вода. Он открыл глаза, ожил. Страх и ужас отпускают меня. Но я снедаема мыслью: «Я не прыгнула, струсила, я ждала, пока прыгнет Наташа» Это не даёт мне пережить полную радость и счастье от спасения ребёнка.

02.06.13. Мы провожаем Наташу. Она уезжает непонятно куда. Уезжает как будто из-за того, что рушатся отношения с Лёшей. Никто не говорит, почему рушатся, но есть (у меня?) догадка, что он начинает строить отношения с другой женщиной, неизвестной. Но это всё не ясно. Собрались провожать все: Володя, я, Андрей, Аня, сам Лёша, он – с фотоаппаратом. Там были Витя и Саня Коротченко, оба молодые, красивые, Саня какой-то большой, высокий. Наташе там, куда она едет, предстоит устраиваться заново. Мы оживлены, и Наташа тоже, и Лёша, но это ощущение какого-то крайне нервного подъёма, как перед тревожным и неведомым. Наташу ещё раньше я видела плачущей, но теперь она изо всех сил пытается выглядеть оптимистичной. Лёша взял у неё телефон, нет, скорее айфон:

– Мы сделаем вот так, чтобы тебя видели во всём мире, – он вроде бы включил какую-то опцию так, что в айфоне или возле него появилась голографическое изображение Наташи. Почему

голографическое? Потому что я видела её тёмное поясное изображение объёмным и даже как бы сзади или сбоку. И как будто это связано с необходимостью там, на чужбине искать работу, контакты.

26.11.15. Я убила Наташу. Во сне я никак не могла мотивировать это эмоционально. Мы спали в ней на одной кровати (как в детстве). Я завернула её в ковёр или толстое одеяло и несколько раз проткнула острым ножом. Потом я положила свёрток на полку между книгами, что-то вроде большого стеллажа, это наш стеллаж, который стоит в зале. И в этом всё (во сне) было ощущение жуткой подлинности и в то же время какой-то театральности. Я думала, что кровь может протечь через ковёр и мне надо будет что-то с этим делать. Но, кажется, кровь не протекла. Потом я вижу, что возле полки, где лежит Наташа, женщина в цветастом платье моет пол, и мне кажется, что она о чём-то догадывается. Я подхожу к ней и начинаю ей угрожать, и в этом какой-то дурной фарс, так как я беру её за подбородок, угрожающе приближаю своё лицо, сужаю глаза, пытаюсь внушить ей страх и приказ молчать о своих подозрениях. И, что особенно ужасно, я чувствую у себя внутри душу убийцы. Мне хочется посмотреть на Наташу. Я отворачиваю конец ковра и вижу её бледное лицо, закрытые глаза, кровавые ранки, ссадины. И потом я говорю себе: меня нет, только жалкие остатки меня прежней внутри. Мне с этим придётся жить всю мою жизнь, моё ощущение самой себя было адским. Но постепенно ко мне возвращается моё подлинное ощущение обычной женщины, неубийцы, и затем я просыпаюсь.

Наверное, в этом сне подсознательно проявилось подавленное чувство вины перед Наташей: мы были рядом, сидели в машине, касаясь друг друга, она погибла, а я – нет. И это чувство вины трансформировалось в жуткий сон, где я её убила.

24.03.2016. Мы с братом танцуем. У нас всё получается очень ловко, слаженно, рука встречается с рукой, ритмичные повороты, согласованные движения. И этот танец доставляет нам радость. Мы, улыбаясь, смотрим друг на друга.

Стукнула входная дверь.

– Кто-то пришёл, – сказала я.

Я вышла в прихожую. Навстречу мне – Наташа.

– О-о-ух!

Я знаю, что она умерла, и её приход меня поразил, но своим возгласом «о-о-ух!» я пытаюсь скрыть это изумление, показать Наташе радость.

Она говорит:

– Включите свет (в нашей кухне).

Я включила.

– Вы купили кровать? – спрашивает сестра.

На кухне мебель почему-то навалена кучей. Наташа оживлена, весела.

– Я буду вот здесь, на полу спать, – говорит сестра.

Она как будто хочет к нам вернуться.

ЧЕМ БУДЕМ ОПЛАЧИВАТЬ СЧАСТЬЕ?

Наташа писала в дневнике, что первые два года в супружестве были самыми счастливыми: семья, любовь, сладостное материнство. Никакие тучи не сгущались над их головами. Но так бывает не всегда.

Папе пишу: «Лёшик с Натальей сейчас усиленно налаживают свой быт. Ромка растёт очень быстро, я по нему сама скучаю невероятно, иногда даже во сне снится. Жили бы они поближе, так было бы славно. А для того, чтобы добраться до Тимирязевки, нужно часа 1,5–2 – очень плохо стали ходить автобусы» (18 октября 1982 года).

Двадцатого июня восемьдесят третьего года у Наташи с Лёшей рождается второй сын – Пётр. С его рождением были связаны трагические события. В родильном отделении Тимирязевской больницы началась стафилококковая инфекция, которая поразила большинство рождённых в это время младенцев. Заболел и Петя. Он находился в очень тяжёлом, практически предсмертном состоянии. У него начинался отёк лёгких. В Наташином дневнике на отдельном синем листочке – запись. Это материнский вопль:

«27.06.1983. Господи! За что?! Чем я провинилась перед людьми, за что я так наказана?»

Петьку хороню второй раз. Первый раз, когда он ещё и человеком не был (угроза прерывания беременности из-за отрицательного резус-фактора у Наташи. – Прим. В. Л.), и вот сейчас второй раз... Лежит передо мной маленький жёлтенький старичок. Отдала бы свою жизнь, лишь бы он выздоровел и вырос здоровым и хорошим человеком. А я мало чем могу помочь ему сейчас. Петька, Петька, живи, живи! Жизнь так прекрасна, и трудна, и интересна. Петька!!!»

«04.07.83, 09.15. Ровно две недели назад мы родились. И всё в одной поре, не перешли ещё

той черты, где указатель «выздоровление». Вместо спокойного сна, сладостного сосания с улыбкой – страдальческое личико, уколы, зонды.

А какой сегодня день для нас с отцом – 4 июля. Стог сена, Беленькое озеро, слабый рассвет... Как мы были счастливы...»

На помощь пришла Оля Володарская. Оля как раз была в Томске в эти дни и помогала Наташе ухаживать за Петей. Вернувшись в Улан-Удэ, как вспоминает Ольга, «в течение суток объехала несколько лечебных учреждений, где наскребли достаточно ценные лекарства: дефицитные антибиотики, антистафилококковую плазму». Подруга работала в системе педиатрии. Лекарства Ольга тут же переслала с лётчиками из Улан-Удэ в Томск. Сыворотки хватило Петьке и ещё одному младенцу. Они остались живы, шесть детей умерли. Наташа сохранила телеграмму подруги: «Лекарство самолётом со стюардессой. 30 июня. Ольга». Спаси её Господь! Домашним ангелом называла её Наташа. Ольгу нарекли крёстной матерью Петра.

Выписавшуюся из больницы с сыном Наташу не оставляют тяжкие воспоминания: «Плач матерей, их серые жёлтые лица в стационаре. Арест Эммы Васильевны, Надежды Васильевны. А перед глазами иногда всплывает худое, жёлтое Петькино лицо с крючковатым носом, из которого идёт зонд, иголки в голове и его недвижимый, долгий, очень взрослый взгляд (голова запрокинута), взгляд в окно на качающиеся верхушки сосен, на синее небо с плывущими облаками... Как будто смотрел в последний раз. Каким богам я только не молилась, чтобы он у меня остался жив. Никто не мог мне обещать этого. Первые ночи дежурства – с Ольгой Володарской, потом дежурил Алёша. Я неделю по ночам не спала.

До рождения Петьки мелькнула такая мысль: мы счастливы, любим друг друга, здоровы. Ромка – прекрасен, в общем, здоров. У всех что-то бывает. У нас всё благополучно. Чем мы, интересно, будем оплачивать своё счастье?».

И вот уже через пять месяцев после болезни Петра в письме папе я пишу о нём: «Петька стал переставлять ножки. Теперь он толстый и красивый. Только вот диатез его замучил. Смотрит уже осмысленно, глазки умные. Да ты его скоро увидишь, когда он приедет в Красный Яр. Ромка уже болтает почти свободно, обо всём может изъясниться на человеческом языке, правда,

мама и папа не всегда его понимают. Очень любит музыку и часто просит её включить.

– Мюзику, ла-ла-ла... – таким образом просит включить проигрыватель».

Я неоднократно говорила Петру, что Бог готовит ему особую судьбу. Сколько раз Он спасал его, вытаскивал из тяжелейших ситуаций. Сразу при рождении – жуткая инфекция. В шесть лет на него опрокинулся чайник с кипятком. Ожог – двадцать процентов. Счастливо отделался тем, что шрамы остались только на спине. Потом, в восемнадцать лет перевернулся на своём «Запорожце» так, что машина не подлежала восстановлению, а Петя, будучи не пристёгнут, не получил ни одной царапины. В две тысячи пятом году, когда Петру было двадцать два года, он с группой отправился в поход на Центральный Тянь-Шань. На перевале Опасном их накрыла лавина. Пётр пролетел в лавине восемьсот метров. Под снегом с начинающимся отёком лёгких его нашли товарищи по страховочной верёвке. Сам добрался до автобуса.

В письмах к отцу я чаще всего пишу именно о племянниках. Из моего письма папе от 18 ноября 1983 года: «Наталья с детьми вернулась в Томск. Я один раз уже была у них. Мальчишки так переменились. Ромка стал таким красивым ребёнком – прямо загляденье. С любопытством относится ко всем, кто приходит. Улыбается им застенчиво. Любит, чтобы ему читали. Раньше и минуты возле книг не просидит, а сейчас садится рядом (ноги обязательно с дивана свесит) и подаёт книги одну за другой. Книги не рвёт. Петька такой большеголовый стал. Наверное, очень умным будет. В эту субботу мы с Володей поедem в Тимирязево. Недавно были с ним в театре, смотрели пьесу Ж.-П. Сартра «Только правда». Нам очень понравилась». В следующем письме: «Алексей сейчас учится и детьми занимается только по выходным дням, домой приезжает очень поздно, часов около 11–12 вечера. Ему трудно выкраивать время. Но с детьми, мне кажется, держится правильно: очень серьёзно с ними разговаривает – доброжелательно-строг».

Мы ещё не знали, но папу тогда уже начала точить смертельная болезнь.

У Наташи нескончаемые домашние заботы: уборка, кухня, стирка, шитьё. Жалуется на нехватку денег: «Довольно однообразное питание, Алёша ходит в разбитых вибрамах страшных», надо много шить, готовиться к ординатуре. Болеют дети: бесконечные горчичники, капли в нос,

ингаляции, натирания. В наличии все проблемы молодой семьи.

Она пишет о своей новой системе ценностей: «Что я хочу от жизни? Во-первых, быть и оставаться любимой женой, во-вторых, быть хорошей матерью, в-третьих – хорошим врачом. До 35–37 лет защитить первую категорию, быть неплохим хирургом-гинекологом, владеть иглоте­рапией в масштабах акушерства и гинекологии, овладеть эндокринологической специализацией. И немного заниматься туризмом».

Годы после рождения Пети оказались очень трудными для Наташи: надо было поднять двух родившихся друг за другом ребятишек практически одной. Лёша начал учиться в аспирантуре, надолго уезжал в длительную командировку в Москву работать в лабораториях. Когда работал в Томске, тоже с утра до вечера занимался в лабораториях. Наташу это, конечно, обижало. Но мне как бывшей аспирантке понятно: аспирантское время, как известно, жизнь кормит. Никогда тебе не предоставят больше таких возможностей. Не уложишься с защитой – будет поставлена под сомнение твоя научная карьера. И денег в семью потом не сможешь приносить. Кто ж знал, что в скором времени наступят девяностые, которые надолго обнулят и девальвируют всё.

Наташе много помогали обе мамы: бийская мама Галя и казахстанская мама Аня – так их называли в семье. «О, наши милые, самоотверженные мамы! Какие мы, дети, эгоисты по отношению к ним», – признаётся Наташа. Сестра по долгу жила у них с ребятишками.

Весну и лето семьдесят четвёртого года Наташа проводила с детьми у мамы Ани в Казахстане, в Красном Яре. Это было тем летом, когда умер папа. Ещё одна беда. В дневнике, на заключительных страницах, сестра описывает последние дни и уход папы.

«Вид отца в онкодиспансере меня поразил. Вообще-то я и боялась встречи с ним. Худой-худой, седой и какой-то как будто растерянный. Нет двух передних зубов справа (расшатала при бронхоскопии, пришлось удалить). Губа как-то жалостливо западает. На утреннем обходе зав. отделением в довольно резкой форме сказал, что ему надо собираться домой (никто не сообщил ему его подлинного диагноза и бесполезности лечения, Наташа тоже не решилась это сделать. – Прим. В. Л.). Отец выложил удостоверение участника войны и орденскую книжку и сказал, что позвонит в обком, мол, слабо себя

чувствую, едва на ногах стою, а меня выгоняют. Я бы и сам ни минуты здесь не остался, но слаб. Я тут же разрыдалась, не удержалась. Игорь Борисович (лечащий врач) мне выговорил, как по­добает себя вести. Рассказал он мне подробно всю эту историю: поздно, рак IV степени с метастазами в печень. Бронхоскопия лёгкого, биопсия печени – рак, сомнений никаких нет.

В этот же день мы уехали в Кокчетав. Отец остался отцом, тяжело больной, слабый, шатается, а сам очки на нос – и к книжному киоску.

И вот началось моё враньё. Недели через две видит отец: ни хуже ему, ни лучше. Сначала заговорил о специалисте по лечению, а потом, что ему надо лечь в областную больницу. Обиделся, наверное, он на меня. Что я могла сделать? Алиев привёз Ильясова, главврача Красноярской районной больницы. Посоветовал он ещё глюкозу. Стали делать глюкозу. Сначала читал, смотрел телевизор, выходил к столу, умывался, утром чистил зубы, брился, силы оставляли его. Когда 20 июня приехал Лёша, он его уже брил, последний раз почистил зубы в постели, стали водить в туалет. Да, ещё 15 июня был день рождения папы. Подарила ему цветы. Сказала, что он прожил прекрасную жизнь, и мы ещё будем завидовать его жизни. Сказала спасибо за то, что он наш отец и поцеловала руку. Разревелась. За столом он сказал: «Немного печальный день рождения. Ну ладно, давайте выпьем. Дай бог, не последняя». Да, это была последняя. Ему исполнился 61 год.

Когда мы привезли его, шли к дому, он такими глазами на всё смотрел... как в последний раз. После этого он так ни разу и не вышел на улицу. Потом, когда ему было совсем худо, при Алёше сказал: «Когда же будут брать анализы, ты же видишь, мне совсем худо, мне очень плохо». Потом извинился. Стал плохо говорить, с трудом стали его понимать, совсем ничего не стал есть. Дремлет и дремлет. Может, думал о чём-то. У него уже начиналась печёночная кома.»

ПОСЛЕДНИЙ ДНЕВНИК

Первая запись в дневнике сделана 2 сентября 1984 года – о самом важном и тревожащем её. Отмечено даже время записи: «21.09 Москвы». Наташа, как я упоминала, была с детьми у мамы в Красном Яре. Алёша учился в Москве в аспирантуре. Она оставила мальчишек с бабушкой и поехала в Томск оформлять отпуск. «Я в Тайге, очень знакомой для меня станции. Рано

утром буду в Томске. Вчера должен вылететь из Москвы Алёша. Как-то радостно и тревожно. Я чувствую в наших отношениях какой-то кризис. Испытывает он то же самое чувство или нет? Я будто сомневаюсь, любит ли он меня, люблю ли я его? Или началось уже у нас супружеское охлаждение. Вероятно, что оно рано или поздно наступает. Можно ли его предотвратить? Я думаю, что можно. Как?»

В Красном Яре двадцать седьмого августа восемьдесят четвертого Наташа встретила своё тридцатилетие. «Мне исполнилось 30 лет. Круглая цифирь. Справили обыденно. Некогда нам было печь пироги. Мама, бедная, совсем забыла. Только когда утром принесли телеграммы – вспомнила. Срезала мне цветы на огороде. Я сбегала в кулинарный магазин, купила печенье, четыре пирожных, по одному на душу, бутылку газировки. Вчетвером – мама, Рома, Петя и я – попили чай. Вот так просто и отметили.

В октябре я должна начать работать. Осознаю, что начинается новый этап в моей жизни. Кончилась молодость, мой возраст можно считать зрелостью. Двое детей. Муж. Заботы о доме, и обязательно должна быть хорошая работа. И извечный вопрос для меня: как всё это совместить?»

Наташа начинает работать. Дальнейшие её записи делаются в телетайпном стиле: коротко, отрывисто, редко – времени нет. Иногда и вовсе одна запись в год, в отпускные дни.

Коллектив на работе сложный, конфликтный: в отделении происходят разборки с участием главного врача и администрации.

Наташа отмечает все добрые перемены, происходящие у друзей: справили новоселье у Мальцана, Городецкого, поставила на учёт по беременности Галю Латынцеву и Татьяну Сулову. Между делами: «Вчера стукнуло 32. Ой, как годы летят!» (28 августа 1986 года). «Алёша защитился. Один этап в нашей жизни кончился. Я поступила в ординатуру».

Рассказывает о приездах старых друзей: «У меня были Людмила, Аваз, Розбицкий. Аваз прежний, Людмила грустна. Розбицкий по-прежнему толстый и весёлый. У Розбицкого трое ребятшек – девочки. У Аваза тоже трое, старшему – 8–9 лет. Аваз в аспирантуре, Людмиле достаётся».

«Приезжала Наталья Буржинская с дочкой Светой. Тоже пожили сутки. Мальчишкам Светлана очень понравилась: «Мама, а давай Свет-

лана будет наша. Если к ней будут приставать мальчишки, мы её будем защищать!» Защитники нашлись – Светлана рослая девочка, на две головы выше них».

Нередко приезжает и Оля Володарская.

В восемьдесят седьмом году Наташе удаётся сходить в долгожданный поход на Алтай. Ходили втроём: я, сестра и мой муж Андрей. «Сижу на высоком валуне, смотрю на Дарашколь. Закаат. Бирюзовая, зеркальная вода отражает горы, небо и облака. Шумит водопад. Смотрела бы на эту красоту много дней. Июль. Всё цветёт и благоухает. Даже собрала гербарий. За последние шесть лет первый раз так отдохнула. Хочется привести сюда Алёшу, его и своих друзей, детей, когда подрастут и окрепнут».

Если и есть топ самых красивых в мире озёр, то Дарашколь в него, несомненно, должно входить.

Осенью восемьдесят восьмого года Наташа оканчивает ординатуру. Задумывается и размышляет о своём профессионализме: «Интересно, какое впечатление я о себе оставила? Мне это редко бывает интересно, а вот сейчас – да. Вероятно: трудолюбивый, но несобранный доктор с весьма средними способностями. Да, так оно и есть. Видимо, по своей природе я не хирург. Наверное, буду потихоньку делать типичные гинекологические операции. Но, чтобы это не было хуже, чем у других, – работать, работать и работать. А вообще-то много проколов и не очень много достижений», – бескомпромиссно подводит Наташа итог.

В то время Наташа мечтала специализироваться по эндокринологии и организовать эндокринологический приём.

1988 год: «Новый год встречали у нас, в Тимирязево, в большущей компании – 20 человек. Было тесно, мне не понравилось, но сами виноваты – приглашали. Всех хотелось увидеть на Новый год. Больше такой компании нельзя созывать. Очень хорошо встретили Петин день рождения на нашем старом месте в лесу. Были наша семья, Володя и Натка. Мы жарили шашлыки, Володя купил фруктов. Натка связала Петуху красивый свитер. Вот уже и Володя пришёл из армии в начале июня. Понравился мне брат.

Боже, как обеспечить моей семье, мужу, детям достаточно тепла в нашем доме? Дай бог мне силы и время на это!

Как умудриться ложиться в 22:30 и вставать в 6–6:30, будить семью в 7 часов, чтобы все де-

лали зарядку, умывались, убрали постели, завтракали и к 8 часам все успевали выйти из дома? Как сделать, чтобы с желанием и охотой дети убрали за собой постель, стирали свои вещи и, если уж совсем учухаются, мыли посуду, пол, ходили за хлебом и молоком? Как не отбить у них желание учиться, а привить его? И как привить вкус к чтению и постоянному труду?

И как самой не опуститься в этом круговороте больших и малых дел?

Ведь надо же по средам стирать и готовить пищу, по четвергам гладить и готовить пищу, 1–2 часа читать, позаниматься с детьми. В пятницу сварить пищу, сделать уборку, позаниматься с детьми 1–2 часа, почитать и сходить бы в баню. В субботу бы чего-нибудь испечь, приготовить немножко необычной пищи на субботу и воскресенье. А в воскресенье организовать семье интересный полноценный отдых. Обеспечить Алеше 3–4 свободных вечера в неделю.

А если ещё родится дочка (хочется дочку)?»

Наташа постоянно жалуется на отсутствие времени: «Плохо со временем стало» (8 сентября 1988 года); «Совсем ничего не успеваю. Плохо, очень плохо» (10 ноября 1988 года).

«Я запустила детей, вернее, выпустила их из рук. Занялась менее важными для меня делами – порядок в квартире, чистота белья. А нужно: дети, муж, питание, работа и т. д.»

И всё-таки Наташа мечтает о третьем ребёнке: «Надо решать вопрос о третьем ребёнке: или в ближайшие полгода-год, или никогда. Надо поговорить с Алёшей. Нужна ли ему дочка? Или нет?» (20 декабря 1988 года).

Любимым местом отдыха семьи Ситожевских стало Лебяжье – деревня недалеко от Бийска, где купили домик Викторин Петрович и Галина Вячеславовна. Вокруг дома был большой огород-сад, за которым сразу начинался лес, студёная река Лебяжка, впадающая в Бию. Сюда каждое лето Наташа ездила с детьми.

Летом восемьдесят девятого года Наташа и Лёша вместе с детьми и компанией друзей совершают первый семейный поход в Кузнецкое Алатау. И хоть до цирка Большого Зуба не дошли, река Казыр тоже очень понравилась.

19 августа 1989 года: «Что особенного за год? Домашние дела, дети, милые дети, которых люблю, которые огорчают, которые мешают, не слушаются и редко радуют, и обнимают, и веселят. Ромка неплохо читает, считает. Пойдёт в первый класс. Вот и дожили – сын школьник».

Сестра откровенно и бесстрашно пишет о сложностях и кризисах в отношениях с мужем. Как истинный доктор она постоянно диагностирует градус отношений, анализирует анатомию супружества. Этот градус, понятно, не может оставаться неизменно высоким всегда.

Начинается ожидаемый в общем период семейной жизни, когда восторженные отношения становятся более спокойными. Наташа переживает этот период очень болезненно, ей кажется, что Лёша её меньше любит, а то и вовсе разлюбил. Через два года после замужества, в восемьдесят третьем году она запишет: «Разбился ореол, и вот она – я: недалёкая, нерасторопная да и просто глупая, растяпа, хозяйка никудышняя, эгоистичная и т. д. и т. п.» – в обычном Наташином стиле. Ей снятся тревожные, пугающие сны. Они оба мучаются, ночами «выясняют отношения». Я не знаю всех перипетий и не хочу об этом писать. Но меня поразило вот что: Наташа, чувствуя, что отношение к ней Лёши стало более прохладным, предполагает, что он влюбился в кого-то. Она начинает переживать, что встретила Лёше слишком рано, а та, возможная другая, слишком поздно. И, может быть, у него теперь большая, настоящая любовь, гораздо более глубокая, чем его прежние чувства к Наташе. И он бы мог быть с ней счастливее, но теперь связан семьёй и детьми. Как не изумиться? В этой ситуации она переживает не за себя и за детей, а за любимого мужа. Но разрыва или даже серьёзной размолвки не происходит. «18 августа приехал Алёша из колхоза. Как загорел, возмужал! – восхищается Наташа. – Встреча была радостной».

25 августа 1988 года: «Алёша. Отношения ровные, доброжелательные.

Мои мысли: я знаю, что ты не любишь меня, но и не бросишь семью. Я знаю, что если меня поставить в один ряд с NN и обе мы благосклонно к тебе будем относиться (одинаково благосклонно), ты выберешь не меня.

Супружество-любовь, если и было, то, вероятно, кончилось, предлагаю супружество-дружбу. Хорошая тоже вещь.

Я очень любила тебя, но когда поняла, что ты меня не любишь, стала душить свою любовь, потому что очень тяжело жить с любовью, зная, что тебя не любят. А я не знаю, жива ли она сейчас, может, и теплится что-нибудь, может быть даже, что и вспыхнет.

Вопрос с третьим ребёнком не решён».

«У меня тревожное чувство. Я душу свою любовь. Мне действительно стало легче – больно любить человека, когда знаешь, что тебя не любят. Но Алексей хочет, чтоб его любили. Я знаю, что я своими руками разрушаю свою семью, но я не могу притворяться любящей, быть неискренней. Но я хочу его любить! Хочу! Боже, кого мне ещё любить, как не своего мужа, отца своих детей?! Я верю в его желание сохранить семью, жить с семьёй. Но я не верю в его искреннюю любовь. Я, по-видимому, не подхожу под тот высокохудожественный образ любимой, прекрасной, умной, все успевающей, я далека от этого образа».

И далее фраза: «Благодарна себе за то, что я не завистлива и просто сторонюсь быть с любимыми и уважаемыми мною людьми близко и люблю их».

Эти её откровенные страницы пусть будут утешением для других, у кого пока не ладятся гармоничные отношения. Счастье семейное создаётся, культивируется, оно не является неизменной данностью. Оно переживает потрясения, затяжные кризисы и ощущения разлада и краха любви. Это всё преодолевается, как преодолели Наташа и Лёша.

Ведь решились они на третьего ребёнка, как и была уверена Наташа, – девочку! Анютку. И нестроения все преодолели.

Я была свидетелем одной сцены. Как-то Наташа ревниво сказала о том, сколько, наверное, много красивых девушек в Москве (это было в пору, когда Лёша учился в аспирантуре в Москве).

Лёша сказал:

– Красивых много, а прекрасных очень мало.

Он взял Наташу за руку, посадил на колени, обнял её, посмотрев в лицо с пристальной нежностью. Такой у него был критерий красоты.

Полтора года у Наташи не доходят руки до дневника. И вот радостное и долгожданное событие. В девяносто первом году, четырнадцатого сентября, родилась дочь. «Как хочется, чтобы была счастливой женщиной!» Наташа записывает: «Запомнился день. Стоял прекрасный день бабьего лета – синее-синее небо, прозрачный воздух, золотистая листва. Воскресенье. Звонят колокола. Алёша с ребятишками пришли ко мне. Алёша молод и красив, у него весьма интеллектуальный вид – мамин свитер, чёрная рубашка. И не верится, что у этого молодого человека трое ребятишек. Поняла ещё раз, что я его всё-таки очень люблю. И ещё раз объяснилась в любви в записке, пущенной самолётиком».

Чуть вкусила безоблачного счастья, опять начинает себя безжалостно корить и ругать: «А ребята у меня запущены: не развиты, не воспитаны. А задача моя как матери, чтобы дети выросли честными, и очень хочется, чтобы не лодырничали и не лоботрясничали. Истинной интеллигентности им дать не смогу – сама неинтеллигентная. Это уж, к сожалению, придётся приобретать самим, если им захочется и будут на это способности. А пока дома воюю со своими сыновьями. Печально: плохо понимают доброе слово – больше понимают «драние» ушей».

С мальчишками так.

Начались девяностые, невообразимые, дикие, голодные годы.

2 января 1991 года: «В магазинах страшно пусто. Боюсь голода. Когда начнём жить по-человечески? По-моему, в этом году не до книг, за более-менее сносную жизнь придётся драться. А вообще в этом году меньше собираемся домами. Тяжело с продуктами. Каждый выживает сам по себе».

Наташа обшивает всю семью, ремонтирует, латает, припускает. Шьёт куртки, брюки, портьеры, ветровки, готовит. На руках маленькая Анюта, которая привязана к матери и не желает отпустить её от себя. Воюет с сыновьями. Делает консервные заготовки.

Урывками – газеты, журналы, книги по акушерству и гинекологии.

«На свою врачебную карьеру я начинаю потихоньку махать рукой (пока, на ближайшие 2–3 года)».

«Не успеваю, ничего не успеваю» – мотив частый. На самообразование и гинекологию остаются крохи времени. Ей очень хочется заниматься иглорефлексотерапией. Переживает из-за того, что не хватает времени на профессиональный рост. Разрывается между семьёй и работой. И потом вдруг: «Да что ты плачешься?! У тебя трое детей, муж, тебе можно только на детей, на семью поставить свою жизнь, и будет нормально! Уж, наверное, я так воспитана, что мне надо ещё пахать на работе. А вырастут дети – разъедутся, и буду я тосковать-куковать дома. Буду чувствовать себя брошенной, несчастенькой. По-видимому, не работать я уже не могу».

Наташа назвала как-то себя «мякотелой медузой» в сравнении с одной из родственниц «женщиной-кремень». Но ведь нам нужна именно женская мягкость и теплота – она нас греет и радует, а кремень – ужас! – острый и холодный.

О девяносто первом годе: «Хозяйство, хозяйство... Дети. Думы о хлебе насущном. А у меня голова пухнет от большого количества дел».

Болезни детей, уход, лечение, контроль за их учёбой, домашние дела – кухня, заготовки, шитьё. Рому – в художественную школу и на английский, Петю в гимназию, на лыжи и бальные танцы – всё это заполняет страницы дневников.

«Алёша работает с утра до ночи», «он устал», – не раз записывает Наташа. Он всегда так работает, до сегодняшнего дня. Действительность весьма немилосердна с нашими мужьями, заставляя их становиться или трудоголиками, или алкоголиками. Иногда и теми, и другими одновременно.

3 декабря 1992 года: «Мама Аня приезжала до Нового года, недели за две, и уехала 7 февраля. Милый мой человек, как она старается выложиться и помочь мне, когда приезжает».

И среди всего этого Наташа пытается заниматься иглорефлексотерапией. С увлечением проучилась на полутора месячных курсах.

Летом девяносто второго года Наташа с детьми в очередной раз была у мамы в Казахстане. Этим летом маме исполнилось семьдесят лет. Самым волнующим из этой поездки было посещение любимых Наташей мест: Аиртава и Раздольного. В Аиртаве она ездила вместе с тётёй Леной Кулешовой.

«Наконец появились и пробежали мимо нас знакомые сопки. Сердце защемило... Вот и Аиртав... Его, конечно, можно узнать, но сильно изменился. Старый клуб и старый магазин. Бывшая школа, прежде ещё бывшая церковью, смотрит пустыми глазницами. Стоят дома деды Яши и бабы Даши, деды Саши и бабы Ули. А дома тётёи Оли и дяди Пани нет – снесли. Исчезли многие дома, как будто их здесь и не было. У меня ощущение: стало хуже, грязнее. Росла во времена моего детства трава-мурава. И только колея дороги посредине улицы не зарастала травой. Но зато какая была на дороге мягкая, жирная, тёплая пыль! Зашли к бабе Фросе, деды-Гавриной жене. Я помню её в полном здравии, чистоплотной пожилой женщиной... А теперь... О бедная, бедная старость. Какой же это был крепкий дом! А теперь – заброшенность, запустение.

Посмотрев на родные дома, мы пошли с тётёй Леной на кладбище, теперь уже к родным могилам. Погода стояла пасмурная. По небу неслись мутные серые рваные облака и почти не открывали солнце. Дул сильный ветер и пригибал

к земле высокую кладбищенскую траву. Обошли с тётёй Леной все наши могилки Поповых и Коровиных. Помянули». В Володаровке встретились с тётёй Марусей, Таней, дядей Ваней. «Грустно было уезжать из Володаровки. Надолго или навсегда я уезжала? Вот и скрылись Аиртавские сопки... Малая Родина моих родителей.

И ещё с Александрой Степановной были на могиле отца. Вот и знакомое красивое лицо смотрит с голубого плитняка. Могила отца. Смогу ли я ещё побывать здесь?

А ещё... Давно я мечтала побывать в Раздольном. И побывала... Ехала, и сердце ёкало... Знакомые пейзажи! Две тётеньки-попутчицы внимательно смотрели на меня... Чуть меня не вспомнили. Отца знали, знали, что умер. Как и мечтала, походила по парку. И вроде то... И не то... Много времени прошло. О Господи – почти 30 лет! Наверное, вымерзли яблони, и теперь на месте яблоневых посадок – тянь-шаньский пейзаж: камни (привезли!), молоденькие голубенькие елки. К сожалению, они, наверное, не вырастут здесь большими. Сухо. Пошла по Раздольному. Всё узнаваемо. С трудом нашла наш дом. У нас был просторный, открытый двор, а теперь нагромождено, построены безобразные клетушки. Только наша лестница к чердаку приставлена, всё та же старушка». Это та самая лестница, по которой в детстве мы поднимались на чердак в «наш домик».

«И вот я снова в Томске. Вышла на полставки на работу. Чуть ли не полтора месяца занималась заготовками. Работа – дети – уроки – заготовки и т. д.».

В девяносто третьем году Наташа с Лёшей решили поменять свою благоустроенную, но небольшую квартиру на частный дом с большим участком и с перспективой строительства дома на улице Лесной.

«Теперь у нас от забот пухнут мозги! Дрова, вода, баня, утепление дома. Алёша весь в заботах о новом и старом домах: дрова, гараж, лес, цемент и т. д.». Остро не хватает денег «даже на нормальное питание. Ребятишки худовато одеты. Можно поправить положение шитьём, но не хватает времени». А у кого они были, деньги, в девяностые годы? Только к концу кое-кто, совсем немногие из нашего окружения, выбились из нищеты. Многим пришлось искать заработки на стороне.

«Некоторые из друзей пакуют чемоданы и уезжают, подались в Калининградскую область

Мальцаны. Уехали в Белоруссию Боруновы. Но всё-таки дружеский круг не распадается».

Голоса друзей. Валерий и Анна Столяровы

– Существовала традиция совместного проведения Нового года семьями Ситожевских, Сусловых, Мальцан и Столяровых. Дети были малы, хлопот – по горло, но встречи запомнились всем. Заранее договаривались, кто что принесёт, как устроить праздник для детей, кто будет Дедом Морозом. Квартирка на Большой была маленькая уже по тем временам, или нам так казалось, поскольку в нее набивалось больше дюжины человек, включая гостей и близких родственников Натальи и Алексея. Большая комната, где устраивался стол и стояла наряженная красавица-ёлка, включала ещё и мини-спортивный комплекс; кто-нибудь из детей постоянно висел на канате, кольцах или шведской стенке, грозя обрушиться вниз на проходящего мимо. Малая комната служила спальней с выдвигающимися кроватями, и там же детей укладывали спать на полу ночью, когда праздник заканчивался.

Наталья всегда была крайне изобретательной и старалась из скудного набора продуктов изготовить вкуснейшие, на наш взгляд, блюда. Чего стоили салаты из свёклы с различными добавками, которые даже дети уписывали за обе щеки, а её манты, поданные на стол незадолго до боя часов, вызывали желание поторопить оставшиеся минуты, чтобы не изойти слюною и не погибнуть от желудочных колик.

В тяжёлые девяностые, когда не хватало еды, мужчины семейств отправлялись в тайгу за клюквой, брусникой. Из ягод Наталья лучше всех готовила вкуснейшие витаминные напитки, которые без сомнения помогли выжить семье и сохранить здоровье детям.

После встречи Нового года, когда детей укладывали спать, как правило, Наталья отправлялась поздравить сослуживцев, собрав нехитрые подарки в сумочку. Благо акушерское отделение больницы находилось рядом. Высокая ответственность по отношению к работе, коллегам, друзьям, родителям – была одной из основных черт её характера.

Стремление докопаться до сути вещей, выяснить причину неудачи, разрешить проблему заставляло её просиживать часами в библиотеке, настаивать и получать консультации по большим и сложным клиническим случаям.

Думаем, что Алексею об этом известно лучше, ибо с кем, как не с мужем, ей приходилось обсуждать эти вещи.

Уже в новом доме, на улице Лесной, Наталья одна из первых применила новые методики посадки овощей в огороде, обработки почвы, выращивания роз. Всегда, приходя в гости к Ситожевским, мы первым делом отправлялись рассматривать грядки и цветы, восхищаться увиденным и разузнавать у хозяйки о тайнах её огородного хозяйства.

Во время поездки на Бию летом девяностого года была сильная жара. Дача стояла на берегу реки, однако днём все старались спрятаваться в тенёк и не казать носа на солнце. Каково же было наше удивление, когда однажды после полудня мы выползли на летнюю кухню и увидели, что Наталья уже замесила тесто, раскатала его и приготовила начинку для вареников. Кажется, что она никогда не отдыхала. Вечер удался: дети вместе со взрослыми лепили вареники, шутили, дружно смеялись, сидели до поздней ночи со свечами. Воспоминания об этой поездке – одни из любимейших в нашей семье.

И вот впервые на страницах Наташиного дневника появляется слово «пенсия»: «Теперь буду работать без декретных отпусков до пенсии. Пришла мысль, что я уже половину времени проработала в ЦРБ – 14 лет. Осталось 16. Что я представляю из себя как специалист? Женщина, обременённая тремя детьми? Да так, ни плохой и ни хороший. Средненький».

Ей очень хочется взять хотя бы одного больного на курс иглорефлексотерапии, но никак не получается. «Нет времени», «не успеваю», «не могу», «у меня депрессия...». И тут же ободряющий окрик в свой адрес: «Слюнтяйка! Распустила сопли и слюни! Кто тебя гнал в этот дом?! А ну, вытри сопли, выше нос! Обливайся! Поворачивайся, не ной! Всё уныние идёт от хозяйки, от бабы. Даже в этом доме, в этом неустроенном быту ты должна обеспечить всем сносную жизнь. Всем: себе, детям. Иначе грош тебе цена как бабе».

Много пишет, конечно, о детях, их учёбе, проблемах, успехах и неудачах.

Три года, с девяносто третьего по начало девяносто седьмого, Наташа не делала записи в дневнике.

В девяносто седьмом году сестра окончила два курса по су-джок. Ей запомнились семинары

по су-джок, который проводил профессор из Сеула, основатель этой практики Пак Чже Ву. Они произвели на Наташу огромное впечатление: «Я бы хотела заниматься су-джок-терапией остаток своей жизни. Даже вместо акушерства и гинекологии».

Потом ещё перерыв на три года, до 14 декабря 2000 года.

«Вот, дожили до третьего тысячелетия. Кажется, как далеко, как долго, какие мы уже будем старые, какие у нас будут большие дети!

Много воды утекло за три года, много чего случилось.

Сегодня мой старший сын, мой первенец ушёл в армию. Уехал автобусом в 18:10 до Предтеченска. Ромка покрестился перед армией – так он подготовился к армии. Моя семья ещё долго просуществует (хотя вся жизнь – миг, и только миг), но уход в армию первенца – первая ласточка, сигнал, что цикл моей семьи двинулся к завершению».

«Алёша – наш кормилец. Полгода как оставил работу на кафедре – невозможно на трёх кафедрах. Молчит, но, по-моему, пытается делать докторскую диссертацию».

Наташа стоит перед выбором: оставить акушерство или всё бросить и заняться иглорефлексотерапией, су-джок, восточным массажем. Реализовать мечту юности. Такие радикальные перемены даются непросто. Из этих трёх лет особенно тяжёлым, судя по записям Наташи, был девяносто девятый год. Неприятности на работе: конфликты внутри коллектива, нестроения. В гинекологии умерла женщина после мини-аборта, погибло два сотрудника ЦРБ. Обокрали дом, Рома бросил университет, Петя своим «делом» вверг родителей в отчаяние. «Вот такой тяжёлый год подходит к концу». Но вместе с тем налаживается быт, идёт своим ходом строительство усадьбы.

Запись за две тысячи первый год касается только встречи Нового года и учёбы Петра.

И следующая запись датируется 17 марта 2007 года. Это последняя запись, сделанная Наташей в дневнике. Наташа вспоминает и перечисляет главные события, прошедшие со времени последней записи:

«С 2001 года прошла целая эпоха в жизни семьи.

23 августа 2005 года Петя попал в лавину, остался жив, оперировали коленку.

10 июля 2006 года умерла Таня от рака печени.

2 апреля забрала маму к себе. С 17 октября мама лежит, не хочет подниматься, апатия – хочет умереть.

А Алёша пашет, кормит семью, строит дом».

Сестра вновь переживает, что Лёше пришлось оставить любимую науку, работу на кафедре. Я не думаю, что работа на заводе Лёше неинтересна. Ведь у него, кроме всех прочих талантов – учёного, фотографа, строителя, художника, есть и талант хозяйственника, который он реализовал как в семейном домостроительстве, так и на работе. Споры нет: ради благополучия семьи Алексей пожертвовал своей научной карьерой. И это высокая жертва.

Ну, и дальше новости про Аню и Рому. Наташа подводит промежуточные итоги жизни своих детей. Она анализирует их характеры, достижения и промахи. Заканчивая эту тему, подытоживает: «А может, цыплят по осени считают? Для нас осень – перед смертью? При подведении последней черты?»

«Ещё одно большое дело – мы построили дом, заканчиваем отделку». Наташа восстанавливает по годам всю историю создания дома. Пока он строился, жили и в палатке (летом), и в бане, и на квартире. Дом вышел на славу, большой, двухуровневый, с замечательной отделкой.

Вспоминает о Тане: «30 апреля (2005 года) Таня мне позвонила, не сдержалась, заплакала: «На УЗИ у меня нашли очаговые множественные изменения печени...» Новый, 2006 год встречали мы с Алёшей у Поповых. Танюша, умница, как держалась! Уже слабенькая, тонюсенькая, с отёкшими ногами... И улыбалась... Хотя уже обо всём знала».

Невольно сравниваю уход Татьяны и папы. Насколько это правильно и мудро сообщать людям последнюю правду. Таня знала о болезни всё, с самого начала. Папа так и не узнал о своём диагнозе. Татьяна удивляла мужеством, просветлённым согласием с судьбой, хотя она была гораздо моложе папы и оставляла двух малолетних сыновей. И вспоминаю горестное недоумение, обиду отца: почему его оставили, не лечат, хотя ему всё хуже и хуже день ото дня. Но я не услышала от него ни одного стоны, ни одной жалобы.

Люди знают, что они смертны. Душа способна мобилизовать силы и мужество, чтобы бесстрашно стоять у последней черты.

В эти годы Лёша с Наташей и Аней ездили путешествовать на Байкал и в Восточные Саяны, куда их приглашала Оля Володарская. Первая состоялась в августе две тысячи седьмого года.

Голоса друзей. Оля Володарская

– В нашей компании, кроме Ситожевских, были я с дочкой Сашей, восьми лет, мои друзья – чета Будаевых, Дулжит и Батор. Все прошло замечательно. Нас отвезли на катере на почти необитаемый остров, где мы жили три – четыре дня; наслаждались отдыхом, красотами Байкала, много купались, ели уху из рыбы, которую ловили наши мужчины. Душой компании был Батор Будаев, хороший рассказчик и гитарист. И мы с большим удовольствием каждый вечер распевали песни под гитару, вспоминая наши счастливые студенческие годы. Наташа нигде не отставала от мужа. Пока основная часть группы, как пингвины, грела свои тела на солнышке, Лёша с Натальей исследовали прилегающую территорию. Я наблюдала в наших поездках, как много общего у Наташи с мужем Лёшей. Оба хозяйственные и в то же время щедрые и добрые; оба немногословные, естественные в своём поведении, без какой-либо игры; оба надёжные и честные, тщательные во всех своих делах, верные своей семье и друзьям. У Лёши и Наташи были общие увлечения: походы, путешествия и занятие фотографией. Когда-то именно фотосъёмки соединили их в пару.

Последнее общение с Наташей состоялось летом две тысячи восьмого года. Это был поход в Саяны, на Шумак. Шумак – это дикий местный курорт в горах, где насчитывается сто двадцать лечебных источников, есть лечебные грязи. Стоят избы, срубы в лесу, где сделаны деревянные полати. Перед избой – стол под навесом. Красота вокруг: голубые ели, скальные участки, живительные источники; много разной ягоды и в том числе земляники.

Три дня мы наслаждались отдыхом; пили лечебные воды, мазались, как поросята, грязью. Названия источников были написаны на камнях: «от желудка», «для сердца», «от женского недомогания» и другие. Оказывается, у Наташи была проблема с коленом, о которой она не говорила; проблема напомнила о себе на обратном пути. Несмотря на это, Наташа категорически отказалась ехать на лошади. В этом была её суть: она не любила быть слабой и всегда предпочитала быть полезной людям, друзьям, не демонстрируя свои поступки окружающим.

Во время нашего похода мы встретили шестнадцать групп туристов из разных городов и стран. Кто-то шёл полюбоваться красотами, испытать свои возможности, а кто-то

поправить своё здоровье. Мы услышали много хороших отзывов людей об эффективности шумакских источников и грязей.

Третий поход в Восточные Саяны семья Ситожевских планировала совершить на следующее лето, в две тысячи девятом году... Но случилось непоправимое...

Весть о гибели Наташи не укладывалась в голове. Позвонил Петя. Слёз не было. Комок в горле держался долго. Недели две как будто по ночам слышала её голос. (Наверное, на самом деле душа летает до сорока дней.) Как будто просила помочь её семье. Я поняла, что помощь нужна дочке Ане, она тогда окончила второй курс мединститута. На следующий год Аня приезжала ко мне в Улан-Удэ проходить медсестринскую практику.

В конце июля две тысячи девятого года я отдыхала на Байкале, случилось общаться с известной шаманкой С., и я ей задала вопрос: как могла случиться такая трагедия с моей подружкой? Она посмотрела на солнце и сказала: «Вижу дом у дороги, цифру семь. Погибла от кровотечения. Она закончила свой жизненный цикл. Она всё сделала».

Да, Наташа много успела в своей жизни: родить и воспитать троих детей, создать хорошую семью, поработать врачом. И всё она делала от души, с максимальной энергией, как в песне: «Любить так любить, летать так летать».

В две тысячи восьмом случился поворот в Наташиной профессиональной карьере: она ушла из Тимирязевской районной больницы, в которой проработала почти тридцать лет.

Со слов Алексея, причина этого – профессиональные трения. Сестра устроилась на новую работу – в городской роддом имени Семашко.

В Семашко Наташе нравилось работать, и коллектив оценил ответственность, доброту и безотказность нового сотрудника. Она много оперировала. Были и опасные ситуации. Во время операции пациентки, которая была носителем гепатита С, сестра порезала палец, заразилась, тоже стала носителем этого опасного вируса. В две тысячи девятом году оперировала ВИЧ-инфицированную беременную женщину. Надела противочумный костюм, кольчужные перчатки, сверху плексигласовую маску. Костюм затруднял движения, которые должны быть точными и выверенными, глаза заливало потом. Анестезиолог на время операции вышел.

Когда я приехала в Тимирязево, откуда мы собирались ехать в Казахстан, у Ситожевских гостила Люся Задирако. Наташа в этот день была на дежурстве в роддоме. Мы с Люсей пошли к ней в роддом. Она вышла к нам оживлённая, молодая, в нежно-бирюзовом фирменном костюме, который ей очень шёл. Из-под колпачка выбивались чёрные кудри. «Какая вы красивая, доктор Наталья Ситожевская», – подумала я, но вслух ей не сказала. Теперь жалею. На Людмилу Наташа произвела точно такое же впечатление.

Голоса друзей.

Людмила Худовекова (Задирако)

– Прошлое в течение жизни оценивается нами с разных углов зрения и не раз, нами самими, знакомыми, родными, посторонними людьми по нашим действиям, результатам. Каждому приходится проходить школу жизни. И то, как Ситожевские – неспешно, целенаправленно, упорно, деятельно, разнообразно, мудро, ответственно, позитивно её проходили, – их заслуга. В этом заслуга и их родителей, и их предков, и их родни. Системный, аналитический склад ума отца Натальи (Леонида Попова) дал свои результаты в жизни детей. Целенаправленность, собранность, результативность – отличительные их особенности. Умение достойно выходить из трудных, казалось, порой неразрешимых ситуаций. Крепкая, дружная семья, уважительное, заботливое отношение друг к другу, к тяжелобольной маме (бабушке), отличный, уютный, современный функциональный дом у леса, баня, ухоженный огород.

Их семья также досталась экономические и социальные передряги нашего государства. Лёше пришлось поменять любимую работу на другую, приносящую хоть какой-то доход.

Последний раз я гостила у Наташи и Лёши Ситожевских в июне две тысячи девятого года, когда приезжала в Томск на тридцатилетие окончания института, на встречу с сокурсниками. Дозвонилась и встретила с ними лишь на четвертый день по приезде после официальных и торжественных встреч в вузе и на Оби, так как мой телефонно-адресный блокнот устарел. Благодарю судьбу и одногруппника Витю Дорошенко, который помог мне найти Ситожевских и привёз к Наташе. С Верой мы пошли к ней на работу. Увидела её в полусумрачном коридоре роддома. Издали сначала не узнала: построившаяся, с пышными,

вьющимися каштаново-медными волосами, с красивой причёской, в элегантном брючном костюме. Она превратилась в прекрасного лебедя! Уроки Симы Чойнзоновой не прошли даром! Мы закружились с ней в захлестнувшей нас волне эмоций. Три последующих дня, проведённых в Тимирязево, в их доме, были для меня сказкой. Я отдыхала у них душой и радовалась за них.

Семидесятые годы и последняя встреча грели и согревают моё сердце и сейчас.

Мы все – близкие Наташи: муж, дети, родные и друзья преодолевали своё горе, и мы поняли, что лучшим преодолением является претворение его в вечную и светлую память. Поэтому появилась эта книга.

Рассеивая тьму, через Вселенную летит Дом. Его крыша – снежная шапка Арктики. Из трубы, свиваясь с Млечной Дорогой, тянется звёздная пыль. Луна и солнце примостились по обе стороны крыши. Весёлым светом горят окошки на африканском и американском континентах. Открытая дверь загородила очертания Австралии. На крыльчке сидят две сестры. Старшая держит на руках младенца. Рядом свернулась клубочком кошка. Пёс лежит у крыльца на белоснежном ковре Антарктиды. Из дома льётся золотой свет. В проёме двери виден стоящий в центре стол, за которым сидят мать и отец. Их разговор не слышен детям. Младенец треплет ладошкой чёрную прядь волос старшей. Сёстры пытливо всматриваются в пролетающие мимо звёзды и планеты.

– Ведь звёзды никогда не погаснут?

– Не погаснут. Даже если какая-нибудь звезда погаснет, вместо неё появится новая.

– И она ничего не будет знать про угасшую звезду?

– Наверное, нет. Только люди знают про то, что было раньше.

– Такие огромные звёзды – и не знают, такие маленькие люди – и знают.

– Звёздам это не нужно.

– А людям?

– А людям очень нужно.

– Зачем?

Старшая сестра задумывается.

– Должен ведь кто-то помнить и про звёзды, и про людей, и про то, что было давным-давно и недавно, чтобы... чтобы ничего не исчезало.

Кемерово, август 2016 г.

Юлия
СЫЧЁВА

ДЕНЬ-ДЕНЬСКОЙ

* * *

*Чем дальше в жизнь, тем тише шаг
и детство ближе,
оно, от счастья чуть дыша,
сосульку лижет.*

*Мой город, тот, что належке
был мной оставлен,
плывёт корабликом в реке
и машет ставнем*

*незакреплённым, на ветру,
пугая птичку,
и яблочком кислит во рту –
соседской дичкой.*

* * *

*Друг далёкий, единственный, верный,
всё, что раньше писала, забудь.
Нас нещадно подправило время,
неизменна лишь самая суть.*

*Я по-прежнему в бога не верю,
но отчётливей день ото дня,
наверху, за небесною твердью,
он, похоже, поверил в меня.*

* * *

*Друг мой дальний сидит икает,
невостребован, неприкаян...
Взять бутылочку коньяка и
первым рейсом махнуть в Москву.*

*Скинь с души непосильный камень!
Время тикает, утекает...
Чем мы живы с тобой? Стихами.
Так и держимся на плаву.*

ЧАШКА

*Надтреснутая чашка из сервиза,
Что в переездах выжила одна, –
Как будто туристическая виза
В те, канувшие в Лету, времена,*

*Где дед шутил, и бабушка смеялась,
И вся семья шумела у стола,
И я, опять замысливая шалость,
Вертелась под ногами, как юла.*

* * *

*Мудрая память, ненужное вычеркни,
по закоулочкам вымети сор:
резкое слово, и слёзы, и причеты,
горечь обид, послевкусие ссор.*

Глупая память, запомни безделицы:
кофе в постель и букетик цветов,
чтобы могла я нелепо надеяться
в то, что наладится, стерпится что...

* * *

День-деньской на работе пробегаю –
не поесть толком и не присесть, –
я, как белка, несчастная белка,
в колесе, в колесе, в колесе.

Да спасёт ежедневная мантра!
И твержу, закрывая глаза:
«Я об этом подумаю завтра,
обо всём я подумаю за...».

* * *

Весенних обочин слоёный пирог,
безжалостно солнцем пригретый,
как символ, как знак – наступил крайний срок
для экипировки на лето.

Пора потесниться унылым вещам,
дать место весёлым обновкам:
и топу, где ляпка сбегает с плеча,
и лёгоньким босоножкам.

Наверно, давно заждалось в бутике
то яркое платье из ситца,
с разрезом таким и таким декольте,
что встречным – вздыхать и коситься.

И майку купить с невозможным принтом –
пускай не понравится маме, –
и помнить, и думать, и грезить о том,
что отпуск не за горами.

* * *

Нет дождя, но дождь обещан нам,
Коль синоптики не врут.
Грома прогремит затрещина,
Вспыхнет молниевый прут,

И пойдут плясать горошины,
Приминя зной и пыль,
Травы, что стоят не скошены:
Мяту, лебеду, ковыль.

Шёл-шёл дождь и мигом вышел весь,
Как незримая рука
Ливневый отдёрнет занавес –
Засияет ра-ду-га!

ПАРИ

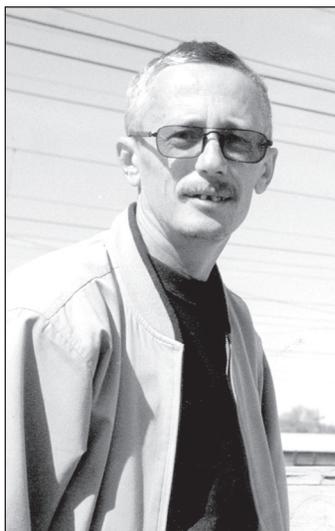
Сам с собой – остряк! – заключил пари,
сам собою пойман с поличным.
Кто сказал, что рукопись не сгорит?
Всё сгорит, поднеси лишь спичку.

Но, хлебнув свободы, огонь утих,
отказался от свежей пищи...
Через дни и годы пробьётся стих,
как травинка на пепелище.

**Василий
КОСТРОМИН**

ДНИ ПРОТИВ ШЕРСТИ

* * *

*Давнишней непогоды лёд
Земного брошенного утра.
Среди речного перламутра
Берцовой дудочки полёт.*

*Опять забытые столы.
Под инеем – клеёнка листьев.
Свет одевает в шубы лисьи
Леса на краешке скалы.*

* * *

*Высокие деревья –
На радость дураку,
Ударит осень дверью
По млечному курку.*

*Земля и небо рядом.
И этим далам в лад
Я забывал ограды,
Которым был не рад.*

*Огонь бывает резок.
И, на стекло дыша,
Грохочет, как железо,
Над пропастью душа.*

* * *

*Жаль, что в городском дворе
Не шумят сады.
Подоконник в январе –
Зимние цветы.
Нежные, южные,
Никому не нужные
Вспоминаются слова,
Нет их в словаре.*

*Хорошо погулял:
Даже дома нет.
В каждом сколе угля –
Миллионы лет.
Тихие, громкие,
С кровью и обломками
Вспоминаются слова,
В словаре их нет.*

*Дверь, открытая в ночь,
Полутёмный зал.
Взял и вышел бы прочь –
Недорассказал...
Долгими, краткими,
С волчьими повадками
Вспоминаются слова,
В словаре их нет.*

Делать нечего – дни
Против шерсти гладь.
Тень свою догони,
Тело сбрось, как кладь.
Зыбкие, страшные,
Чистые, отважные
Вспоминаются слова,
Не пересказать.

* * *

Даже оберег
Служит иногда...
Я посеял снег,
И возшла вода.

В звуке бубенца –
Для скота загон.
В доме без венца –
Угол без икон.

Недоступен свет
Дерзкому уму.
В отрезвленье нет
Отчеств никому.

* * *

Сторона, моя сторонка;
Необъятны из окна
Неба синего воронка,
Звёздных зубьев борона.

Выйдешь утром – бездна рядом.
Жизнь, как водится, не та:
На излёте, за снарядом,
Только смерти суета.

* * *

Мы устали. Ох, как мы устали.
Не получится нам отдохнуть.
По раскатанной в полосу дали
Пролегает окаянный путь...

У ворот – зверей нездешних пастбище,
У воров – нелёгкая еда.
Кладбища, какие нынче кладбища!
Города и рядом – города.

* * *

Навсегда обучена система
Небесами в сабельном строю.
Вы стоите предо мной как смена,
Как судьба пред вами я стою.

Закурю серебряную трубку,
Захочу остаться молодым.
Поутру, как белую голубку,
Выпускаю на свободу дым.

* * *

Опять луна таращится вараном,
Под звёздным небом – мавзолеи гор.
Пора проснуться, уяснить пора нам,
Что бьётся сердце всем наперекор.
Кровь из десны на колыбель в обиде.
И крысы наводняют города.
Нам видеть сны, которые не видел
Никто и не увидит никогда.

* * *

Обычная цена: и зрячий, и слепой
Нащупывают дно в невиданном просторе.
Какая тишина отпущена судьбой –
Земным веретеном – узнает каждый вскоре.
У мёртвых и живых в откованном ноже,
В молитвах колесу не достигаешь истин.
От капель дождевых светлее на душе,
И ветрено в лесу необлетевшим листьям.

* * *

Для чего здесь была дорога
От реки до скалистых гряд?
Нынче – в ветках трещит сорока,
Рядом – рысьи глаза горят.

Где дожди размывали в глине
Отпечатки людских шагов –
Серебристая лень полыни,
Облепиховый свет жарков.

Жили дружно, хоть небогато.
На дороге один стою.
Так глуха тишины громада,
Что я слышу лишь кровь свою.

* * *

Ветер толкает дверь,
Гонит пустой пакет,
Смотрит в окно как зверь,
Кашляет, словно дед.

В пуле немного грамм,
Участь её проста –
За перевалом – храм
С куполом без креста.

Завтра придёт рассвет,
Зубы оскалит вор:
Был человек – и нет.
Вот и весь разговор.

* * *

В бездорожье, постепенно,
На волнах земной коры
Воздвигаются, как стены,
Бесконечные миры.

Топорище без берёзы,
Из луны со льдом – топор.
Трещина огня в морозы,
Время сложено из гор.

В небесах – до звёзд истёртый –
Вечности морёный дуб.
Сердце славит хваткой мёртвой
Каждый каменный уступ.

* * *

Воистину великий день,
Без крепости и без героя,
Когда до гибели порою
Короче голенища тень.

У лестниц, окон и дверей,
У кровель и опять у лестниц
Идут веками каждый месяц
Бои, достойные царей.

Руки предательская дрожь,
Крестом просыпавшийся порох...
Как звон малиновый на шпорах,
Мы пропадаем ни за грош.

* * *

Ничего в округе нет:
Ни столба, ни деревца.
Вот уже две сотни лет
Пьёт народ да зверится.
Узел сделан из гвоздя,
Из ногтей – бумага...
Дзынь! – копейкой по гостям
Покатилась фляга.

* * *

Мне из света уходить не хочется.
Перед снегом замерли леса.
Сколько тишины и одиночества
Испытал я, глядя в небеса.

**Марина
СТРУКОВА**

РАСКАЗЫ

БАТЯ

Лабиринт из серых валунов закручивался улиткой по зелёному склону, словно нить бус, потерянных великаншей. Вдоль этой нити, глядя под ноги, шла девушка с распущенными тёмными волосами. Иногда она начинала приплясывать и поводить руками из стороны в сторону. Светлое платье плескалось на порывистом ветру.

«Наверное, местная дурочка», – подумал Егор.

Выше по склону виднелись кряжистые деревянные избы. Егор достал блокнот, медленно записал: «Большинство домов в деревне Яцево можно отнести к типу «брус». И тяжело вздохнул. Из этой поездки молодой преподаватель института намеревался привезти статью о северной деревне для этнографического журнала. Но тут и зацепиться было не за что – местные жители, постоянно занятые, не увлекались беседами с горожанином. Его замечали только собаки, лающие из-под ворот.

Егор обернулся к морю. Что за унылое свинцово-синее пространство в вечной рвани волн. Нет, его предки точно не рождались викингами, не ходили разбойничать под парусами. Но что там разбросано на прибрежной гальке? Егор всмотрелся: кости? Приблизился – точно, да ещё и череп. Человеческий! А подальше – ещё один...

Из-за гороподобной сахарной тучи выглянуло солнце. Скуки как не бывало: откуда здесь останки?

– Эй! Постойте! Там нельзя гулять! – раздался за спиной звонкий голос.

Егор обернулся. Девушка стояла на камне в центре лабиринта, махала рукой. Егор взбежал по склону и с любопытством оглядел стройную фигуру незнакомки. Разумянившееся лицо, большие зеленовато-серые глаза, пухлые губы. Молочная кожа усыпана веснушками. Они виднелись не только на носу и щеках, но даже на груди, в круглом вырезе платья, даже на белых руках девушки. Егор заметил, что на камне собеседница стоит босиком, оставив в траве обувь – не изящные туфельки, больше подходящие к её романтическому образу, а неуклюжие калоши, в которых убирают двор деревенские хозяйки.

– Что за черепа на берегу? – поинтересовался Егор.

– Утопленников выбросило полсотни лет назад. Грех там топтаться.

– Почему не похоронили?

Девушка пожала плечами:

– Старики решили земле не предавать.

Потом, будто вспомнив, зачем находится в лабиринте, она протянула руки к морю и что-то быстро прошептала. Егор, улыбаясь, смотрел на её розовые губы, невинные и чувственные.

СТРУКОВА Марина Васильевна родилась в Саратовской области, выросла в Тамбовской. Окончила Гуманитарный университет и Высшие литературные курсы при Литинституте им. М. Горького. Работала учителем, корреспондентом, корректором. Публиковалась в изданиях: «Нева», «Наш современник», «Независимая газета» и многих других. Член Союза писателей России. Живёт в Тамбове.

- Колдуешь? – спросил иронически.
- Чтобы рыба лучше ловилась.
- Действительно? И что за слова в заговоре? – полюбопытствовал он.
- Хозяин придонный, гони свои стада в наши сети!
- Незамысловато...

Девушка спрыгнула с камня, он заметил, как упруго дрогнула под платьем грудь, и подумал, что в деревне всё же есть что-то интересное. Простая, чистая дикарка, обожествляющая природу. Наверное, так выглядели ирландские жрицы. Собеседница спрятала маленькие ступни в неуклюжие калоши.

- Как тебя зовут?
- Варвара, – ответила она с вызовом, и он подумал, что, вероятно, стесняется грубого деревенского имени.

Ему тоже не нравилось своё имя, но он ухмыльнулся и представился:

– Егор.

Ей было семнадцать, и она собиралась поступать в колледж.

Потом она ходила с ним за ягодами на болота, он рыбачил с ней на островах, впрочем, больше времени уделяя возне со своей «ирландочкой». Понадобилось немного внимания, чтобы Варя влюбилась по уши. Вскоре Егор знал всю её немудрёную жизнь. Отец пьяным вышел в море и не вернулся, мать нашла другого мужа, с тёмным прошлым и крутым нравом, уехала с ним в соседнее село, а Варя решила остаться с дедом, потому что отчима боялась. От первых встреч с ней в памяти Егора остались яркие пасторальные картинки, словно кадры наивного фильма о деревне, где всё просто и благополучно. Вот они рассматривают старинную деревянную церковь. Вот спутница протягивает ему горсть ягод, и красный сок – словно кровь на её алебастровых пальцах. Вот показывает гнёзда птиц на прибрежных скалах. Вот вышивает что-то крестиком на льняном полотенце, иглонка ныряет в тугую ткань, как утица в воду.

Казалось, что своей жизнью в провинции Варя вполне довольна. «Хорошая девчонка, – думал он, – не испорчена страстью к деньгам, всё умеет». Общение с ней умиротворяло. Он оказался в другой реальности, где не было интриг, которыми славился институтский коллектив, не было долга за новую квартиру, не было приятеля, который знал о нём лишнее, опасное...

Дед Вари за внучкой не приглядывал, вечно делал что-то во дворе, то сено возил, то навоз убирал, то сараи ремонтировал. Иногда приходили двоюродные братья Вари, чуть постарше неё, конопатые коренастые близнецы, приносили рыбу. Егору кивали, но разговоров с ним не вели.

Однажды Варя сказала, что сегодня, в день солнцестояния, особенный закат, и как будто нарочно привела Егора на отмель, где валялись черепа.

– Нынче можно, – кратко пояснила.

Егор только пожал плечами. Заметил, что мелких костей на камнях не осталось, а крупные изломаны, раскрошены. Вдруг издали раздаётся глухой низкий звук, как будто кто-то в рог затрубил.

– Проглотил солнце! – Варя взмахнула белой рукой в сторону моря. – Видел?

– Что? – Егор всмотрелся в сверкающую мечущуюся воду.

– Не разглядел, не судьба.

– Да чего не разглядел-то? – недоумевал он. – Ты объясни.

Варя казалась огорчённой, но потом махнула рукой, словно смирившись.

Через несколько дней она уехала с Егором без позволения деда. Наверное, рада была вырваться из глухомани в город. Егор сказал ей, что теперь она хозяйка в его квартире, но о женитьбе не задумывался. Не то чтобы собирался бросить Варю, а просто считал штамп в паспорте необязательным. Постепенно даже стал радоваться, что не поспешил узаконить отношения. Варя не вписывалась в его жизнь, казалась лишней деталью, вызывала ощущение дисгармонии. Покинув родную северную деревню, девушка потеряла экзотичность ирландской жрицы. Прежде казалась таинственно-влекущей среди зелёных холмов и тёмных изб, на фоне беспокойного моря – статная, с плавными движениями. А в городе смотрелась неуклюжей ширококостной бабой, которой впору продавать на рынке клюкву, а не украшать собой квартиру интеллектуала. Когда у Егора собирались гости, Варя предпочитала суетиться на кухне, появляясь только затем, чтобы принести очередное блюдо. Краснела, слушая похвалы друзей Егора своей выпечке – рыбным и ягодным пирогам. Спешила убрать с глаз долой. И Егор удивлялся тому, какой бойкой девицей казалась подруга в селе.

Потом наступил сентябрь, в институте появились студенты-первокурсники и среди них Ка-

тя. Коротко стриженная вертлявая стервочка, запросто предложившая ему себя в пустой аудитории. Мгновенно стянула майку, оголив острые груди. Спустила узкие брюки, демонстрируя безволосый лобок с чёрно-красной татуировкой. И сразу отдалась так, как не соглашалась Варя.

Начали встречаться, и Егор уже не понимал, почему он должен развлекаться с Катей в гостинице или на даче коллеги, если в собственной квартире ждала широкая кровать? Тут-то Варя и призналась, что беременна, да ещё и на большом сроке. Он даже заподозрил некое коварство – сообщила новость, когда аборт делать поздно. Но потом решил, что если бы обращал на неё больше внимания, всё прояснилось раньше. Дальше началось ужасное. Варя, поняв, что Егор не намерен бежать с ней под венец, стала болезненно ревнивой, она буквально выслеживала его возле института и плелась следом, словно живой укор совести. Катя заметила соперницу и стала высмеивать, что радости Егору не прибавляло.

– Оставь меня в покое, кошёлка! – кричал он на Варю вечерами. – Да, мы распишемся! Ты мне выбора не оставила, я теперь как собака на цепи...

Он надеялся, что Варвара хотя бы из самолюбия соберёт свои шмотки и хлопнет дверью. Но та только забивалась в уголок и тихо плакала. А потом он пришёл с корпоратива пьяным, и когда Варя спросила, почему так поздно, просто ударил её. Падая, Варя ударилась о тумбочку. Скорчилась от боли. Егор смутно помнил, как вызвал скорую. Наутро позвонил в больницу и узнал, что у неё был выкидыш, не останавливается кровотечение, умирает. Он ощутил ужас: посадят. Если рассказала кому-то, что в произошедшем виноват он... Помчался в больницу, представляя, как где-то в полиции уже заводят дело и летит к чертям всё – начиная с любимой работы.

Он стремительно миновал пропахшие лекарствами коридоры, хмурый врач «только на минуточку» пустил в палату, где под синим одеялом лежала бледная Варя. Тусклые пряди волос, воспалённые веки, серые губы. Где та свежая крестьяночка, несколько месяцев назад привезённая им в город?

– Когда помру, отвези меня домой, – прошептала она, глядя умоляюще.

Он поморщился, вечно что-то деревенское слышалось в её говоре. Почему бы не сказать:

«Когда умру». Так нет же – «помру». А куда ещё везти её? Но ответил насколько мог ласково.

– О чём ты, девочка? Рано нам о смерти думать. А ребёнок... Что ребёнок? Дело наживное, мы же молодые совсем, и сын будет, и дочь... – убеждал, думая, что не дай бог выкарабкается дурища, не отвяжешься. Но правильные слова продолжали звучать: – Прости меня, Варя. Сама довела, я погорячился. Не стоило, конечно, так. Хочешь, я на колени встану? Чувствую себя последней сволочью.

Егор холодел, вспоминая о том, что уехала она в больницу с мобильным телефоном в кармане плаща.

– Ты не казни себя. Батя рассудит. Он всё поймёт, – слабо улыбнулась Варя.

Это она о Боге так? И ведь придётся тащиться с гробом в деревню.

Так и получилось. Несколько часов в автобусе наедине с жутким ящиком. Гроб отвезли прямо в деревенскую церковь, а ему пришлось заночевать у Вариного деда, который, к удивлению Егора, скорби не проявлял, всё так же занимаясь по хозяйству. Утром дед ушёл куда-то с двоюродными братьями Вари. Вот те косились на Егора с откровенной злобой.

Оставшись один, нежеланный гость побродил по двору. Там было чисто и пусто. Егор вспомнил, что раньше и куры в пыли копошились, и овцы блеяли в хлеву, но, видимо, без Вари старик всё хозяйство перевёл.

В доме Егор подсел к столу, за которым любила вышивать Варя. Тут стояла шкатулка с нитками, цветным бисером, бусинками. Под ней лежало свёрнутое полотенце, он расправил его и с удивлением всматривался в узор алыми и чёрными крестиками, складывающийся в странное изображение, до которого сама Варя вряд ли додумалась бы. Наверное, взяла за образец старинную вышивку. Он хотел сунуть полотенце в карман, чтобы потом проиллюстрировать очередную статью о народном творчестве, но стало неловко красть у старика память о покойной внучке. Вернул рукоделие на место. На полке лежал семейный альбом, и Егор открыл его. Подруга почему-то никогда не показывала ему этих фотографий, потускневших от времени. На одной из них, с датой: «1940-й год», заметил уroda – плоский нос, слишком широко расставленные глаза, большой тонкогубый рот. Существо, ссутулившись, сидело у ног прочей Вариной родни – мужиков и баб с постными строгими лицами. В отличие

от них уродец занимался делом – его неестественно маленькие ручонки распутывали сеть. Егор захлопнул альбом, чихнув от пыли. За открытым окном местные дети – все светловолосые, рыжие – играли. Среди лужайки сидел мальчишка, вокруг него кружилась хороводом прочая ребятня, потом он с рычанием бросался на друзей, и те с визгом разбежались.

Старик, оказывается, уже вернулся, сидел на пороге и подшивал валенок, прилаживал к нему подошву, вырезанную из резины, толстой цыганской иглой протаскивал дратву в дырочки, проколотые шилом.

– Видишь, как ноги застудил, болят. Теперь и летом валенки ношу, – пояснил он, не глядя на Егора.

– Наверное, на рыбалке простудились? – вежливо поинтересовался Егор.

– Да. Такая уж наша доля. Испокон веку рыбной ловлей живём.

– Вашему селу много лет?

– Бог знает. Говорят, старее Архангельска. Остался сказ о том, кто мы есть. Слушай. Пришла откуда-то молодая жёнка. То ли родичи её выгнали, то ли перемёрли. Построила землянку, стала жить. Рыбу ловить. Как-то сидела она на камне у моря. И поднялся из воды хозяин придонный.

Старик посмотрел поверх очков на Егора.

– Ну и? – спросил Егор.

– Согрешил он с ней... – лаконично сообщил старик.

Егор криво улыбнулся:

– Понятно. Местное предание.

– Родила она потом девочку и мальчишку. Придонный хозяин ей рыбу приносил. Поймает и тащит – огромную, в зубищах. Она спервоначала боялась, а потом обвыкла...

– Как это – в зубищах? Это что, не человек был? – изумился Егор.

– Я пойду, – внезапно объявил старик. – Пора поесть, что Бог послал. Ешь, пока живот свеж.

Он обул подшитый валенок, положил в карман шило и иглу, обмотав их дратвой, и побрёл в избу. Егор сел на его место и тупо смотрел на серые громоздкие избы, в окнах которых алела герань. Потом вернулся старик в чёрном костюме и неизменных валенках. Поманил его рукой:

– Пойдём.

Варя лежала в церкви, и он даже побрезговал поцеловать её на прощание, когда деревенские молча расступились. «Что за ужасное лицо,

ещё и опухло. И почему она лежит с распущенными волосами, словно утопленница, только что вынутая из воды?» Он никогда не бывал на похоронах, но сегодня избежать не мог. О Варе почти не плакали, порой всхлипывала какая-нибудь женщина и тут же утирала слёзы, что-то шептала соседке. Одна из них читала молитвы, стоя в головах у Вари.

– Послушайте, а священник где? – поинтересовался Егор, выйдя на церковный порог.

– Старый в Архангельск уехал, а нового не назначили. Не приживаются они у нас. Батю не любят, – охотно пояснили профессору, с любопытством разглядывая его. Он стоял против земляков Вари – коренастых, загорелых, в полинявших, словно пропыленных, пиджаках и брюках, в допотопных кепках неопределённого цвета. Среди них заметил двоюродных братьев покойницы – пара веснушчатых крепышей лет двадцати бросала на него неприветливые взгляды. И снова какой-то Батя... может быть, глава местной общины?

Варвару без гроба вынесли из церкви на открытых носилках. Её дед зачем-то попросил Егора подождать, и тот смотрел вслед процессии, раздражённый сковывающей глупостью местных обычаев. Заметил детей, которые сейчас не играли, а собрались в кучку возле церкви.

Мальчик лет шести просеменил поближе к Егору и, подняв круглую мордочку с зеленовато-серыми глазами, серьёзно спросил:

– Дядя, тебе страшно?

Егор с досадой рассматривал навязчивого дётыша, думая, что такого веснушчатого, видимо, родила бы ему ирландочка. Неожиданно пожалел о своей жестокости. Но, в конце концов, как говорила Варя, что Бог ни делает, всё к лучшему. Какое ей было бы вернуться обратно в село беременной, словно в пошлом сериале? Конечно, Егор помогал бы материально, но связывать себя по рукам и ногам браком с нелюбимой, чуждой ему ментально женщиной, было неблагоприятно. Их отношения исчерпаны, словно колодец, где воды не осталось, только сухое дно.

Тем временем похоронная процессия удалилась в сторону моря, и почти сразу же люди стали возвращаться, весело переговариваясь, словно горе оставили там, где сейчас лежит покойница.

– А теперь пойдём! – сказал Варин дед.

Егор покорно побрёл за ним, навстречу сельчанам, те сторонились, одна женщина перекре-

стила Егора и как будто хотела что-то сказать, но спутница схватила её за руку, и обе ускорили шаг. Егор хотел поинтересоваться, где Варя, но решил, что вопрос прозвучит нелепо – разумеется, она на кладбище, и, наверное, они идут закапывать могилу. Недаром к ним присоединились двоюродные братья Варвары.

«Что за унылая дрянь вокруг, – думал он. – Даже ночевать не останусь, сегодня же уеду из этой дыры».

Дорога обогнула каменный выступ, и открылся берег – справа сбегающая вниз лужайка с лабиринтом валунов, потом полоса гальки и лежащая прямо на ней Варя, прикрытая белым покрывалом. Её коричневые волосы рассыпались по камням, лицо было желтоватым, закрытые глаза глубоко запали. Виднелись босые ступни.

– Что же она без туфелек? – тусклым голосом поинтересовался Егор, хотя следовало спросить, какого чёрта несчастная валяется на берегу, без гроба?

Но непонятное почему-то не пробуждало интереса, а смиряло и туманило сознание. Старик указал на столб, врытый неподалёку от изголовья, и потянул к нему Егора, тот послушно двинулся следом. Вдруг Варины братья молча схватили его и, прижав к столбу, стали привязывать. Егор рванулся, пытаясь освободиться, но трое мужчин быстро скрутили профессора, он и опомниться не успел, как оказался опутанным верёвками.

– Это как понимать?! Это что значит?! – растерянно и зло поинтересовался Егор.

Старик прокашлялся:

– Ты не рвись, так верёвки ещё туже затягиваются. Всё одно, никуда не денешься. Постоишь тут ночку, а утром придём за тобой. Может, всё будет ладно. Он милостив. Варя просила рассудить.

– Так и заявите в суд, к чему меня оставлять здесь? – истерически крикнул он. – Она всё-таки позвонила вам, да? Бате?

– Я тебе не судья. А батя её утоп давно.

Старик подошёл к Егору и застегнул молнию на его куртке, подумал и нахлобучил на голову капюшон. Поклонился Варю, перекрестился и споро зашагал к деревне, парни топтали рядом. Егор смотрел вслед им, пока не исчезли из виду. На живот Вари грузно села чайка. Егор стоял, переминаясь с ноги на ногу. «Ночь продержаться... наверняка схватишь грипп, а то и воспаление лёгких, вон ветер какой». Он стал дёргать

руками, надеясь перетереть верёвку о дерево, немного согрелся.

В кармане внезапно зазвонил мобильник. Первые ноты популярной песни диссонировали с первобытной обстановкой. Наверное, напоминает о себе Катя. Вспомнилась последняя встреча – спальня, загорелая девичья спина, упругие ягодички. Стоны, смех. Потом она лежит рядом, и он любуется нежным профилем... А потом отвратительно-рябое лицо Вари, которая упрекает его, напоминает о ребёнке. Но он уже не хочет ребёнка от этой уродины, их связь – ошибка. Удивительно, как быстро начинает вызывать отторжение то, что раньше привлекало. И милые веснушки кажутся грубыми пятнами, делающими кожу нечистой. Словно пелена падает с глаз, бросаются в глаза недостатки человека – раньше они не имели значения для тебя, но теперь невыносимы.

Ветер подул сильнее, и простыня сползла с покойницы. Оказалось, Варя не только босая, на ней не было ни клочка одежды, кроме нитки жемчуга.

Вдруг со стороны моря послышался глухой утробный звук. Егор посмотрел влево и похолодел – из воды поднималось тёмной грудой неведомое существо, двигалось к берегу, вырастая всё выше. Егор разглядел массивную голову с широкой пастью, набитой частыми длинными зубами. Передние лапы, молитвенно прижатые к широкой чешуйчатой груди, казались отвратительно слабыми, как ручки карлика. Монстр брёл на задних лапах, мощных, жилистых. Высотой он был около трёх метров. Шкура облеплена водорослями, ракушками, из загривка торчал трухлявый обломок то ли остроги, то ли копья. Егор хотел позвать на помощь, но боялся привлечь внимание. Зверь приблизился к голой, беззащитной Варю. Наклонился. Присматриваясь? Принюхиваясь? Егору вдруг вспомнился рассказ старика о том, как придонный хозяин овладел одинокой рыбачкой. Но хищник деловито ухватил зубами Варю возле предплечья, раздался хруст. Ящер вскинул голову, проглатывая белую руку. Егор зажмурился. Послышалось чавканье, треск костей.

«Батя... – обморочно думалось. – Так вот кого здешние считают своим предком. А морской берег – вместо кладбища. Покойников просто оставляют живому тотему, а тот их жрёт ничтоже сумняшеся. К утру ветер утащит простыню в воду. Нитка бус истлеет, оставив россыпь жемчу-

жин среди гальки. Остатки мяса склюют птицы...»

Проклятый мобильник в кармане снова разразился заливистой трелью. Вдруг настала тишина. Егор открыл глаза. Ящер смотрел на него, вывернув корявую шею, полусогнувшись над кучкой окровавленных костей. Повернулся и сделал несколько дёрганных шагов, словно сомневаясь. Егор истошно закричал, надеясь, что услышат в деревне, но там, над невидимым в сумерках лабиринтом, не было ни огонька, даже собаки молчали. Массивные бревенчатые избы горбились в тумане, как стадо дремлющих динозавров.

Теперь ящер стоял перед ним, хрипло дыша сквозь частокол зубов. Смерд старой гнили и крови смешался в тошнотворное амбре. Егор продолжал ожесточённо перетирать о столб верёвку, стянувшую руки. Ящер наклонил морду. Только сейчас среди буро-зелёных выростов Егор заметил его глаза – золотистые, с вертикальным зрачком. Холодно-внимательные, словно у птицы, заметившей жука. Егору вдруг почудилось – из какой это былины – «и будто в сон заснул он», в любой миг может проснуться, а раз так, чего бояться?

– Я её не нарочно убил, – произнёс он. – Я и не думал убивать, толкнул сгоряча. Она сказала: «Батя рассудит». Это ты? Постой... Я вспомнил о Садко: «Не пошлины придонный царь требует – а требует он голову человеческую», студентам цитировал несколько дней назад...

Пращур-ящер высился перед профессором в застывшей позе, словно превратился в пластмассовый экспонат палеонтологического музея.

«Он слушает, – подумал Егор, – пока я говорю, возможно, не тронет».

И бедный профессор объяснял, втолковывал придонному хозяину, как до жизни такой докатился. Когда кончились осмысленные предложения, стал городить чепуху, вздор, припевать, смеяться. Но нужно было говорить ещё и ещё. Тут, кстати, вспомнились мерзости, которые скрывал даже от близких, Егор поведал безмолвному существу и эти стыдные, скользкие тайны, мутные липкие мечты, спрятанные в недрах его компьютера видеофайлами, где извиваются голые детские тела. В Кате было что-то такое, незрелое, словно у тех острогрудых двенадцатилетних... Он выговаривал, выворачивал наизнанку свою душу. Потрошил, как рыбу, вытягивая и выдёргивая бесконечные перламутровые внутренности. Батя слушал.

...Празднично-розовым утром из деревни на пустынный берег приобрёл Варин дед с ножом. Перепилил на запястьях Егора верёвку, и тот упал ничком, не в силах удержаться на онемевших ногах. Старик постоял над ним, дымя самокруткой. Потом помог подняться, повёл к деревне, приговаривая:

– Вот видишь, парень, всё хорошо. Батя милостив. Глядишь, и рыбки косяк пригонит, ребята далеко не плавать.

Егор смотрел равнодушно и ничего не отвечал. Поселили его во времянке, научили чинить сети. По вечерам бывшего профессора видят на берегу, он собирает в карманы засаленного ватника разноцветные камешки. Теперь Егор ни о чём не тревожится, никому не мстит, ничего не стыдится. В его душе царит тихая, бессмысленная радость.

МЁРТВЫЙ, ДОБРЫЙ

– Вставай, а то Царствие небесное пропустишь! – Кто-то трясёт Мишку за плечо.

Он открывает глаза. В большой комнате темно. Только слышится надсадный бабкин храп за ситцевой занавеской.

Над Мишкой кто-то стоит. Мальчик всматривается и истошно кричит. Дождавшись, когда его вопль стихнет, дед строго, но добродушно спрашивает:

– Чего орёшь, окаяшка? Режут тебя?

Мишка снова визжит, но тут голос садится, переходит в хрип.

Деда вчера похоронили. Тогда почему он снова здесь, да ещё и разговаривает? Этак мирно:

– Вставай, внучек. Я ведь из-за тебя ни свет ни заря поднялся. Через сорок дней будет невмочь, а сейчас в самый раз.

Мишка чувствует, что, несмотря на тепло в избе, по коже бегут морозные мурашки. Он кутается в одеяло с головой и сипит:

– Не пойду я никуда! Да воскреснет Бог... – но продолжение молитвы от нечистой силы теряется в памяти.

Дед стягивает одеяло:

– Хватит прохлаждаться! Что за молодёжь растёт?!

Мишка вскакивает, как ошпаренный, отбегает к печке, возле которой сушится обувь.

– Вот-вот, сапоги обувай, там сыро, – советует дед.

– Конечно сыро! – Мишка помнит, что вечером прошёл дождь, и в могилах, наверное, вода. Ведь не иначе дед пришёл забрать его!

Почему? Десятилетний Мишка знает объяснение: в селе говорят, что если ты обижал родственника, а он внезапно умер, то придёт за тобой и уведёт в мир иной. А Мишка перед дедом виноват – когда тот слёг за месяц до смерти, то внука часто просил то книгу подать, то папиросы принести, то чай заварить, если бабушки дома не было, а Мишка медлил, ленился, убегал из хаты играть с соседскими мальчишками. Вот и доигрался...

– И куртку с капюшоном надень, чтоб за шиворот не сыпалась роса.

«Да, на кладбище много кустов, росы на них должно быть порядком», – соображает Мишка.

Почему же бабушка не просыпается? Храпит по-прежнему, словно не слышала воплей внука.

– Деда, я покойников боюсь, – шёпотом признаётся Мишка.

– А чего нас бояться? – буднично замечает дед.

Мишка хочет включить свет, поскольку стоит как раз возле рубильника, но боится увидеть мертвеца во всей красе. Уж лучше тёмный силуэт.

Отправили Мишку родители к бабушке с дедом на всё лето, а тут такая оказия – не увидать им больше сына. Мишка начинает тихо плакать.

– Нюни распустил! Хлеба возьми да колбасы или сыра. Что есть-то будешь? Appetit там отменный!

– В могиле аппетит?

У Мишки волосы на голове встают дыбом. Он представляет, как сидит в яме на дедовом гробу и ест бутерброды.

Бабушка особенно громко всхрипывает.

– Не домовой ли душит? – с тревогой замечает дедушка.

А при жизни ругался: «Эк её разрывает! Так бы и прикрыл подушкой!»

Трясущимися руками мальчик открывает холодильник, берёт плавленный сырок. Отламывает горбушку хлеба от лежащей на столе буханки. Суёт снедь в карман.

– Пойдём, – говорит дед и открывает дверь.

Мишка плетётся за ним. Во дворе стоит, словно окаменев, их чёрная тонконогая собака Жулька, уши висячие в разные стороны – не лаёт, но и хвостом не виляет, наверное, кажется ей хозяин очень странным.

Дед берёт Мишку за руку – никогда прежде так не водил, они выходят за калитку и шагают

по дороге. Пальцы у мертвеца крепкие. Вырваться боязно.

Высоко в небе сияет полная луна. Деревня спит. Стрекочут кузнечики, журчащий хор лягушек слышен издали. Мишка оглядывается вокруг – всё кажется ночью другим, таинственным.

– Погляди-ка направо! Банника заметил? – показывает дед туда, где зашуршала трава. – Веник берёзовый понёс. Хозяйственный.

Мишка никого не различает. Бросает косой взгляд на деда, замечает острый нос, тёмные провалы вокруг блестящих глаз.

– Погляди-ка налево, вот бесстыжая, – сплевывает дед. У соседского сарая мелькает баба в сорочке. – Ведьма идёт чужих коров доить... Ты не озяб ли, окаяшка?

Мишка на свежем воздухе немного опомнился и приободрился. Только сейчас он понимает, что направляются они с дедом вовсе не к кладбищу. Вот миновали соседнюю улицу, клуб, магазин...

Мишка думает, что дед изменился. Раньше называл бы чертякой, да ещё и подзатыльники отвешивал. А теперь и рассказывает что-то внуку, и заботится, чтобы тот не простыл. При жизни бы так! А то скажет им с бабушкой: «Одна брюзжит, другой визжит» – и уходит неведомо куда с чекушкой водки.

Спускаются под гору. Впереди раскинулся широкий луг, трава отликает серебром под лунной, кое-где видны круги и полумесяцы покосов. Топают по влажной дороге.

Но Мишке всё равно страшно, потому что непонятно, зачем дед ведёт его в противоположную от кладбища сторону? Вдруг там что-то ещё хуже?..

Вот и озеро. Долгим чёрным зеркалом вытянулось оно на опушке смешанного леса. Окружено прошлогодним сухим камышом вперемешку с молодыми острыми стеблями. Через заросли то тут, то там ведут тропинки.

Вдруг Мишка замечает шалаш. Дед наклоняется, извлекает оттуда лопату, протягивает внуку и командует:

– Копай!

«Могилу!» – холодеет Мишка и жалобно лепечет:

– Дедуня, прости. Я знаю, что плохо себя вёл, не слушался. Ей-Богу, я всё понял! Отпусти, пожалуйста. Я буду бабушке помогать – картошку полоть, кур кормить, воду носить из колодца... Учиться стану на одни пятёрки.

– Так ты же сам просился! – восклицает дед. – Всё время ныл: возьми да возьми. Вот я и подумал, что виноват перед внуком. Не будет моей душе покоя, пока на рыбалку не свожу! Ну, довольно слёзы лить. Комай червей! Удочки в шалаше. Надо до третьих петухов вернуться – тебе домой, мне в домовину.

СОБАЧИЙ РАЙ

Рыжик – крупный широкогрудый пёс, помесь стаффордширского терьера с дворнягой, насто-роженно остановился на краю пустыря, и бежавшая вслед стая тоже остановилась. Свалка, к застарелому тяжёлому запаху и рельефу которой собаки давно привыкли, вдруг изменилась. Залежи мусора два бульдозера отодвинули в сторону, к лесу, и без того усеянному брошенными вонючими пакетами. Образовалась широкая площадка. Неподалёку на дороге стояли две легковые машины. Переговаривались люди.

Рыжик коротко взлаял, круто повернулся и увёл стаю в лес, решив подождать, когда незваные гости уберутся с его территории.

Но люди не уходили. Подъехали несколько больших грузовиков.

Глава районной администрации – шарообразный курносый мужичок, похожий на актёра Леонова, суетливо перебирал документы, расписывался.

– Почему я должен контролировать? Это дело таможенников, в конце концов... – нервно интересовался он у приезжего чиновника из областного центра.

– Но кто-то должен отвечать, Михаил Иванович. А я сегодня возвращаюсь в город, – жёстко говорил тот, поджимая губы после каждой фразы.

Когда высокий гость сел в машину, глава администрации окинул взглядом колонну грузовиков и судорожно вздохнул:

– Сколько добра!

Начальник полиции, здесь же присутствующий, молча кивнул с кислой миной.

Потом, словно взяв себя в руки, глава командовал:

– Пусть выгружают.

Машины стали поочерёдно заезжать на площадку. Поднимался кузов, на землю сыпались коробки и ящики, из них катились в стороны персики, апельсины, киви, упаковки сыра, консервные банки...

Стоявшая неподалёку группа местных жителей подошла ближе.

– Иваныч, мы тут возьмём малость!

– Я вам возьму! – взвизгнул глава администрации. – Запрещено!

– Ни себе, ни людям, – процедил высокий широкоплечий мужчина лет пятидесяти. – Хоть бы старикам роздали. Сам-то не голодаешь поди.

– А ты оголодал! Иди в магазин и покупай наше, российское!

– Или детишкам в интернат свезли бы...

– Нельзя, не положено, – раздражённо отмахивался глава.

Михаил Иванович и сам в глубине души чувствовал, что творится неладное, и переживал, что для уничтожения проклятой санкционки выбрали окраину вверенного ему посёлка. Он-то знал, сколько здесь безработных и на какие гроши живут люди.

Человек слабохарактерный, Михаил Иванович нервно гадал, что будут говорить о нём земляки, и в то же время испытывал священный трепет перед областным начальством. А уж мысли о кремлёвских небожителях вызывали неконтролируемые приступы паники и желание уйти в запой.

71

К людям присоединилась стройная девушка с серебристым диктофоном в руке.

– Газета «Варианты». Что вы думаете об уничтожении санкционных продуктов?

Парень, по виду чуть моложе неё, ухмыльнулся, дурашливо сдвинул на бок джинсовую кепку:

– Авось сдюжим. Не одолеют супостаты. Инда вопреки озимые... Правда, на ценники смотреть страшно.

– Школу не закончил, а уже оппозиция, – оборвал глава администрации. Замахал рукой на журналистку. – Не надо ничего записывать! Хулиганье местное кривляется. Нашли, у кого спрашивать!

Начальник полиции аккуратно взял девушку за локоть, увёл в сторону, стал что-то втолковывать.

Рыжик и стая наблюдали, как тронулись с места бульдозеры. Начали нарезать круги по площадке, смешивая с землёй сыр, колбасу, фрукты. Под гусеницами еда – плоды чужого труда – превращалась в месиво. Люди на обочине тихо матерились. Глава сидел в машине и в десятый раз пересматривал документы, словно плохо понимал смысл напечатанного.

Собаки в кустах принюхивались, слглатывали слюну. Наконец действие закончилось. Полиция заставила людей разойтись, укатило руководство на иномарке, уползли бульдозеры. Колонна грузовиков ещё раньше растворилась в тумане.

Тонкий месяц поднялся над лесом, над свалкой. Рыжик и стая выбежали из зарослей, жадно хватали пастями сыр, колбасу – прямо с грязью. Утоляли голод. Свежие продукты собакам доставались редко, особенно в таком количестве. Щенята насытились быстро, носились по свалке, трепали клочья обёрточной бумаги, разноцветного полиэтилена.

Послышались шаги, голоса. На этот раз стая не убежала в лес. Ночь была их временем, а обильная еда – добычей. Рыжик первым бросился навстречу пришельцам, громко залаял, стая тоже подняла гвалт. В собак полетели палки и комья земли, послышалась брань. Рыжик увёл стаю в сторону, они прилегли на кучах старого мусора, раздражённо рыча. Но сытые желудки не располагали к агрессии.

Зато люди на свалке начали пререкаться между собой. То тут, то там вспыхивали перепалки.

Худенькая женщина в очках посветила под ноги фонарём, обернулась к рослой светловолосой девочке лет четырнадцати:

– Таня, здесь же ничего нет.

– Мама, ты просто плохо видишь. Вот я нашла – почти целый. Сыр «Маасдам».

– Как стыдно! Таня, может быть, вернёмся? Неудобно. Я же учительница.

– Вот именно. На твою зарплату такое не купишь. Даже без санкций. – Таня выбирала куски сыра, клала в полиэтиленовый пакет. – Потом вымоем, обрежем. Можно сырники испечь...

– Таня, тут бродячие собаки. Это же микробы! – стенала учительница.

– Мама, не мешай! – По-крестьянски практичная Таня не походила на свою интеллигентную родительницу.

– И зачем я тебя послушалась! Неужели из-за сыра мы готовы отказаться от самоуважения, от чувства собственного достоинства?

– Иди домой! – огрызалась Таня. – Я человек простой. Я как все. Ты вспомни о Лёшке и Шурке, ждут ведь вкусенького.

Учительница в темноте всхлипнула – троих детей одна поднимает, а помочь некому.

– Эй, чего явились? – послышался в темноте мужской бас. – Я с бульдозеристом договорился, чтобы тут только раз проехал, магарыч ставил, а вы на дармовщину...

В темноте звякнуло. Мужик держал два ведра.

– Мы за сыром, – смело ответила Таня. – И, между прочим, первые.

– Тут не очередь... Мне персики нужны. На самогон, – примирительно пояснил собеседник. – Сладкие они – сахара не надо, хватит одних дрожжей.

Люди подбирали продукты, отряхивали, складывали в принесённую тару.

– С другой стороны, на халяву... – успокаивал кого-то худой парень – тот самый, в джинсовой кепке. Бросал в сумку помятые фрукты.

– Слава Богу за всё, – охала горбатая старушка, ползая на коленях в бульдозерной колее. С радостным удивлением рассматривала уцелевшую банку консервов.

Послышался надсадный вой сирены, и люди бросились к лесу, спугнув собак. Все вместе вломились в чащу.

На дороге остановилась машина с мигалкой. Громкий молодой голос прокатился над свалкой:

– Расходитесь по домам. Оштрафую к чертям!

– В мегафон говорит! – хмыкали люди в лесу. – Ты поймай ещё в темноте-то.

Кто-то у дороги тонко запричитал.

– Не трогайте, сынки! Я мимо шла.

– Кого забрали? – зашептались в лесу, переглядываясь.

Оказалось, горбатую бабушку – не успела спрятаться.

Кто-то предложил пойти в отделение и заступиться, но остальные зашикали: активист нашёлся! Нам проблемы не нужны. И так отпустят – с неё взять нечего...

Двинулись по домам, обсуждая удачные находки.

Рыжик вывел стаю на свалку. И звери снова ели – уже медленно, впрок.

Если бы так было всегда! Каждый день привозили продукты, утюжили бульдозером, оставляли собакам... От полноты чувств Рыжик счастливо взвыл, подняв морду к месяцу. Потом упал на спину и стал кувыряться, как щенок. Другие псы начали гоняться друг за другом, играя, весело и беззаботно. Вот он – собачий рай!..

Глава администрации, поднятый с постели звонком, слушал отчёт о происшествии и плачущим голосом повторял в телефонную трубку:

– Хлоркой, хлоркой в следующий раз надо посыпать, чтоб ни одна тварь не сунулась!..

ХОЗЯЙКА

Сказка

Глава первая. Сундук с золотом

Лесник надвинул кепку, поправил ружьё за спиной и, набравшись смелости, двинулся в ту часть своих владений, где не любил бывать. Деревья тут стояли тесно, живые стволы подпирали мёртвые – высохшие, лишённые коры. В глаза лезли корявые сучья, ноги проваливались меж корней, за ворот сыпались труха и хвоя. Бранясь, отплевываясь, лесник, наконец, провалился на поляну, где стояла низкая изба, крытая камышом. Откашлялся и громко выкрикнул:

– Марфа Матвеевна! Нина Гавриловна!

Но обращался он к одной-единственной особе. Старуха жила здесь очень давно. Когда-то, в шестидесятые годы, новый председатель колхоза решил облагодетельствовать её пенсией и, чтобы оформить паспорт, пытался выведать, как зовут лесную жительницу. Зная от местных, что старуха немая, он составил огромный список разных имён, которые зачитал ей, полагая, что та кивнёт или подаст иной знак при произнесении им её настоящего имени. Старуха выслушала весь длинный список, не моргнув и глазом. Председатель махнул рукой и записал её Октябриной. Сельчане сочли имя нелепым. Но остался обычай при встрече называть старуху разными именами, и даже появилось поверье, что угадавшему подлинное имя сказочно повезёт, потому что бабка – матёрая ведьма. При этом полагалось быть почтительным и к имени присоединять отчество. Лесник следовал этому ритуалу по привычке, а не надеясь на удачу:

– Ида Константиновна! Глафира Христофоровна!

Дверь заскрипела так звучно, что лесник вздрогнул. Старуха выступила из тьмы и уставилась на гостя. Её коричневое лицо, покрытое рубцами глубоких морщин и сетью мелких, казалось нечеловеческим из-за гротескно-горбатого крупного носа и выпяченного подбородка. В провалах глазниц блестели прозрачно-карие, почти оранжевые глаза. Один зрачок, казалось, был больше другого и пульсировал, то сужаясь, то

расширяясь. Лесник давно заметил это и избегал смотреть бабке в глаза. На голову её был накручен красный шерстяной платок, побитый моллю. Одежда состояла из синего ситцевого платья, длинного, но не скрывавшего босых ступней с давно не стриженными скрученными ногтями.

Старуха приложила к уху ладонь, что в системе знаков, давно усвоенных лесником, значило вопрос. Была она так страшна, что лесник тут же стал называть её именем своей тещи.

– Добрый день, Лариса Ивановна. Я вот о чём должен сообщить – лес твой продали. Не я продал. Председатель колхоза, акционерного общества, то есть. Провалился к городскому мужику. Рубить будут лес.

Бабка быстро спустилась с порожка, и лесник попятился, мотая головой:

– Я ни при чём, я говорил председателю: «Не продавай». Но кто же меня послушается?

Бабка задумалась, потом усмехнулась. Оскал казался нечеловеческим, животным. Её белые молодые зубы ужасали лесника.

Старуха показала в сторону села и словно поманила кого-то узловатой рукой.

– Позвать его к тебе?

Она кивнула. Лесник поклонился и, пятясь, покинул поляну.

73

Юрий Валентинович, полноватый мужчина лет сорока, с обманчиво простодушным лицом, но внимательным цепким взглядом, стоял у высокого распахнутого окна, за которым щёлкали и пересвистывались незримые птицы. В вечерних сумерках белели осыпанные цветами кусты жасмина вдоль забора. За забором шелестели листвой берёзы и осины.

Нет, лес вокруг усадьбы рубить не стоит – пусть останется островок дикой природы.

За спиной, в глубине залы, распахнулась массивная дверь, заглянул охранник и произнёс:

– К вам лесник.

– Поздновато, – холодно заметил хозяин, оборачиваясь к гостю.

Щуплый мужичонка, в камуфляжном костюме и болотных сапогах, прошлёпал по паркету и ничтоже сумняшеся протянул щеголеватому господину загорелую руку:

– Вечер добрый.

Юрий Валентинович поморщился от фамильярного жеста, но руку мужичонке пожал. Конечно, он представлял встречу с местным егерем иначе – тот стоит у двери, снял с головы кепку и ждёт, когда барин обратит внимание.

– Вам сообщили, что я купил часть леса? Хорошо. Будете по-прежнему делать обходы всей территории или мне своего человека нанять? – сразу заинтересовался Юрий Валентинович.

– Зачем же нанимать? Я согласен. А что насчёт зарплаты?

– Не обижу. Только чтобы ни пожаров, ни браконьеров. Лес куплен специально для моей мебельной фабрики.

– Вырубить задумали?

– Лес и сажают, чтобы вырубить когда-нибудь.

– Я не недовольствую, – пояснил лесник, одев кепку. – А только у нас в лесу живут.

– Меня не предупреждали. Это частная собственность?

– Старушка одна.

– Лучше бы переселить.

– Попробуйте, – лесник вздохнул. – Только она здесь очень давно, привыкла, должно быть.

– Сколько в ваших краях стоит дом?

– Так-то копейки. Но с газом намного дороже.

– Зачем ей газифицированный? Она не поймёт, как за котлом следить. Лучше мы ей дрова привезём.

– Верно, – не стал спорить лесник.

– Объясни моему помощнику, где бабку искать.

– Недалеко отсюда, прямо по тропе от ваших ворот и до развилки. Там повернуть направо, и как раз на поляне стоит изба.

– Слышал? – обратился Юрий к начальнику охраны. – Завтра передашь деньги, пусть приобретает новое жильё до июля.

Охранник кивнул.

– А вам самому будет любопытно, – лесник помнил бабкин наказ доставить к ней бизнесмена. – Я вот вижу, у вас на стене, над камином, головы кабана и оленя. Охотой увлекаетесь? У неё там, возле дома, на шестах черепа, меня мороз по коже дерёт, когда я на один гляжу. Другие-то она, конечно, в лесу подобрала – два лосиных, волчий, лисий. Но тот особенный, огромный и клыки у него – вот такие! Я бы сказал, что череп медвежий, но больно велик. К тому же здесь медведи никогда не водились, да и нет у них таких клыков. Может быть, просветите меня, что за существо?

– Вы меня заинтриговали. – Юрий Валентинович часто ездил на охоту лет пять назад, сейчас было не до развлечений. Но интерес остался.

На следующий день, в полдень, Юрий Валентинович и лесник вышли к дому старухи.

– Экзотика! – Юрий Валентинович кругом обошёл избу, посмотрел на череп исполинского медведя. – Спросим у старушки, какого зверя завалила?

– Немая она.

– Жаль.

Лесник обратил внимание на то, что возле избы появился ещё один, пустой шест.

Последовал позабавивший Юрия Валентиновича ритуал с вызыванием старухи, наконец, дверь приоткрылась.

– Пелагея Максимовна, Серафима Ефимовна, тут к тебе гость.

Старуха приложила ладонь к уху.

– Избу твою хочет купить.

Старуха, к удивлению лесника, возмущаться не стала, кивнула и оказалась рядом с ними так быстро, словно выросла из-под земли. Юрий Валентинович даже отшатнулся. Лесник отвлёл взгляд в сторону, чтобы не встретиться с дикими янтарными глазами хозяйки. Юрий Валентинович достал из кармана портмоне и вынул оттуда пачку купюр.

– Зачем же вы ей доллары? – удивился лесник.

Юрий Валентинович пренебрежительно усмехнулся, мол, мелочиться не в его стиле. Старуха выхватила одну купюру тонкими цепкими, словно из ржавой проволоки пальцами, повертела, обнюхала, вдруг плюнула на неё и бросила наземь.

– Это как понимать? – вспыхнул Юрий Валентинович.

Лесник подобрал купюру, обтёр лопухом.

– Оставь себе, – зло отмахнулся спутник.

Старуха нырнула в дом, вернулась к гостям и сунула под нос бизнесмену крупную блестящую монету.

– Золото? – опешил Юрий Валентинович.

– Вот те на! – пробормотал лесник.

– Это как понимать?

– Страшно сказать, она вроде бы требует, чтобы вы с ней золотом расплатились. Думаю, она не знает, что теперь деньги из бумаги. Для неё это так, лоскутки.

– Чёрт знает что! – развёл руками предприниматель.

Но он уже не мог воспринимать старуху как жалкое существо, которому собирался подать милостыню. А та повернулась и исчезла в своей замшелой избе.

Несколько дней после встречи со старухой Юрий Валентинович был рассеян и мрачен –

из областного города пришли нехорошие новости, его фабрика терпела убытки. Теперь он не стал бы разбрасываться долларами. Мысли возвращались к старухиному золоту. А вдруг его много? К чему этой развалине богатство? Собственно, кто вспомнит о ней, если исчезнет?

Без охраны, без лесника Юрий Валентинович, прихватив рюкзак, вышел из дома. За ремень под свитером был заткнут пистолет. В лихие девяностые наш герой был отнюдь не благонамеренным гражданином, пусть сегодня не горел желанием вспоминать прошлое, но решил действовать по обстоятельствам.

Когда он вырвался из ельника на поляну, то немного растерялся – у дома не оказалось двери. Но ведь лишь пару дней назад была! Незваный гость пожал плечами, двинулся вокруг дома, наткнулся на кусты смородины, где были свалены в кучу потемневшие шести и груды почти истлевших черепов, скорее их осколки. Юрий Валентинович озадаченно всмотрелся. Неужто когда-то они также украшали старухину поляну, но вот истлели, и она выбросила часть коллекции? И тут он увидел дверь. Она выходила сюда, в заросли, словно изба накануне повернулась к лесу. Юрий Валентинович вежливо постучал. Потом ещё раз. Толкнул дверь, она отворилась. Из дома пахло дымком, сушёной травой, что-то зашуршало. Он достал мобильник, где был фонарь, включил. Тонкий белый луч выхватил из сумрака грубый деревянный стол, лавку, закопченный зев печи. По углам висели связки корней и трав, нанизанные на бечёвку грибы. На столе мелькнуло красное, он осветил и поразился – ломоть свежего сырого мяса. В углу стоял сундук. Может быть, там и хранится золото? Юрий Валентинович прислушался, не возвращается ли хозяйка? Тишина. Он откинул крышку и направил луч в сундук, полоска света утонула в бездонной тьме. Он прищурился. В сундуке мигнула искорка, вторая. Юрий Валентинович выключил фонарь. Присмотрелся. Вдруг на дне забрезжила яркая полоска, он стал на колени, свесился в сундук и обомлел – в стороне, слева, на звёздном небе горела луна!

Юрий Валентинович встал, отряхнул от пыли брюки. Пережёв дыхание, постарался успокоиться. Но как тут успокоиться, если за окнами избушки ярко светило солнце, а в сундуке царил глубокая ночь? Он снова опустился на колени, сунул руку в сундук, ощупал боковые доски, дальше был земляной срез. Юрий Валентино-

вич представил, как с другой стороны, с изнанки земли, вниз головой ходят мифические антиподы. А что если рискнуть и побывать там? Минуту он не понимал, где небо, где земля, но для того, чтобы оказаться на другой стороне, пришлось подтянуться, и вот уже он выбрался и стоит под луной. Юрий Валентинович огляделся. Вокруг раскинулась ровная, как стол, степь. Он нагнулся и потрогал землю, укололся о жёсткую траву. От земли шло тепло, видимо, солнце нагрело её за день. Он прошёл несколько шагов, остановился. Что за дикое поле? И ни души, ни птичьего свиста, ни волчьего воя, ни огонька, кроме звёзд и луны. За спиной послышался глухой удар. Миг он размышлял, что это. Потом опрометью бросился к яме, послужившей вратами в чужой мир, прыгнул, стремясь вывалиться из сундука в старухиной избе, но ударился о дерево – хозяйка захлопнула сундук. Юрий Валентинович начал стучать кулаком, приказывая открыть, ругался, потом умолял впустить. Нашарил в кармане мобильник, включил и ахнул – он стучался в крышку гроба. Выбрался, осветил вокруг. В стороне заметил холмик глины с воткнутой лопатой, словно приглашение закопать яму.

Глава вторая. Свадьба на Воздвижение

Лесник подошёл к избе и крикнул:

– Глафира Евдокимовна! Дина Витальевна! Я с новостями!

Старуха сидела на пороге и грызла корень. Уставилась недобро.

– Другой человек теперь лесом владеет. Помнишь, пропал прежний?

Она кивнула.

– Его двоюродный брат всё унаследовал. До-
ставить к тебе?

Она помахала рукой, словно рубя дерево.

– Нет, рубить не будут. Он, говорят, собрался базу отдыха строить. Облагородить хочет владения твои.

Она пожалала плечами, отбросила огрызок корня и скрылась в избе.

Лесник вздохнул и побрёл в село. Если старуха не хотела встречи с новым барином, то и ему о ней докладывать не стоило. По пути увидел, что пустовавший шест украшен человеческим черепом, поспешно отвёл глаза. Давно знал, что со старухой связываться не стоит – и отец, и дед предупреждали об этом. Вспомнил, как полиция год назад весь лес прошерстила, искали Юрия Валентиновича. На избу ни один мент не наткнул-

ся. Лесник её в это время замечал то на дне оврага, то у болота, но вот бабка вернула суетливое своё жилище на любимую поляну.

Виктор Антонович – новый хозяин леса, приходился преждему двоюродным братом. Мужчина лет пятидесяти, плотный, с квадратным лицом и таким жёстким взглядом, что по пустякам вряд ли кто обратится. Но вот обратились – друг побывал у него в усадьбе, осмотрел лес, добрая часть которого благодаря бригаде рабочих и дизайнеру превратилась в парк с романтическими беседками, статуями и ажурными мостами, и возжелал сыграть здесь свою свадьбу. А поскольку был он ещё и деловым партнёром Виктора Антоновича, тот решил не отказывать – всё равно парк будут арендовать под праздники и отдыхать здесь, с чего-то нужно начинать. Правда, лесник, услышав об этом, пробормотал что-то непонятное: мол, на Воздвижение всё в лесу сдвигается, и лучше в этот день там не появляться. Но Виктора Антоновича ни праздники, ни народные суеверия не интересовали.

И вот уже возле озера на асфальтированной площадке играет оркестр, кружатся пары, а под тентом, украшенным воздушными шарами, стоят столы с угощением. Вокруг озера загорелись фонари. Чем не Европа? Словно кадры из английского фильма. Правда, в таких фильмах обычно появляется чудовище...

Виктор Антонович делает глоток шампанского из бокала. Он не любит суету, и сейчас, когда праздник в самом разгаре и не требуется присутствие хозяина, самое время отдохнуть от людей. Он пьян, но в меру. Углубляется в лес. Что за живописная тропинка – здесь он тоже прикажет установить фонари. Впрочем, сначала надо узнать, куда она ведёт? Оранжевый свет заката окрашивает стволы деревьев в розовато-бронзовый цвет, а их осенние кроны играют оттенками золотого, коричневого, красного. Воздух, насыщенный ароматами трав и смолы, словно вино.

Внезапно за веером ветвей открылась поляна с уродливой избой, утонувшей в гуще листвы, словно в гнезде.

– А это ещё что за сарай? – Виктор Антонович обошёл вокруг строения. В окне вместо стекла клочок целлофана. Над дверью прибита ржавая подкова. Под стрехой, где камыш нависает над стеной, кто-то возится, пищит.

Дверь скрипнула, на пороге появилась хозяйка. Седые лохмы свисают по сторонам коричневого лица, блестят глаза из тёмных провалов под выпуклыми надбровными дугами. Нос и подбородок гипертрофированы, словно у маски тролля.

– Вечер добрый, – напористо поздоровался Виктор Антонович. – А кто вы такая, позвольте узнать?

Старуха молча подошла к визитёру, понюхала бокал в его руке. Виктор Антонович раздражённо сунул посудину в карман.

– Я владелец данной территории. Почему меня не проинформировали о вас?

Старуха не реагировала на слова. Словно потеряв интерес, повернулась и шагнула к избе, но Виктор Антонович ухватил её за локоть.

– Бабка, этот лес – частная собственность. Документы на дом есть? Прописана где, глухая тетеря?

Старуха повернулась, уставилась на него янтарными глазами – один зрачок то сужался, то расширялся, ему пришло на ум, что так, по словам астрономов, сужается и расширяется Вселенная.

– В общем, так, – сказал Виктор Антонович, переборков оторопь. – Нет документов – поедешь в дом престарелых. Будешь жить на всём готовом – еда, постель, тепло. Ясно тебе? К понедельнику собирай вещи.

Старуха вдруг скрутила из корявых пальцев дулю и сунула под нос бизнесмену.

– Ах, старая ведьма! Не хочешь ехать – в мешке отвезут. Мне в парке не нужна антисанитария.

Он выпустил её костлявую руку, брезгливо вытер ладонь о полу пиджака и пошёл ломиться сквозь кустарник на звуки танцевальных шлягеров. Музыка неуловимо менялась, в неё вплеталось всё больше шуршащих, потрескивающих нот, щелчков и треска. Он стал спускаться в лощину, полную тумана, словно чаша с молоком. Откуда-то слышалось тихое шипение и посвистывание. Что-то скользнуло по щиколотке. Виктор Антонович глянул вниз и обомлел – лощина была полна змей, медленно, томно сплетающихся в огромный клубок. Он стоял на краю клубка, а вокруг ползали бесчисленные гады.

На Воздвижение все змеи в лесу собираются в одно место и празднуют свадьбу. Горе тому, кто помешает.

Глава третья. Цветочный чай

На шестах красовались несколько звериных черепов и два человеческих. Лесник мелко перекрестился, прячась за еловую ветку, и только тогда вышел на поляну.

Старуха плясала. Босая, по засыпанной первым снегом траве. В абсолютной тишине. Она то бежала по кругу, вращаясь, то делала прыжок в сторону, хищно растопыривая тонкие руки в обтрёпанных рукавах. В движениях чувствовался ритм. Похоже, в косматой голове хозяйки звучала слышная только ей одной мелодия. Вдруг она словно из-под земли выросла напротив лесника. Прямо на него смотрели оранжевые дикие глаза. Он сорвал с плеча ружьё, наставил:

– Дарья Макаровна, отойди ради Бога.

Старуха, ощерившись, выбросила вперёд руки, дуло ружья упиралось ей в грудь.

– Анна Климовна, опомнись. Белены объе-
лась?

Она выдохнула, опустила руки, отвела взгляд, будто одеревенела.

– Лес унаследовал мальчишка какой-то.

Старуха хмыкнула.

– Охранник говорит: рубить не будет. Вообще ничего делать не будет. Раздолбай. Вроде художник. Рисует, то есть. Малюет. Картинки пишет, – он помахал рукой, словно красил забор.

Старуха снова хмыкнула. Долгие годы общения с ней научили лесника, что некоторые слова она не понимает, и тогда он старался подобрать похожие по значению.

Старуха снисходительно ухмыльнулась.

– Вот и я о чём. Что Бог ни делает, всё к лучшему. Наконец-то никто не будет зверьё распугивать. Да и, признаться, мужики с нашего села давно меня упрекают, что не пускаю их рыбачить на озеро, а баб ихних за ягодами. Им же не объяснишь, что теперь, как до революции, बारे завелись. Художники – народ нежадный, душевный. Правильно я думаю? Говорят, правда, что к пьянству они склонны, но это на Руси не порок. Так?

Старуха отвернулась и вдруг через всю поляну прыгнула в чащу, еловые ветки качнулись и замерли. Лесник знал, что хозяйка устраивает пляски перед охотой, и поспешно ретировался – вдруг окаянная в азарте перепутает с дичью? Однажды застал её неподалёку – старуха, стоя на коленях над убитым кабаном, руками вырвала внутренности, воздевала их к небу. Зали-

тая кровью, что-то выла, раскачиваясь, словно одержимая. Лесник бежал без оглядки до села и успокоился только после бутылки первача.

Новый хозяин приходился Виктору Антоновичу племянником. Звали его Иваном. Парень лет двадцати пяти, высокий, худой, волосы кудрявые, лицо симпатичное, но уж больно печальное. Лесник и к нему пришёл, спросил о зарплате. Парень сказал, что всё останется прежнему. В зале стоял мольберт, стол с красками, к стене прислонены чистые холсты. Готовых картин лесник не заметил.

– Нет вдохновения. Творческий кризис, – уныло сказал молодой человек.

– А вы погуляйте по лесу, у нас виды красивые, вот хотя бы у озера, – радушно предложил лесник. Признаться, ему показалось интересным, выживет ли барчук после знакомства со старухой? Но через минуту лесник устыдился своего жестокого любопытства и стал отговаривать, пугая тем, что в лесу полно волков.

– Они же умные звери, без причины не тронут, – легкомысленно заявил художник.

– Хорошо. Правду скажу, – решился лесник. – В лесу живёт старушка, и поговаривают, что она ведьма.

– Вот это да! Непременно познакомлюсь, – оживился Иван.

– И думать забудьте!

– Почему? Она, наверное, знает много по истории края.

– Разве что края света, – раздражённо сказал лесник. – Она туда многих спихнула, за тот край. Немая к тому же.

– И как она выживает? Может быть, чем-то помочь ей? Обязательно узнаю.

– Вбили себе в голову чёрт знает что, извините, – раздражённо махнул рукой лесник и ушёл от фантазёра в твёрдой уверенности, что тот на днях исчезнет, как два его дядьки.

Старуха поставила в угол метлу. Шаркая валенками, подошла к печи, вытащила чёрного кота, гревшегося в золе, посадила на пол. Кота когда-то принёс в лес и выкинул местный житель – видимо, пушистый проныра повадился есть цыплят, и от него избавились. Хозяйка сунула в печь горсть сухих листьев, пучок щепок, сверху положила поленья. Взяла два камня и, ударив друг о друга, высекла огонь. В дверь постучали. Она пожала плечами, открыла – на по-

роге стоял кудрявый молодец лет двадцати, с простоватым лицом, волосы давно не стрижены, за спиной – красная котомка. Старуха зашипела. Кот тоже. Она привыкла, что вызывают долго и церемонно, а не ломятся в избу.

– Здравствуйте, бабушка, – весело произнёс гость и с глупым видом почесал в затылке. – А ваш сосед, Иван. Познакомиться пришёл.

Старуха отступила в сторону, Иван шагнул в избу. Сунул руку в свой красный рюкзак и выложил на стол несколько пакетов – решил побаловать нищую пенсионерку конфетами и пряниками из местного магазина. Старуха обнюхала дары. Указала Ивану на шаткую лавку. Из горячей печи вытащила чугунок с водой, поставила на стол две помятые жестяные кружки, налила кипятка. Вернула чугунок в печь. Подошла к связкам трав в углу, отщипнула от одного, от другого сухого букета, помяла в горсти, кинула в кружки. По избе поплыл дивный аромат. Старуха села на табурет напротив гостя. Подвинула к нему кружку. Взяла в руку конфету, обнюхала, не разворачивая фантика, кинула в рот, стала с хрустом жевать.

– Надо вот так. – Иван избавил конфету от обёртки, показал старухе. Она кивнула.

Он разглядывал её жилище – с печки свешивался край бурой шкуры. Возле стояли ступа и метла. На полке виднелась старинная посуда – впрочем, деревенские хозяйки и сейчас пользуются кринками, деревянными ковшами.

– Здорово у вас! Как в сказке! Только не обижайтесь, вы на Бабу-ягу похожи, – сказал Иван и тут же смутился, – ой, какой же я дурак! Вот ляпнул! Извините, пожалуйста.

– Ядзя, – сказала она хриплым голосом, – Ядзя.

– Так вы не немая?

– Я всем отвечала, но никто меня не слышал. Уже много лет.

– Имя на польское похоже. Вы из Польши?

– Не ведаю такого края.

– И давно тут живёте? Трудно, наверное, одной? Родни не осталось?

– Все померли, все во мне. – Она коснулась рукой солнечного сплетения. – Доля такая. Была голодная зима, рыба ушла далеко от берега, зерна не осталось.

– Вы жили у моря? Где?

– Море тут было.

«Всё-таки малость не в своём уме старушка», – подумал Иван.

– Правнуки взяли меня под руки, сказали: «Ты стара, помирать пора – голодная зима». Отвели в лес. Стояли там много домов на кореньях-ногах, в таком доме не сесть, не встать. Мёртвых дома. Правнуки сказали: «Баушка, прости нас, мы приготовили тебе мягкое ложе, ляг и усни – голодная зима». Они ушли, но мне хотелось жить. Вылезла из домовины. С собой я тайком взяла кремень и огниво, высекла огонь и стала звать богиню, которая ходит с изнанки мира, обещала служить ей. И явилась богиня-медведица. Мы вместе ели мясо мёртвых. Потом богиня показала мне своё логово, грела меня и рассказывала тайны земли. Иногда я приходила за свежим мясом на погост и однажды увидела там своих внуков и правнуков, всё они умерли – голодная зима. Я съела их печень, чтобы жили во мне. Весной медведица приказала убить её, чтобы передать мне силу. И с той поры я стала другой. Всё меняется, одна я не меняюсь...

Почему-то рассказ старухи не пугал Ивана, он прихлёбывал чай и вежливо кивал. Ему было спокойно и тепло в пропахшей дымом избе, намного уютнее, чем в огромном особняке.

– А вам не было жаль богиню? – поинтересовался он.

– Я освободила её для новой шкуры. Потом тысячу раз встречала – и лисицей, и соколом, и лебедью, и волком. Каждый раз она учила меня чему-то новому.

– А почему с изнанки мира?

– Ты потрошил рыбу, зверя или человека?

– Приходилось. Не человека, конечно! – успешно уточнил он.

– Когда смотришь в распоротое брюхо дичи, то видишь её изнанку. Если вывернуть наизнанку человека – каким он будет? Самое главное прячется внутри. Благодаря тому, что кровь течёт, а сердце бьётся – существо живёт. И мир живёт благодаря тому, что скрыто с его изнанки, которую мы не видим.

Внезапно Иван заметил, что стены избушки стали бугриться, и вдруг из закопченных брёвен начали стремительно прорастать ветки, на ветках набухли почки, брызнули свежей зеленью, бутоны развернулись крупными цветами, сквозь ветви забрезжил солнечный свет.

Иван встал, развёл руками листву. Вышел, словно из пещеры, на поляну. Деревья вокруг стояли гигантские, не в три, в десять обхватов, топорщились папоротники, вспархивали гигантские бабочки. Затрещали сучья от чьих-то тяжёлых шагов, и на поляну ступил огромный мед-

ведь. Взревел. Иван не ощущал страха. Медведь поднялся на дыбы, повёл плечами, и вдруг шкура соскользнула с него – перед Иваном возникла обнажённая смуглая женщина – сильное стройное тело, неровно стриженные, скорее, обретенные ножом коричневые волосы, большие янтарные глаза, тонкий нос с горбинкой, полные, резко очерченные губы. Она разглядывала его с любопытством. Ноздри раздувались, словно сейчас скажет: человеческим духом пахнет. Дикая самка. Обошла Ивана, словно присматриваясь к новому приобретению, потом властно схватила за руку, повела за собой.

...Очнулся за столом перед пустой кружкой, невольно коснулся рукой – ещё тёплая. А казалось – прошёл целый день. Он в том цветущем мире охотился на чудовищ, потом жарил их мясо на костре, занимался любовью с прекрасной незнакомкой, плавал в кристально-чистом озере среди изумительных золотых рыб, видел пролетающих над головой драконов, шаманил и вызывал духов.

Иван посмотрел на старуху, та гладила чёрного кота, мурлыкающего так громко, словно возле избы заводили трактор.

– А ведаешь, что я твоё желание должна исполнить? За то, что имя угадал, – проскрипела она. – Называй. Да поспевай.

– У меня всё есть, вы же знаете – богатый наследник, – смущённо улыбнулся Иван. – Но я художник, в этом мире скучно мне – тусклый он, взгляд не радует. Если бы жить с изнанки мира – там, где я побывал... Яркие краски, новые сюжеты – так и просятся на полотно.

Старуха смотрела на гостя задумчиво, один зрачок то сужался, то расширялся, словно чёрная дыра в неведомое.

– Это твоё последнее слово?

– Да! – в радостном ожидании воскликнул он. – Там столько природы! И та девушка...

Минул год. Вокруг особняка поднялась крапива, тропа к нему заросла. Сельчане поговаривают, что Ванька-художник ушёл жить к старой ведьме – не иначе сошёл с ума. Но порой его ищут горожане на дорогих машинах, желая приобрести картины, где якобы такая жуть, такие чуда-юда, что словами не описать. Лесник по-прежнему обходит с ружьём чащи, поляны и болота. Он знает, кто на самом деле владеет лесом.

**Марина
ШАМСУТДИНОВА**

ЗОЛОТАЯ ОРДА И ДОНСКАЯ ВЕСЁЛОСТЬ

СИБИРЬ

Есть такая страна – Бог. Россия граничит с ней.

Р. М. Рильке

*Кровью белых берёз перелески залиты зимою.
Пар молочный туманом взлетает под самый
восход.*

*Изваляюсь в снегу, этой липкой измажусь
смолою.*

*Без добычи вернусь, как домашний
зажравшийся кот.*

*Наше Небо для сильных, для гордых наш Лес,
наше Поле,
Где, кричи не кричи, только леший
ответит: «Ау».*

*Как цепная собака, Москва замерла на приколе,
А Сибирь не загонишь в бетонную конуру.*

*Горы здесь достают до десятой звезды.
Небоскрёбом
До такой высоты не взлететь даже в тяжком
прыжке.*

*Горловым своим криком, прокуренным,
спившимся небом
Не обляять такую махину, не слямзить
в мешке.*

*Переждём, отстранимся, уйдём от греха
и от смрада
По медвежьим углам да в сибирской
дремотной тайге.
Здесь пройдёт оборона последней страды
Сталинграда.
По сибирской, по русской, как Божия вена, –
реке!*

БАЛЛАДА ОБ «АРТЕКЕ»

*Шёл год восемьдесят девятый.
К закату клонился проклятый,
Прославленный и распятый,
Родной наш двадцатый век...*

*Мы жили одной дружиной,
Дружина звалась «Хрустальной»,
Росли мы в равном Союзе,
Дети СССР.*

*В «Артек» двадцать первого мая
Слетелись на слёт весенний.
Союз – потому что совместно!
Дружина – от слова дружить!*

ШАМСУТДИНОВА Марина Сагитовна родилась в 1975 году в Иркутске. В 2003 году окончила Литературный институт им. А. М. Горького (мастерскую Станислава Куняева). Автор шести книг стихов: «Солнце веры» (2003), «Нарисованный голос» (2007), «Дань за 12 лет» (2010), «Стихи» (2011), «Русская сказка» (2015), «Правда» (2016). Печатались в журналах: «Наш современник», «Сибирь», «Созвездие дружбы», «Первоцвет», «Огни Кузбасса», «Московский вестник», «Викинг», «Литературная Вена» и других. Лауреат поэтической премии им. Юрия Кузнецова за 2010 год (журнал «Наш современник»). Награждена медалью «Защитник Отечества». Член Союза писателей России, МГО СП, Союза писателей Республики Крым, Академии поэзии. Живёт в городе Щёлкино, Республика Крым.

Мы пели общие песни:
 О Родине на грузинском,
 Потом о дружбе на русском,
 О маме на украинском,
 О доме на белорусском,
 Учили слова на казахском,
 Записывали на армянском,
 Узбекском, киргизском, таджикском,
 Что будем друзья навек...

А море искрилось шёлком,
 Лоснилось, как спинка дельфина!
 Влюблялись, смеялись, купались,
 Взывали отрядный костёр...
 Ещё ничего не случилось,
 Но нотки гнева впивались,
 В родных голосах прорывались,
 Сливались в нашётпанный хор!

Грузины припоминали
 Сапёрных лопаток скрежет
 И осетин между делом
 Звали грязным ворьём.
 Делёж шёл равнин и посёлков...

Львовяне сбегали на сходку,
 Днепропетровск созывали
 С собой в самостийный союз...

Спокойные, как удавы,
 И преданные казахи
 С русскими объединялись,
 Мальчики из Иркутска,
 Мальчики из Алма-Аты...

Таджики не выносили
 За москвичами мусор,
 Узбеки для нас не строили
 Походным днём шалаши...

Мы были нелепым слепком
 Всех болей и всех конфликтов,
 Которые, как нарывы,
 Взрывались на теле страны...

Мой друг из Тбилиси, Леван,
 И Мака из Еревана,
 Гоча из Соликамска,
 Вася из Алма-Аты –

Жизнь нас растасовала
 И по Земле разнесла...

Мне больно представить даже
 Левана руководящим
 Отрядом, который ночью
 Бомбил оглохший Цхинвал!

Мне страшно даже представить
 Евгений, чтобы бил ногами
 На жёлто-блакитном майдане
 С братками УНА-УНСО
 Лёшку из Днепропетровска!..

Уже двадцать лет минуло,
 И пусть мы не мушкетёры,
 Но сердце по-прежнему верит,
 Что дружба не продаётся
 И братства не разорвать!

И встретимся мы однажды,
 Как на прощанье решили,
 У памятника в Тбилиси
 На площади у Горгасали
 В шесть вечера после десятой,
 Двадцатой, тридцатой, сто пятой,
 Тупой и ненужной войны...
 Обнимемся и заплачем...

МАСБИХА

Моей бабушке Масбихе
 Селимовне Шамсутдиновой

Золотая Орда и донская степная весёлость
 В мою душу запали тяжёлым и сытным зерном.
 Где могилы мои, где черта, под которой
 осёдлость,
 И в какой стороне настоящий бревенчатый
 дом?

Дождевые ручьи намывают у хаты ракутку,
 На донском солнцепёке лениво лежат кавуны,
 Вятский прадед Петро в небытье колыхал
 мою зыбку,
 Растворяясь бесследно в горниле Великой
 Войны.

А мой прадед Селим подарил за меня кобылицу,
 Чтоб женой его стала святая башкирка Айну.
 Чтобы холить её, убаживать как глазастую
 птицу,
 А пришлось накормить своим мясом
 Ворону-войну.

Сирота – вот какая у бабки моей
 национальность,
 Деревенский детдом, хлеб из липы,
 салат из травы,
 Никому не нужны ни талант,
 ни её музыкальность,
 Дети ищут картошку среди полусгнившей
 ботвы.

Масбиха, моя бабка, звалась незатейливо –
Маша,
Переводчица с русского в диком башкирском
селе,
Даже поле ромашек ей виделось манною
кашей,
И от голода снились тарелки бараньих
котлет.

Язычок словно бритва срезал деревенских
нахалов,
Здесь никто не подарит охапки тургеневских
роз,
Нормировщица, рубщик – призёр лесосплавов,
Получила на выбор Педи-Вари-Тубер-кулёз.

Трёх детей родила, и чахотка её не скосила,
Штукатурила, мыла, стирала соседкам бельё,
С прибауткой жила, в ней скрывалась певучая
сила,
Первой внучке – Марине дарила уменье своё.

На добро отвечать широтою души, до отказа,
Поделиться последним, за слабого голос
подать,
Не бояться молвы, и худого поклёпа, и слеза,
Беспокойную душу с рассветом пускать
полетать.

А потом возвращаться в такое обычное тело,
Снова нянчить и мыть, между делом молитву
творить,
Не проснулась однажды, как птица, в зенит
отлетела,
Чтобы правнучке Вареньке душу и мир
уступить.

Пусть и в ней прорастёт вся казацко-степная
порода,
Милосердие бабушки, дедова тяга к вину,
Виноградник подвяжем и вновь нарожаем
народа,
Только горько и страшно, а вдруг уходит
на Войну?

СЧАСТЬЕ

Счастье – это крем-брюле,
Полная тарелка вишни,
Снег липучий во дворе,
На концерт билетик лишний.

Счастье – с сыром колбаса,
Выходные в воскресенье,
Счастье – летняя гроза,
Солнечный денёк осенний.

Счастье – бабушкин пирог
С земляничкой и корицей,
Счастье – свадебный чертог
И любимой покориться.

Счастье – чистая вода
Да букет цветов на сдачу,
Не промокнуть без зонта,
Самому решить задачу.

Счастье – это в мире жить,
На просвет не знать калибры,
Платье выпускное шить,
Наблюдать в саду колибри.

Счастье – в зверя не попасть,
На охоте промахнуться,
Сунуть тигру руку в пасть,
Испугаться и проснуться.

Счастье – слов не хватит для,
Пусть бы вечно список длился...
Не пугай меня, Земля,
Я для радости родился!

РОССИЯ – СКИТ

Россия – скит, избушка старовера.
Страдалица за мёртвых и живых.
Пусть у кого-то пальмы и Ривьера,
А здесь едят годами мёрзлый жмых.

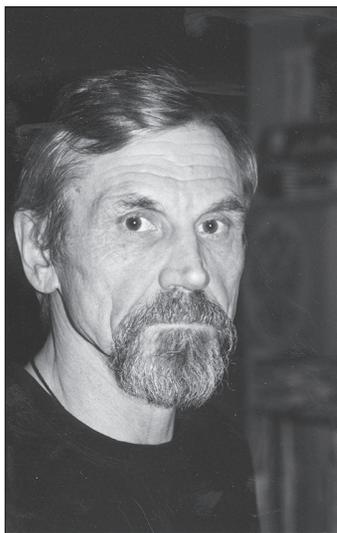
Уйдёт в леса и тем опять спасётся,
Честнее воздух, чище небеса.
На речке – полынья, на небе – солнце,
Как лик Господень в древних образах.

**Василий
КОЗЛОВ**

НИКЧЁМНОЕ ЖЕЛЕЗО

Непридуманые рассказы

ПРЕДИСЛОВИЕ

То было время конца семидесятых, когда в людях ещё теплилась уверенность в завтрашнем дне, вокруг больших городов возводились микрорайоны, стали появляться дачные кооперативы – горожане устремились на землю, подвластные зову крестьянской крови.

Писательских кооперативов не было, и не могло быть. Во-первых, писателей мало, во-вторых, эта сложная категория советских граждан была страшно индивидуалистична, и всё же дух общины захватил и нас, возникло некое стихийное поселение в Култуке, расположенном на южной оконечности Байкала. Там поселились и жили в летние месяцы писатели Ростислав Филиппов, Михаил Трофимов, Валентина Сидоренко, Анатолий Байбородин, Петр Реутский, Ким Балков; наездами и проездами, следуя за ягодами и грибами, останавливались Валентин Распутин, Альберт Гурулев, Геннадий Гайда, Валерий Хайрюзов и многие другие. По аналогии с московским Переделкино с чьей-то легкой фразы мы стали называть его Недоделкино, не вкладывая в это какого-то особого смысла. Недоделкино да Недоделкино.

В то время жил там постоянно писатель Михаил Просекин, уходивший своими родовыми корнями в сибирскую землю; какое-то время работал в Слюдянке в районной газете, а когда

83

вступил в Союз писателей, ушёл на вольные хлеба и поселился на улице Лесной, почти в конце распадка, начинающегося от железнодорожного переезда и идущего вверх по разложине, между двумя довольно крутыми увалами, с юга на север. Света там было немного, потому что солнце появлялось из-за восточного склона ближе к обеду, а до ужина уже скрывалось в берёзовых и осиновых кронах западного. Но картошка и овощи там нарождались и радовали новообращённых дачников. Место не было идеальным для огородничества, холодный ветер с Байкала, покрытого льдом до начала мая, устанавливал свой климат.

И ещё одной причиной облюбования Култук была наша, говоря старинным языком, «безлошадность»: никто из нас не имел личной машины, электричка помогала два раза в сутки точно по расписанию за три часа, если не случалось непредвиденных стояний в пути, добраться до Вербного, а там километр с небольшим до места по лугу параллельно стальным рельсам или прямо по насыпи, по шпалам, сходя на обочину, когда проносился товарный состав или пассажирский поезд.

Миша Просекин, как почти всякий сибирский мужик, был и охотником, и рыбаком, и грибником, и ягодником, и столяром, и плотником. Он был нашим проводником по ягодным и ореховым местам, и не одну ночь мы сживали с ним

КОЗЛОВ Василий Васильевич родился в 1947 году на станции Оловянная Читинской области. Учился в Иркутском госуниверситете, на филологическом факультете. Автор поэтических книг «Уроки доброты» (1975), «Есть у меня на свете брат» (1979), «Стихотворения» (1985) и других. Лауреат Всероссийской премии «Звезда полей» имени Николая Рубцова. Член Союза писателей России, поэт, главный редактор журнала «Сибирь» (1986–2012). Живёт в Иркутске.

у костра где-нибудь на Комаре, на Чайной, на Трубе, на Быстрой, на Лазуритке, на Грязном ключе, на Танковой дороге и ещё бог весть в каких местах, которым и названия нет, – в каких-нибудь негодьях да неудобьях, где даже черти не осмелятся селиться. И поздней осенью, когда уже в наспех сооружённом шалашике, принакрытом полиэтиленом, зябко и сыро, вдруг улыбнётся удача, и в тесной прогнившей зимовьюшке удастся пристроиться на поднарах, и уже хорошо, и уже довольно – в тепле и сухе.

Дом у Михаила – просторный пятистенник, с рублеными сенями, с баней во дворе. Он сам обшил избу изнутри горбылём, который зимними вечерами облагораживал ручным рубанком. Покрытые олифой стены приобрели экзотический вид, в отличие от традиционных белёных крестьянских изб. Нашлись медвежья шкура и изюбриные рога, жилище обрело вид охотничьего домика.

Миша приезжал в город, приходил в Дом литераторов на Степана Разина и рассказывал о богатствах тайги, красотах байкальских, народный язык его был откровенным и образным:

– Слушай, смородина нынче уродилась, как котовы яйца. Поехали завтра.

Таёжный сезон начинался с черемши, затем шла жимолость, за жимолостью – красная, чёрная смородина, голубица, за голубицей – черника, за черникой – брусника и кедровые орехи. Ещё водилась на каменных россыпях за Карантином чёрная кислица, её ещё называли каменная смородина и даже ирга, по некой внешней схожести на эту садовую культуру.

Таёжное дело зависит от фарты, а вот оказавшись на земле, нужно что-то было с ней делать. Прежние, исторические дачники, дачники Чехова, русской классической литературы, были дворяне или разночинцы, и дача для них имела смысл загородного жилья, препровождения времени «на природе», где и сад, возделываемый другими, и труд, выполняемый другими, имели чисто эстетическое значение. Можно было бродить, восхищаться цветами и цветущими вишнями, рассуждать о вечности, ругать царя, кликать бурю, не допуская мысли, что её внезапные порывы сметут и вызвавших её.

Мы же были огородниками, в нас проснулись крестьянские гены, и, засучив рукава, мы копали грядки, сажали редьку, репку, свёклу, морковку и прочую огородную мелочь, о возделывании которой не имели ни малейшего понятия.

Но так как этим стала заниматься вся страна, то молва, обмен опытом, советы соседей по огороду, случайный разговор в электричке – всё годилось «в строку» земледельческого сочинительства.

ПЕРВЫЕ ГРЯДКИ

Я купил небольшой домик на улице Льва Толстого, на отшибе от других писателей. На Лесной дома не продавались, хотя изначально мой взгляд был обращён туда, там жили Просекины, Филиппов, позже поселилась Валентина Сидоренко, Михаил Трофимов, а затем и Анатолий Байбородин. Наши улицы пересекались, и мы ходили друг к другу, вели беседы, обменивались семенами и советами.

Сколотили с шурином Романом, который жил у нас, из досок несколько каркасов для грядок, засыпали в них землю. Жена Тамара занималась посадками. Но ни она, ни я не знали, какой имеют вид всходящие побеги, поэтому в начале грядки стояли таблички на стойках, вырезанные её братом, резчиком по дереву, и на каждой стамесками рельефно обозначено, где, какой овощ должен появиться на свет Божий. Геометрия была соблюдена: ровные, прямоугольные и параллельные грядки радовали глаз.

Михаил Просекин пришёл вечером, звал за черемшой. Посмотрел на сооружения, почесал затылок:

– У вас тут как на литовском кладбище.

Когда полезла зелень из земли, то никакие таблички не спасали, с трудом распознавались хилые культурные ёлочки моркови среди ошетилившихся сорняков.

Видимо, зов земли, любовь к ней пробудили в человеке оставшуюся от предков потребность и сделали это занятие необходимым на долгие годы, не столько в смысле результатов, сколько самой радости труда.

ФЕДЯ ЖЕЛЕЗНЫЙ

У Михаила Просекина был мотоцикл «Урал», с коляской, обшарпанный, помятый, выдавший и глубокие кюветы, и тяжёлые колдобины, он называл его Артамоном. Машина, незаменимая для таёжных дорог, всегда можно вытащить, выкатить из любой ямы, подтолкнуть, если забуксует. Далеко в тайгу и на нём не уедешь, вокруг Култука крутые склоны, поэтому больше приходилось топтать пешком. Но за черемшой в район Тебельтей ездили на мотоцикле. Мото-

цикл оставляли на обочине и уходили собирать черемшу.

Ещё на мотоцикле ездили на Большую Быструю. Но там надо было идти в хребты, поэтому мотоцикл оставляли в Анчуке, десятком домов растянувшимся вдоль речки, у знакомых Михаила, и поднимались в гору, к Витькиному зимовью, названному так по имени жившего там несколько лет отшельника. Там и орех был, и брусника. Иногда приходилось ночевать в тайге не одну ночь, особенно если ходили бить орехи. Шишки надо было набить, перетереть, орехи отвеять, просушить или, как у нас говорят, прокалить. Можно, конечно, и сырой орех нести домой, но прокалённый он легче, что немаловажно, так как тащить на себе приходится немало километров; и к тому же прокалённый орешек вкуснее, а обрабатывать его в коммунальной квартире и хлопотно, и несподручно. Хотя бывали случаи, когда я привозил домой орех только перетёртый, вместе с терехом. Мука мученическая отбирать и отвеивать орех с помощью вентилятора в городской квартире.

Как-то мы с Михаилом Просекиным поехали в кедровник на Большой Быстрой. Зашли на хребет, километра три протопали (так все считали, хотя расстояния в тайге условны), потом по плоскотине до зимовья. Год был урожайный, народу вокруг зимовья и в самом зимовье набилось плотно. Миша устроился ночевать под нарами в зимовье, как старожил данных мест, а я сделал балаган неподалёку. К вечеру все собирались на таборе (табором называют у нас место ночёвки), жгли костёр, котелки на таганах ароматно курились. Основной едой были супы из концентрата, тушёнка, вермишель и картошка. Кто-то прихватывал из дома огурцы, помидоры, лук, чеснок, иногда яйца, и, пожалуй, всё.

«Смотри, – шёпотом сказал Миша, – это Федя Железный».

Слюдянский житель по прозвищу Федя Железный был легендарным человеком и стал героем рассказа Михаила Просекина.

Мы скинули горбовики, которые взяли на случай, если добудем брусники, а если нет, то можно было их заполнить орехом. В то время большинство таёжников ходили в тайгу с горбовиком – это плоский ящик из фанеры или алюминиевой жести с ляжками, ёмкостью от двух до пяти ведер, в него складывались еда, совок, которыми брали ягоду, кое-какая одежда, бельё, носки, необходимые вещи, котелок, кружка, ложка;

сверху привязывали телогрейку или спальник (хотя в то время лёгких спальников не было и редко кто брал с собой тяжёлый геологический, но всё же я встречал на тропе редких тяжеловесов) и обязательный кусок полиэтилена, чтобы накрыть шалаш на случай дождя.

Если поход был добычливым, в горбовик набиралась ягода, а сверху привязывался мешок с орехом, и всё это взваливалось на плечи, как говорится, своя ноша не тянет. Полиэтилен, а иногда и что-то из одежды прятали где-нибудь под валежиной до следующего сезона.

Мы наспех перекусили, взяли мешки и пошли искать подходящее для битья место. Сезон только начинался, и мы поднялись недалеко от зимовья, соорудили колот. Мешки, наполненные шишкой, стаскивали вниз, к зимовью, высыпали в кучу и снова поднимались в гору. Мешки были небольшими, приходилось часто спускаться к табору, освобождать их, производительность была небольшой. Обычно для удобства пользуются специальными ляжками, которые позволяют увеличить объём мешка. Но мы были любителями, ещё плохо усвоили голевский урок и совет: не отправляться в до-
рогу без верёвочки.

Вечером у костра Миша решил поцыганить:

– Слушай, Федя, ты не мог бы нам ляжки дать. Ты всё равно завтра ягоду берёшь, а мы вечером отдали бы.

Федя глянул из-под густых бровей. Особого сочувствия или участия глаза не выражали. Молча порылся в каком-то холщёвом мешке и протянул Мише верёвку, но это была не простая верёвка. Это были две полосы от транспортёрной ленты шириной четыре – пять сантиметров (они мягче давили на плечи, когда взваливаешь мешок на спину), с одной стороны они связывались верёвкой между собой, а два других конца привязывались к нижним углам мешка с опущенной в них шишкой, чтобы верёвка не сползала, а серединный конец петлёй перехлёстывался на горловине.

На следующий день, до обеда, дело пошло быстрее. Но в какой-то момент Михаил положил где-то ляжки и потерял место. Мы с ним облазили, исползали вдоль и поперёк предполагаемый участок, вырывали багульник, ворочали валёжины, но злополучных лямок не нашли.

Федя был почти семидесятилетним, широкой кости, чуть выше среднего роста, крупные

черты лица выдавали характер непростой, но незлобный. За немногословностью чувствовалась твёрдая основательность. Угрюмый, он не производил тягостного впечатления. Но Миша не знал, как ему сказать о потере.

Отсвет от костра огрублял черты и придавал лицу некоторую свирепость.

Миша увидел, что Федя набрал почти полный горбовик брусники, на глаз он вмещал ведра четыре, и осмелел.

– Ну, как ягода? – спросил.

– Да ничего. Вся в горбовике.

Миша сдвинул крышку и присвистнул:

– Ого! Ты где брал-то?

– Да там уже нет, – скупо отозвался Федя.

Наступила нехорошая пауза.

– Знаешь, Федя, тут вот мы, знаешь, я, ну, в общем, мы лямки твои потеряли, – Миша решил разделить ответственность на двоих.

Федя неожиданно спокойно повёл глазами в сторону Миши, сунул в костёр веточку, поднёс засветившийся конец к погасшей сигарете.

– А как я домой-то пойду? – Он кивнул в сторону двух кулей ореха и горбовика с ягодой. – У меня две ноши, челноком идти надо, а без лямок я куда? Иди ищи. К утру лямки чтоб были.

Было странно, что он не повысил голос, не выматерился, спокойно докурил сигарету, щелчком отправил её в сторону костра и полез в прохладное чело зимовья.

День был солнечный и жаркий, какие бывают в начале сентября в Прибайкалье, и мы поползли по склону искать злополучные лямки.

Солнце уже закатывалось, но свет и тепло ещё держались на склоне, медленно сползая в низину.

Искать в темноте было бессмысленно, поэтому надо было выдержать беседу с Федей Железным, какой бы она ни была.

– Федя, делай что хочешь, хоть убей, но лямки мы не нашли.

Федя посмотрел на Мишу без удивления, как будто иного результата не могло быть.

– Ну, ладно. У меня ещё одни есть.

Мужики, сидевшие вокруг костра и наблюдавшие развитие сюжета, грохнули от смеха, но комментировать ситуацию побоялись.

Утром мы смотрели, как Федя поверх горбовика положил мешок с орехом, надёжно привязал его. Ко второму большому кулю, их называют крапивными, привязал лямки, попробовал их на прочность, опустил на колени спиной к но-

ше, накинул лямки на плечи, потом вытянул из-под себя ноги, медленно поднялся и, ни слова не говоря, двинулся по склону. Через какое-то время он вернулся пустой, взвалил на плечи горбовик. Так он и будет идти челноком, попеременно перетаскивая то одну ношу, то другую, – до Тункинского тракта, будет останавливать машины, чтобы добраться до Слюдянки, а там рассчитается орехами и ягодой, а потом понесёт орехи на рынок, чтобы иметь хоть какую-нибудь прибавку к нищенской пенсии.

ЗНАКОМСТВО С САМОВАРОМ

К сыну пришёл Виталька, соседский мальчишка лет семи. Я разжигал-растапливал самовар. Снял трубу, затем крышку, залил из ведра воду, крышку закрыл, бросил в самоварное нутро бересту, затем настрогал лучин, бросил две горсти сосновых шишек, потом всякого мелкого древесного мусора, наконец запалил содержимое. Самовар не разгорался. Я взял сапог, надел его голяшкой на горловину и стал, как насосом, раздувать пламя.

Виталька внимательно следил за моими действиями. Он никогда не пил чай из самовара. К тому времени появились электрочайники, а медные самовары выбрасывали за ненадобностью. Я собрал их около десятка, не задаваясь целью, а просто подбирал встречающиеся на свалках за посёлком, возле заборов. У горожан на дачах была мода на обычные самовары, хотя в ходу были уже и электрочайники.

Но сам процесс, обряд, так сказать, дымок, выходящий над трубой, особый привкус кострового чая создавал какое-то ностальгическое чувство, воспоминание о старине, о чеховских дачниках, о романтических историях...

Виталька смотрел-смотрел и вдруг спросил:

– А что, вы это всё потом пить будете?

Не зная устройства самовара, он, видимо, думал, что я растопку складывал прямо в воду.

– Будем, конечно, и тебя угостим.

– Нет уж, спасибо, я лучше к бабушке пойду.

ЧУЧЕЛО

Пошёл за водой, а точнее сказать, поехал, потому что воду возил на специальной двухколёсной тележке, на которую с помощью крюка крепилась алюминиевая фляга. Встретил жену Бориса Гагарина, Галину; их дом находился рядом с водокачкой, и с давних времён повелось, что кто-то из Гагариных включал насос и напол-

нял большую бочку, стоявшую в рубленом из лиственницы помещении, обычно эта была баба Аня, мать Бориски, как она сама его называла, и ключ от водокачки всегда хранился у них.

– Как у вас вишня? У нас вся повымерзла, снегу-то не было.

– Да у нас та же история. На горе повымерзла, а внизу, видимо, земля влажнее, перезимовала.

– А вы в пятницу приехали, я смотрю, жена у тебя нарядная, такая трудолюбивая, всё время в огороде.

Я хотел было сказать, что один приехал, но смолчал. Когда вернулся к себе, понял, в чём дело. В это время начинала созревать ирга, ягода, которую любили все птицы, а особенно сорокопуты, свиристели и чечевичцы (однообразный свист этой птицы все знают, особенно он забавляет детей и в переводе на человеческий язык звучит: «Витю видел?»). Отбиться от этих обжор было невозможно, и я сделал чучело: сбил крестовину, закрепил на ней какую-то цветную хламидину, навесил полиэтиленовых лент, шуршащих от ветра, а сверху надел старую яркую женскую шляпку. Это пугало соседка и приняла за мою жену: глядя через доски двух заборов да размашистые кусты, немудрено было и меня признать за Василису Прекрасную.

ЛОВИ ПЕТРА С УТРА

Первая осень в Култукке. Вышел во двор, смотрю на Байкал, на Хамар-Дабан, вправо-влево. Брусницы бы набрать, куда идти? Взял ведро и направился прямо за речку – через мосток. Тропа вверх – не меньше часа забирался в гору, взмок. Взошёл на вершину, прошёл по плоскотине метров сто: мать честная, брусника, нетронутая, крупная, спелая, хоть комбайн загоняй! Встал на колени и махом наскрёб ведёрко полнёшенько, а ягоды не уменьшилось – обмотал верх рубахой, завязал рукава на случай, если ненароком запнусь об коряжину, и скатился на радостях с горы, как на лыжах, и к обеду поспел.

Пошёл на Лесную, там оказался один Михаил Трофимов, погреб копает. Ни Байбородина, ни Просекина, ни Филиппова.

Утром, пока поднялся, пока чаю попил, Миша пришёл. В гору полезли. Я – с полутораведёрным фанерным горбовиком, и Миша тоже прихватил самодельный, чуть поменьше моего, сам из бересты смастерил. Настроение в пред-

вкушении благостное, солнце лаской одаривает, не заметили, как на горе оказались. Смотрим, посреди поляны, где я вчера ягоду брал, горбовик – ведра на четыре – стоит и мужик култукский доскребаёт последние плодоносящие метры «комбайном» (так у нас совок для сбора ягод называют, а ещё «хапушником», от глагола «хапать»). Пришли бы пораньше – нам досталось. Так что лови осетра с утра. И Петра тоже.

КУЛТУКСКИЕ ШАЛОСТИ

Култучане относились к нашему пришествию примерно как к НЛО: прилетел – улетел. А то, что во дворе лежит, вроде как инопланетяне оставили, можно сегодня подобрать и унести, можно завтра, а то, что вырастает на огороде, тоже никому не принадлежит, как имущество голя. Можно средь бела дня, приезжая из Иркутска, кого угодно встретить во дворе, начиная от детей и кончая каким-нибудь забубённым наркоманом.

Сию вечером в избушке, слышу какой-то ослиный крик. Как известно, ослы в данной местности не водятся, но чем чёрт не шутит, дай, думаю, выйду, посмотрю на заморскую скотину; выхожу и вижу, как тройка дюжих молодцов отдирает от моего забора доски, а гвозди заржавевшие, продираясь сквозь древесную ткань, рождают этот ишачий звук. Забегаю в дом, чтобы взять что-нибудь поувесистей для аргументации, ничего подходящего нет, во дворе вижу кедровый посох – из тайги притащил, очень уж ручка была закручена причудливо. Хватаю – и в гору, в том направлении, куда парни удалились. А они расположились в ложбинке на горوشке, костерок развели, мои доски ногами мнут-ломают, над костром бидончик трёхлитровый эмалированный висит, какое-то зелье собираются варить. Я, естественно, озлился, ничего не мог придумать, как наставить на них свой посох, взяв её наизготовку, как ружьё, и закричать:

– Всем стоять! Ни с места...

То ли эффект неожиданности сработал, то ли натиск мой был неотразим, то ли в голосе моём было достаточно решительности, но они, даже не рассмотрев толком, что за вещь у меня в руках, прыснули вниз по склону, без оглядки один забор перелетели, потом второй, там собака им жару добавила, и только внизу, на тракте, остановились. Видимо, посчитали, что дальность полёта пули из моего ружья ограничивается этим расстоянием.

– Дурак ты, Вася, – сказала жена, когда я поведал ей эту историю, встретив её с вечерней электричкой, – а если бы они не побежали, что бы ты с тремя бугаями делал? Или они с тобой...

«Да, оно конечно», как говорил Ростислав Филиппов, но обидно до злости, когда на твоё, хоть и ветхое, имущество посягают.

Доски оставшиеся я принёс обратно, прибил на место. И проволокой поверху обмотал весь забор. До сих пор стоит. Просто я понял, заборы в Култукре крепкие надо делать, култучане хилых заборов не терпят, они их раздражают. А ещё лучше вовсе заборов не иметь, как у моего соседа слева цыгана Петьки. Это, кстати, особая история, хотя в Култукре, что ни история, то наособицу.

РАЦИОНАЛИСТ ПЕТЬКА-ЦЫГАН

По соседству со мной в засыпном домишке несколько лет жил цыган Петька с женой Оксаной. Она была бабёнкой со странностями и иногда, как теперь говорят, доставала Петьку. Он спасался от неё на чердаке, лаз чердака смотрел в нашу сторону, и я видел, как Петька, устроившись там, обозревал пространство в ожидании спектакля. А сцена была одна и та же, Оксана начинала звать его:

– Петя, Петя, вернись, ну почему ты не идёшь, я тебя люблю, зачем ты меня бросил...

Она обходила избушку вокруг, смотрела на гору и звала ещё громче, предполагая, что он убежал в лес, затем начинала подниматься по склону, но склон был крутой, и она возвращалась. Петька сидел под крышей на виду, улыбаясь в предвкушении финала. Оксана замечала его, ругалась незлобиво, бросала в него камнем или каким-нибудь подвернувшимся под руку мусором, и они, обнявшись, уходили к себе.

Весной Петька начинал городить огород, прибывал к столбам прожилины, которые заготавливал на горе и спускал вниз на верёвке. Тонким горбылём загоразивал неплотно, чтобы не могла пройти корова, вскапывал две-три грядки и вспахивал четверть огорода наёмным плугом, растительность бывала чахлой и иногда засыхала раньше, чем подходило время уборки урожая. Но главное было не это. За зиму он сжигал свой забор, просохший за лето, используя «макаронник» на растопку печи, отрывая по нужде необходимое количество реек, а уголь таскал ночами от кочегарки «Автовнештранса», занимавшегося перевозками грузов в

Монголию. И не он один пользовался щедростью советской бесхозности, о чём можно было судить по широким чёрным полосам угольной пыли, остающейся от протянутых волоком мешков с ворованным углем, но никто на это не обращал внимания. Правда, надо сказать всё же к чести сторожей, что иногда проломы в заборах забивались, но через некоторое время появлялись вновь в том же самом месте или рядом: печки надо было топить даже тогда, когда топить было нечем, а возле кочегарки уголь не выводился.

Зима на Байкале долгая, но и она кончается. Накануне Дня Победы, ночью был ураганный ветер, стучали ставни, гремели жестью водосточные желоба, а утром я открыл дверь – в глаза ударило спящее солнце, и Байкал, ещё вчера лежавший под белой коркой метрового льда, сиял своей пронзительной синевой.

Для всех начиналась пора огородных работ, и для моего соседа Петра. С топором в руке и верёвкой на плече он поднимался на гору, чтобы там выбрать прогонистые осиново-прожилыны, спустить и начать снова восстанавливать порушенный и сожжённый за зиму заплот. И так длилось несколько лет, пока однажды двое смурного и смутного вида мужиков не выкопали, как только оттаяла земля, Петькины столбы, за некоторое денежное вознаграждение, и не перенесли их в другое место. Для них, возможно, тоже начинался ожиданиями и надеждой огородный сезон.

ОТКРЫТИЕ СЕЗОНА

Я приехал в Култук в начале мая, чтобы «поймать» трактор для вспашки огорода. Это делом было непростым.

Я начал подниматься от тракта к калитке, когда мне наперерез от соседнего дома резко двинулся человек, было ощущение, что он меня ждал с вечера и так рад мне, что забыл поздороваться и с ходу спросил:

– Тебе картошка нужна для посадки, мешок, давай двадцать рублей. Сейчас принесу.

Картошка была нужна, тем более от соседа, да ещё сам обещает принести. Я отсчитал деньги. И не придал значения, что он пошёл не домой, а стал спускаться туда, где находился магазин. Да, может быть, у него картошка в другом месте, да мало ли что...

Как я позже узнал, фамилия его была Кобрин, а так как в то время почти у всех култук-

ских жителей были прозвища, он имел соответствующее – Кобра.

Утром я вспомнил про Кобрину. Он не появился. На следующий день мелькнул за забором, я пошёл к нему и едва успел, он уже хотел юркнуть за калитку.

– Слушай, я вечером нагребу, жена уйдёт на дежурство, я тебя крикну.

Но крикнул только утром, а если быть точным, не крикнул, а высунулся из-за забора, и когда я посмотрел на него, махнул рукой, мол, иди сюда.

– Айда, я нагребу, а ты из подполья поможешь ведра поднять.

Хорошо уже то, что нагребать не заставил. Тащить мешок мне пришлось самому.

КАК КОБРИН ПАХАЛ НА БАБЕ

Как-то он высунулся из-за забора, машет рукой. «Чего надо?» – кричу. Вместо ответа головой и глазами показывает в сторону своего огорода. Надо идти, сосед всё же. Да и старше меня. А он своей мелкой трусцой уже гарцует в дальний угол огорода.

– Смотри, я какую технику соорудил.

На меже лежал агрегат с основой из велосипедной рамы. Там, где крепится обычно заднее колесо, был приварен развал наподобие двойного плуга, в верхней части рамы приварена перекладина, от которой шли ремни из транспортёрной ленты, руль оставался на месте, но теперь он оказывался сзади и, как я увидел далее, им управлялся механизм.

– Впрягайся! – это он своей Ольге, стоявшей рядом и как-то виновато, как мне показалось, смотревшей на меня. Она взялась за лямки, накинула их на плечи, Кобрин поставил агрегат между картофельными рядами: – Пошла!

Я не ожидал от хрупкой и в общем-то молодой уже женщины такой силы, она двигалась вперёд, тащила вверх по склону эту чудную железяку, а Кобрин шёл следом, направляя велосипедным рулем плуг по центру между рядами, земля разваливалась на две стороны, загребая кусты, как это обычно делается тяпкой, а тут...

– Механизация ручного труда, – Кобрин довольно осклабил. – Можешь и себе сделать.

– Сделать-то несложно, да вот где я жену такую возьму, городские против ваших не потянут!

Кобрин, просиявший, помолчал и предложил:

– Может, теперь ты попробуешь?

– Да, знаешь, как-то неудобно на чужой жене-то пахать.

На том, как бы сейчас сказали, презентация закончилась. Я подумал, что он это мне решил только продемонстрировать, когда велел бабе впрягаться, всё же работа тяжёлая, сам, думаю, встанет в тягло, но ошибся. До самого вечера, пока не окучили весь огород, Кобрин ходил за женой, понукая и подтрунивая. Может быть, считал свою работу более ответственной и филигранной, на которую женщина неспособна, и гордость не позволяла ему быть тягловой силой.

В великую войну говорили о себе русские бабы: я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик...

КОБРИН-РОКЕР

В какой-то из годов, забыл, когда это было, да и смысла вспоминать нет, важен сам случай, а не время происшествия, Кобрин, как говорили в Култуке, «заделался рокером», стал крутить на добытом где-то проигрывателе «Аккорд» грампластинки и рентгеновские плёнки. Конечно же, в этом ничего криминального нет, крути хоть ночами напролёт, но у себя в избе. Но наш рокер выставлял выносную колонку на забор и направлял в сторону моего огорода, с утра до вечера он ставил периодически одни и те же пластинки, и однажды моё терпение лопнуло. Я перелез через забор, снял громкоговоритель с гвоздя, зашёл к нему в избушку, положил на стол:

– Слушай, рокер хренов, мне надоело слушать с утра до вечера эту дребедень, если тебе нравится, слушай у себя в избе, – и направился на выход, краем глаза всё-таки отслеживая ситуацию.

Перед забором я оглянулся, Кобрин с топором в руке выскочил из двери:

– Ах ты сука, я тебе сейчас голову отрублю!

– Охолопись, Кобрин, – уже перемахнув забор, увещевал я его. – Дурак, что ли?

Матерясь, он ушёл к себе в избушку. В этот раз он оказался вменяемым. Больше его музыки я не слышал и тихо торжествовал по поводу бескровной победы. Но недолго и напрасно.

Вдоль забора, разделявшего нас с Кобринным, я посадил кусты какой-то знаменитой смородины, все дачники её ценили. Приезжаю в очередной раз в Култук, захожу на участок, смотрю в сторону кобринского огорода и ничего не могу понять: забор стал наполовину ниже и придвинулся, а точнее сказать, выдвинулся, вторгся клином на мою территорию метров на пять, а

кусты смородины, вырванные с корнем, валяются, поникшие листвою, под забором. Кобрин в огороде со своей Ольгой сажает картошку. Дело в том, что в кобринской избушке периодически жил Володька, Ольгин сын, а когда он отсутствовал, то там обитался Кобрин, а в основном он жил в доме Ольги. На её огороде они картошку и сажали. Я взял план своего участка и пошёл разбираться.

– Ну что же ты, наглец, утворил-то? Тебе что, своего поля мало, ты на моё залез?!

– Какое твоё? Какое твоё? – он не находил, что ответить. – Это бабка, которая до тебя жила, оттяпала мой участок, а я только выправил забор, да и всё.

– Чего ты выправил? Неси план участка. Смотри сюда, – я раскрыл домовую книгу, – видишь, участок мой – прямоугольник правильный, а ты из него параллелепипед образовал. Иди за планом...

– Да пошёл ты сам, куда знаешь... Ты в гору забор на пять метров перенёс, я тебе ничего не говорил и никому не говорил и кому надо не говорил, а могу и сказать...

Но это уже начинался шантаж. Я действительно убрал зигзагообразный рухнувший было забор и сдвинул вверх. Но там – хоть до Иркутска сто вёрст пригораживай, хозяев нет – одна тайга, и трое моих соседей справа отгородили от горы себе приличные утуги, и никому до этого дела нет. А вот Кобрин не смог вынести моего самоуправства, хотя я его никак не ущемлял. Соседи, они култукские, свои, поселковые, а я чужак городской. К городским особое пренебрежение.

Поорали мы, поорали друг на друга, довольные своей правотой, и я пошёл к себе, а Кобра остался досаживать огород.

Многие жили после в его избушке. В девяностые годы ушёл однажды из неё в тайгу Володька и пропал бесследно, уехал в конце лихих девяностых Кобрин, и, по слухам, зарезали его старинные рабочедомские друзья в худом бараке на окраине Иркутска, где жили такие же бедовые и бесприютные обитатели трущоб. Съехал Петька после смерти жены с малолетней Галиной, дочкой своей, а засыпная избушка всё ещё стоит с заколоченными дверью и окнами, привлекая наркоманов да детей, любящих собираться на всякого рода таинственных развалинах, находя в них пристанище своим счастливым играм.

А новый забор, который я недавно воздвиг вместо пришедшего в окончательную поруху, я провёл по той самой черте, которую когда-то определил своей нахальной рукой веселый култукский житель – Кобрин, хотя никто мне не мешал восстановить участок, обозначенный на плане.

ПЕТРУХА-ПАХАРЬ

Один мужик в Култук пахал на конной тяге, но это был аристократ с заведомо сложившейся клиентурой, и подступиться к нему у меня не было возможности.

Здесь должен заметить, что во время вспашки огородов не было в посёлке фигуры более значимой, чем тракторист, приладивший к своему трактору плуг. Даже буйные и драчливые мужики, без матерного слова не представляющие русский язык, приближаясь к трактористу, делались ниже ростом и почти шёпотом, с заискивающей интонацией начинали разговор.

Обычно за трактором, двигающимся по улице, составлялся эскорт из автомобилей, мотоциклов, велосипедов и пешего люда, количеством не только не уступающий президентскому, но часто превосходящий. Да и сам тракторист, возвышенный окружением, приосанивался, обретал начальственный голос и презрительный взгляд, и не всякий просящий удостоивался его ответа, на иного он мог только посмотреть, смерить взглядом, выдержать паузу и отвернуться, выказывая крайнюю степень своего превосходства.

Наезжал в Култук тракторист из Быстрой, небольшого рощка и объёма, рыжебородый Петруха. Пахал он хорошо, молва точнее всего определяет уровень мастерства, но был за ним некоторый широко распространённый в народе грех, не грех, но, в общем, понятно... В очередной день он не выехал на пахотные работы, к всеобщему недоумению, а появился вскоре в сопровождении жены, восседавшей рядом. Теперь народ общался только с ней, она устанавливала очередь, решала, на чей огород ехать, в какой валюте вести расчёты: кроме деревянных, как говорят в народе, рублей, была ещё валюта стеклянная, в виде полуплитровых бутылок со спиртосодержащей жидкостью под названием водка, вот из-за неё, родимой, и был Петруха отстранён от кассы. Он тихо курил в стороне, как будто не имел к происходящему никакого отношения, вспоминая свое бывшее величие и непреклонность.

Сейчас можно вызвать тракториста по телефону, объявления расклеены на остановках автобуса, и, кто знает, может быть, именно сейчас Петруха в хорошей компании быстринских мужиков вспоминает в очередной раз, как култукские жители на руках готовы были его носить. И ведь не врёт... И носили бы, если бы попросил, но, естественно, за внеочередную вспашку.

КЛАССИК

Однажды к Просекину приехал Геннадий Машкин, которого мы между собой называли классиком, автор знаменитой повести «Синее море, белый пароход». Повесть о дружбе русских и японских детей на Сахалине была переведена на японский и другие языки, поставлен фильм, она была включена в школьную программу.

Приехал с портфелем. Михаил удивился: зачем портфель? Они собирались идти за брусникой, и лучшей ёмкостью для переноски ягод является, конечно, горбовик, алюминиевый или фанерный, его носили за спиной, то есть «на горбе», как рюкзак. Брали с собой обязательно и котелок, в который вначале собирали бруснику, а потом из него ссыпали в горбовик; в недалёкие места ходили с ведром, но нести ведро по тайге, по кочкарнику и чапыжнику неудобно, можно рассыпать ягоду, что нередко и случалось.

Но ни ведра, ни рюкзака у Геннадия Николаевича не было. Он так и пошёл за брусникой с портфелем. Он был геологом, провёл в тайге не один сезон, исходил по тайгам не одну сотню километров, а вот как сугубо городской житель, интеллигент таких деталей промыслового старательства не знал.

И ещё Миша рассказывал, что Геннадий Николаевич брал с собой катушечные нитки и разматывал их, развешивая вдоль тропы на кусты, чтобы не заблудиться на обратном пути, но это, я думаю, байка, придуманная для усиления истории с портфелем. Да и портфеля-то, может быть, никакого и не было.

МЕДНАЯ ЛИХОРАДКА

У писателя Николая Капитоновича Зарубина есть сын Миша. Когда началась «медная лихорадка», он искал в доме, что можно снести в приёмный пункт, но ничего, кроме медного жала отцовского паяльника, не на-

шёл. Он взял ножовку по металлу и отпил стержень по самый нагревательный элемент. Отец собрался что-то паять и обнаружил ущерб.

- Ты зачем паяльник испортил?
- Ну как зачем? Все же сдают, и я хотел хоть что-нибудь получить.
- Ну и сколько тебе за него дали?
- Целый рубль!
- И что ты на него купил?
- А на рубль сегодня ничего не купишь.
- А где тот рубль-то?
- А я его потерял.

И КОЗЕ ПОНЯТНО

Однажды прихожу к бабушке моей жены Марии Степановне. На подоконнике над столом вижу двое часов, одни старые механические, заводные, другие современные, на батарейке, и те и другие идут, но показывают время с разницей в один час.

Стараюсь сообразить, к чему такая сложность. Прикидываю: на один час у нас разница с Читой и Красноярском, но при чём здесь эти города, Пекин тоже ни при чём. Не нахожу ответа. Ничего путного в голову не приходит.

– Мария Степановна, а почему у вас часы разное время показывают и зачем вам два будильника?

– А, – улыбается и машет на меня рукой, как отмахивается, – наш главный в стране министр шибко умный, время передвинул с летнего на зимнее, говорит, что полезно для всей страны, мне, правда, вставать тяжелее стало утрами, да ладно. Вот только козе Маньке объяснить ничего не могу, она как жила по своему природному времени, так и живет. А я, чтоб не запутываться, на голову-то слаба стала считать, и купила для неё часы. Вон те, зелёные. И завожу будильник на утро, чтоб не проспять, когда её кормить нужно. Вовремя не покормишь, молока меньше даст. А если взять всю страну – то сколько молока теряют! О людях не говорю, кто у нас о них думает. У нас в стране теперь что ни правитель, то вредитель. И то, что козе понятно, премьер-министру – нет. Давай я тебе лучше чаю с молочком налью...

ЕЛЕНА ЛУКИЧНА

Справа, если смотреть с моего огорода в улицу, жила Елена Лукична Андриевская. Родилась она в деревне Болото Качугского района,

недалеко от села Бирюлька. А так как в Бирюльке жил когда-то брат мой Георгий, а жена его работала страховым агентом и объезжала окрестные деревни, знала местный народ, то Елена Лукична просила меня иногда узнать через Валентину о том или ином земляке, и я, бывая там, привозил ей какую-нибудь весточку. На этом мы и сошлись ближе, чем с другими соседями. Пока я не срубил себе баню, мы ходили мыться к ней, на зиму оставляли у неё какие-то вещи на сохранение, жена, когда я вынужден был отлучаться в город, ночевала у неё, так как боялась оставаться одна в избушке, народ вокруг шептунной.

Характера Елена Лукична была строгого, матерное словцо могла ввернуть и к месту и вообще, но с ней всегда можно было договориться по любому соседскому недоразумению. У неё постоянно болели ноги, она привязывала к коленям различные мази, листья лопуха и Бог весть что ещё, чтобы ослабить боль, не дававшую покоя ни днём, ни ночью. В деревне, рано оставшись без отца, она с пяти лет зимой ходила со старшим братом ставить петли на зайцев, в худой одежонке, в ношенных до неё не одним поколением чирках. Иногда есть было нечего. И не с тех ли самых пор вкрался ревматизм в суставы, до конца жизни не дававший ей покоя. Сколько помню её, всегда локти и колени в непогоду были обмотаны каким-то шерстяным тряпьем.

Она была из поколения наших родителей, появившихся на свет в революционное лихо, вся тяжесть непосильного бремени до срока пригнула их к земле. Было их спасение в главной нашей огородной культуре на долгие годы, в картошке, которую с детских лет надо было сажать, полоть, огребать, копать и таскать неподъёмные ведра – только в ней, в картошке, как в волшебном яйце, хранилась жизнь всего народа. Убери картошку – и останется из еды одна земля, чёрная, грязная, сырая, нет от неё насыщения, хоть ешь её горстями; всякий сорный корень, дикий лук, саранки или кустик с ягодой, медвежья дудка да крапива-лебеда смягчали голод, давали выжившим возможность зацепиться за жизнь, за этот хрупкий стебелёк посреди холода и отчуждения. Короче заячьего хвоста сибирское лето. Не успеешь отогреться после вечной зимы, и снова сковывает землю, и снова кажется, что нет возможности отогреться, и свыкаешься с этим неуютом и стылостью.

ОТЧАЯННЫЙ КОЧЕТОК

Елена Лукична держала кур, которых вырастила из купленных в городе инкубаторских цыплят. И был в этом выводке один молодой отчаянный кочеток, который почти всякий день попадал в неприятности: к собачьей конуре подойдёт на непочтительно близкое расстояние, и Трезорке ничего не остаётся, как цапнуть наглеца, чтоб неповадно было в дальнейшем. Но и на хромой лапке он умудрялся найти брешь в заборе и, забравшись в соседский огород, разгрести только что засаженные грядки.

– Пристукну, негодник, ирод проклятый! – шумела Елена Лукична после жалоб соседки, бабы Ани Гагариной, хватала подвернувшуюся палку и гнала несчастного в курятник, из которого он через несколько минут устремлялся к новым приключениям. Невезучий какой-то, действительно, был петушок. И люди бывают такие же невезучие.

Есть у меня один знакомый, приятель даже. Бывало, зимой поедет на охоту с командой гонять коз. Казалось бы, зима, мороз, вся земля на два метра промёрзла, но ведь обязательно найдёт какую-нибудь болотинку и обязательно провалится по горло в стылую воду, а когда начнёт сушить свою одежду у костра, переодевшись в чуженину, найденную в будке, то непременно сожжёт или брюки, или куртку, а иногда и то и другое.

По лету окучиваю картошку и слышу за спиной Елену Лукичну:

– Ты что это надумал, ирод проклятый?

Оборачиваюсь. Над её огородом огромный коршун с размахом крыльев метра в полтора, спокойно планируя в сторону Петькиного огорода, несёт в когтях несчастного кочета. Тот, бедный, свесил головёнку набок и вытянул ноги свои, которые показались мне длиннее ястребиных ног. Это ж надо, среди бела дня на наших глазах нагло уносит хищная птица домашнюю живность, а в доме и завалящего дробовика нет. Но был лук, который я сделал недавно для детей, да и взрослые иногда развлекались стрельбой из него. Я проследил, куда сел коршун, завел стрелу на тетиву и стал приближаться.

Коршун вдавил цепкими когтями петушка в траву и долбит его в затылок, выщипывая перья, добираясь до черепушки. Я натянул лук, прицелился и пустил стрелу. Но лучник я был неваж-

ный, и стрела прошла под петушком, благо, не задев его, но на вылете, видимо, шоркнула оперением и коршуна. Тот ослабил хватку, кочеток вырвался, жалобно вереща, кинулся в мою сторону. Коршун метнулся вслед, попытался схватить его, но, увидев меня, взмыл в воздух и неторопливо стал удаляться. В это время подошла Елена Лукична, взяла бедолагу на руки:

– Ну что, допрыгался, голенастый? – но не было во взгляде и голосе её ни злости, ни осуждения, а только жаль одна. – Спасибо тебе, Василий, а то слопал бы ирод проклятый нашего петушка!

Через неделю или две затих его задиристый крик, а что с ним случилось, я по давности дней запомнил.

СМОРОДИНОВЫЙ ВРЕДИТЕЛЬ

Приходит как-то утром ко мне в избушку Елена Лукична и прямо с порога, видимо, вопрос назрел:

– Слушай, Василий, что это может быть, лист на смородине скрючился и в нём полно бухар?

Это у неё отголоски верхнеленского говора.

Сказано было заковыристо, но живописно, и я сразу понял, что лист сморщился и в нём завелись букашки.

– Да это тля, Елена Лукична, – блеснул я своими садовничьими знаниями, – муравьи её разводят на ветках, а потом доят, как коров, чем и бывают сыты. Вы разведите хозяйственное мыло в посудине, пеной обработайте кусты, и оживёт ваша смородина.

НИКЧЁМНОЕ ЖЕЛЕЗО

На берегу речушки Тигунчихи, что пересекает Култук вдоль забора «Автовнештранса», чуть ниже моста, лежали два металлических уголка метров по шесть длины. Было это ещё до железной лихорадки, когда валялось на наших просторах бесчисленное множество лома: брошенные трактора и комбайны, всякие сельхозмашины и приспособления, различная арматура и просто изделия из металла. Можно было по нужности в хозяйстве выбрать любую железяку и приспособить для пользы дома: всё вокруг колхозное, всё вокруг моё.

Городил я новый забор и, когда дело дошло до калитки, вспомнил про бесхозный уголок, а так как уже примеривался к нему и даже пробовал на вес, то знал, что целиком его не унести, а посему взял ножовку по металлу и позвал

шурина своего пособить. Хотелось сделать надёжную калитку, чтобы стояла она долго, чтобы вспоминали внуки и правнуки, гордились, какой дед был основательный человек по строительной части.

Пилим попеременно с Романом никому не нужный уголок, а металл оказался твердым, шик-шик, шик-шик. Торопиться некуда, отдохнём и снова шик-шик. Вдруг какой-то рыжий мужичок в армейском бушлате по мосточку перешёл с того берега, и к нам.

– Вы чего тут мой уголок пилите?

Настроение и без того было хорошее, а тут просто смех разобрал. Хохочем с шурином, остановиться не в силах, а мужик понять ничего не может, молчит, ждёт ответа. А смеялись мы потому, что только что говорили о том, какая страна наша богатая, лет пять уже лежат уголки на виду, и никому дела до них нет, потому что таких уголков по стране валяется столько, что можно десяток Эйфелевых башен построить. И вот только мы за них взяли, оказалось, что и ещё кому-то они нужны, кроме нас.

– А с чего ты решил, что уголки твои, это во-первых, а во-вторых, на них что, написано, что они твои? – это я начинаю вроде бы для оправдания, а с другой стороны, обидно, почти допилили. Ещё бы немного – взяли бы на плечи по прогону и ушли.

– Вы что не видите, что они возле моего огорода лежат?

– А тебя как зовут-то?

– Николай.

– Василий, – я протянул ему руку, – а это Роман, – показал я на шурина, – слушай, да возле моего огорода сосед свои «Жигули» ставит, а у меня и мысли не возникло загнать их в свою ограду.

Мужичок задумался, а я, не давая ему опомниться, на той же весёлой волне продолжал:

– Может, они действительно твои, тогда покажи справку, где ты их приобрёл, и я не буду возражать. А мы что, выходит, зря трудились, ты бы попробовал сам тупой ножовкой шиньгать эту железяку. Роман, дай ему ножовку.

– Ну, ладно, – непонятно в каком смысле и к кому обратился Николай и пошёл домой.

Через несколько времени, как сказал бы писатель Ким Балков, к нам подошёл смурного вида молодой человек, судя по ужимкам и татуировкам на руках, недавно вернувшийся из мест определённых.

Присел на пригорке.

– Ну вы чё, мужики, шухер устроили, местных обижаете...

– Да не говори, попали мы с Романом в историю, куда ни кинь – везде кинокомедия получается. Всё бы ничего, да мы полдня потратили на эту хренову железину, которая никому не была нужна, а теперь вдруг стала необходима. А где твой Николай был, когда мы начали пилить? Пришёл бы, всё бы решили миром, мы же не прятались, на пригорке у всех на виду. А он что, выжидал, чтоб подороже продать? – последнюю фразу я ввернул по инерции, занесло на повороте. – Я так думаю, пусть ставит бутылку за труды наши праведные и забирает уголок. При надобности шов можно заварить, и всё будет как ничего и не было.

Парень был не очень словоохотлив, молча стал подниматься с земли.

– Пиво будешь? – Роман протянул ему стеклянную бутылку.

– А почему бы и не выпить с интересными людьми?

Он ушёл, а через некоторое время вернулся.

– Пойдёмте, Николай зовёт во двор. И уголок прихватите.

Сюжет обретал непредсказуемое развитие. Мы взвалили на плечи предмет нашего разногласия и, покачиваясь, двинулись за парнем.

Николай ждал нас во дворе с «болгаркой» в руках.

– Сюда кладите, – показал он кивком головы на валявшуюся под ногами чурку и нажал на кнопку. Двигатель истошно завопил, и из-под абразивного диска струёй брызнули огненные искры. В момент разлома железяки диск зажало, и он сорвался с зажима и покатился по земле. Николай не обратил на это никакого внимания.

– Можете забирать, – сказал как-то нехотя, равнодушно Николай, не прощаясь, пошёл в избу и уже перед порогом, не оглядываясь, бросил: – Андрей, помоги им дотащить...

Веселье как-то сразу сгасло. По пути мы зашли в магазин, купили бутылку «андроповки», посидели втроём у меня на веранде за разговорами о предстоящем таёжном сезоне, вспомнили удачные походы, забавные истории. На том и расстались. Прощаясь, я передал Николаю новый обрезной диск, который был у меня припасён на всякий случай и вот пригодился.

А металлическую калитку я так и не соорудил. На мой век хватит и деревянной.

**Виктор
ТИХОМИРОВ-ТИХВИНСКИЙ**

**И СОЛНЦЕ
НАД ДЕРЕВНЕЮ ДРОЖИТ**

МОМЕНТ ПРОЗРЕНИЯ

Целый день, как будто пахарь,
В дневнике своём пашу...
Знаю, жизнь моя не сахар,
Но прожить её спешу...
Смотришь с неба осторожно,
А в глазах сплошной туман.
...Улыбнись мне, если можно,
Чтоб забылся твой обман.
Крошка-пёс на тучи лает.
Стадо пыль несёт в село.
В этой жизни мне хватает,
Чтоб прожить её, всего.
Замираю на мгновенье:
Над страной колокола
Говорят...
В момент прозренья
Мы поймём – любовь была!

* * *

Край деревенский, ямы да ухабы,
А через речку – полусгнивший мост.
И по нему рыдающие бабы
В гробу старуху тащат на погост.

Клубится зной.
Вовсю гундосят мухи,
И солнце над деревнею дрожит,
И одуревший рыжий кот старухин
Вслед за толпой рыдающей бежит.

ТИХОМИРОВ-ТИХВИНСКИЙ Виктор родился в 1958 году в поселке Красава Ленинградской области. Стихи и прозу пишет с пятого класса. Публиковался в журналах «Дон», «Зарубежные задворки» (Германия), «Литературный Иерусалим» (Израиль), «Плавучий мост» (Германия), «Новая Немига литературная» (Беларусь), «Наш современник», «Смена», в альманахе «День поэзии» и других. Работал в 11 литературно-художественных изданиях. Участник совещания молодых писателей России в марте 1996 года. Занимался в семинаре Юрия Поликарповича Кузнецова и Вадима Валериановича Кожина. Автор 11 книг прозы и поэзии. Живёт в Санкт-Петербурге.

Он голос свой в рыдания вплетает,
И крутится людская круговерть.
Мяучит кот, как будто понимает
Умом звериным, что случилась смерть.

...Сосновый крест поставят бабе Анне,
Посетовав, что нету мужиков...
А рыжий кот, как будто рыжий ангел,
В последний раз мелькнёт между крестов.

95

ТРИ РУБЛЯ

Глебу Горбовскому

Я поэт. И не последний
На Руси: стихом пою.
Подарил мне Глеб наемни
Антологию свою.
Почесавши пальцем ухо,
Он на книге написал:
«Был ты бездарем, Витюха,
А теперь поэтом стал».
В прошлом веке Ося Бродский
Дал Горбовскому на жизнь
Три рубля, сказав: «Горбовский!
Ты – талантище! Держи!»
Про историю такую
Знают все, и потому
Глеба с Бродским я рифмую...
...Сам не зная почему,

Этот стих пишу. Стараюсь!
Жду похвал, а не хулы!
И сквозь годы возвращаюсь
В Ленинград для похвалы.

* * *

Вздыхнешь растерянно:
«Ну что ты?
Любовь – вода, течёт себе...
К чему любовные расчёты,
Когда всё рушится в судьбе?»

И где-то там, на перепутье
Твоей души с душой моей,
Я гну печали, будто прутья,
Войдя в любовь, как лиходея.

В ТИШИНЕ

Татьяне

Я привык к тишине этих улиц весенних,
На которых затерян вчерашний твой след,
На которых туманы твоих откровений
Источают в пространство немислимый бред.

Подхожу осторожно к знакомому дому.
Говорю своим чувствам, как людям: «Привет!»
И ныряю в любовь твою, будто бы в омут,
Понимая, что в прошлое выхода нет...

Никаких мне регалий за службу не надо.
Я в стихах копошусь и доволен вполне,
Когда вижу вдали: утомлённое стадо
Катит солнце с небес прямо под ноги мне.

ЗАВИДУЮ ОСЕНИ

На холодном декабрьском ветру
Вспоминая прошедшую осень,
Я завидую осени очень
И стихами читателям вру
О любви той, что осень сожгла
В полумёртвом огне листопада.
Ты рассвету кричала: «Не надо!»,
А в закат на закате ушла.
По твоим я ступаю следам.
В небе грустные каркают птицы.
И зима открывает страницы
Моих новых стихов. По крестам

Над церквями узнаю твой путь.
И пойду, осторожно ступая,
И с трудом, но уже понимая,
Что тебя не найти, не вернуть.

НА СТАНЦИИ ВАЛЯ

Сергею Куликову из Тулы,
доказавшему литературную
несостоятельность этих строк

Сугробов синих яркий блеск в ночи
Меня ослепит сонного едва ли.
А рядом лес таинственно молчит,
Как будто бы снотворным накачали.

Я вижу из вагонного окна,
Как бродит пёс по стылому перрону.
Я ощущаю – жмётся тишина
Из тьмы зловецей к каждому вагону.

Пристанционный светится фонарь,
Как будто бы из прошлого маячит...
Он точно так же, как когда-то встарь,
Свою насыщенность людям обозначит.

Фонарь хранит в своих объятьях свет,
От ветра и от снега укрывая...
В его пустой фонарной голове
Не замаячит дума никакая.

БАБУШКЕ

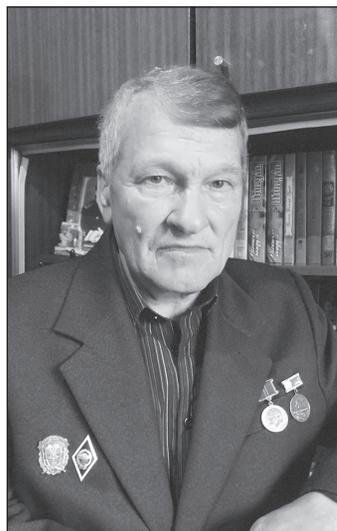
На могиле твоей умирают кресты –
За полвека четыре креста.
От могилы до дома всего полверсты,
И до церкви «Крылечко» – верста.

Над могилой безвестные птицы поют,
Будто гости на свадьбе. Вдали
Журавли, полетев на чужбину свою,
Из России печаль понесли.

На кладбище кладбищенский
сторож не спит,
И такая стоит тишина,
Будто нет здесь людей,
будто каждый убит,
И осталась лишь память одна.

**Валерий
ДМИТРИЕВ**
ЗАСТАВУШКА

ЗАСТАВУШКА

*Стоит изба ссутулившись,
Забытая давно.
И смотрит слепо в улицу
Разбитое окно.*

*Скворешня кособокая
Застряла меж ветвей.
Усадьбу вместе с тропкою
Заполонил пырей.*

*И выстоялась травушка,
Кивает: «Покоси»...
Как древняя заставушка,
Древняя на Руси.*

*Приют от непогодины
И богатырский щит
На порубежье Родины
Который век стоит.*

*Вспугнув рассветы синие,
По травушке пройдусь.
Хочу я видеть сильною
Березовую Русь.*

*Пусть оживёт заставушка
Под песни косарей.
И присмирееет травушка
У ног богатырей.*

ВОДОВОЗ

*Помню, как в любой мороз
На лошадке невеселой
Бородатый водовоз
Воду нам возил в посёлок.*

*Он ведёрным черпаком
Осушить пытался прорубь.
Воду чистую, с парком,
Вёз от речки прямо в гору.*

*Ребяшня, кто посмелей,
Вслед бежали за санями.
Бич возницы, словно змей,
Их отпугивал хлопками.*

*От малейшего толчка
Бочка жалобно скрипела,
А душа у мужичка
От работы так и пела.*

ЕЩЁ ЖИВА ДУША РОССИИ

*По сердцу мне простой народ,
Что милый край считает раем,
Который плачет, и поёт,
И за Отчизну умирает.*

Народ, живущий на земле,
В забытых, опустевших селах,
Где квас игристый на столе,
А не шипучий пепси-кола.

Где солнце будит петушок,
Взлетев на ветхую ограду,
А на лужайке пастушок
Шагает за пузатым стадом.

Здесь, среди шёлковых берёз,
Ещё жива душа России.
В глазах её – росинки слёз,
И нет их ближе и красивей.

Здесь, на земле своих отцов,
Живём мы с их благословенья.
В печи горят поленья дров,
А с ними – горечь и сомненья.

* * *

Что я вижу на родной сторонке?
Вот деревня, и она пуста.
Только ветер свищет мне вдогонку,
Воробьёв пугая по кустам.

Вижу, что не скошены покосы,
Загустели травы на лугах.
И, как раньше, не сверкают росы
По утрам на девичьих ногах.

У могилы сгорбились старушки,
Свежий холмик засыпает лист.
Умер тот, кто строил их избушки, –
Дед Иван, плясун и гармонист.

Это он, придя с войны когда-то,
Молодой, красивый, удалой,
До конца считал себя солдатом,
Оставаясь на передовой...

И его подруги и невесты,
Пережив любимых и мужей,
Берегут насиженное место
И людскую память для детей.

НОЧНАЯ ГОСТЬЯ

За дверью ветерок крепчал,
Луна брела небесной стёжкой.
Вдруг кто-то робко постучал
В моё притухшее окошко.

Что за чудак сбежал от снов
И ночью вышел на природу?
А может, путник ищет кров,
Чтоб обогреться в непогоду.

Прильнув к холодному окну,
Я разглядел среди серой стыни:
Сугроб, отшельницу-луну
И стебелёк сухой полыни.

Так вот кто просится в мой дом,
Устав от поисков приюта!
Ночная гостья под окном...
Её приход все мысли спутал.

* * *

...И я спросил слепого неспроста:
– Ты был, старик, чужою болью ранен?
Не видя мук распятого Христа,
Не можешь ты познать чужих страданий.

– Ты прав, поэт, не видит слёз слепой,
Но он прекрасно слышит среди ночи
И громкий крик, и тихий стон людской,
И немому – стоящих вдоль обочин.

* * *

Врастаю в землю, словно камень
На склоне древнего холма.
Тот день уже не за горами,
Когда меня проглотит тьма.

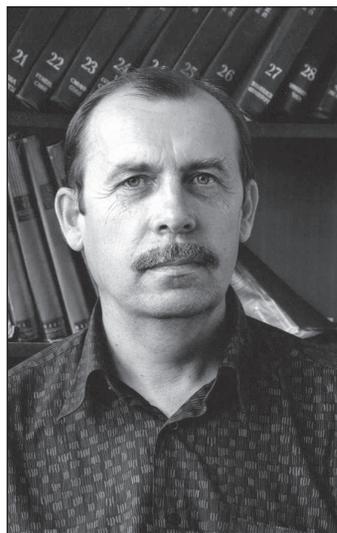
И счёт пойдёт не на мгновенья.
Тысячелетья и века
Многообразным наслоением
На плечи лягут, а пока...

Нет-нет блеснут на солнце грани,
Какими видеть их хочу.
Когда рука писать устанет,
Стихи морзянкой отстучу.

**Дмитрий
ВОРОНИН**

ДВА РАССКАЗА

ЖИЗНЬ И ПОХОРОНЫ БАБЫ НАСТИ

Вот и схоронили вчера бабу Настю. Честь по чести схоронили, уж она бы не обиделась. Отмаялась, бедная. Жила тяжело, а померла легко. Поутру за водой пошла да и упала у колодца. Сердце порвалось. Намучалось, видать, сильно, накопило в себе разного, и доброго, конечно, но больше тяжёлого. А тяжёлое-то поболее весит, да всё откладывалось. Много скопилось.

К колодцу баба Настя пришла, заглянула в него, водицу светлую увидела, сердце возрадовалось водице той да и пожелало груз этот непомерный из себя выкинуть. Подпрыгнуло, ан вона что получилось – сильно, видать, подпрыгнуло, порвалось. Но всё же тяжесть ушла вся, потому как в домовине лежала баба Настя добрая. Лицо светлое, как у той водицы. Будто в радость был ей уход этот.

Мало что хорошего она в этом мире видела. Пережито негожих денёчков столько, что и десятерым в жизни много бы показалось. С самых ранних годов на крестьянской работе. С петухами встанет, за полночь ляжет. Скотину накорми, приberi, домашним на стол подай, в доме порядок наведи, на ферму сходи, постирай, огород прополи... И так целыми днями. Как белка в колесе.

ВОРОНИН Дмитрий Павлович родился в 1961 году в городе Клайпеда (Литовская ССР). Сельский учитель. Автор трёх сборников рассказов. Участник 30 альманахов и прозаических сборников в России, Украине, Беларуси, Германии. Публиковался в журналах: «Алтай» (Барнаул), «Балтика» (Калининград), «Балтика» (Таллинн), «Берега» (Калининград), «Бийский Вестник», «Наш Современник» (Москва), «Нева» (Санкт-Петербург), «Невский альманах» (Санкт-Петербург) и многих других. Лауреат международных конкурсов и фестивалей. Член Союза писателей России. Член редколлегии литературного журнала «Балтика». Живёт в пос. Тишино Калининградской области.

Раненько и замуж пошла, думала освободиться малость от забот. Да и парень больно видный был, шутковать всё любил. Обещал на руках всю жизнь носить. А стала Степановой женой – так всю жизнь и прошутковал, непутёвым оказался. Молодым всё по девкам бегал, а позже запил горькую, да со скандалами. Уйти хотела, да куда там. Дети пошли: два сына, три дочки. Кому с таким привесом нужна?

99

А может, и нашла б кого, да на чад своих молиться стала. Думала, хоть к старости подмога. Эх, кабы знать! Добра и от них мало видела. С малых лет: «не хотим», «не будем», «некогда». Правда, ещё словцо одно у всех любимое было – «дай»: «Ма, дай поесть», «дай денег», «ма, дай поспать».

Пацаны – Сашка да Мишка – целыми днями где-то хулиганствовали. Только и слышно было от соседей: там куру придавили, там собаку прибили, там кошку подожгли. Баба Настя их и побьёт когда, и пристыдит. А им всё едино: «Что пристала?» И участковый, нет недели, чтоб не упрекнул: «Что ж ты, Настасья Ивановна, своих шалопаев не воспитываешь? Ох, пойдут они у тебя по кривой дорожке, наплачешься».

Знал бы он, что и слёз-то у неё уже не осталось. Уж все выплакала. Да вот жаловаться не приучена была, в себе все держала, в сердце от-

кладывала. Только и скажет в ответ, как огрызнётся: «А ты почто ко мне обращаешься, хозяину говори. У него времени поболее воспитывать их». Участковый только рукой махнет, что, мол, с такой разговаривать.

Ему б к голосу её прислушаться или в глаза посмотреть – мольбы там сколько. Но он лицо официальное, не положено ему в душу заглядывать. Штраф там выписать, пристыдить прилюдно – это можно. А к Стёпке какой толк обращаться, хихикнет только в ответ: «А мне что? Матка есть. Может, он и не мой вовсе». И бочком, бочком – шнырк, и нет его. Вот уж право, одно слово – хозяин. В доме палец о палец не ударит, только и видели его по другим хатам, где чего залатать, подштукатурить за стакан бормотухи. К себе в дом к вечеру приползёт да со скандалом: «Жрать подавай, стерва немытая». И спать в сапожищах на кровать. Ох, сколько он её кровушки испил, и всё из сердечка норовил зачерпнуть. А оно не бездонное.

Последнее время Степан совсем опустился и в дому не бывал. Где выпьет, там и упадёт. Баба Настя уже молилась, чтобы Бог его прибрал. Ан вон как вышло – пережил её и за ней торопиться, видно, не собирается. Ничего Стёпку не берёт: ни мороз трескучий, ни сырость болотная. Проспиртовал себя от всякой непогоды.

Вот так и жила баба Настя. Пришло время, шалопаи за драчку с поножовщиной в тюрьму попали, девки одна за другой замуж вышли. Вот, казалось, и отдых тебе, Настасья Ивановна. Да не долгод он был, отдых тот.

Верка на северах двойню родила, с мужиком что-то у неё не заладилось. Ушёл он от неё. Вот Верка и примчалась домой, уговорила мать годок девчонок у себя подержать, пока своё семейное счастье не восстановит. Уехала – и с концами, за все двенадцать лет только открытки к женскому дню слала.

Поначалу баба Настя внучек назад хотела отправить, да потом привыкла к ним, полюбила. И девчонки – Люда с Наташей – хорошими росли. Не в мать. В радость на старости лет, в радость, правда, сквозь слёзы. Ан как не успеет поднять, помрёт, что с ними станется? Болела душа, и сердце жалилось. А внучки помогали, добрые они. Видно, доброту-то эту баба Настя им всю отдала. Даже Стёпка при внучках помалкивал, побаивался, верно, их.

Вскоре сыны из тюрьмы вернулись. Но в дому не остались, нашли себе сожительниц и пьян-

ствовали с ними день-деньской. Повадился к ним ходить и Стёпка. Пили да дрались. К матери только за едой, за деньгами являлись. Да и дочки, Светка да Томка, всё помощи просили. Нет, не сладка была жизнь у бабы Насти. Вот и не выдержало сердечко.

На похороны собрались все, кроме Верки. Точный её адрес никто не знал, потому не сообщили. Сыны по старой привычке заторопились копать могилку, будто и забыли, что это умерла их мать, а не чужой человек.

Стёпка, с утра пьяный, крутился между горницей, в которой лежала баба Настя, и кухней, постоянно причитая: «Да на кого ж ты нас покинула, красно солнышко, да как же мы тепереча без тебя?» – не забывая при этом время от времени прикладываться к бражной кружке. Томка и Светка хлопотали на кухне, покрикивали на отца: «Пьянь несчастная, до поминок утерпеть не мог!».

– Да что вы, девки? Матка ж померла, в кои-то рази. Что ж, и помянуть уж нельзя? Грех такой на себя нельзя брать. И сами-то по рюмочке пропустили бы за упокой души, прости, Господи.

– Да помянем опосля. И ты поостерегись прикладываться, а то ещё в ямину к ней свалишься. Вместях и захороним, – улыбнулась своей шутке Светка.

– Не бойсь, я как огурчик. Ещё приложусь разок-другой – и шабаш: до поминок ни-ни.

У гроба безутешно плакали Люда с Наташей, за ними стояли сожительницы сынов, гладили их по головам и прищёптывали нетрезвыми голосами:

– Ну, буде, буде. Чего нюни-то распустили? Бабка сырость не любила. Да вон и людям расстройство одно, ведь не вернёшь её уже.

К полудню приехал батюшка и стал отпевать бабу Настю. Людей в горнице скопилось – страсть. Некоторые собрались полюбопытствовать на батюшку и его работу. Батюшка обмахивал домовину кадиллом и певческим голосом читал молитву за упокой. Сказав «Амины!», он перекрестил правой рукой покойницу и вдруг вздрогнул, глаза у него расширились, нижняя челюсть стала отвисать. Стёпка, повторяя все его движения, но левой рукой, завыл пьяным козлиным голосом: «Аллилуйя, аллилуйя, наша матка, улетай, аллилуйя, друга матка, прилетай», при этом в такт притоптывал ногой. Народ ахнул. Кое-где послышались чертыханья и смех. Стёп-

ку схватили под руки и утащили в другую комнату, откуда почти сразу послышался храп. Батюшка на кладбище идти отказался, злой от такого кощунства уехал.

Гроб на руках снесли на кладбище. Сыны, уже пьяные и грязные от налипшей на них глины, встретили бабу Настю с тихим подвыванием. Прощались недолго. Наспех засыпали могилку землёй – и скорее в дом, – помянуть. Соседи и прочий знакомый люд пображничали да и разошлись по домам, обсуждая и осуждая. Осталась самая родная родня. Выпили молча одну, другую, и тут Сашка затынул ни сначала и ни с конца: «На кого ж покинул, милый мой дедочек, на кого ж оставил, сизый голубочек...».

Вдруг из другой комнаты раздался удар по полу, потом ещё и ещё. Вся родня бросилась к дверям. Стёпка заплетающимися ногами выдавал «русскую».

– Ну, батя, ну даёт, а ну раз, ещё раз! – под общий гогот зашумела Томка.

– Вы что ж ржёте? Матка на столе лежит, а они ржут, – остановился Стёпка.

– Батя, схоронили уж! Пьянь ты несусветная, – расхохотался Мишка.

– Как схоронили? Без меня? – Стёпка бросился в горницу. – И впрямь нет. Ну, тогда помянем Настю. – И выпил стакан.

До поздней ночи пели и танцевали в доме у бабы Насти. Так что честь по чести схоронили и помянули сердечную. Не хуже, чем других.

Как там тебе, Настасья Ивановна?

МИРОТВОРЕЦ

Утром колхозники по старой привычке собрались у конторы. Бабы визгливо бранились между собой, мужики, покуривая «Приму», пересмеивались, обсуждая государственные новости да вчерашние свои похождения.

– Костыль, а чё ты здесь делаешь? Ты ж вчерась уехать грозился.

– Куды это? – воровато улыбаясь, спросил щуплый рыжий мужичок.

– Как куды, сербам помогать, забыл, что ли? – притворно удивлялись мужики.

– Не помню такого.

– Не помнит он!.. Вчера вечером полдеревни взбаламутил, ходил, кричал, что, мол, поеду браткам православным подсоблю с Клинтонем разобраться.

– Не может быть, – скромно зарделся Костыль.

– «Не может быть!..» – со смехом передразнили его. – А кто с себя одежду срывал да в грудь колотил, мол, всех к едрёной матери перестреляю: и Клинтоня, и Коля, и Ельцина, а сербов в обиду не дам, мы, что ли?

– Да брешете вы всё, – отмахнулся Костыль. – Я вчера рано домой пришёл.

– Шур, – окликнул Костылёву половину Васёк, – твой говорит, что намерен домой без проблем добрался.

– Убила бы гада ползучего! – раздалось в ответ из бабьей кучи. – Алкаш недоделанный. Явился в одних трусах, еле на ногах держится да и орёт: «Собирай меня, жена, в освободительную армию, повестку для меня из Кремля сегодня сообщили, что направляют меня на защиту Югославии! Так что собирай меня в путь-дорогу, закуски в мешок сложи, сальца там, лучку, огурчиков, хлебца и рублей сто на поездку давай. Еду я, жена, на войну, может, и не вернусь уж обратно, знать, судьба моя такая». Вот ведь какой Илья Муромец выискался!

Вокруг все грохнули хохотом.

– Ну а дальше? – подзуживали Шуру.

– А что дальше? Самой интересно стало, что дальше будет. Стою молчу, а этот освободитель чокнутый распинается передо мной в одних трусах. Я, мол, не могу простить такой наглости империалистам, отвечу на весь их наглёж со всей своей душевностью! Я им покажу русскую славу своих предков, напомню, как братья-славяне их колотили, всё НАТО вздрогнет... Чего зеньки свои вылупил? Пусть все знают, какой ты дурак, – под оглушительный смех набросилась на Костыля супружница. – Козёл драный, вояка голозадая, пьянь придурочная!

– Замолчи, змеюка! – взвился Костыль. – Будет брехать-то, вот погоди уже, дома поговорим.

– Нет уж, пусть все слушают, – отвернулась от мужа озлившаяся бабёнка. – Ну вот, дальше – больше, расхрабрился совсем, кричит: «Баба, где моё оружие?» – «Какое?» – спрашиваю. Промычал что-то невнятное, видно, соображал, а потом и заявляет: топор, мол, возьму – буду в горах партизанить, и нож – на разведку ходить. Спрашиваю: «А как партизанить-то будешь?» Отвечает: «Соберу по югославским деревням всех мужиков-колхозников, и уйдём, как Ковпак, в горы – эшелоны натовские подрывать и на их гарнизоны нападать, а там и наш десант с Лебедем подоспеет. Разгромим врага – и на Вашинг-

тон, за Родину». «Ну а дальше что?» – интересуясь. «А дальше, – заливает, – Клинтона трибуналом судить будем, НАТО разгоним и Аляску назад себе заберём».

– Что ты брешешь, что брешешь? У, тварь, из ума совсем выжила! – побелел от злости Костыль.

Народ, хватаясь за бока, приседал, подпрыгивал и покачивался от безудержного смеха.

– Костыль, помолчи! Шур, продолжай, не бойся!

– Ну вот, значит, как войну закончим, говорит, вернёмся с победой домой. Ты, значит, Шур, всех в деревне собери, столы накрой, самогону побольше навари, я речь толкать буду. «Про что?» – спрашиваю. «Про войну и победу, про партизанов и трибунал, – отвечает, – про то, как дальше жить станем». «Ну и как, – спрашиваю, – жить дальше после всего этого с тобой придётся?»

Вокруг Шуры раздавались стоны и всхлипы, у баб кончились силы для смеха, мужики, окружавшие Костыля, икали и хрюкали. У многих из глаз катились слёзы.

– Шурка, богом заклинаю!.. – приказывал опозоренный Костыль. – Что вы верите этой злобной дуре, не видите, что глумится она надо мной?! – заорал он на мужиков.

– Шурка, – давились слезами бабы, – про жизнь после победы расскажи, каково нам в ней будет!

– Ну вот, я, значит, мешок в дорогу ему готовлю, а он стоит посередь кухни в одних трусах, руками размахивает и будущее мне расписывает, как тот Кашпировский.

– Ой, Шурка, ой, немоготу уже! – взмолились бабы. – Ой, Костыль – предсказатель!

– Руками, значит, размахивает, дурак рыжий, мы, говорит, и тут порядок наведём, когда возвратимся. Сразу, мол, как прилетим, – десант на Кремль сбросим, всех заарестуем и разберёмся, кто там у них в предателях числится, кто нашу страну империристам продавал. Всех, кричит, в лагеря, на Колыму, в пожизненное заключение, на хлеб и воду, а потом новую жизнь зачнём строить.

– Заткнись, убью! – рванулся Костыль к супруге, но тут же был перехвачен мужиками. – Всё равно убью! – Дёргался в их объятиях строитель новой жизни.

– Поди Клинтона убей, герой югославского народа! – огрызнулась Шурка. – Там тебя, поди,

заждались, когда ты поезда под откос пускать начнёшь.

– ...в горах! – грянули с новой силой мужики. – Давай, Шур, про счастливое будущее!

– Ну, я и говорю, запел, значит: «Шур, колхозы восстановим, деньги вовремя платить начнём, всех чиновников в районе в дерьмочисты переведём, а нашу бухгалтерию – им в помощники. Зарплату положим для них рублей в десять, доллар отменим и всех спекулянтов землю пахать пошлём. А сами в ихние дворцы вселимся – и на Кипр, в море купаться, каждую неделю на выходные ездить будем».

– Ай да Костыль, ай да сукин сын! Небось дворец-то Березовского себе присмотрел, не больше и не меньше, а?

– Да идите вы... – слабо отбивался незадачливый партизан. – Нашли кого слушать.

– Продолжай, Шурка, – задёргали бабы не на шутку разгорячившуюся жену героя.

– А чего продолжать, заканчивать пора! Я к этому времени мешок с продуктами ему собрала, протягиваю и говорю так жалостливо: «Вот, Ваня, харчи тебе на дорогу, паспорт там в тряпочку завёрнут. Всё, Ваня, иди отсюда и без победы не возвращайся. Я тебя ждать буду».

– Ну а он что? – застонали бабы.

– А что? – уставился на меня, как баран, да как заорёт: «Ты куда это меня гонишь?». Я ему толковываю: «Как куда, в горы к сербам – эшелоны подрывать, сам же собирался», – «Да?...» – удивляется. Забыл, видать, начало разговора. «Так, может, – спрашивает, – это до завтра отложить?» «Нет, – отвечаю, – раз собрался, иди». «Да куда я на ночь глядя? – кричит. – И без одежды?» «Одежду, – говорю, – тебе в Югославии дадут, ты домой уже без одежды пришёл. А ночью, – продолжаю, – добираться сподручней – никто тебя не заметит, когда через границы переходить станешь, да и сам говоришь, партизанить собрался, а партизаны только по ночам и орудуют».

– Врёт! – забился в бессильной ярости Костыль.

– Не вру, вот те крест, – перекрестилась Шурка. – Заныл, значит: «Как я без денег, дай хоть сотню». «Не, – говорю, – русские деньги тебе там ни к чему, а долларов у меня отродясь не бывало. Ступай, Ваня, время не терпит, а то как не успеешь к сроку в горы прийти, до рассвета не управисься, империристы перехватят, они ведь тоже не дураки, на разведку ходят», – закончила Шура.

– Не томи, рассказывай дальше, – загалдели вокруг.

– А всё.

– Как всё?

– А так. Я ведь другой рукой уже скалку над головой занесла, он-то понял, что не шучу, и шмыгнул за двери. Я – дверь на крючок и спать. Вот сейчас только и встретились.

– Где ж ты, Костыль, был всю ночь? – повернулись к рыжему мужику сельчане. – К границе разведку делал, что ли?

– На сеновале спал, – уныло прохрипел Костыль. – Проснулся – ничего не помню, слез с сеновала, смотрю – одежда на заборе висит.

– Это я тебе вчера её туда повесил, – засмеялся Васёк, – когда ты её по дороге разбрасывал.

– Не помню я ничего, – стыдливо оправдывался Костыль.

– Цирк с тобой да и только, – похлопывая Костыля по плечам, успокаивались мужики. – То ты армян рвёшься от землетрясения спасать, как напьёшься, то Белый дом защищать, то в Чечню воевать, а теперь вот в Югославию собрался. Клоун ты, Костыль.

– Так ведь душа у меня не на месте, – защищался сердобольный мужичок. – Как выпью, так всю эту несправедливость готов одним моментом изничтожить, а то ведь жить невозможно.

**Екатерина
МАЛОФЕЕВА**
ДОМ СТОИТ

* * *

Слышали новость? В четверг с утра
небо держало большой совет,
и председатель сказал: «Пора
что-то менять. Среди всех планет –
только у нас за войной война,
только у нас без вины – на крест,
каждой ошибке – своя цена:
в петлю, в монахи и под арест.
В вихре крестин-похорон-женитьб
люди забыли о нас совсем.
Хватит их раем уже дразнить,
адом пугать, как детей, зачем?
Пусть их – живут и живут себе,
новых рожают, спешат стареть.
Если свободу вручил толпе,
нет больше смысла брать в руки плеть.
Хочешь им счастья – так сразу дай
ключик к мечте, покажи маршрут.
Разве им будет твой нужен рай?
Слушай, оставь их, пускай живут».
Только в ответ усмехнулся Бог:
«Воля дана, чтобы встать с колен,
Выбрать свою среди ста дорог.
Если кто верует – тот блажен.
Как-то я, знаешь, устал от слуг –
скучен церковный парад-алле.
Люди вернуться ко мне, мой друг,
пусть поблуждают пока во мгле».
«Что в протокол записать, Господь?
Мне документ отправлять в Синод,
Сразу бы копию подколоть».
Ангел склонился, строчит в блокнот:

«Жизнь испытает огнём и льдом,
звёзды мерцают в конце пути.
Там тебя ждёт настоящий дом.

Верь. И ты сможешь его найти».

* * *

Из чего мы сделаны, мой ангел,
из чего за краем сшили нас?

107

Слеп закрыщик, крепко держит штангель,
измеряя длины наших трасс.
В заготовку высыпает случай,
ложку зла, щепотку сладкой лжи,
потрясёт и лепит из шипучей смеси
чью-то новенькую жизнь.
Из чего мы сделаны?

Из боли, из любимой музыки и книг, из того,
чему не учат в школе, – сам наощупь ищет
выпускник доказательств с мукой пережитых
новых аксиом и теорем,
по-щенячьи ласковых открыток, сдуру
адресованных не тем, маминых улыбок
и укоров, слёз и смеха будущих детей, пьяных
задушевных разговоров, плановой замены
запчастей у хирурга под закат дороги.

Из последних фото на портрет,
Из креста, поставленного в ноги,
Из пути назад в небесный свет.

МАЛОФЕЕВА Екатерина Сергеевна родилась в 1986 году в Чите. Занималась в литературном кружке В. Г. Никонова. Работает переводчиком. Публиковалась в журналах «День и ночь» (Красноярск), «Байкал» (Улан-Удэ) и альманахе «45-я параллель». Живёт в Улан-Удэ.

Истина всегда многоэтажна,
но она мне кажется простой –

Из чего мы сделаны?
Неважно.

Важно – что оставим за чертой.

* * *

семьи бывают счастливыми, крепкими
или на ласку совсем небогатыми.
всё, что в осколки, – прихватим прищепками:
метрами площади, общими датами.

кровными узами крепко повязаны,
намертво сшиты мы клятвами брачными,
сплетнями, шёпотом, криком, рассказами,
смехом, слезами, чужими удачами.

грузом вины неоправданных чаяний
давят семейные мерки на ближнего,
вышел за рамки – свои нескончаемо
пилят: «давай ампутируем лишнее».

если обидят тебя неумышленно,
думаешь: Боже, куда ненормальнее –
строже судили свои, а не пришлые.
близкие ранили хуже, чем дальние.

дёргали больно за тонкие струночки,
вросшие вглубь, в незащитное самое.
вот и таим в разговорах полуночных
суть сокровенную, прячем под шрамами.

как франкенштейны, из планов родителей
скроены наспех. лекала утрачены,
но на подкорке шаблон убедительно
голосом мамы диктует задачи нам.
кто одинок – обделённые, бедные,
жить без родни – это всё от нечистого.
ссоримся насмерть, стоим до победного,
после мириться бросаемся истово.

копим под сердцем, храним, как жемчужины,
старших советы, на землю нас сбившие.
семьи бывают плохими, недружными,

но
никогда
не становятся
бывшими.

* * *

город улицы вьёт ручейками под старыми
крышами,
я дворами иду – не была здесь чертовски давно.
город соткан из слов, мне не сказанных
близкими бывшими,
из билетов на море, совместных походов
в кино,
из признаний ошибочных или ошибок
непризнанных,
из забытых картинок счастливых
студенческих лет.
мне из окон домов снова машут любимые
призраки,
не зовут заглянуть, просто дразнят:
«тебя больше нет».
и пакетом играет ветер, бросает
под ноги мне,
мерный шаг мой сбивает большой
целлофановый кот.
слишком часто мы были к другим
неоправданно строгими,
мы жалеем теперь, но к закату и это пройдёт.
я в маршрутах запуталась, индексы стёрлись
нечаянно,
номера телефонные время из мыслей крадёт,
разрываются связи, что были так
тщательно спаяны,
я считаю потери и вижу, как страшен
подсчёт.

105

* * *

на рогах качает месяц ошалевшую звезду,
если город станет тесен, подмигни –
и я приду.
лес зовёт и манит песней страшных грёз
и пряных трав,
майских снов полынной взвесью оболгае,
обняв, украв,
хмарью-гарью, навью-явью, марой-мороком
дразня.
босиком по разнотравью – догони давай меня.
на ветвях русалки сушат утонувший небосвод,
повели чужого мужа в бесконечный хоровод.
леший путает и кружит, пьяно топчет
мягкий мох.
мглу лесную пьёт из лужи древний козлоногий
бог.
хмелем, дымом, сладкой лаской заведу тебя
во мрак,
полуночной взрослой сказкой – сделай мне
навстречу шаг.

...ты очнёшься рано утром, злой, продрогший,
сам не свой,
под небесным перламутром, пенной снежной
бахромой.
спотыкаясь-чертыхаясь ищешь путь к себе
домой,
звон серебряный трамваев в голове дрожит
больной.
и до вечера похмельно вспоминаешь,
как в бреду.

звёзды город колыбельным нежным сумраком
скрадут.
тополя макнёт в чернила ночь, ведёт
по небесам.

было?
не было?
приснилось?
я смеюсь – гадай-ка сам.

* * *

дом стоит на перекрёстке.
окна строго смотрят в мир.
стены – снежная извёстка,
ставни – глянцевоый сапфир.
горд строитель, маме скажет:
«ладно вышел, на века,
славно сбит, с душой покрашен,
виден свет издалека».
и несёт через порожек молодую он жену,
суеверно осторожен – поднимает не одну.

дом стоит.
а день к закату – двадцать первое, июнь.
лёг мальчишкой – встал солдатом.
«ты придёшь?» – с улыбкой: «сплюнь!»

дом стоит,
и окна плачут фронтовым святым дождём,
обману судьбу-удачу – мы-его-совсем-не-ждём.
не обманешь и не скроешь – и в руке листок
дрожит.

«извещаем...», «в ходе боя...» –
губы в кровь: «не вееееееерю... жиииииив!»

дом стоит,
играют дети, воробьи голодных лет.
так же крепок, так же светел,
только старших больше нет.

заковали всё асфальтом, по нему летят года.
время – вскачь, в лихое сальто приоделись
города,
ощетинились застройкой, шеи скверов –
в небеса.

новой шкурой сейсмостойкой обросли
по полюсам,
чешуей из тонкой стали, лживой пылью
из газет,

прячут плечи магистралей
в тусклый дым, фонарный свет.

дом стоит –
слепой свидетель смены мечт, эпох, властей.
о другом смеются дети, да и нет почти
детей.

106

дом стоит.
сирены воют – завтра новая война.
гонят юных под конвоем заработать ордена.
с неба пепел – словно блёстки,
в прах сложились этажи.

дом стоит на перекрёстке, а вокруг нет
ни души.

**Евгений
КАЗАКОВ**

**ХОЧЕТСЯ СТАТЬ
ВРЕМЕНЕМ**

*Время от времени
Вечности
Хочется стать временем*

*Всё больше
Дочь
Всё дальше*

*Глаза цветов
Моргают
Бабочками*

*Не могу сверху
На Библию
Никакую книгу положить*

ГODOВИНЫ

*Стали отрываться пуговицы
Пришитые
Мамой*

*Постой
Последнее украшение забыла
Мой поцелуй*

*Без лиц
Ещё не узнают друг друга
Души*

*Прислушиваюсь
К голосам за окном
Думаю какой из них мой*

*Плачет
О непрожитой прожитой жизни
Старик*

*Небесная любовь
Врасплох застигнувшая
Смертных*

*И от горбатого камня
Расходятся
Ровные круги*

*Слишком быстро умираем
Жизнь не успевает
Всмотреться в нас*

*Когда я состарюсь
Я буду выращивать каждый свой день
Как цветок*

*Снуют-спешат
Заштопать трещинки земли
Игопочки-дождевики*

*Раньше проверяла
Закрытая ли дверь
Теперь – открытая ли*

*Стоять на вершине можно
Жить
Нет*

*Такая родная
Домой дорожка
Как тропка к Богу*

*Тело женатое
Душа
Холостая*

*Ему осталась верна
А себе
Изменила*

*Как много может поведать
Твоя тишина
Моей тишине*

*У меня ещё рот не проснулся
Шепнула ты
Моему поцелую*

*Назовите моим именем
Снежинку
И мне хватит*

*На первое – что не доел сын
На второе
Что не допила дочь*

*Спрятался
От ночи снаружи
В ночь внутри*

Иосиф КУРАЛОВ

Я ЗАРАСТАЮ ПАМЯТЬЮ

Фрагменты рукописи

ОТ АВТОРА

Несколько лет сидит во мне мысль – записать то, что помню. Не только о писателях, а обо всех и обо всём. Начать с первых детских воспоминаний и долететь, дойти, доползти до сегодняшнего дня. При этом нахожусь в длительном размышлении: как говорить – от первого лица, употребляя местоимение «я», и этот я – Иосиф Куралов, или придумать героя и одеть его в мою биографию? Первый вариант ко многому обязывает, прежде всего не отрываться от действительности. Во втором – полная свобода, можно и волю воображению дать. Но тогда это будут записки, добытые не только из памяти. К тому же вариант с героем чреват уходом в художественную прозу – рассказ, повесть, роман. Пробовал – знаю. И ещё одно необходимое пояснение: в качестве названия всего этого текста взята первая строка из стихотворения Давида Самойлова «Память».

НАШ ПЕРВЫЙ

Евгений Сергеевич Буравлёв – первый руководитель Кемеровского областного отделения Союза писателей РСФСР. Первый как главный и первый как первый. До него в Кузбассе писательской организации не было. Он в 1962 году её создал и возглавил. Фамилия поэта Буравлёва – образ, ярко говорящий о его характере. Там, где другие отступали, он брал дело в свои руки, чтобы реализовать, воплотить, продать, пробуравить. Такое не каждому под силу. Он – мог. Он был воплощением своей фамилии. А его стихи были воплощением его самого.

*А вы смогли б свободно, просто,
Без дани веяньям времён
Свои стихи прочесть с помоста,
Где Стенька Разин был казнён?
Ведь вы ж могли, взойдя на площадь,
Что занял глыбища-поэт.
А здесь – подавно. Здесь же проще.
Здесь даже памятника нет!
Смогли б такие, чтоб от сердца –
От первой строчки до конца,
Чтоб обратить в единоверцев
На всей Святой Руси сердца?
Такие, чтобы не в угоду
Ни тем, кто судьбами вершил,
Ни тем, кто в трудный час народа
Лишь под ногами мельтешил?
Смогли б?.. Добро. Но прежде взвесьте,
Достанет ли ума и сил:
Ведь это здесь, на этом месте, –
Начало правды на Руси.
Здесь в честь побед салютовали,
Скорбели в годы тяжких бед,
И здесь же тех четвертовали,
Кто был предвестником побед.
Ну, кто из вас предельно честен?
Готов ли он, как на суду,
Прочесть стихи на лобном месте,
У всей России на виду?*

109

Буравлёв обратил в единоверцев сердца писателей Кузнецкой земли и создал организацию. Без него писательская организация в Кузбассе, наверное, появилась бы. Но лет на десять позже. Для литературы и в целом культуры Кузбасса это было бы чем угодно, но только не плюсом. Пишущие профессионалы наверняка поглядывали бы в сторону областей, где писательские организации уже имелись. А может, и уезжали бы в эти области. Что никак не усиливало бы духовную составляющую нашего индустриального края.

О значимости Буравлёва для Кузбасса историки могут сказать много. Читатели согласятся с историками, но, пожалуй, внесут поправку: главное в Буравлёве – не организатор, а поэт. А писатели – продолжатели дела Буравлёва на Кузнецкой земле – согласятся и с историками, и с читателями. Евгений Буравлёв – талантливейший русский поэт и большой организатор, один из тех редких людей, без которых полноценная жизнь культуры невозможна.

У него и биография достойнейшего человека. Человека, по чьим делам и стихам можно представить трагическую красоту великой эпохи, в которую он жил. Человека, который был бы оценён в любой эпохе, и составил бы ей честь, и украсил её своим присутствием в ней. Вот такой он – наш Первый. И без него сегодняшний юбилей был бы невозможен.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ВОЛОШИН

Выдающийся русский прозаик Александр Никитич Волошин в 1949 году опубликовал роман «Земля Кузнецкая» и был награждён за него Сталинской премией. Вокруг лауреатов этой премии ходили легенды. Возникла она и в связи с Волошиным. По легенде, Сталин спросил у кого-то из членов комитета по премиям своего имени в области литературы и искусства: «Есть хорошие произведения о врачах, учителях, хлеборобах, строителях, металлургах, о представителях других профессий, а о шахтёрах нет. Почему?» И получил ответ: «Такое произведение есть», – «Дайте почитать», – попросил Сталин. Ему принесли роман Александра Волошина «Земля Кузнецкая». Прочитав, он сказал, что книга заслуживает Сталинской премии.

Сколько в этой легенде правды, сколько вымысла – неизвестно. Но известно совершенно точно, что такие легенды, не лишённые внутреннего смысла и красоты, на пустом месте не возникают. Эта легенда возвышает не только автора романа, но и Кузнецкую землю, о которой написана эта книга. И недаром именем Александра Волошина названа областная премия за наиболее талантливые, отличающиеся новизной и оригинальностью произведения в прозе, драматургии, публицистике, получившие общественное признание и являющиеся значительным вкладом в художественную культуру Кузбасса.

ВСЕКУЗБАССКИЙ УЧИТЕЛЬ

Михаил Александрович Небогатов – талантливый поэт и всекузбасский учитель теории и практики стихосложения. Кафедрой учителя многие годы была областная газета «Комсомолец Кузбасса», на страницах которой он давал свои уроки, а учениками – молодые и не очень молодые стихотворцы, присылавшие свои стихи в редакцию молодёжной газеты.

Я читал уроки Небогатова ещё в детстве. Но сам стихи в «Комсомолец Кузбасса» не посылал

и объектом его критики на страницах газеты не становился. Под его критику я попал значительно позже, в 1972 году, когда мне было 19 лет. Небогатову нравились Твардовский и Рыленков, а мне – Вознесенский, что по моим стихам было видно с первого взгляда.

Не очень вникая в мои стихи, Небогатов рассказал, почему ему не нравится Вознесенский и почему не стоит у него учиться. Сегодня, с высоты своих нынешних лет, я прекрасно понимаю Михаила Александровича и согласен с ним. А тогда не понял и ушёл от него в некотором раздражении.

В 1985 году у меня вышла первая книга («Пласт»). В те времена проводились общие собрания членов Союза писателей и молодых авторов (или как их называли – «несоюзной молодёжи», к коей относился и я). На одном из таких собраний Небогатов очень хорошо отозвался о моей книге, о других моих публикациях, при этом вспомнил о моём визите к нему в 1972 году, сказал, что я проделал большой путь. И в целом признал меня талантливым поэтом.

Однако это признание не помешало ему писать пародии на мои стихи и публиковать их в «Комсомольце Кузбасса». Пародии были не злые, скорее – дружелюбные. Да я бы и на злые не обиделся. Впрочем, пародии он писал практически на всех. И обиженных я не помню.

Пародист, сидевший в Небогатове, выдавал в нём человека любознательного, равнодушного, живого. Который по завету Пастернака «ни единой долькой не отступался от лица, но был живым, живым и только, живым и только – до конца».

А когда Михаил Александрович ушёл из жизни, мне довелось стать редактором первой и долгие годы единственной посмертной его книги. Тогда я впервые увидел его стихи, написанные им в юношеские годы – в годы войны. Они вошли в эту книгу. И то, что я прежде знал о нём как о солдате Великой Отечественной, награждённом орденами и медалями, демобилизованном в 1943 году после тяжёлого ранения, и то, что впервые узнал из его полных жажды жизни юношеских стихов, создало образ нового, неизвестного мне ранее Небогатова, в котором воедино сошлись три его стези – воин, поэт, учитель.

А поэтическая и человеческая сущность Михаила Небогатова, на мой взгляд, лучше всего проявилась в этом стихотворении:

Не удивлять, а удивляться
 Я в этот светлый мир пришёл.
 Где цвет черёмух и акаций
 И в блеске дня жужжанье пчёл.
 Смеётся ль синий май в Сибири,
 Сентябрь ли хмурится, скорбя, –
 Всё время что-то в этом мире
 Я открываю для себя.
 Моим открытиям нет предела.
 Дивлюсь, живя среди людей,
 И красоте лица и тела,
 И высоте людских идей.
 Всей жизни бурной, многоликой,
 По-детски радуясь, дивлюсь.
 И этой радостью великой
 Я с вами дружески делюсь.
 Чтоб в серебре метельной пыли
 И в звоне вешнего ручья
 Вы так же крепко полюбили
 Наш краткий праздник бытия.

ДРАГОЦЕННАЯ РЕКОМЕНДАЦИЯ БАЯНОВА

Виктор Михайлович Баянов – поэт, говоря о котором многие добавляют: милостью Божией. О его первых тоненьких книгах – «Росы» (1963) и «За рекой Талиновой» (1965) – слегка перефразируя знаменитое стихотворение Афанасия Фета «На книжке стихотворений Тютчева», можно сказать так: две эти книжки небольшие томов премногих тяжелей.

Тот высочайший уровень качества, который Баянов взял в первых книгах, он никогда впоследствии не снижал. И когда несколько лет возглавлял журнал «Огни Кузбасса» как главный редактор, он задал свой высокий уровень всему журналу. Такой уровень, как в одном из лучших стихотворений, не только у него, но во всей русской лирике второй половины двадцатого столетия:

*Бойся, Анна,
 Слушай, Анна,
 И ушам своим не верь:
 Кто-то громко, кто-то странно,
 Незнакомо стукнул в дверь.
 Твой бродяга, твой отходник
 С полной сумкой за спиной,
 Твой удачливый охотник
 Возвращается домой.
 Он твои забросит ситцы,
 Он не то тебе добыл –
 Для тебя в тайге лисицу
 Чернобурую убил.*

Только входит он сурово,
 Словно кедр, высок и прям.
 На щеке застыл свинцово
 От медвежьей лапы шрам.
 Знать, умаяла дорога
 Через горы и лога.
 Знать, заметил у порога
 След чужого сапога.
 Ох, заметил след неяркий,
 Потому не ест, не пьёт,
 Драгоценные подарки
 Из мешка не достаёт,
 Не глядит на молодую
 И, натуре вопреки,
 Клонит голову седую
 На большие кулаки.

При этом Баянов – один из тех редких поэтов, которые не только писали стихи, но и работали на производстве. Никогда Виктор Михайлович не уходил на так называемые вольные хлеба, которые порой оказываются подневольными. Почти весь свой трудовой стаж Баянов заработал в качестве машиниста паровоза и тепловоза. Многие годы трудился в железнодорожном цехе объединения «Азот».

111

По трудовой книжке Баянов – работяга. Но не каждый литературовед знал литературу так хорошо, как этот «работяга». И не только литературу, а всё и обо всём. Однажды, в девяностые годы, когда писательская организация была расколота на две, и мы с Баяновым были в разных организациях, он по какой-то надобности зашёл в нашу организацию, где я работал заместителем председателя. Я в кабинете был один. Баянов зашёл часов в 11, а вышел около 18. Всё это время мы проговорили о стихах, о поэзии, о мировых проблемах, о времени, о себе, обо всём, ни о чём, о женщинах, о вине, о войне, о мире, о новорусских хамах, о политике, о политиках, о поэтах больших и местных, о художниках, об артистах, о музыкантах, о певцах, о звёздах, о Вселенной, о бесконечности пространства и времени. Наверное, не было темы, которую мы не затронули. Время нашего общения промелькнуло для меня мгновенно. Хочется верить, что и для Виктора Михайловича – тоже. И это было во времена раздрая. Что убедительно доказывает: нормальным людям никакой раздрай никогда и ни в чём не помеха.

Теперь мне кажется, что у меня никогда в жизни – ни до, ни после – не было столь тонкого,

умного, образованного собеседника. А за несколько лет до этой памятной мне беседы Виктор Михайлович Баянов написал мне рекомендацию в Союз писателей СССР. Эту рекомендацию я храню среди своих самых драгоценных бумаг.

ТВОРЕЦ ШЕДЕВРОВ ПРОЗАИК МАЗАЕВ

Владимир Михайлович Мазаев – прозаик выдающийся и, на мой взгляд, недооценённый критикой и вслед за ней – многими современниками. Его «Три рассказа сибирячки» – один из шедевров русской прозы второй половины двадцатого столетия, наряду с лучшими произведениями Валентина Распутина и Василия Шукшина. Очень значительными видятся и другие произведения Мазаева. Такие, как «Разомкнутая цепь», «Дамба», «Странная командировка», «Особняк за ручьём», «Грозовая аномалия», «Зиму пережить».

Язык Мазаева отточен и точен. Каждое слово стоит на месте. И никаким другим его не заменишь. Характеры выписаны подробно и в то же время без лишних деталей. А в целом детали, которые, как известно, бог прозы, не только в описании характеров, а везде – абсолютно уместны и создают картину, которую воспринимаешь не как плод работы автора, а как реальность.

Было у Владимира Михайловича и одно замечательное умение, которого очень не хватало и не хватает многим в писательской братии: он мог перевернуть стакан. «Что это такое? – спросят меня. – Экое геройство – перевернуть стакан».

Что ж, поясню непонятливым. В разгаре писательской пирушки Мазаев переворачивал стакан вверх дном и ставил его на стол, что значило: мне не наливать! Он оставался за столом, слушал стихи и дружескую болтовню писателей, сам добавлял в неё лепту, но уже не выпивал.

Он не был ни трезвенником, ни язвенником, ни ханжой, никогда не отказывался сесть за дружеский стол, нередко сам становился инициатором пирушек, но вино (а пил он именно вино, в основном сухое) никогда не было его целью, оно было средством для создания дружеской атмосферы, играло роль вспомогательную.

Зачем я вспомнил об умении Мазаева переворачивать стакан и что я хотел этим сказать? А то, что и в отношениях с вином Мазаев был ма-

стер. Не оно им владело, а он – им. Как хотел, когда хотел, где хотел. Точно так же уверенно, мастерски, как владел пером.

Работал Мазаев не только за писательским столом. Он был и корреспондентом областных газет «Комсомолец Кузбасса» и «Кузбасс», и главным редактором Кемеровского книжного издательства, и руководителем Кемеровской областной организации Союза писателей РСФСР, и главным редактором альманаха «Огни Кузбасса», и главным редактором журнала «Литературный Кузбасс», и даже, короткое время, – директором Кемеровского книжного издательства.

Но всегда и везде оставался Мазаевым. Талантливым, честным, человечным.

МАГНИТ ИГОРЬ КИСЕЛЁВ

Игорь Михайлович Киселёв – поэт, проживший очень короткую по человеческим меркам жизнь. Меньше 50 лет. Но за отпущенные ему годы он успел сделать много. Как поэт – яркий, самобытный, талантливый. И как наставник пишущей молодёжи. Сам ещё вполне молодой человек, он в семидесятые годы неоднократно становился главным руководителем секции поэзии областных совещаний молодых писателей. Его комментарии были ёмкими, точными, яркими, образными, иногда колкими и, возможно, для кого-то небезобидными, но всегда полезными.

Совещания молодых писателей проводились в помещении писательской организации, в Доме политпросвещения, а иногда местом обсуждения рукописей молодых авторов становилась маленькая квартирка Игоря Киселёва на пятом этаже дома по проспекту Ленина. Обсуждения в квартире Киселёва, куда к назначенному времени собирались и авторы, и оппоненты, ни в чём и ничуть не уступали обсуждениям на совещаниях, а эмоционально превосходили их.

Сегодня на стене дома висит мраморная доска, сообщающая, что в нём жил Игорь Киселёв. А на первом этаже расположился магазин «Магнит». Что весьма символично: когда-то этот дом был магнитом для пишущей братии, потому что здесь жил один из лучших поэтов России, а через много лет, сегодня, этот дом снова стал магнитом. Для всех. В том числе и для тех, кто помнит, что в нём жил Игорь Киселёв, который когда-то написал эти потрясающие стихи:

Не знаю, отчего,
На вид обыкновенны,
У дома моего
Просвечивают стены.

Я долго строил дом,
Чтоб, не сломав традиций,
Тем домом, как щитом,
От всех отгородиться.

Как панцирь, как броню
Перед ветрами всеми,
В которой сохраню
Себя от потрясений.

Пророчу или лгу,
Смеюсь, буюню, плачу –
Я нежность и тоску
От глаз чужих упрячу!

Здесь судит мой закон
Неправого и злого.
Здесь не замкнут замком
Трепещущего слова!

И вот я у стола,
Один во всей Вселенной.
Но, словно из стекла,
Просвечивают стены!

И мир, прорезав тьму,
Ликуя и стеная,
Гремит в моём доме
За четырьмя стенами.

Тревогу затая,
Быль с выдумкой мешая,
Не знаю, где моя
Беда, а где – чужая.

Быть может, оттого,
Светлы и откровенны,
Просвечивают стены
У дома моего...

ЧЕЛОВЕЧИЩЕ

Валентин Васильевич Махалов – не просто поэт, прозаик, публицист. Несомненно, всё это в нём было с избытком. И во всех этих качествах – талантливый.

Но главное его качество – человечище. Человечище он был гигантский. Дело тут не в росте

и не в объёме грудной клетки, которые у Махалова тоже были вполне выше и больше среднего. Дело в широте души. Она у Махалова была беспредельная, бесшабашная, весёлая, яркая, красивая, русская.

А лучше всего о том, что это за такое, не укладываемое ни в какие рамки и «правильным людям» не очень понятное явление – Валентин Васильевич Махалов, говорят его собственные стихи, при чтении которых возникают комки в горле и влага в глазах:

*Состарюсь, но не повзрелею.
Не дописав последний стих,
Уйду в осеннюю аллею
Надежд несбывшихся своих.
И буду долго-долго слушать
В насторожённой тишине
Свою ребяческую душу,
Ещё звенящую во мне.
И вдруг в каком-то озаренье
Последним напряженьем сил
Пойму, что жизнь – одно мгновенье,
Которым я не дорожил.*

113

Это пронзительное, щемящее стихотворение приобретает трагический оттенок, когда знаешь, какими стали последние годы жизни Валентина Махалова. Взрослый ребёнок, баловень судьбы, в последние годы он страдал от тяжёлой болезни, с которой так и не смог справиться. Но в памяти тех, кто его знал, он, Человечище, живёт молодой, весёлый, красивый, такой же, как его бесшабашная русская душа.

ЧЕЛОВЕК С ТВЁРДОЙ ФАМИЛИЕЙ – РУДИН

Виль Григорьевич Рудин был талантлив многосторонне. И все грани его таланта великим трудом, неиссякаемой работоспособностью были доведены до совершенства. Впервые я увидел Рудина в ситуации, в которой даже предположить не мог, что когда-то буду с этим человеком состоять в одной писательской организации и он станет моим старшим товарищем. Во всех смыслах старшим: от возраста до опыта – писательского и житейского.

Время и место действия – середина семидесятых годов двадцатого столетия, Кемеровский государственный институт культуры, где я учился. В фойе висела афиша, на которой было написано, что в актовом зале состоится лекция о международном положении, лектор – Рудин

Виль Григорьевич, вход – свободный. В писательской организации в те времена я был знаком, в основном, с поэтами, да и то далеко не со всеми. О прозаике Виле Рудине слышал, но никак не думал, что писатель Рудин и лектор Рудин – один и тот же человек.

В тот день он больше был похож на артиста, чем на лектора или писателя. На сцену вышел стремительно. Вниманием аудитории завладел мгновенно. Вместе с ответами на вопросы, которые тогда задавали в записках, лекция заняла часа два. Время пролетело незаметно. И ни разу, как многие в подобных случаях, лектор не сказал: «Тише, товарищи, прекратите шум в зале, прошу внимания», потому что внимание и так было приковано к нему, блистательному оратору и совершенно очевидному знатоку раскрываемой темы.

Через бездну лет, когда мы были с Вилем Григорьевичем в одной организации и у нас сложились товарищеские отношения, я напомнил ему об этой давней лекции и спросил, каким образом он смог ответить на все вопросы (а их было несколько десятков) нескомканно, развёрнуто, полноценно?

«Я же к каждому мероприятию готовлюсь, – ответил Рудин, – погружаюсь в тему, изучаю, стараюсь узнать всё, что прежде мне было неизвестно».

Он и книги так писал: погружался в тему, изучал её, для чего не только работал в архивах, но ездил в командировки, в том числе и за границу, начинал чувствовать себя в теме, как рыба в воде. И после этого приступал к созданию художественного текста. Думается, именно так и написаны его лучшие книги, имеющие яркие, звучные, запоминающиеся названия: «День Икс», «Зажми сердце в кулак», «Пять допросов перед отпуском», «Тропа над пропастью», «Между вчера и завтра».

Сделал эти книги человек, обладающий литературным и ораторским даром, сильным характером, прочной жизненной позицией и твёрдой фамилией – Рудин.

ЕГО НЕ ЖДАЛИ, А ОН ПРИШЁЛ И СКАЗАЛ

Владимир Тимофеевич Поташов – поэт трагической судьбы. Трагических судеб в отечественной литературе немало. Все трагедии имеют как общие, так и сугубо индивидуальные черты. Общие – отсутствие возможности передать людям свой дар в полном объёме. Индивидуаль-

ные – причины этой невозможности: смерть поэтов в ежовских застенках (Павел Васильев, Борис Корнилов), гибель на войне (Павел Коган, Михаил Кульчицкий), смерть в расцвете таланта и славы от беспредельной хрущёвской тупости (Борис Пастернак).

Но все эти поэты успели взять от жизни много. Особенно Пастернак. Его прижизненная слава была невероятна, его любил Сталин. Корнилов и Васильев в тридцатые годы были знаменитыми советскими поэтами, публиковавшимися в лучших всесоюзных журналах и газетах. Даже совсем юные Кульчицкий и Коган, по возрасту сопоставимые с нашими Буравлёвым и Небогатовым, перед войной успели почувствовать себя настоящими поэтами, которых ждёт большое будущее, поскольку учились в Литинституте имени Горького, в семинаре Ильи Сельвинского.

А есть поэты, которых как бы изначально никто, ничто, нигде не ждёт. И никакое будущее им не светит. Трагедии этих поэтов куда огромнее и страшнее, чем трагедии названных выше. Главная особенность трагедии поэтов, которых «не ждут», – ощущение наличия в себе двух взаимоисключающих вещей – сильного поэтического дара и подавляющей безысходности, сквозь которую этому дару невозможно пробиться.

Невозможно. Но Поташов пробился. Хотя этого и не ждали. Да и кому было ждать? Родился в 1941 году, в Пскове, отец погиб на Великой Отечественной войне. Володя с матерью оказался в фашистском концлагере. После войны мать погибла в автокатастрофе. Детство – в детском доме. Затем – ремесленное училище в Ленинграде, служба на Северном флоте, работа грузчиком, электриком, бригадиром монтеров связи, начальником радиостанции, и... опять «не ждали», точнее ждали, но не там, где надо бы, а в местах, как определяет их адрес народное словосочетание, не столь отдалённых.

Выйдя из этих мест, оказался в Кемерове. И вроде бы вот оно – ждут: в 1972 году на Совещании молодых литераторов признали поэтом. И констатировали: книга почти готова. Но она не вышла.

А Поташов продолжал писать стихи и хранил их, как Велимир Хлебников, в наволочке.

Следующее, не знаю, какое по счёту, признание, Поташов получил на Совещании молодых литераторов Кузбасса в 1979 году. Это я хорошо знаю и помню. Потому что и моя рукопись рассматривалась на этом совещании. Руководил

поэтическим семинаром совещания Игорь Киселёв. Положительный отзыв семинара получили рукописи Владимира Поташова, Валерия Ковшова, Игоря Гурьянова и моя.

Это общее признание сдружило меня со всеми, кого перечислил выше. С Гурьяновым я общался, с Ковшовым очень плотно общался, с Поташовым переписывался до тех пор, пока не пришла от его друга Бориса Смердина телеграмма: «Умер Поташов» и дата похорон. Естественно, я собрался и поехал.

И всё же Поташов пробился. После смерти. Но пробился.

Его книга «По небу птичья клинопись» вышла в 1981 году. И сразу же вывела Поташова в первый ряд русской поэзии, где сегодня стоят имена Николая Рубцова, Алексея Прасолова, Аркадия Кутилова и других, которых тоже не ждали. Но они пришли и сказали. Чисто, светло, сильно, пронзительно, незабываемо, как у Поташова:

*По небу птичья клинопись,
Земля с теплом расталася.
Все птицы к югу двинулись,
Немногие остались.*

*И с ними сад заохренный
И дождик этот редкий...
И вот сидит нахохленный
Воробышек на ветке.*

*И холода не пройдены...
И косточки б погреть...
И некуда от родины
Единственной лететь.*

МОЙ ДРУГ, ТОВАРИЩ, БРАТ – ВАЛЕРА

Валерий Фёдорович Зубарев. Валера. Мой товарищ, друг, брат, с которым мы долго шли по жизни вместе. До тех пор, когда он ушёл из неё, а я остался. И не могу говорить дежурными словами о его значении, величии, месте в литературе. Хотя, несомненно, всё это есть – и значение, и величие, и только ему одному принадлежащее место. Талантлив он был безгранично и во многом. Конечно, прежде всего в стихах. Но была у его таланта ещё одна грань, переходящая в гениальность, – он был гений общения. Он умел так слушать и так говорить, что всё сказанное нами друг другу в бесконечных беседах приобретало гигантский смысл. И этот смысл не улету-

чивался со временем, а как бы превращался в смысл жизни, помогал жить.

Валера на десять лет старше меня. Но мы уже давно воспринимали друг друга как ровесники. Это лет в 20–30 разница в десять лет кажется большой. А в 40–50, в 50–60 и старше она почти не ощущается.

Знаком с Валерой с семидесятых годов. А с 1993 года работал с ним в одном кабинете. В 2003 году вместе перешли в другой кабинет. И в старом кабинете, и в новом сидели друг против друга. Мне казалось, что мы срослись лбами и мыслями. Я понимал его с полуслова. С полувзгляда. Он меня – тоже. Один из нас только открывал рот, другой уже отвечал на ещё не заданный вопрос.

А сколько было прочитано стихотворений – и своих, и других поэтов – во время нашего двадцатилетнего сидения друг против друга – сказать невозможно. До сих пор стоят в памяти лучшие стихи Валеры, наполненные особым, ни с кем и ни с чем не сравнимым, зубаревским смыслом:

*В следах
от бельевой верёвки,
с автографами на коре,
на положении
сиротки
стоит берёза
во дворе.*

*И встрепенёшься потрясённо,
когда она
в пустую высь
вдруг птицу выбросит
из кроны,
как редкую
живую мысль.*

Страшно, когда ампутируют руку или ногу. И страшно, когда смерть ампутирует товарища-друга-брата.

ЛЮБУШКА

Любовь Алексеевна Никонова – гениальная русская поэтесса, имя которой достойно стоять в одном ряду с такими женскими именами русской поэзии, как Анна Ахматова, Марина Цветаева, Белла Ахмадулина, Юнна Мориц. Никто не смог так пронзительно выразить суть девяностых годов двадцатого столетия и с таким состраданием показать трагедию, случившуюся с нашим на-

родом в те годы, как это сделала Любовь Никонова в стихотворении «Прощание с 90-ми»:

*Раскололась огромная льдина.
Мы плывём на отдельных обломках.
Вот великой реки середина –
Здесь мы вспомним о наших потомках.*

*Здесь решится судьба не прибывших,
Не зачатых ещё, не готовых,
Наших будущих маленьких нищих,
Наших русских, по-своему новых.*

*Между тем стопроцентное зреньё
Наблюдает за этим исходом –
И, не веря себе, в отдаленье
Видит нимб над плывущим народом...*

Возможно, будучи не в силах удерживать в себе свой гигантский дар, Любовь Никонова дарила его всем, кого встречала на своём пути. Дарила не только стихами, но уроками мастерства, которым делилась, прежде всего с молодыми. Наверное, именно для того, чтобы дарить свой дар, она создавала различные литературные студии и объединения, в том числе такие, как «Фесковские литераторы», «Зёрнышко», «Созвездие лиры», «Берег». И многие из её воспитанников стали лауреатами и дипломантами всероссийских, областных, городских конкурсов, авторами публикаций, книг. А также Любовь Алексеевна долгое время руководила новокузнецким городским литературным объединением «Гренада», занятия которого в давние годы, когда была молодым литератором, посещала сама.

Всё у Любы было, как должно быть у большой русской поэтессы: гениальные стихи, постоянная занятость общественными делами и полное отсутствие личной жизни. У кого случается присутствие личной жизни, те оставляют детей. Иногда – талантливых. Любушка оставила потрясающие стихи.

ОН НЕ СТАНЕТ ДЛЯ РОДИНЫ ГРУЗОМ

Виталий Артемьевич Крёков – поэт, о чьём творчестве невозможно сказать в двух словах. И сколько их ни скажи, какие эпитеты ни примени – всё будет мало. Потому что его стихи – светлые, чистые, высокие, глубокие, пронзительные, ясные, милые, умные, мудрые, гениальные. Здесь десять эпитетов. А можно было и продолжить.

И были бы они не лишними в характеристике замечательных качеств крёковской поэзии. Но ограничимся и расскажем об одном эпизоде из биографии поэта.

В начале девяностых у Крёкова была большая – на целую полосу – публикация в легендарной газете Александра Проханова «День» (с 1993 года вместо неё издаётся газета «Завтра») с небольшим вступительным словом выдающегося русского литературоведа и историка Вадима Кожинова. «День» и «Завтра» – издания очень политизированные. Крёков – лирик в чистейшем виде, ничего общего ни с какой политикой не имеющий, к тому же на то время в Москве почти неизвестный. И, несмотря на это, политизированный «День», издававшийся гигантским тиражом, публикует целую полосу стихотворений живущего в провинции малоизвестного поэта.

Понятно, что публикация могла произойти благодаря огромному авторитету Кожинова, но Проханов и сам писатель, обладающий безупречным вкусом. Публикация, одобренная двумя выдающимися деятелями отечественной литературы, – дополнительное свидетельство того, что произведения нашего земляка заслуживают постоянного читательского внимания. Именно поэтому в альманахе «Университет Культуры», где я – главный редактор, в номере за 2015 год, опубликована проза, а за 2016 год – почти весь свод стихотворений Виталия Крёкова (с 1967 по 2003 гг.) и повесть «Артемий Чудов».

Поэт, пишущий прозу, – особое явление в литературе. И эта особенность многократно усиливается, когда речь заходит о таком глубоком, самобытном, ни на кого не похожем явлении, как Крёков. Совсем недавно, в сентябре 2016 года, он ушёл из жизни, но успел порадоваться своей публикации в альманахе. А радоваться было чему. Не только автору, но и читателям. Крёков предложил альманаху полные, несокращённые варианты своих произведений. И альманах их напечатал, первый и наверняка, если не навсегда, то надолго, единственный из литературных изданий. Проза Виталия Крёкова по-своему прекрасна и притягательна. Как его лучшие стихи:

*Если станет с деньгами получше,
Не в Москву, не в Париж и Берлин,
Я уеду скорее в Урумчи.
Загляну к русской Нине в Инин.*

Может, там отмеряют полозья
Санний путь за потаем потай.
Там, в суровом полынном межзвёздье,
В такт Вселенной вздыхает Китай.

Я не стану для Родины грузом.
Я не буду вымаливать мзду,
Но, как женщину, русскую музу
От разбойных людей увезу.

Будут плыть облака, будут ветры
Тополя серебристые сечь.
В лунных сумерках яшмовой флейтой
Будет слышаться русская речь.

Оглянусь я на дали и шири:
Не возьмёшь Томь блестящую впрок,
Что течёт в притаёжной Сибири,
Где шахтёрский стоит городок.

Богатеи там есть, ну их в баню.
Там поэтов, что в поле травы.
Там построил мужик на «тайване»
Колокольню в четыре трубы.

Там разрезы, там шахты и штольни.
А горняк только славою сыт.
За копейки из преисподней
Выдаёт на-гора антрацит.

И всегда время подлое в силе.
Горький плач там и скрежет зубов.
Помню день: из домов выносили
Враз шестнадцать шахтёрских гробов.

Резанул мужиков взрыв кинжальный.
От железа осталась труха.
И на лицах погибших лежали,
Как на ликах святых, воздуха.

Что за мною: судьба ли, судьбина?
Только крест свой несущий не один.
Ты жена – дочь шахтёрская, Нина.
Даст нам Бог, доберёмся в Инин.

Небеса сеют снежной порошей.
Вот Берёзовский город возник.
Ты со мною, кулёма-матрёша,
Ненаглядный мой снеговик.

Николай НИЧИК

НЕ СТЫДНО ВЕТЕРАНАМ РАССКАЗЫВАТЬ О ПРОШЛОМ

2017 год в регионе объявлен Годом 70-летия шахтёрского праздника и 300-летия открытия угля в Кузбассе.

В этой публикации хочу остановиться на недавно изданной Фондом «Шахтёрская память» имени В. П. Романова очередной книге «Орденосные шахтёрские коллективы Кузбасса». Без преувеличения можно сказать, что это ценная и дорогая летопись жизни и становления 23 горняцких предприятий и организаций Кемеровской области, которые за годы своего существования добились выдающихся показателей как промышленной добычи угля, так и в шахтостроительной и научной деятельности. За эти достижения их труд был отмечен высокими государственными наградами Советского Союза.

Вышеназванное издание – не первая книга Фонда. За годы работы этой общественной организации увидели свет десятки уникальных книг, которые по художественному качеству опубликованных материалов, полиграфическому исполнению не уступают печатной продукции многих столичных издательств. По этим сборникам можно изучать историю зарождения угольной промышленности не только на региональном уровне, но и в масштабе всей страны. Впервые в истории отрасли именно у нас появился уникальный пятитомник «Директорский корпус Кузбасса», где рассказано о всех руководителях угольных предприятий региона, которые в разное время работали здесь. Конечно, у каждого директора был свой профессиональный уровень, стиль работы. Не всегда и не на всех шахтах в силу разных объективных и субъективных причин выполнялись планы добычи угля, вовремя вводились в эксплуатацию объекты соцкультбыта. Но для всех этих руководителей в то время характерным было стремление не останавливаться на месте. Именно о таких новаторах производства, как М. Найдов, В. Романов, В. Ерпылёв, В. Ялевский, Фондом «Шахтёрская память» изданы книги.

Заслуживают внимания солидные выпуски: «Шахтостроители Кузнецкого угольного бассейна», «Шахтёрские бригады», многотомник серии «Большие судьбы России», десять «Книг Памяти погибших шахтёров Кузбасса», «Художники Кузбасса о шахтёрах», «Шахтёрская доля такая... (Стихотворения о шахтёрах)», «Православные святыни в память о шахтёрах»...

У меня все эти издания хранятся в домашней библиотеке. В свободное от основной работы время снимаю с полки эти книги, в который раз перечитываю почти выученные наизусть отдельные страницы. Тогда вспоминаю отработанное в шахте то время, когда было всё: и романтическое увлечение профессией, и недовольство работой отдельных начальников, и шахтёрские выступления «жарким» июлем 1989 года, и рабочее движение, и развал, и беспредел в угольной промышленности, и прочее. Но наряду с этим никогда не забываю тех своих товарищей, кто погиб в забое.

В который раз перелистываю книгу-альбом «Душа услышит». Она также посвящена памяти погибших кузбасских горняков и выпущена Фондом по предложению А. Г. Тулеева и благословению пресвященнейшего Аристарха, митрополита Кемеровского и Прокопьевского. Просматриваю страницы издания – наворачиваются слёзы...

Увековечивая память горняков, жизнь которых трагически оборвалась в расцвете сил, невольно задумываешься: а почему это произошло? Можно ли было избежать взрыва? Сейчас в регионе много делается, чтобы предотвратить трагедии. Но всё же они происходят. И это болью отзывается в сердцах не только кузбассовцев, но и всей нашей страны.

Вот вижу страницу, где изображена икона Божией Матери «Покров над землёй Кузнецкой», освящённая в 2007 году. Нам известно, что авторы произведения – настоятель храма иконы Иверской Божией Матери иерей Владимир Бородин и новокузнецкий художник Леонид Ключников – за основу взяли исторический факт открытия в 1851 году двух угледобывающих шахт: «Николаевской» и «Покровской». В идее создания иконы принимали участие кузбасские писатели.

Замечательные кузбасские фотохудожники Юрий и Дмитрий Сергеевы знакомят нас с храмами, часовнями, церквями всех девяти региональных городов, где существует угольная промышленность и где, к сожалению, не обошлось без трагических жертв в шахтах...

Вот, например, запечатлены моменты пребывания на Кузнецкой земле известных в стране и дале-

ко за её пределами прославленных людей. Всем известно, что в Кемеровской области побывал Его Святейшество Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Им был освящён камень в основании часовни иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость». Он также запечатлён на нескольких снимках во время участия в крестном ходе Никольской церкви у Знаменского собора.

А как не вспомнить приезд к нам всемирно известного скульптора Эрнста Неизвестного и открытие на Красной горке областного центра его монумента, посвящённого кузбасским шахтёрам. На семиметровом бронзовом изваянии – в фигуре горняка с горящим сердцем видим лицо-маску скорби по погибшим в шахте своим товарищам. Эта работа скульптора как бы очеловечивает мифический образ героя, который сравним с неизвестным шахтёрским ангелом.

На Аллее Славы в городе Осинники буквально за три месяца была построена часовня Покрова Божией Матери.

Двенадцать лет тому назад в Новокузнецке в память о тех, кто не вернулся из забоя, возвели часовню «Утоли мои печали». Названа она была в честь иконы пресвятой Богородицы. Позднее, в 2012 году, здесь также открыт храм Рождества Христова в память о 67 шахтёрах, погибших 2 декабря 1997 года на шахте «Зырянская». А через год в рамках празднования Дня шахтёра в Новокузнецке, рядом с собором, появился сквер святой Варвары – небесной покровительницы работников угольной отрасли.

Хочется также напомнить читателям и ещё об одном дорогом для горняков издании – альбоме «Шахтёрская палитра». Здесь представлено творчество 17 кузбасских художников. Ценители этого вида творчества по достоинству оценили 160 произведений декоративно-прикладного искусства, графики, скульптуры, живописи.

Надо отметить, что в каждом из девяти шахтёрских городов Кузбасса есть горняцкие коллективы, отмеченные высокими государственными наградами. Больше всего (7 предприятий) – в Прокопьевске. По три – в Новокузнецке, Кемерово, Ленинске-Кузнецком. По два коллектива имеют награды в Белове и Междуреченске. В числе поощрённых также Киселёвск, Осинники, Анжеро-Судженск.

Как отмечает в предисловии ответственный за выпуск, редактор-консультант М. И. Найдов, последнее награждение угольного предприятия состоялось 30 лет тому назад. И это печально. Ведь не стояла на месте угольная промышленность.

Несмотря на развал страны, разного рода катаклизмы, когда под предлогом нерентабельности предприятий шло массовое их закрытие. Кузбасс с каждым годом наращивал добычу. В 2016 году планировалось выдать на-гора 217 миллионов тонн чёрного золота, а добыли 227,4 миллиона тонн. Разве это не показатель, на который надо равняться и другим отраслям промышленности страны?! Но обидно другое: пришедшие на угольные предприятия молодые менеджеры новой формации, как отмечает М. И. Найдов, умалчивают о достижениях своих предшественников, стыдятся говорить на собраниях о коллективной награде.

Просто вопиющий случай произошёл на шахте имени Ленина, где руководство приказало сорвать вывеску, которая гласила, что более 30 лет тому назад этому горняцкому коллективу было присвоено почётное звание «Предприятие высокой культуры производства» и что оно награждено орденом В. И. Ленина.

Не на всех шахтах сохранились государственные награды. Обидно в книге читать: «Место хранения ордена Ленина, вручённого тресту «Прокопьевскшахтострой», неизвестно». Орден Трудового Красного Знамени шахты «Нагорная» безвозвратно утерян при закрытии этого предприятия. Такая же участь постигла и шахту «Пионерка».

Как известно, интенсивное развитие угледобычи в Кузбассе началось на стыке XIX–XX веков, хотя первые залежи чёрного золота были обнаружены еще 300 лет тому назад. Строительство первых шахт началось в бассейне нынешнего Анжеро-Судженска. Сто лет тому назад там функционировали только четыре шахты, и каждая в среднем ежегодно выдавала на-гора чуть более 200 тысяч тонн. Это место строительства было выбрано случайно – здесь пролегла знаменитая Транссибирская магистраль.

Советская власть, как известно, национализировала все частные шахты. Необходима была новая управленческая структура. После многочисленных организационных перетасовок, которые проходили не так уж и гладко, в 1936 году на правительственном уровне приняли постановление образовать комбинат «Кузбассуголь». Сюда вошли все угледобывающие предприятия региона. Он, по сути, к началу Великой Отечественной войны по значимости был вторым угольным бассейном СССР после Донбасса. Нарастивалась добыча, велось строительство новых шахт, ширилось стахановское движение. И как тут не вспомнить бригадира прокопьевской шахты «З-З-бис» Ивана Борисова, который вызвал

на соревнование донбасского рекордсмена угледобычи Алексея Стаханова и... победил его! Вместо плановых 17 тонн выдал за смену 778 тонн угля. Это более чем в три раза выше рекорда Стаханова. И. А. Борисову, первому в Кузбассе шахтёру, был вручён орден Ленина.

Начало Великой Отечественной войны внесло коррективы в угольную промышленность Кузбасса. Наступила необходимость наращивания угледобычи, так как Донбасс оказался захвачен фашистами. В 1941 году было добыто почти 25 миллионов тонн угля, что значительно превысило план предвоенного периода. И с небольшим перерывом этот показатель держался до Великой Победы. Трудности возникали с кадрами. Мужчины ушли на фронт. В большинстве случаев их места в забоях заняли старики, женщины и дети. Но, несмотря на это, на предприятиях угольного комбината развивались разного рода соревнования. Появились, например, «двухсотники». Это те рекордсмены, кто в смену давал по две нормы. Затем их сменили те передовики, кто перешагнул 500–600-процентный и более показатель. В книге приводятся примеры о том, что в отдельные сме-

ны план перевыполнялся и в... 10 раз! Таких передовиков называли «тысячниками».

Без героического вклада тружеников тыла невозможна была победа над врагом. На шахтах в годы войны отличились женщины, которые за короткое время освоили многие инженерно-технические профессии и заменили ушедших на фронт отцов, мужей и братьев. Они руководили бригадами горняков. А Мария Косогорова всю войну возглавляла шахту «Зиминка», которая в 1942 году стала лучшим угледобывающим предприятием СССР, три раза завоевывала переходящее знамя Государственного Комитета Оборона страны. Оно оставлено на вечное хранение шахте. Читателю также будет интересно познакомиться с историей становления и развития треста «Прокопьевскшахтострой», Прокопьевского завода шахтной автоматики и «Анжеромаша», научно-исследовательского проектно-конструкторского угольного института (КузНИУН), которые принимали непосредственное участие в строительстве и реконструкции многих шахт. Их труд был отмечен правительственными наградами.

Новокузнецк, 2017

Диана БАЛИБАЛОВА,
профессор, кандидат экономических наук,
Санкт-Петербургский гуманитарный
университет профсоюзов

ПРАЗДНОВАНИЕ ПЕРВОГО ДНЯ ШАХТЁРА В КУЗБАССЕ

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 сентября 1947 года был установлен ежегодный праздник – День шахтёра, который должен отмечаться в последнее воскресенье августа.

Почему именно шахтёрам было отдано предпочтение? До этого в стране отмечался лишь один профессиональный праздник – День железнодорожника.

Представляется, что было несколько причин, которые требовали в первую очередь стимулировать шахтёрский труд, введя в действие все возможные в то время моральные и материальные стимулы. «Уголь – это хлеб промышленности!» – таков был лозунг в годы первых пятилеток, когда проводилась индустриализация страны. После Великой Отечественной войны многие заводы, расположенные в европейской части страны, были разрушены. Шахты Донбасса были взорваны, полностью восстановить их удалось лишь к 1950 году. Уголь требовался не только для промышленности. В то время его требовал и железнодорожный транспорт, который был на паровозной тяге, электровозов тогда ещё не было.

Наряду с внутренними причинами существовали и внешние: холодная война могла перерасти в «горячую». Рассекреченные архивы министерства обороны США говорят о планах нанести бомбовые удары в 1950 году по 20 крупным промышленным городам Советского Союза, используя монопольное обладание атомным оружием. Советскому Союзу нужно было срочно создавать свой атомный щит. И это делалось, несмотря на невероятные трудности. В 1948 году был отменён даже выходной 9 мая, когда отмечался день Победы.

В день, когда был принят Указ о праздновании Дня шахтёра, в областной газете «Кузбасс» началась публикация материалов выездной сессии горно-

геологического института Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР. Она была посвящена обсуждению проблем освоения и развития Томь-Усинского угольного месторождения – «второй жемчужины Кузбасса».

В июле 1947 года Совет министров СССР принял решение о разработке комплексного проекта освоения и развития Томь-Усинского угольного района. Западно-Сибирский филиал АН СССР совместно с Министерством угольной промышленности Восточных районов СССР обобщили материалы исследователей, дали экономическую оценку и разработали основные пути развития района.

Выездная сессия, которая проходила в Кемерово 4–6 сентября 1947 года, сыграла огромную роль в деле дальнейшего развития и Кузбасса и Кемерово. В её работе принимали участие видные ученые – цвет горно-геологической науки: директор горно-геологического института, профессор, доктор наук, лауреат Сталинской премии Н. А. Чинакал; крупнейший геолог Сибири, профессор, доктор наук М. М. Коровин; зам. председателя Западно-Сибирского филиала АН СССР П. Т. Логвиненко; заслуженный деятель науки, профессор, доктор наук, директор химико-металлургического института П. Г. Рубин; профессора П. Т. Приходько и Д. А. Стрельников, а также заместитель министра черной металлургии Г. Г. Воднев.

В ней участвовал сподвижник легендарного геолога Л. А. Лутугина – профессор В. Н. Яворский. Их группа ещё в 1914 году проводила исследование углей Кемеровского рудника.

Кузбасс представляли: первый секретарь областного комитета ВКП(б) Е. Ф. Колышев, а также «научные работники, руководители НИИ, инженеры и техники: Мучник, Григорьев, Пермитина, Принцев, Томленович, Савкин, Заранкин, Сухенко, Молчанов, Леонтьев, Меркулов, Трофимов, Каминский, Филиппов, Логунов, Кривобок, Зобнин, Попов и др.» (см. «Кузбасс». 5.09.1947).

В ходе работы сессии выяснилось, что срочного решения требуют три вопроса: исследования качества углей, строительства нового города Междуреченска и, главное, подготовки квалифицированных кадров.

По последнему вопросу развернулась дискуссия. Декан горного факультета Томского политехнического института профессор Стрельников предложил увеличить набор студентов на свой факультет до 300 человек. Кузбассовцы же настаивали на открытии горного института у себя. Их поддержал известный геолог, доктор наук, профессор Коровин. В принятой резолюции сессии было рекомендовано

открыть горный институт в Кемерове, перебазировать туда горный факультет из Томского политехнического. Это решение было реализовано осенью 1950 года.

Мой отец И. А. Балибалов, будучи заведующим угольным отделом областной газеты «Кузбасс», активно участвовал в подготовке к празднованию Дня шахтёра. С января 1948 года «Кузбасс» ввёл постоянную рубрику «Доска почёта передовиков угледобычи». Первым в этой рубрике был дан портрет знатного мастера шахты «Центральная» треста «Кемеровоуголь» Егора Бурлова. Отец хорошо знал его, неоднократно писал о нём, в нашем домашнем архиве долгие годы хранился его фотопортрет – красивое русское лицо, волнистые волосы, прямой взгляд.

Вот что пишет отец в своей книге «Кемерово»: «Достойным преемником мастеров отбойного молотка первых пятилеток стал Егор Бурлов. Трудовой путь свой он начал на шахте «Центральная» лесодоставщиком. Прежде чем освоить профессию проходчика, ему пришлось вначале поучиться грамоте. В школе мастеров социалистического труда он прилежно изучал основы горного дела, методы и приемы работы новаторов. Накопив опыт, Бурлов предложил свой способ скоростной проходки на газоносных пластах. Сущность этого метода заключалась в том, что в сложных горно-геологических условиях он вел проходку одновременно в двух забоях.

Выступив инициатором социалистического соревнования за досрочное выполнение первой послевоенной пятилетки, Егор Бурлов выполнил свое задание по проходке горных выработок за 2,5 года.

Родина высоко оценила самоотверженный труд кемеровского новатора угледобычи. В числе первых шахтеров Кузбасса Егор Афанасьевич Бурлов был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

7 мая 1948 года третья страница газеты «Кузбасс» дана под «шапкой»: «Чем мы встретим День шахтёра». В редакционной статье говорится: «29 августа в нашей стране будет впервые праздноваться День шахтёра. Это большой, светлый праздник всего советского народа. В этот день многие сотни самых достойных шахтёров Кузбасса получают высокие правительственные награды за свой доблестный труд на благо Родины...» В «подвале» – статья под названием «Шахтёрская честь» о собрании на шахте «Комсомолец», где были приняты обязательства коллектива ко Дню шахтёра: выполнить годовой план, чтобы досрочно завершить третий год пятилетки; выполнить годовой план строительства жилья к 1 июля 1948 года; благоустроить посёлок, посадив не менее 4 тысяч деревьев, у каждого дома сделать цветник. Вскоре подобные обязательства были приняты на многих предприятиях Кузбасса. В газете вводится специальная рубрика

«Соревнование в честь Дня шахтёра под общей «шапкой»: «За пятилетку в четыре года». В конце мая в Кузбасс приезжает делегация шахтёров из города Кизел по вопросу соревнования трестов «Кемеровоуголь» и «Молотовуголь». С Донбассом соревнование было давно налажено.

Новой формой распространения передового опыта и научно-технической пропаганды стали «Стахановские четверги газеты «Кузбасс», которые стали проводиться с июня 1948 года. В первом объявлении об этом было сказано, что на встрече с шахтёрами Кемеровского рудника выступит забойщик шахты «Центральная» Егор Бурлов «...с беседой «Мой метод проходки мелкой нарезки». В организации встречи также принимали участие Рудничный райком ВКП(б), трест «Кемеровоуголь» и Рудничный профсоюз угольщиков. На «стахановский четверг» приглашались проходчики и забойщики, инженерно-технические работники треста «Кемеровоуголь». Проводился он в клубе шахты «Центральная» 10 июня с 19:00. Газета «Кузбасс» уже 12 июня опубликовала текст выступления и фотографии.

Следующий «четверг» состоялся 17 июня в клубе шахты «Северная», где с лекцией «Мой метод работы в шитовом забое» выступил Иван Потапкин – забойщик шахты «Северная». Затем «стахановские четверги» были проведены в Ленинске-Кузнецком, Прокопьевске, Сталинске (Новокузнецке), Анжеро-Судженске и других городах Кузбасса. Всего было организовано 11 встреч, из них 6 – с шахтёрами, 3 – с железнодорожниками (ко Дню железнодорожника, который отмечался в начале августа ещё с довоенных лет), по одной встрече было проведено с металлургами и строителями.

16 июля «Кузбасс» публикует материалы совещания на шахте «Центральная» под заголовком «Мобилизуем все творческие силы горняков на выполнение годовых обязательств ко Дню шахтера», там же дан перечень рационализаторских предложений шахтёров.

В газету «Кузбасс» обратились горняки шахты «Ягуновской» с просьбой о встрече с бригадиром буровой бригады шахты им. Ворошилова Андреем Тарасенко. Они просили его поделиться опытом работы. Отчёт об этой встрече написал отец под названием «Школа шахтёрского мастерства», он был опубликован 8 августа 1948 года.

К празднику шахтёров готовились не только горняки. Благоустроивался и город Кемерово. Именно тогда был сооружен кирпичный парапет вдоль левого берега Томи, с цветочными вазонами и металлической лестницей, спускающейся к воде. До этого вдоль крутого берега шла узкая тропинка, а поодаль росли в два ряда тополя. На месте асфальтированной дороги была бульжная мостовая, по которой

проезжали редкие грузовики и упряжки лошадей, а вечером брели из стада коровы.

К празднику побелили и иллюминировали некоторые здания. Я помню, как мы, дети, бегали смотреть на здание комбината «Кемеровоуголь». Оно, как белый корабль, возвышалось над морем небольших деревянных домиков с огородами и казалось таким значительным.

Были подведены итоги конкурса проектов застройки центра города, который объявлял Комитет по делам архитектуры при Совете Министров СССР. Из четырёх представленных проектов победителем был признан проект, разработанный Гипрогором. На реализацию проекта отводилось 3-4 года. И действительно, центр города стал быстро застраиваться. Из окон нашей квартиры, с 5-го этажа, было хорошо видно обустройство площади Пушкина.

В 1949 году в ознаменование 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина было принято решение назвать площадь на Притомском участке именем поэта. На небольшом бульварчике был заложен памятник и установлен его бюст. Вскоре рядом был разбит сквер, в центре которого был установлен монумент – шахтёр с отбойным молотком на плече. (В 1960-е годы на месте сквера было выстроено здание Гипрошахт.)

Одновременно с Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об установлении ежегодного праздника «День шахтёра» были приняты и другие документы, направленные на повышение статуса горняков. Так, постановлением Совета министров СССР устанавливалось звание «Почётный шахтёр». Оно присваивалось за многолетний добросовестный труд и достижение высоких производственных показателей рабочим, горным мастерам, начальникам, механикам подземных участков, их заместителям и помощникам действующих и строящихся угольных (сланцевых) шахт и горных участков разрезов при стаже работ не менее 15 лет, а рабочим ведущих профессий (горнорабочим очистного забоя, проходчикам, забойщикам, машинистам горных выемочных машин) – не менее 10 лет и в разрезах при стаже работ не менее 20 лет.

Работникам, награжденным званием «Почётный шахтёр», вручался нагрудный знак и почётный шахтёрский костюм, в трудовую книжку вносилась соответствующая запись с указанием даты и номера приказа о присвоении звания. Организациям рекомендовалось при наличии собственных денежных средств вручать ценный подарок или денежную премию, устанавливать надбавку к пенсии, применять другие виды материального поощрения.

Указом Президиума Верховного Совета СССР вводились персональные звания для руководящих и инженерно-технических работников угольной промышленности. Например, для высшего руководя-

щего состава вводились звания: «Генеральный директор угольной промышленности» и «Горный генеральный директор 1, 2-го и 3-го ранга»; для среднего инженерно-технического состава – «Горный инженер 1, 2-го и 3-го ранга», а также «Горный техник 1, 2-го и 3-го ранга. Для младшего технического состава были введены звания: «младший горный техник», «старший горный мастер», «горный мастер 1-го и 2-го класса», «бригадир (подземных бригад)».

Лица, имеющие персональные звания, награждались орденами и медалями за выслугу лет и безупречную работу.

Рабочие и горные мастера, проработавшие в лавах и забоях 5 лет, награждались медалью «За трудовое отличие», проработавшие 10 лет – медалью «За трудовую доблесть», 15 лет – орденом Трудового Красного Знамени, 20 лет – орденом Ленина.

Для остальных категорий работников угольной промышленности для получения вышеуказанных наград продолжительность работы увеличивалась на 5 лет по каждому виду награды. (См. Указ Президиума ВС СССР от 10.09.1947 «О награждении орденами и медалями подземных рабочих, горных мастеров, руководителей и ИТР угольной промышленности и строительства угольных шахт за выслугу лет и безупречную работу».)

Накануне Дня шахтёра состоялись новоселья почётных шахтёров, в тот год началось массовое строительство индивидуальных домов в городе. Этому способствовало решение правительства о выдаче долгосрочных кредитов гражданам на строительство жилья. Почётным шахтёрам дома строили за государственный счёт.

Ко Дню шахтёра в Кузбассе была подготовлена большая культурная программа. Газета «Кузбасс» отмечала, что города Кузбасса посетили: Московский театр сатиры, Ансамбль народного танца СССР Игоря Моисеева, Русский народный хор под руководством Свешникова, Воронежский народный хор, джаз-оркестр под управлением Дм. Покрасс, Ленинградский ансамбль гуслей, мастер художественного слова Балашов и другие артисты.

От Союза писателей СССР приезжала бригада в составе трёх человек. Одного из них – Михаила Александровича Никитина я запомнила, он бывал у нас, они с отцом подолгу говорили о литературе. В нашем архиве были фотографии его и папы, сделанные кем-то из журналистов на нашем балконе. Отец говорил, что Никитин интересовался Кузбассом. Когда в 1949 году вышел первый номер альманаха «Сталинский Кузбасс», в нём была опубликована большая статья Никитина «В долинах Мрасс-су». В 1954-м он опубликовал там же повесть об истории создания Копикуза и Кемеровского коксохимического завода. Писатели встречались с горняками

шахты «Пионер», комсомольцами и молодёжью азотно-тукового завода и строительного училища.

С писателями и артистами проводились многояудные встречи на предприятиях, шахтах. Так, в клубе АТЗ 400 комсомольцев встречались с писателями и артистами-комсомольцами из Ансамбля народного танца СССР. На этой встрече от кузбассовцев выступили секретарь обкома ВЛКСМ Троицкий (будущий редактор газеты «Кузбасс»), секретарь Заводского райкома комсомола В. Дрыгина (Шокель).

29 августа в помещении Госцирка редакция газеты «Кузбасс» и Кемеровское областное концертно-эстрадное бюро организовали встречу коллектива Государственного ансамбля танца СССР с шахтёрами Кемеровского рудника.

На праздник к шахтёрам приезжали и мастера спорта – чемпионы страны по гимнастике, тяжёлой атлетике (мировой рекордсмен по штанге), которые принимали участие в праздничных соревнованиях на стадионе «Угольщик».

28 августа 1948 года в кинотеатре «Москва» состоялось общегородское торжественное собрание с участием передовых людей Кемеровского рудника, посвящённое празднованию Дня шахтёра. С докладом о первом горнячком празднике выступил секретарь обкома партии тов. Гусев.

В праздничный день, 29 августа на первой странице газеты «Кузбасс» под заголовком «Принимай, Родина, дары Сталинского Кузбасса» было напечатано: «Первый Всесоюзный День шахтёра Сталинский Кузбасс встречает замечательными производственными подарками. Шахты, тресты рапортуют Родине о досрочном выполнении государственной программы и социалистических обязательств, о внедрении новых мощных машин, о росте гвардии почетных шахтёров, о заселении горняками новых индивидуальных домов. 38 шахт бассейна досрочно выполнили августовский план угледобычи».

В этот день в нашей стране были присвоены звания Героя Социалистического Труда 150 работникам угольной промышленности, среди них были и наши земляки: Е. А. Бурлов, В. И. Воробьев, начальник комбината «Кузбассуголь», В. Г. Кожевин, начальник «Кемеровоугля».

На развороте праздничного номера газеты были помещены фотографии почетных шахтёров Кузбасса в новой парадной форме.

Вся страна отмечала этот праздник. В Москве были проведены торжественные собрания, посвящённые Дню шахтёра. В Концертном зале имени Чайковского собрание проводило Министерство угольной промышленности западных районов СССР, с докладом выступил министр А. Ф. Засядько. В Колонном зале Дома союзов торжественное заседание проводилось Министерством угольной промышленности восточных районов СССР, доклад сделал министр Д. Г. Оника. В Большом зале консерватории праздник отмечали работники Министерства строительства топливных предприятий СССР, докладчиком был министр А. Н. Задемидко (будущий председатель Кемеровского совнархоза). В концертном зале Центрального дома Советской Армии торжественное собрание проводило Министерство местной топливной промышленности с докладом министра В. П. Беляева.

Центральная газета «Правда» под заголовком «От шахтёров Советского Союза Председателю Совета Министров СССР Иосифу Виссарионовичу Сталину» поместила отчёты передовых предприятий угольной промышленности. Кузнецкий бассейн представляли комбинаты – «Кузбассуголь» и «Кемеровоуголь». О достижениях первого было сказано, что за 7 месяцев он перевыполнил план, снизил себестоимость. О комбинате «Кемеровоуголь» было написано: «Перевыполнил план, обеспечил рост добычи на 7,4 %, а по коксующим углям на 18 %».

Мне этот праздник запомнился ещё и потому, что в 1948 году он совпал с моим днём рождения, и потом много лет я считала, что родилась в День шахтёра. А тогда мне исполнилось 7 лет, и я шла учиться в женскую среднюю школу № 41 г. Кемерово. Школьную форму – шерстяное платье в складку коричневого цвета – мне сшили в ателье ОРСа «Кемеровоуголь», куда к празднику шахтёров поступило много тканей и других товаров. Родители тоже приоделись, а отец впервые после войны сменил военную офицерскую форму на гражданский костюм.

Так был отпразднован первый шахтёрский праздник, положивший начало хорошей традиции чествовать людей нелёгкой профессии, которые своим трудом, зачастую с риском для жизни, создают общественное богатство.

Станислав ЗОТОВ

РЕВОЛЮЦИЯ РУССКОГО НАРОДА СТО ЛЕТ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

*Только язык пулемётов доступен
уличной толпе, и только он, свинец,
может загнать обратно в его берлогу
вырвавшегося на свободу страшного
зверя... Увы — этот зверь был... его
величество русский народ...*

Василий Шульгин. Дни

Сто лет тому назад, в феврале-марте 1917 года, в столице Российской империи Петрограде (до августа 1914 года называвшегося Санкт-Петербургом) произошли революционные события, коренным образом изменившие историю России, значительно повлиявшие на судьбы всего мира. Народные волнения, которые, собственно, начались ещё осенью 1916 года на рабочих окраинах Петрограда, а особенно в Выборгском районе этого города, получили особо сильный размах к 23 февраля 1917 года (здесь и далее все даты даны по старому стилю. — С. З.), так как на этот день пришёлся день рабочих — праздник женщин-тружениц, учреждённый ещё ранее по предложению известной деятельницы социалистического движения в Европе Клары Цеткин. Этот день сейчас мы знаем как праздник 8 Марта (по новому стилю). Особую активность именно женщин в ходе разгоравшихся в Петрограде волнений отмечали все наблюдатели тогдашних событий. Но положение дел в Российской империи неуклонно ухудшалось весь предшествующий революции 1916 год.

Многочисленные свидетели тех событий, а после и историки, много спорили и спорят до сих пор, обсуждая самый насущный вопрос: что это было? Был ли это «хлебный бунт», внезапно возникший, опять же по причине «внезапно» разразившегося хлебного голода в Петрограде, или это был коварный заговор неких внешних сил с целью вывода России из Мировой войны — значит, он был на руку Германии и её союзникам? Или это был, напротив, заговор «союзников» России по Антанте — Англии и Франции, опасавшихся, что правительство Николая II заключит сепаратный мир с Германией, и стремившихся посадить у власти в России буржуаз-

ное правительство, которое будет вести войну «до победного конца». Под всеми этими версиями есть некоторые основания.

Действительно, попытки налаживания контактов между германским, австрийским дворами и представителями российского императорского двора имелись. Война к осени 1916 года приобрела затяжной и безнадёжный характер. Большие планы на победу в 1916 году, лелеемые союзниками по Антанте, увы, не сбылись. Потерпела неудачу как Дарданелльская операция английской десантной армии с целью взять проливы Босфор и Дарданеллы, так и всеобщее наступление русских фронтов летом того года. Лишь только фронт Брусилова в ходе своего знаменитого прорыва достиг определённых успехов на Западной Украине, но тем дело и ограничилось. Попытка наступления Западного фронта генерала Эверта закончилась страшным разгромом под Барановичами, в чём оппозиционная молва сразу же постаралась обвинить «немку»-императрицу Александру Фёдоровну и её распутинский кружок, якобы выдавший планы наступления немцам. Версия эта была весьма популярна в советской историографии, на чём был основан сюжет знаменитого фильма «Агония» режиссёра Элема Климова. Разрабатывалась даже версия некоего «заговора императрицы», имевшего цель сместить царя Николая, возвести на трон царевича Алексея и поставить регентшей императрицу Александру Фёдоровну. Однако «немка» императрица была настолько непопулярна в народе, а её «друг» Григорий Распутин, прикидывавшийся «святым старцем», но ведший откровенно не святую жизнь, вызывал такое всеобщее озлобление, что подобные планы были явно неосуществимы.

Между тем затягивающаяся война истощала все силы российского государства. Так уж случилось, что Россия вынуждена была держать самый протяжённый фронт в борьбе сразу против двух держав «оси» — Германии и Австро-Венгрии в Европе и ещё против Османской империи на Кавказе, в то время как Франция сражалась лишь против германской армии, да и то при поддержке английской и бельгийской армий. Италия держала фронт только против австро-венгерской армии и умудрялась терпеть при этом поражения, всякий раз рассчитывая на помощь России. Мало того, к 1916 году Франция заключила с царским правительством России соглашение о посылке на её фронт 400-тысячного российского экспедиционного корпуса. В таких обстоятельствах Россия была вынуждена мобилизовать неслыханную по численному составу армию — 19 миллионов человек, что намного превосходило численный состав армий других воюющих стран. Наконец, война шла на российской территории, затронула несколько сильных в промышленном отно-

шении западных губерний, привела к массовой эвакуации населения из прифронтовой полосы, что обострило и без того тяжёлое экономическое положение в стране. Можно сказать, Россия несла на себе основную тяжесть войны, так как к поддержке российской армии всякий раз обращались штабы стран Антанты, как только германские войска на Западе переходили в наступление. И ставка верховного главнокомандования российской армии беспрекословно выполняла все требования «благородных союзников», не считаясь ни с какими потерями. Такое подчинённое положение России по отношению к союзникам по Антанте вызывало, конечно, законное возмущение в российском обществе. Материальная же помощь от союзников России поступала крайне скудно даже по объективным причинам – пути снабжения по Балтике и Чёрному морю были отрезаны германским и турецким флотом, а узкоколейная дорога на Архангельск (единственный порт на Севере) не справлялась с потоком грузов. Дорога же на Мурманск только строилась и была закончена лишь к 1917 году.

Ко всем экономическим бедствиям, вызванным войной, к осени 1916 года добавился ещё и хлебный голод, чего в России давно уже не знали, так как урожаи в последние годы были хорошие. Однако разрушенная транспортная система страны, перегруженная обеспечением нужд фронта прежде всего, не обеспечивала поставок хлеба в крупные города, а главное – в столицы империи – в Москву и Петроград. Так, осенью 1916 года официальная статистика отмечала, что Петроград, столица империи, получает лишь треть необходимого ей хлеба. Правительство шло на крайние меры, на недели прерывая пассажирское сообщение между Москвой и Петроградом для пропуска товарных поездов, но это мало помогало, так как пути занимали бесконечные воинские эшелоны, перевозившие массы мобилизованных солдат. Транспортный коллапс особенно усилился в начале 1917 года, когда Петроград был выделен в особый военный округ во главе со своим командующим генералом Хабаловым и там сосредотачивалась огромная резервная армия в 180 тысяч человек (некоторые источники указывают даже 300 тысяч человек). Ни для кого не было особым секретом, что такая вооружённая сила предназначалась для подавления возможных народных волнений. Таким образом, царское правительство вместо того чтобы успокоить народ поставками хлеба, повернуло против него штыки.

И нельзя сказать, что качественный состав этой карательной армии был крайне низок, что состояла она в основном из солдат запасных полков, отвыкших от воинской дисциплины, разболтанных, готовых подняться на любой бунт, любой ценой стремившихся не попасть на фронт, как это иногда ут-

верждается авторами, пишущими о причинах успеха февральского восстания. Нет, костяк армии генерала Хабалова составляли так называемые учебные команды – особые подразделения, составленные из отличившихся на фронте солдат, часто георгиевских кавалеров, направленных в тыл для переобучения на должность унтер-офицеров и даже младших офицеров, прапорщиков, которых так не хватало на фронте. На эти проверенные кадры рассчитывало командование Петроградского военного округа как на свою ударную силу в ходе подавления беспорядков, но, как мы увидим, именно переход на сторону революции этих элитных частей и обеспечил успех разразившегося восстания.

Превентивные меры для подавления возможного восстания принимались самые серьёзные. Министр внутренних дел Протопопов разработал тщательный план подавления грядущих волнений. Весь состав петроградской полиции и жандармерии был переодет в форму строевых частей и вооружён по армейскому образцу. В том числе создавались особые пулемётные команды, которые размещались вместе со своим оружием в ключевых точках города, на чердаках домов, на перекрёстках улиц и проспектов, так, чтобы зоны обстрела контролировали весь центр города. Рабочие демонстрации, которые неизбежно должны были рваться к центру столицы, попадали бы под перекрёстный пулемётный шквал и без всякого сомнения должны были быть полностью уничтожены. С количеством жертв правительство князя Голицына, назначенного на этот пост императором после отставки погрязшего в коррупции Штюрмера, распутинского назначенца, решило не считаться. Перед началом возможных «эксцессов», а именно во второй половине февраля 1917 года министр Протопопов настоятельно советовал государю покинуть столицу, чтобы его имя не было замарано кровью предстоящих многочисленных жертв. Что государь и сделал, уехав 22 февраля в Ставку, в Могилёв, хотя в этом не было особой необходимости, ведь он лишь недавно прибыл из Ставки по случаю открытия заседаний Государственной думы 14 февраля.

Государственная дума беспрекословно выполняла все указания императора. Депутаты покорно расходились по домам, как только следовал грозный окрик из Дворца, и заседания Думы прерывались по указу императора. Никаких призывов к бунту из стен Думы не раздавалось, да это и не удивительно, ибо численно Дума состояла в абсолютном большинстве из депутатов правых партий – монархистов и «октябристов», то есть сторонников парламентской монархии, обещанной когда-то в октябре 1905 года государем в его знаменитом манифесте. На этом фоне даже кадеты (депутаты от конституционно-демократической партии «Народной свободы»)

казались крайне левыми, уж не говоря о малом количестве меньшевиков и «трудовиков» во главе с их лидером Керенским, который был, пожалуй, самым «левым» из всего состава Думы. Оппозиционные настроения в Думе до декабря 1916 года подогревались в основном распутинским фактором, наличием кружка тёмных, полукриминальных деятелей, группировавшихся вокруг «святого старца». Ни для кого не было секретом, что через влияние на императрицу Распутин и его окружение меняли министров, даже глав правительства, покрывали тёмные финансовые аферы, подозревались в шпионаже в пользу Германии. Лидер правых в Думе депутат Пуришкевич выступал со страстными речами против «распутинщины», его поддерживал лидер кадетов Милюков. В этом Дума была в основном едина, но после убийства Григория Распутина 17 декабря 1916 года вся оппозиционность в Думе по отношению к императорскому двору сошла на нет. Председатель Государственной думы Родзянко был осведомлен, что в столе у премьера Голицына лежит указ, подписанный императором, об окончательном роспуске Думы и назначении новых выборов. Только дата под этим указом не была проставлена царём, её должен был проставить глава правительства, в случае если Дума проявит хоть малейшие бунтарские настроения. Поэтому ожидать от депутатов Думы даже самого ничтожного неповиновения было невозможно. Самое большее, на что отваживались «верноподданные» депутаты Думы, так это нижайшие просьбы к императору о создании «правительства доверия», то есть такого кабинета, министры которого назначались бы царём по согласованию (доверию) с Думой. Дальше этого Дума не шла. Разразившаяся революция не была спланированным заговором тогдашних российских парламентариев, она и для них была неожиданной.

Но совершенно неожиданной она стала и для лидеров самых крайних революционных партий, которых, собственно, и не было в Петрограде в то время. Владимир Ильич Ленин давно уже пребывал в Швейцарии и не мыслил вернуться на родину. Несмотря на свой глубокий аналитический ум, он не просматривал никаких ближайших перспектив революции в России. Ещё в январе 1917 года, когда в Петрограде и Москве уже начались первые волнения рабочих, он на встрече со швейцарскими социал-демократами утверждал: «Мы, старики, может быть, не доживём до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу, думаю, высказать с большой уверенностью надежду, что молодёжь... будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции», что говорит о том, что он не ожидал в ближайшем будущем такой революции. Иные вожди большевистской партии, такие как Сталин, Свердлов или

Каменев и другие, находились в сибирской ссылке или в тюрьмах, а весь состав Петроградского комитета РСДРП(б), партии большевиков, был накануне событий арестован протопоповской охранкой, так что ни одного сколько-нибудь значимого лидера большевиков к моменту восстания в столице не было. Не было ни одного члена большевистского ЦК. Другая крайняя революционная партия – партия социалистов-революционеров (эсеров) вообще не имела своей организации в Петрограде. Небольшие группы меньшевиков, трудовиков и межрайонцев не играли никакой роли в начавшемся движении, они образовали лишь некое Информационное бюро, куда вошли и оставшиеся не арестованными большевики для слежения за разыгрывавшимися событиями.

На этом фоне ожидать какого-либо организованного восстания, спланированного движения, чётко разработанного плана выступления было невозможно, ему неоткуда было взяться. У петроградской революции не было вожаков. Значит, министр внутренних дел Протопопов и командующий Петроградским военным округом генерал Хабалов потирали руки и могли ожидать только неорганизованного бунта, стихийного выплеска эмоций голодной толпы, ну а с этим, как им казалось, будет нетрудно справиться дисциплинированным воинским командом, которым загодя был дан приказ стрелять на поражение, патронов не жалеть.

127

В чём-то такой ожидаемый стихийный бунт был даже выгоден власти. Кровавая баня на улицах Петрограда, беспощадная расправа с помощью пулемётов с «бунтом черни» охладил бы горячие головы, как думали в правительстве, пресекла бы нарастающий вал оппозиционных настроений в обществе, затушила бы пожар назревающей революции, и, возможно, это помогло бы довести войну до победного конца. Есть сведения, что полицейские власти сами подталкивали народ к выступлению, так, в состав Петроградского комитета большевиков был внедрён провокатор Шурканов, который не был арестован охранкой, а в дни восстания активно призывал народ к бунту, провоцируя власти на расправу. И он был не один. Такая расправа напугала бы рабочих, снизила бы всплеск забастовок на оборонных заводах, прекратила бы всякие мысли о всеобщей стачке. На 1917 год были запланированы решающие военные операции на фронтах, требовалось много оружия, безостановочно заработали оборонные заводы, которые в основном были сосредоточены в Петрограде. Но именно петроградский пролетариат и отказал в крови царскому правительству. Именно обращение с народом как с быдлом, которое можно морить голодом, обманывать, смешивать с грязью, а после и расстреливать, как скот на бойне, – и всё это на фоне роскошной

жизни буржуазных элементов рядом с нищенским существованием рабочих окраин – породило ту гремучую смесь, что взорвалась в конце февраля 1917 года и смела 300-летнюю монархию Романовых.

Ко второй половине февраля 1917 года голод в столице усилился. По статистическим данным, Петроград в начале того года получил лишь четверть положенного подвоза хлеба. Власть не могла объяснить прекращение подвоза. После возникли предположения, что среди чиновников министерства путей сообщения возник заговор с целью свержения императора и некий инженер-путеец Бубликов приказал остановить подвоз хлеба в Петроград. Поверить в это сложно, уж слишком могущественным, оказывается, был этот невероятный Бубликов! Между тем генерал Хабалов в выпускавшихся им афишках заверял население, что хлеба в столице много, и все тревоги напрасны. Но реальное положение дел на улицах города было иным. По достоверным свидетельствам очевидцев, к булочным выстроились огромные очереди, «хвосты» из женщин и подростков. Хлеба в реальности не было, а афишки Хабалова, утверждавшие иное, только злили народ. В это время власть совершала одну ошибку за другой. Естественное возмущение рабочих отсутствием продуктов в лавках вызвало усиление забастовочного движения. Забастовал Путиловский завод. Администрация оборонного казённого предприятия не нашла ничего лучшего, как... уволить всех работников завода, а это более 35 тысяч человек! Конечно, такие массовые локауты применялись и раньше на капиталистических предприятиях, но в условиях войны и начавшегося хлебного кризиса всё это создало эффект зажжённого факела, брошенного в цистерну с бензином. К работникам в хвостах за хлебом присоединились уволенные рабочие, появились политические лозунги, прежде всего: «Долой войну!» «Хлеба!» И, наконец: «Долой самодержавие!»

Забастовали все заводы Выборгской стороны, самой густонаселенной рабочей окраины Петрограда. А нужно сказать, что в этом районе, где жило и работало более 100 тысяч рабочих, сохранилась, несмотря на все аресты, довольно мощная большевистская организация, которая в эти дни заменила собой разгромленный охранкой Петроградский комитет РСДРП(б). На Выборгскую сторону подтягивались и все оставшиеся на свободе в Петрограде большевики, и представители других революционных партий, а таковых набралось до двух тысяч человек. На состоявшейся спешной конференции рабочих организаций было принято решение идти в борьбе с царизмом до конца, безоговорочно присоединиться к лозунгу «Долой самодержавие!». К этому активно призывали большевики, позиция ко-

торых в Выборгском районе была особенно сильна, так как партийную организацию здесь возглавлял Чугурин, человек, близко знавший Ленина, учившийся в партийной школе в Лонжюмо во Франции, а также большевик Каюров. Оба прекрасные агитаторы, они не выходили с заводов, неустанно призывая рабочих к восстанию.

Решающие события начались 23 февраля (8 марта по новому стилю) в день женщин-работниц. На улицы города вышло большое количество женщин, доведённых до отчаяния бесплезным ожиданием подвоза хлеба в многочисленных «хвостах». Улицы Выборгского района были фактически захвачены возбуждённой толпой. Начались первые погромы хлебных лавок и булочных. Это, впрочем, не прибавило в них хлеба, и возбуждённая толпа женщин, подростков и отчасти уже забастовавших рабочих двинулась на мосты через Неву, стараясь пробиться в центр города. На Литейном и Троицком мостах их встретили заслоны войск, но до кровопролития в первый день восстания ещё не дошло – хватило казацких нагаек на Невском проспекте, где тоже начались демонстрации, но в основном из учащейся молодёжи. Впрочем, на совещании у Хабалова вечером следующего дня была отмечена некоторая пассивность казачьих разъездов, слишком «гуманно», по мнению полицейских, обращающихся с бунтовщиками. Казачий начальник оправдывался отсутствием хороших плёток у казаков. Решено было дать денег казакам на покупку более крепких нагаек. По 50 копеек за нагайку. Во всяком случае центр города остался за правительственными силами. Протопопов слал царю в Ставку успокоительные телеграммы.

Однако трудно было не заметить, что Петроград разделился на два лагеря. Весь север столицы, в том числе Выборгский район (оплот восстания) и Васильевский остров, были фактически захвачены повстанцами. Полиция туда не смела и соваться. В руках правительства оставался центр города вместе с Невским проспектом, и стало совершенно очевидным, что дальнейшие события будут развиваться в борьбе за центр. Так и произошло в последующие дни. 24 февраля началась всеобщая стачка. Заводилой здесь была также Выборгская организация большевиков, но эту инициативу подхватили все заводы Петрограда, в забастовке участвовало уже больше 200 тысяч человек. Народ был настроен весьма агрессивно. Толпы демонстрантов рвались в центр. Перекрыли мосты, но никого это не останавливало, начались массовые переходы восставших рабочих по льду Невы на южную сторону. Мосты всё ещё пытались удержать в своих руках войска гарнизона, но по Троицкому мосту рабочие прорвались на Невский проспект. Движение это приобрело неуправляемый характер, несмотря на то

что на центральные проспекты были выдвинуты гвардейские полки: Гренадерский, Кексгольмский, Московский, Финляндский, Волынский, 3-й стрелковый полк и другие – в составе прежде всего учебных команд, наиболее проверенной части гарнизона. Начались открытые столкновения демонстрантов с солдатами. Солдаты не проявляли особой активности в противостоянии народу, но пулемётные команды, состоящие в основном из офицеров и унтер-офицеров, активно расстреливали демонстрантов на Невском проспекте, пользуясь тем, что восставшие ещё не имели оружия – арсеналы строго охранялись войсками.

Историки позднейших времён не могли понять, откуда у простых людей Петрограда, недавно ещё в целом верноподданных царя-батюшки, взялось такое ожесточение против власти, что заставляло мирных обывателей идти на пулемёты гарнизона, гудами ложиться под пулями гвардейских полков. Известный писатель Солженицын даже предположил, что народ, якобы, гнали в бой некие неизвестные погонялы, «...агитаторы камнями и угрозами насильственно гнали в забастовку рабочих оборонных заводов». Можете себе представить такую картину: приходят некие «агитаторы» к многотысячной толпе рабочих и начинают гнать их «камнями и угрозами» на пулемёты! И народ покорно идёт штурмовать центр Петрограда, глотая при этом слёзы оттого, что ему приходится идти против любимого «царя-батюшки»... Дело здесь не в полном абсурде подобных утверждений, а в каком-то удивительно пренебрежительном отношении к народу, к русскому народу, когда всерьёз кажется уважаемому литератору, что русский народ – это покорное быдло, которое не способно на активные политические действия самостоятельно, а только из-под плётки. Нет, история говорит нам обратное: русский народ, бывает, медленно запрягает, да быстро ездит...

Вот и Февральская революция в Петрограде (а по новому стилю – мартовская) свершилась удивительно быстро, всего за несколько дней, что произошло на современников потрясающее впечатление.

*Над потрясённой столицей –
Выстрелы, крики, набат...
Город ощерился львицей,
Обороняющей львят...*

Так писал о тех днях поэт Николай Гумилёв. Это – реальная картина происходящего. Город и его жители вышли на защиту самих себя против тех, кто готовился всех их безжалостно расстрелять.

Решающий перелом в событиях произошёл 26 февраля. В этот день демонстранты прорвались к Николаевскому вокзалу столицы и заполнили всю площадь перед ним. Но там же в это время было сосредоточено большое количество гвардейских ча-

стей с пулемётами. Стояли учебные команды, почти сплошь состоящие из унтер-офицеров и возглавляемые офицерами. Был отдан приказ – стрелять по толпе. Солдаты не хотели исполнять приказ, но офицеры повернули пулемёты против народа... Площадь потонула в диких криках расстреливаемых людей, стрёкоте пулемётов, беспорядочных выстрелах, воплях боли и страдания... Впоследствии подобрали на площади более сорока трупов и большое количество раненых. Простые солдаты с ужасом смотрели на эту расправу, но не смели двинуться с места. В это время и произошёл коренной перелом в сознании солдат, что-то неудержимо поменялось в их душах. В этот же день целая рота Павловского полка отказалась повиноваться приказам офицеров, но была разоружена и целиком отправлена в Петропавловскую крепость. По законам военного времени им всем грозил расстрел. Но комендант Петропавловки отказался принять всю роту в казематы крепости, у него не было такого количества мест. Был арестован 21 человек. А ночью в казарме Волынского полка проходило тайное совещание военнослужащих. Унтер-офицер Кирпичников, а также унтер-офицеры Марков и Орлов твёрдо заявили своим товарищам солдатам, что стрелять в народ больше не будут. Вся рота согласилась с ними. Наутро, когда в казарму явился командир роты Лашкевич, рота на все приказы своего командира отвечала громким криком «Ура!» и наотрез отказалась повиноваться командованию. Унтер-офицер Марков схватил винтовку и направил её на Лашкевича. «Уходи, пока цел!» – крикнул он. Лашкевич вместе с двумя офицерами выбежал на улицу, но тут же был убит выстрелами из окон казармы. Начался бунт Волынского полка, но бунт этот был не стихийный. Под командованием Кирпичникова, выбранного командиром, волынцы двинулись к другим гвардейским полкам, и те, словно по команде, начали присоединяться к восстанию. Удивительная слаженность всего происходящего рождала мысль о подготовленности восстания в гвардейских полках, но на деле это было не так, просто в душах солдат, что называется, накипело. Ведь их заставляли быть палачами, карателями своего народа, а они сами были из народа, они сами сражались за свой народ против внешнего врага и теперь уже и своих офицеров воспринимали как врагов, ведь они вели их против своего народа.

Восстание обрело невероятную мощь. Всего за два дня у генерала Хабалова практически не осталось солдат. Он посылал верные свои части против восставших полков, а его части переходили на сторону восставших. С последними своими сторонниками Хабалов укрылся в здании Адмиралтейства, откуда послал последнюю телеграмму императору в Ставку, что положение его совершенно безнадеж-

но. Петроград пал. Восставшие рабочие захватили здание арсенала и вооружились армейским оружием. По всему городу шла охота на переодетых полицейских и городских, арестовывали генералов и министров царского правительства и свозили в здание Думы, в Таврический дворец, где заседали обескураженные депутаты Думы. Буквально 26 числа был опубликован князем Голицыным заранее подготовленный указ императора о роспуске Думы. Дума и хотела бы разойтись, но куда было расхотиться несчастным депутатам? В городе шли бои. Когда к 28 февраля стало окончательно ясно, что с властью царя в столице покончено, Дума избрала Временный комитет в составе, в частности, депутатов Родзянко, Шульгина, Керенского, князя Львова и других. Но власть этого комитета была призрачной, ведь в другом крыле Таврического дворца заседали уже вновь избранный Совет рабочих и солдатских депутатов, который первым делом издал свой знаменитый «Приказ № 1», отменявший фактически субординацию в армии, уравнивавший в правах солдата и офицера. Впоследствии Керенский, ставший Верховным главнокомандующим, говорил, что отдал бы 10 лет жизни, чтобы этот приказ никогда не был опубликован. Но было поздно, логика революции неуклонно вершила своё дело. Старый порядок вещей неумолимо распадался, рвался на части вместе со старой Россией.

Осталось поставить последнюю точку в крушении старой России, принять отречение императора. Император же вместе со своим поездом метался по стране. Вначале он выехал из Ставки, из Могилёва, пытаясь пробиться в Царское село, к своей семье. Но царский поезд доехал только до станции Дно и здесь был остановлен железнодорожниками. Опять появилась загадочная фигура инженера-путейца Бубликова, который якобы и приказал не пускать царский поезд к Петрограду. Император метнулся в Псков, в штаб командующего Северо-Западным фронтом генерала Рузского, но оказался там фактически в западне. Генерал Рузский решительно потребовал отречения императора от престола в пользу его сына Алексея при регентстве брата Михаила. Царь обратился по прямому проводу ко всем командующим фронтами, и те настоятельно высказались за это решение. Можно сказать, что это был

своего рода «заговор генералов», которые словно ждали именно такого развития событий, чтобы припереть царя к стенке. «Кругом измена, трусость и предательство», – запишет император в своём дневнике.

2 марта в Псков прибыли два депутата Государственной думы – Шульгин и Гучков, дабы принять у императора акт отречения от престола. Вид их поразил царскую свиту: небритые, в грязных пиджаках, с всклокоченными головами, они напоминали каких-то ораторов с рабочего митинга. Но так ведь оно и было в те дни: депутатам Госдумы приходилось выступать на рабочих собраниях, убеждать народ, бить себя в грудь, доказывая, что они в доску свои. При этом они имели и свои интересы. Гучков, к примеру, был сторонником сохранения в России монархии, а царём предпочитал видеть младшего брата Николая II великого князя Михаила Александровича. Видимо, под его влиянием император отрёкся от престола и за себя, и за своего сына Алексея, хотя и не имел права это делать. Отрёкся в пользу своего брата Михаила. Однако малейшее упоминание депутатами Думы о возможности утверждения на троне нового Романова встречало бешеный протест толпы. И Михаил отрёкся от престола вслед за своим братом Николаем «впредь, до созыва Учредительного собрания» – так говорилось в его манифесте. Таким образом, гипотетическая возможность возрождения монархии в России существует. Но для этого надо собрать Учредительное собрание, разогнанное в начале 1918 года большевиками.

Быть может, будущее ответит на вопрос: возможно ли восстановление монархии в России? Воля народной революции смела российскую монархию – и только воля народа может её восстановить. Наша Великая Февральская революция – такое же великое историческое деяние русского народа, как Великая французская революция – великое деяние французского народа, а Великая американская революция – американского. Пусть революция не принесла счастья и блага народу в силу разразившейся затем гражданской войны, но она изменила мир, открыла новые горизонты перед всем человечеством, она засвидетельствовала, что великий русский народ имеет право сам определять свою судьбу.

Сергей РАСПУТИН

ЗАМЫСЕЛ ИЛИ УМЫСЕЛ?

Текст книги Андрея Григорьевича Румянцева «Валентин Распутин» в серии «ЖЗЛ» попал ко мне случайно. Ни автор, ни издательство не горели желанием знакомить с ним ни меня, ни моих близких родственников, хотя бы для того, чтобы попытаться избежать каких-то неточностей и ошибок. Февраль уже близился к концу, и в «Молодой гвардии» готовились отдать текст в верстку – спешили успеть к годовщине смерти моего отца. Для меня до сих пор остаётся загадкой: как рукопись в таком сыром виде могла находиться буквально в двух шагах от печатного станка? Почему издательство смотрело сквозь пальцы на все её недостатки? И если бы не наше незапланированное вмешательство, она была бы опубликована гораздо раньше и в ещё более далёком от совершенства состоянии. Мы со своей стороны внесли миллион поправок, однако большая их часть была оставлена без внимания. Ну что ж, Андрей Григорьевич как автор имел на то полное право, и надо отдать ему должное, что он всё-таки согласился кое-что убрать, а кое-что, наоборот, добавить.

Всё это время я надеялся, что найдётся в литературном сообществе профессионал, который оценит книгу по достоинству, но прошёл уже почти год с момента её выхода в свет, а никакого откровенного, без лишней вежливости, отзыва так и не появилось. И я решил дать свою оценку этой работе. Для краткости и удобства я буду называть А. Г. Румянцева автором, а моего отца В. Г. Распутин – писателем.

На мой взгляд, книга слабая, поверхностная и вызывает разочарование. Это не кропотливый труд-исследование творчества В. Г. Распутина и не книга-размышление о его жизни. По сути, это лоскутное одеяло, сшитое из разных кусочков, или, говоря научным языком, компиляция. Шестидесят пять процентов всего текста, то есть добрые две трети, занимают слова писателя – цитаты из его произведений, выступлений и писем, а также мысли и воспоминания о нём других людей. Это точные цифры, взятые мною не с потолка, а с помощью линейки.

Встречаются главы, и их немало, вообще практически целиком состоящие из цитат. Например, глава «Деревня не даст тебе пропасть» с неоправданно длинной цитатой из «Уроков французского»,

занимающей три страницы, в то время как слова автора скромно умещаются в девять (!) строчек. Или другая глава, «Навыки журналистские и семейные», где автор зачем-то приводит целиком рассказ «Мама куда-то ушла». Обратите также внимание на главу 10 о повести «Прощание с Матёрой». В первой главе кое-где ещё попадаются среди цитат слова автора, но прочитайте вторую главу «Удерживать в себе человека» длиной в три с половиной страницы: автор написал две строчки в начале и 16 строк в середине главы. Всё остальное – слова писателя из «Прощания с Матёрой». И в следующей главе «Мы – не последние!» из пяти с половиной страниц пять – это цитаты из «Матёры». Или прочитайте главу «На фоне двух литератур»: вся (!) глава длиной в четыре с половиной страницы – беседа писателя с молодым литературоведом Ксенией Зиминой. А следующая глава, «Сеющие бурю», тоже почти вся состоит из беседы писателя с Виктором Кожемяко. И так далее.

У читателя, как мне кажется, должно возникнуть ощущение, что его обманули: хотел прочитать о Распутине, а читаешь Распутина.

А сколько главок цитатами заканчиваются! Автор даже не утруждает себя тем, чтобы завершить их своими словами, выразить какую-то свою мысль, подвести итог. Некоторые цитаты приводятся неуместно, а в словах автора порой отсутствует элементарная логика.

Возьмём для примера последний абзац в главе «Обомлел от вошедшей в меня красоты» о детстве писателя. Привожу его полностью:

«А великое множество историй, услышанных в вечерней полутёмной избе с ватагой таких же деревенских стригунков, расположившихся на тёплом полу у вихрастого дружка! Тут запоминались даже не сами необыкновенные, фантастические происшествия, сочинённые бойким рассказчиком, а его таинственный тон, ужимки и придыхания, свистящий или задыхающийся шёпот, словно это его самого кикиморы душили или бросали оземь с высоты».

Он сочинён автором, но не имеет ничего общего ни по смыслу, ни по тональности с предыдущими цитатами писателя, из которых на 70 процентов состоит эта глава и которые задают ей тон и определяют содержание. Очевидно, автор в спешке или по небрежности приклеил сюда этот абзац. По содержанию он больше подходит к следующей главе – «Где живёт кикимора». Но и в ней он оказался бы лишним, потому что там абсолютно о том же самом, только другими словами говорит сам писатель:

«В одной избе песня, а в другой, где собиралась ребятня, сказка да «ужасти», которые напрашивались сами собой под древнюю ворожбу каминного огня. Чего только не придумывалось, чего не рас-

сказывалось то затаёнными, то гробовыми голосами, до чего только не доходило разыгравшееся воображение! Не будь этого живого сопровождения огня, то завывающего, то стонущего, то ухающего, да разве мог быть у историй, рассказанных не Петькой или Васькой, а их оборотнями, и непременно выдаваемых за «правдашние», такой жуткий накал, такая непереносимая страсть!»

В главке «Где живёт кикимора» сразу обращает на себя внимание второе предложение: «В ранних проблесках памяти у Вали могли остаться только свалившиеся беды: частое недоедание, вялые игры с ровесниками, одетыми, как и он, в драные, латанные обноски». Нелогично. Простите, как можно назвать «свалившимися бедами» частое недоедание или вялые игры? Да и как может быть вялой детская игра?! А «драные, латанные обноски», в которые одеты дети, совсем не предполагают, что игра будет вялой. И наконец, почему писателю могли запомниться *только* беды? И глагол «могли» тоже настаживает. То есть могли запомниться, а могли и нет? Не лучше ли обратиться к творчеству Распутина вместо того, чтобы гадать на кофейной гуще?

На самом деле совсем не «свалившиеся» невесть откуда беды остались в «ранних проблесках памяти» писателя. Помните, как он сам пишет в очерке «Откуда есть-пошли мои книги»: «Первые мои впечатления связаны с Ангарой». А если бы автор нашёл время и задал соответствующие вопросы близким писателя, он бы узнал, с каким энтузиазмом и теплом вспоминал Распутин о своём детстве: как он ходил на охоту с дедом, как бегал в тайгу за грибами и ягодами, как рыбачил со своим дядей. Светлые воспоминания о том времени нашли своё отражение в предисловии к сборнику рассказов «Видение» под названием «В тех глубинах по ходу жизни». А вот как выглядел в рукописи мой рассказ о летних поездках с отцом в Аталанку (курсивом выделены слова, которые я – хоть убей – не произносил): «Мне было пять лет... Это, конечно, мало, чтобы запомнить тот приезд. Но позже мы с отцом почти каждое лето ездили в деревню. *Дедушка был молчаливым. Папа в этом походил на него. Он уединялся, писал. Летом шестьдесят шестого, наверно, повесть «Деньги для Марии». А дедушка с бабушкой занимались хозяйством. Для меня необычным событием, почти праздником, был выход на покос. Несколько километров мы шли по тайге. И не одни. Ведь вся деревня косила. Каждый на своей полосе разбивал табор. Варили на костре обед. Дед сделал для меня маленькую литовку. И я косил вместе со всеми. Я долго не знал, что была старая Аталанка, а мы живём в новой. Новая казалась большой. Друзей у меня там было много. Бегали по посёлку, прятались в каких-то сараях. Заглядывали в лес – он темнел поблизости...».*

Какие сараи? Какой лес? И как я мог в возрасте пяти лет догадываться, что отец уединялся в баньке, чтобы писать «Деньги для Марии»? Я вообще не помню, чтобы отец уединялся и писал; он приезжал, чтобы побыть с родителями, помочь им по хозяйству, отдохнуть в родной деревне.

Непонятно, почему автор решил прибавить кое-что от себя, и должен признаться, что мне стоило немало труда убедить его убрать лишние слова из текста. В конце концов мне пришлось переписать весь абзац целиком. То же самое произошло и с другим моим рассказом о выборе профессии, который был нужен автору для главки «Дети писателя: «Мы выбираем путь...». Помню, как в тексте рукописи всё было красным-красно от моих поправок с требованиями удалить не принадлежавшие мне фразы.

К слову сказать, кроме этих двух случаев, автор не счёл нужным обратиться ни ко мне, ни к другим близким родственникам писателя. Исключением можно считать его встречу с моей тётёй, младшей сестрой отца Агнией Григорьевной. А ведь кто, как не мы, могли дать автору ценную информацию для книги. Но самое шокирующее заключается в том, что автору были совершенно неинтересны наши поправки. Он явно не ставил перед собой задачу докопаться до истины. Как я заметил, в целом ряде случаев он действовал следующим образом. Сначала он создавал в своём воображении некую благообразную картинку, к которой пытался затем притянуть факты. Если же тот или иной факт ей не соответствовал, автор или намеренно искажал его, или просто выбрасывал за ненадобностью, и сочинял что-нибудь от себя.

Приведу два примера. Первый – довольно забавный. В главке «Колодец земли» ещё в рукописи я наткнулся на следующие слова:

«А вокруг затихшего порта Байкал гористый берег украшают многочисленные пади – вклинившиеся в таёжные косогоры узкие низины с заповедными травами, ягодными полянками, богатыми грибами. Одна из этих падей, Молчановская, и приютила домик Валентина Григорьевича. Судьба словно бы осветила этот байкальский уголок девичьей фамилией жены: поэзия жизни, природы и творчества получила единый адрес».

Я сделал поправку: «В Молчановской пади был дом Глеба Пакулова, а наш дом стоял на ул. Вокзальная; в нём когда-то жил путевой обходчик, прямо рядом с железной дорогой». Не думаю, что автор всерьёз полагал, что «домик Валентина Григорьевича приютила» именно Молчановская падь. Скорее всего, он просто когда-то слышал, что в Порту Байкал есть такая падь и ему позарез захотелось провести линию от неё к девичьей фамилии жены писателя. А уточнять, где именно находится

домик писателя, было рискованно: вдруг окажется, что не там. Но автора моя поправка не смутила. Посмотрите, как изменился текст после моего, повторы, незапланированного вмешательства:

«А вокруг затихшего порта Байкал гористый берег украшают многочисленные пади – вклинившиеся в таёжные косогоры узкие низины с заповедными травами, ягодными полянками, богатыми грибами. Одна из этих падей Молчановская. Не очень далеко от нее и стоял домик Валентина Григорьевича. Судьба словно бы осветила этот байкальский уголок девичьей фамилией жены: поэзия жизни, природы и творчества получила единый адрес».

Я опять пишу: «Не так уж и недалеко: километра четыре топтать от нашего дома». Но автор на мою ремарку уже никак не ответил. Мне кажется, что если бы даже выяснилось, что Молчановской пади нет и никогда не было в Порту Байкал, автор всё равно как-нибудь вывернулся, но не расстался бы со своей лирической находкой.

Давайте теперь разберём подробно второй пример. Это крошечная, всего-то на две странички, но откровенно сырая, непродуманная глава, где, как нарочно, собрались такие серьёзные недостатки, как отсутствие логики, притягивание фактов за уши и небрежность в использовании цитат.

Глава называется «В имени слышится: Русь...» и посвящена моей сестре, точнее её детским годам. Само это название уже режет мне слух. Никогда нам, Марусиным родным, не слышалось в её имени слово Русь. Я бы скорее поверил автору, если бы ему в имени Жанна д'Арк слышалось слово Франция. Но давайте посмотрим, что автор имел в виду.

Прочитаем внимательно первый абзац: «В мае 1971 года в семье Распутиных появилось пополнение: родилась дочка. Назвали её Машей, но с первых же дней все родственники стали звать её по старой русской (а точнее – деревенской) традиции Марусей. Валентин был счастлив. *Ещё с рождения сына Серёжи вошло в правило, что отец ежедневно гуляет с ребёнком, читает ему сказки, а когда малыша снарядили в школу, папиной обязанностью стало посещение родительских собраний*». Обратите внимание, как после первых трёх предложений, посвящённых рождению дочери писателя, автор неожиданно перескакивает на сына (выделено курсивом), оставляя читателя в полном недоумении. Более того, автор ухищряется допустить в этом же предложении сразу две неточности. Скажу вам по секрету: а) не было такого правила в нашей семье, чтобы отец ежедневно гулял со мной или с моей сестрой; б) он довольно редко посещал родительские собрания в школе. И в этом нет ничего зазорного, но автору уж очень хочется немного приукрасить, и он с удивительной лёгкостью прибегает

к преувеличению и вымыслу, стремясь выдать желаемое за действительное. И следующий мой абзац – ещё одно тому доказательство.

Продолжая старательно вырисовывать портрет писателя как примерного отца, автор приводит слова Марусиной школьной учительницы начальных классов Александры Ивановны Бушмагиной:

«Валентин Григорьевич был первым помощником во всех наших внеклассных начинаниях. То зайдёт в школу, то позвонит мне: «Какие у вас заботы, чем помочь?». Дарил классу книги. И не только свои, но и тех авторов, которых отличал, ценил. Ребята любили классные часы, которые он проводил. Мы выбирали тему беседы, а Валентин Григорьевич готовился к разговору. И всегда детям было интересно с ним. Он был в нашей школе своим человеком».

У меня этот рассказ сразу вызвал подозрение. Во-первых, такая общительность совершенно не в характере отца, а во-вторых, детям в начальных классах вряд ли есть смысл дарить книги Распутина и «тех авторов, которых он отличал, ценил». Я не поленился и встретился с Александрой Ивановной, которая до сих пор работает в школе № 17. По её словам, Валентин Григорьевич пару раз приходил к ним на классные часы, но не более того. Про «первого помощника во всех внеклассных начинаниях» даже после моих специальных наводящих вопросов не было сказано ни слова.

133 Сразу к рассказу Александры Ивановны безо всякого перехода автор приклеивает другую цитату, теперь уже из воспоминаний моей тётки (маминой младшей сестры) Евгении Ивановны о жизни нашей семьи на даче в Порту Байкал. Непонятно, что заставило автора пойти на такой неожиданный и совершенно нелогичный шаг. Возможно, ему эта глава на полторы страницы показалась слишком короткой, и, чтобы увеличить её, он решил, как говорится, «до кучи» добавить ещё пару абзацев. Мне кажется, что автор их не читал. Во всяком случае, речь в данном отрывке идёт совсем не о моей сестре и тем более не о том, каким внимательным, чутким и заботливым был Валентин Григорьевич по отношению к своим детям и их одноклассникам.

Этой цитатой и заканчивает автор главу «В имени слышится: Русь...», точнее резко обрывает на полуслове, так и не раскрыв читателю смысл её пафосного названия.

Позвольте мне остановиться ещё на одном символическом примере, показывающем, как автор в своей книге относится к фактам, насколько для него важна та или иная информация и чем он руководствуется при жизнеописании своего героя. Речь идёт о Б. Дмитриеве. Фотограф не раз упоминается в книге А. Г. Румянцева и даже делится своими воспоминаниями о писателе. Читая их, возникает ощу-

щение, будто Б. Дмитриев был с писателем в дружеских отношениях. Да, действительно, был – до одного случая, после которого их общение полностью оборвалось. Подробно об этом написала в статье «Все беды – от наших заблуждений» В. А. Семёнова. Суть в следующем.

Писатель получил премию правительства РФ за книгу «Сибирь, Сибирь...» 2006 года издания. Автор фотоиллюстраций Б. Дмитриев награждён не был. Он направил протестное письмо в правительство, где предупредил, что если его права как соавтора книги не будут удовлетворены, он подаст в суд. Затем он позвонил писателю и сообщил ему эту новость. Как мне известно, отец сначала оторопел от такой наглости, однако принял решение отдать фотографу половину премии (500 тысяч руб.), несмотря на очевидную нелепость его претензий. «Шаг для Валентина Григорьевича настолько естественный, что никто не удивился», – пишет Валентина Андреевна. Я почти уверен, что Дмитриев, зная отца, на это и рассчитывал, когда звонил ему. Очевидно, он отдавал себе отчёт, что в случае суда шансов у него никаких. Отец же, идя на такой «естественный» шаг, стремился как можно скорее закрыть тему и избавить себя от общения с человеком, который вызывал у него теперь только чувство брезгливости.

С другой стороны, предлагая фотографу половину премии, писатель, возможно, пытался дать ему последний шанс. Он как бы искушал его кругленькой суммой и ставил перед выбором: взять чужие деньги, на которые при любом раскладе у того не было никаких прав, и окончательно потерять лицо, или хотя бы попытаться остаться – конечно, с большим натягом – порядочным человеком, натянув на себя маску «борца за справедливость», ищущего «правду» в суде. Дмитриев деньги взял, не моргнув и глазом, и навсегда исчез из жизни писателя. Многие иркутские литераторы расценили тогда его поступок как вымогательство.

Но речь не о Дмитриеве. Речь о книге, которую мы обсуждаем. Прочитав рукопись, я предложил автору рассказать всю правду. Сказал «А», упомянув фотографа в своей книге, так скажи и «Б». Но автор предпочел этот злополучный инцидент замолчать, сделав вид, будто ничего не произошло. А зря. Мне кажется, что подобные истории из жизни героя в сто раз интереснее и ценнее, чем целые отрывки из его произведений, которыми так бесцеремонно злоупотребляет автор. Потому что не только работа и творчество, но и поведение человека в непростых ситуациях характеризует его как личность.

И ещё: есть что-то лицемерное в этих дружеских воспоминаниях фотографа о писателе без правдивого рассказа о том, как полмиллиона рублей, принадлежавшие писателю, чудесным образом оказались в кармане его «друга».

Всё вышесказанное наводит меня на мысль о том, что труд о замечательном человеке должен создавать настоящий исследователь, художник и философ, вдумчивый, ответственный перед читателем и требовательный к своему творчеству. Он, как учёный, должен проявлять уважение к фактам и спокойно, не торопясь, дотошно и кропотливо собирать их из самых разных источников, не забывая проверять на достоверность. Затем ему предстоит проанализировать и осмыслить всю информацию, переварить её, пропустив через себя, выдвинуть предположения, поделиться своими размышлениями. В серьёзном исследовании такого рода автор обычно старается избегать однозначных выводов. Он ненавязчиво вовлекает читателя в мыслительный процесс, даёт тому толчок для раздумий и возможность самому принять окончательное решение. В конечном счёте, перед ним стоит невероятно сложная задача: постичь внутренний мир своего героя, чтобы честно и достоверно поведать о нём современникам и потомкам.

Автор же книги «Валентин Распутин» выбирает иной путь, не требующий значительных творческих сил. Он решает по максимуму упростить себе работу и берёт за основу чужие тексты и чужие мысли. Он предпочитает предоставлять слово другим, а сам склонен оставаться в стороне. Даже описывая студенческую жизнь писателя, с которым он учился вместе в университете и даже прожил целый год в одной комнате общежития, автор охотнее цитирует красноярца Владимира Зыкова, а своими воспоминаниями делится крайне скупно.

Наверное, поэтому книга напоминает мне больше реферат студента филфака, чем серьёзное исследование. Ведь как бы студент делал реферат, скажем, об известном писателе? 1. Расписал бы по пунктам биографию. 2. Распечатал бы библиографический справочник. 3. Продумал бы части, представляя биографические и библиографические данные в хронологическом порядке. 4. Изучил бы литературную критику по теме, посмотрел бы, какие спектакли и фильмы были поставлены по его произведениям, нашёл бы пару неопубликованных писем и несколько воспоминаний о нём известных личностей. 5. Собрал бы всё это вместе, как конструктор, и – реферат готов. Даже больше, чем реферат, но до полноценной дипломной работы ещё далеко.

Упрощаю? В любом случае такая аналогия напрашивается неслучайно.

И возникает вопрос. Не лучше ли, если вас, например, интересует родословная писателя, познакомиться с ней в оригинале? Сотрудники Иркутского областного архива ещё при жизни Валентина Григорьевича провели исследование и выпустили любопытнейшую по содержанию книжечку. А если

вы захотите узнать, что сказал Распутин о Пушкине, Толстом, Леонове, Свиридове, Шукшине, Вампилове, может быть, стоит прочитать полностью, без сокращений его статьи и очерки о них в книге «В поисках берега»? А вместо главы 14 «Что в имени твоём, Сибирь?» просто взять само произведение «Сибирь, Сибирь...»? Вместо главы 16 «Смысл давнего прошлого» найти опубликованные в ежемесячной газете «Литературный Иркутск» замечательные эссе «Из глубин в глубины» к 1000-летию Крещения Руси и «Ближний свет издалека» о Сергии Радонежском? Вместо главок «Жупелы: один, два, три...», «Зажги свечу – растает тьма» и «Жрецы «новой» культуры» купить книгу «Эти двадцать убийственных лет. Беседы с Кожемяко»?

А сколько потрачено бумаги на главы, посвящённые повестям «Деньги для Марии», «Последний срок», «Вверх и вниз по течению», «Живи и помни», «Прощание с Матёрой» (о «Матёре» я уже говорил выше), «Пожар»! И зачем? Неужели достаточно для книги из такой серьёзной и уважаемой серии, какой является (или уже не является?) «ЖЗЛ», проскакать галопом, как по европам, по основным произведениям писателя, надёргав оттуда бесчисленное количество цитат? Разве литературные критики не сказали своё слово об этих сочинениях? Или мы узнаем здесь что-то принципиально новое?

Не скрою: есть в книге места, которые вызвали у меня интерес, например, главки, посвящённые отношениям Астафьева и Распутина в 90-е годы, или интервью писателя журналисту «Литературной газеты» о том, как он создаёт свои повести и рассказы, или воспоминания о писателе современников, наших и зарубежных. Очень хорошо сказали о нём актёр Михаил Ульянов, прозаик Владимир Карпов, французский исследователь русской литературы Жорж Нива и другие. Любопытна история, упомянутая ещё в начале книги, как писатель ступил на творческую стезю случайно, оставшись без стипендии. Но и здесь центральное место занимают цитаты, а слова автора играют в основном лишь связующую роль. И стоит только собрать вместе и опубликовать все эти и другие, не упомянутые в книге воспоминания, не говоря уж о полном собрании произведений писателя, включая его речи, статьи,

письма и интервью, как ценность книги, и так не слишком высокая, упадёт ещё ниже.

Мне кажется, что немалая доля ответственности за качество этой работы лежит на издательстве. Ведь если бы в «МГ» не устраивали гонку, чтобы отдать книгу в печать к определённой финишной дате, а главный редактор поставил бы перед автором вопрос ребром, обозначив чёткие требования к тексту, и дал ему ещё хотя бы год, она, по крайней мере, имела какой-то шанс получиться более добротной. И тогда выиграли бы все: и автор, и издательство, и читатель, ради которого, по большому счёту, и пишутся книги. Что же касается информационного повода, если уж он так был необходим, – чем хуже 80-летие со дня рождения писателя годовщины его смерти? По-моему, даже лучше.

Но в том-то весь и секрет, что ни автор, ни издательство не были слишком заинтересованы в добротной работе. Насколько я знаю, главный редактор «МГ» отдавал себе отчёт в том, что это произведение даже при многочисленных исправлениях априори не может получиться сильным. Но для него, вероятнее всего, главную роль сыграла скорость. Дело в том, что А. Г. Румянцев начал писать книгу о Распутине ещё при жизни писателя и к моменту его смерти уже имел, как я подозреваю, существенные наработки. Тем самым автор автоматически получил в издательстве преимущество перед другими литераторами, которые почти наверняка подошли бы к этой работе более ответственно и выполнили бы её более профессионально и талантливо.

К тому же есть одна характерная особенность у «ЖЗЛ». При приобретении книги из этой серии зачастую смотрят не на автора, а на название, то есть на имя замечательного человека, поэтому у «Молодой гвардии» всегда есть возможность издавать заведомо слабые вещи и не переживать о том, что они долго пролежат на полках магазинов.

Остаётся лишь надеяться, что после знакомства с книгой «Валентин Распутин» благодаря многочисленным цитатам из произведений писателя у читателя возникнет желание ещё раз (а может быть, и впервые) прикоснуться к его творчеству. А это самое главное.

ПОБЕДИТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА
«ШАХТЁРСКОЕ СЛОВО – КРЕПЬ РОССИИ»

Наталья МОНАСТЫРЁВА

ТОПОЛЬ В СИНИЦАХ

I

Дед мой не был на войне, но тёмно-зелёный китель, который он каждый год в конце лета с трудом вытягивал, как рыбу из полыньи старого шкафа, буквально светился от медалей и был похож на хариуса – весь блестящий, переливистый и благородный. И каждая медаль, нацеленная на луч света, по всем законам физики заманивала в комнату неуловимую семейку солнечных зайчиков. До визга весело было бегать по прихожей, напитанной солнцем и запахом чужих залежавшихся вещей, и ловить этих зайчиков. Хлоп по белой стене, а там – пусто, и рука в извёстке.

Сколько у деда было медалей? Много. Впору бы сосчитать и запомнить, но зачем? Куда интересней стянуть с косички капроновую ленточку, накрепко перевязать ею «раненый» глаз и поиграть в Кутузова. Я без разрешения, как в плащ-палатку, забиралась в длинный шерстяной пиджак и, брэнча наградами, сутулясь, медленно плелась к зеркалу, чтобы рассмотреть их поближе, прямо в упор, под своим невидимым, придуманным микроскопом.

Когда дед умер, пиджак перекочевал по наследству моему дядьке, потому что в его семье рождались мальчики – хранители семейной истории, а у нас – одни сопливые девчонки. С тех пор тёмно-зелёный китель я не видела и сейчас с трудом вспоминаю золотом вышитые молот с киркой на воротнике и медали «Шахтёрская слава» трёх степеней, с красной, золотой и медной звездой на строгом, математически выверенном, пятиугольнике.

Дед был шахтёром, а я – его любимой внучкой.

Мы жили на одной улице, и неудивительно, что всё лето я до потёмок пропадала в доме отцовских родителей. Поверьте, маленькому исследователю здесь было чем заняться. Сперва я забегала в летнюю кухню, чтобы потискать пушистых котят, долить их блюдце доверху нацеленным после утренней дойки молоком. Потом рассыпала пшено по струганным корытам в ку-

рятнике и наполняла поилки непослушных петухов отстоявшейся водой, а главное, по часам караулила насекомых под навесом в сарае, чтобы забрать тёпленькое белое яичко, отнести его бабуле, которая уже заводит опару для самых вкусных калачиков на свете. Разделавшись с нетрудными хозяйскими хлопотами, в тайне ото всех, я лезла на чердак и терялась там в старом барахле до самого вечера. Притаиться и посидеть в полутёмном помещении часок-другой, копошась в старых, погребённых под тяжестью пыли пожелтевших газетах, журналах и ретропластинках, – о, это было что-то! Не знаю, откуда у меня появилась такая тяга – ворошить «прошлое», но читать газеты, которые ждали меня на чердаке полвека, я страшно любила. В основном попадались старые издания «Кузбасса», напечатанные незнакомым шрифтом, но со своим особенным, всегда узнаваемым, стилем повествования. Изредка встречалась местная газета «За коммунизм». В одном из таких изданий на чёрно-белой фотографии пристальный взгляд выхватил знакомый образ.

– Ой, это же дедушка, молодой ещё, – я еле шевельнула губами, будто разговаривая сама с собой.

В статье говорилось о том, что «южане» выдали на-гора очередной угольный рекорд. Это была бригада деда на шахте «Южная», и он, горный мастер, стоял рядом со своими мужиками-работягами – грязный, счастливый, уставший и такой родной. Я поцеловала газету, сдунула с неё серую пылку и копоть от трубы, заботливо протёрла фотографию своей грязной рукой и отправилась с добычей на улицу.

Под вечер я уже партизирила у калитки, и, касаясь носом неструганных дощечек, выглядывала деда. Соседский забор напротив был вдвое выше нашего и всегда загораживал обзор, поэтому родню я научилась узнавать по макушкам. У деда макушка была радаром – с торчащими белыми антеннами, у папы – львиная грива в кепке, у мамы – макушка в шляпке, с выбившимися чёрными локонами, у бабушки – в газовом платке, который съезжал до затылка. Чужие головы, идущие вниз по улице вдоль забора, меня не интересовали. Я ждала свою ненаглядную поседевшую макушку с загорелым лбом и шрамом возле самого виска от отколовшейся породы. Вот он, появилась над штaketником – скоро дед весь целиком вынырнет из-за поворота.

II

Невысокого роста был дед Николай, но мощный, как айсберг, выносливый, сильный и, как говорила бабуля, шибко работающий. После ночной смены он топил сон в крутом, настоящем на притолоке, чифире и запросто ехал на покос вместе с отцом на нашем стареньком «Урале», чтобы до вечера, не поднимая солёного лба выше плеч, сгребать в огромные стога сено, прогретое июлем до самых травяных прожилок. Он мог целый день носить коромысло с двумя ведрами колодезной воды для бани, придерживая стянутую ольховую дугу одной рукой, а второй подталкивать вперёд меня. По дороге он весело травил мне, бегущей рядышком, байки и рассказывал истории про шахту. Батя тоже был шахтёром, но от него подобных историй не дождёшься. Он не любил рассказывать про работу нам, домочадцам, а когда мне нужно было писать сочинение на темы «Где работают родители», «Твоя любимая профессия», он отправлял за историями к деду – и правильно делал. Сочинения всегда выходили пятёрочными.

Дедуля открыл калитку вместе со мной, стоящей на перекладине, и я изо всех сил сжала его загорелую шею в объятиях и смачно поцеловала в щёку.

– Ты опять с накрашенными глазами пришёл, красавчик ты мой, – я оттянула уголки век в разные стороны, и дедуля стал вылитым китайцем.

– Да эти глаза как не мой, они всё равно грязные от угольной пыли. Въедается в кожу – не ототрёшь. Их только в бане, внуча, можно отквасить. Завтра затопим. Прибежишь?

Я кивнула.

Дед чмокнул меня в нос, схватил на руки и понёс в дом.

Бабушка уже напекла свои фирменные калачики, мы это поняли ещё на улице, принюхиваясь у калитки.

А дед умылся, сел за стол и выдал свою любимую послерабочую фразу:

– Борща охота. Чтоб наваристый, с горчицей.

– Горчица есть, борща нет, – встревожилась баба Шура. – Может, мяса поеешь? Горячее на печке, посмотри.

– Нееет, пойду готовить, – сказал дедушка и полез в холодильник за рёбрышками.

Его борщ был коронным блюдом. Готовить супец, так как это делал дед, ни у кого не получалось. Я наблюдала за процессом с самого детства, была подсобным рабочим: «потри морковку», «очисти луковку». Кулинарный букет ингре-

диентов помню до сих пор, а вот сварить мужу борщ по-дедовски не получается. Таким наваристым, настоящим, любимым супом меня уже никто не накормит.

Через часок мы уже сидели за столом, вокруг пахло невообразимой вкуснятиной. Перед дедом стояли две тарелки: от одной он смачно отхлёбывал жижу, заедая чёрным хлебом с горчицей, а другую, помешивая мельхиоровой ложкой, остужал для меня.

– А у меня для вас сюрприз есть, – выдала я, не дождавшись завершения трапезы. – Смотрите, что я нашла на чердаке! Парень на фото никого не напоминает?

– Ух ты! – удивился дед Коля. – Это Мишка Швыдкий, это Батон, Сашка, Василич – моя старая бригада. И я в каске, радостный чего-то, видеть, завтра выходной после первой смены!

– Дай-ка, Наталья, я уберу газетку, – засуетилась бабушка, забыв про ужин, – подреставрирую вечером, у нас такого экземпляра не было, я точно помню.

Она всегда собирала наши заслуги и складывала в свою сокровенную папочку, которую хранила от посторонних глаз на самой верхней полке антресоли, а потом долгими зимними семейными вечерами развлекала нас воспоминаниями.

– У меня тоже для тебя сюрприз есть, – заинтриговал дед Коля.

– Сюрприз? Какой ещё сюрприз? – я так громко удивилась, что захлебнулась борщом и прокашляться не могла минут пять.

– Дай ты ребёнку поесть спокойно, со своими сюрпризами всё не наиграешься, – проворчала бабушка и посмотрела на деда как на школьника – тот даже голову опустил, как будто дневник под столом прячет.

– Сейчас-сейчас, прожуй сначала, – буркнул дедуля. – Я буду рассказывать, а ты ешь и слушай. Месяц назад прибилась к нашей бригаде полуслепая дворняга. Опустилась в клетки с работягами в забой, а обратно подниматься и не думает. Смешная. Ходит как хрюша. Опустит свою вислоухую голову вниз и ощупывает всё кругом, будто геодезист, местность изучает. На обеденном перекуре лезет под сапоги к ребятам и укладывается спать. А храпит громко, как шахтёр после смены. Всех крыс своими басами разогнала. Ребята называли её Динкой. Кормят, по головке гладят. Некоторые мужики ей даже индивидуальную пайку из дома берут. Раскормили так, что брюхо по углю волочится. Ну да, раньше мы так и думали: разъелась наша сторожевая на

рабочих-то пайках, а сегодня спустились в шахту, а там... Батюшки, шесть щенков! Ше-ееесть, – протяжно выдохнул дед.

– Вот это подарок! – изумилась я, отодвигая тарелку. – А какие они? Опиши.

– Грязные как черти. Какой масти – не поймёшь. Слепые ещё. Через месяц, как окрепнут, разберём их с мужиками по домам.

– И ты возьмёшь? – еле дыша от радости, спросила я деда.

– Ага! Для тебя! – без малейшей доли сомнения выдал он.

Дед умел держать слово. Ни в шахте, ни в семье с ним никто никогда не спорил. Сказал – как отбойным молотком рубанул – и всё тут, без пререканий.

Через месяц он принёс домой толстого щенка, завернутого в шахтовые портянки. От него пахло подпольем, жареным салом и почему-то железной дорогой.

– Ну что, черноглазая? Как назовёшь? – спросил дед, ехидно подмигивая и улыбаясь уголком рта.

– Ну, может быть, как-нибудь красиво – Рекс? Мухтар? – засомневалась я. – Давай вместе придумаем.

– Давай сначала отмоем его. Чёрный как уголь.

– Точно, дед, – обрадовалась я, будто совершила открытие. – А давай мы этого пёсика Уголёк назовём.

В знак одобрения дедушка щёлкнул пальцами.

– Чтобы собака хорошо запомнила кличку и быстро на неё реагировала, её нужно назвать покороче, – вставила свои три копейки баба Шура, которая зашла в дом после огорода, чтобы одеть платок полегче. – У-го-лёк – не докричишься. Кинологи говорят, что кличка должна состоять из одного или максимум двух слогов. Наука. С ней не поспоришь.

– Бабуля дело говорит, – призадумался дед Коля. – Пошли мыть голопузого.

Мы набрали тёплой воды из бочки, поместили щенка в корыто и устроили нашему черноносику баню прямо в огороде. Дед густо намазывал собачонку хозяйственным мылом, а я поливала водой из ковша. Воду сменили раз пять, и вдруг синхронно разинули от неожиданности рты – щенок-то наш белым оказался. На левом бочке еле угадывались чёрные неровные пятнышки, как у телёнка. Хозяйственное мыло их не брало. Нос тоже не отмывался.

– С лёгким паром, Уголёк! – дед прижал к животу дрожащего щенка, и мы долго просидели

втроём на крыльце, пока солнце не перевалило за другую сторону бревенчатого дома, растворяя в золотом свечении невесомую пыль от дорожки и прозрачных мошек, искавших ночлег в лозе повядшей смородины.

III

Через год Уголёк стал огромным псом, похожим на немецкую овчарку. Послушный был и разумный, прямо не нарадуешься.

Скоро дед ушёл на пенсию, завёл ещё одну корову, телят и с головой погрузился в животноводство. Разводил кроликов, шил тёплые шапки для сыновей и внуков, снохам помогал делать домашнюю колбасу, сам доил коров, а летом раз в неделю выводил на вольные хлеба, на выпас, огромное стадо, куда стекалось рогатое поголовье с ближайшей округи. В качестве рулевого брал с собой Уголька. Умный пёс поворачивал настырных коров в нужную сторону, стоило только командовать: «Влево!» или «Уголёк, веди на меня».

Однажды я на целый день отпросилась у родителей, и мы с дедом повели стадо через лесок к большому полю, поросшему белым и красным клевером. Неповоротливые бурёнки, наевшись свежей зелени, грузно валились в тень под деревья, гоняли языком жвачку, вздыхали и отмахивались от надоедливых мух кнутами чёрных хвостов, больно шлепая себя по бокам. Мы лежали под тополем. Солнце в листьях высоченного дерева плавилось, как разомлевшая, полная мёда сота, и стекало вниз, остужаясь под свежестью сомкнувшейся кроны.

– Странное дело, – сквозь зевоту прошамкал дед и повернул кепку на бок, подставляя солнцу прищуренный профиль. – Не встречал я тополей в лесу. Да ещё таких толстенных.

– Да ещё и таких певучих, – добавила я.

– Почему? – удивился дед.

– А смотри, сколько на нём птиц! Ты что, не слышишь? Они своим чириканьем даже симфонию кузнечиков забывают.

– А почему они именно здесь поют? – с хитринкой в голосе допытывался дед. – Давай буди Шерлока Холмса. Думай!

– Зрителя ищут, вот и поют нам с тобой песни. Кому ещё петь-то, коровам?

– Эх ты, фантазёрка. Всё элементарно, Ватсон. Посмотри, где Уголёк лежит. Далековато, правда? Они его не боятся – это раз. Сколько крошек мы с тобой после обеда оставили – это два. Сейчас отойдём шагов на пять, присядем за пихтушку, и вся эта стайка на землю слетится. Спорим?

Мы отошли, неслышно сбивая сапогами первые созревшие семена рыжей, как конская грива, травы, и спрятались.

Черноголовые синицы все как одна упали на землю и быстрым китайским шагом засемили траву в поисках крошек.

– Дедукция в жизни пригодится! – подытожил дед. – Я однажды так бригаду спас, вывел из шахты, «потому что показалось». Так и написал потом в объяснительной: «...показалось, что метан пошёл». И выговор получил. А вторая смена попала. Раскололся пласт. Рвануло несильно, но одному проходчику не повезло – ногу зажало. Пока нашли, пока откопали. В общем, на группе он сейчас, пьёт и не закусывает.

– А как ты узнал про этот метан? Он что, вонючий? А почему остальные не поняли? – я забрасывала деда вопросами, сверлила широко распахнутыми глазами и всё время теребила плечо.

Он тянул время. Сорвал травинку, долго мял её в руках, потом попробовал на зуб и, помедлив, ответил:

– На покос пора, трава созрела, слышишь, как шушукает в руках. Пока солнце палит, надо косить. Завтра скажи отцу, чтобы долго не залёживался. Вместо будильника пусть петуха заведёт.

Дед улыбнулся, стукнул меня по носу травинкой и пошёл поднимать стадо.

– Деда, а давай это будет наше секретное место, – не успокаивалась я, – давай на тополе вырежем наши имена, у меня складник отцовский есть.

– Ты что такое говоришь, – как вкопанный встал дед, касаясь пальцами морщинистой, источенной голодным короедом тополиной кожи. – Ему же больно! Давай лучше скворечник сколотим и повесим повыше. Пусть слетаются синицы, обживаются, выводят потомство, даже когда нас здесь не будет.

IV

Когда я была маленькая, знала, не по-детски была уверена: если человек умирает – к далёкому солнцу прибавляется ещё один лучик, и вокруг становится теплее. Дед умер, когда мне было чуть больше двадцати. Крещенские морозы в ту пору скалились на любого, кто хотел выйти из тёплого жилья, и люди до красна топили печи, занимали себя заботами, латали валенки, смотрели телевизор и выбирались из протопленной хаты только при крайней необходимости – на работу. Трубы, похожие на горелые подсвечники, выкуривали иссиня-чёрный дым из домов, вы-

дыхая его до самого неба, безоблачного, прозрачного, пристёгнутого к эфиру звёздами-пуговками. В такую злую ночь и умер дед. Умер прямо на улице возле крылечка. Мы с отцом нашли его утром, холодного, заиндевелого, без шапки, совсем не похожего на себя. Его одеревенелая пятерня намертво зажала длинную ручку от входной двери, которую вырвало вместе с болтами. Шипевшая пена на губах за ночь превратилась в лёд, а в закрытых глазах, наверное, отражались вчерашние звёзды.

Врачи сказали, что это сердце. Просто упал – и всё. Так бывает. Но я знала, что не бывает, что так просто не может быть. Вчера я забегала сюда в гости, мы долго разговаривали, вспоминали прошлое, у деда всегда в закромах, помимо сгущёнки к чаю, была припрятана парочка интересных историй. На первой ступеньке крыльца я вижу след от своих ботинок. Так не бывает.

В закрытом вольере возле стайки протяжно, обессилев, выл Уголёк. Папа подошёл к нему, открыл решётку и поговорил с псом по душам, как с человеком. Тот затих, растелился на спрессованном снегу и больше не вставал. Через три дня потеплело, и на поминки повалил снегопад, а с ним и народ. Мы думали, что дедов дом раскатится по брёвнышку – столько людей там перебивало: знакомые и незнакомые, родственники и соседи, проходчики, спасатели, горнорабочие с добычного участка и даже один пьяный мужик зашёл рассказать, как дед каждый год точил ему литовку для покоса. Казалось, Кириллыча знали все, кто когда-нибудь жил на окраине нашего маленького города, который назло зиме шахтёры каждый год протапливали углём.

После поминок Уголёк скорее походил на плоскую шкуру, прижавшуюся к полу, чем на большую собаку. Он почти не шевелился, только два чёрных глаза следили за снежинками, которые, не долетая до носа, таяли от горячего дыхания. Отец на руках унёс Уголька к нам домой. Мы постелили ему возле печки и долго выпаивали молоком и всякими лекарствами, которые приносила мама.

Пёс прожил у нас ещё два года. А на третью зиму потерялся. Мы с отцом облазили все соседские сараи, протоптали тропинки вдоль непроходимых сугробов, искали на обочинах у дороги – всё зря. Ушёл – и был таков. Уголёк был лучшим подарком в моей жизни. Нечаянным подарком, принесённым из шахты, из недр самой земли, человеком, которого я люблю до сих пор и до сих пор вспоминаю.

Шахтёрское слово – крепь России

**ПОБЕДИТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА
«ШАХТЁРСКОЕ СЛОВО – КРЕПЬ РОССИИ»**

Иван ТАЩЕВ

НА ГОРНЯЦКОМ ФРОНТЕ

*Горняцкие будни сравнимы с боями:
Теряют друзей под земными слоями.
Там, словно на фронте, медали дают,
«Шахтёрскою славой» увешана грудь.*

*Богатства земные без боя не взять –
Природе не хочется их отдавать.
Под смертью в забоях сраженье ведётся,
И кровью и потом огонь достаётся.*

*С потерями всё же идём на «ура»
И Родине уголь даём на-гора.
Рабочие смены сложились в года,
Шахтёр – это гордость в России всегда!*

ПРОСТАЯ СМЕНА

*Стволовой махнул рукою,
Спуск не долгов, но уныл.
Есть во мне боязнь, не скрою.
Про неё почти забыл.*

*Плечи к шее прижимаю,
Здесь сквозняк со всех сторон.
Не простыню, точно знаю.
Мысли греет самогон.*

*Это будет после смены,
А пока – даёшь угля!
Мы расширим эти стены,
Ты отдай своё, земля.*

*Этот путь – он долгий, трудный.
Не поймёт, кто не видал.
Тормозочек милый, чудный,
Душу тоже согревал.*

*Смена вот уж на исходе.
Да, наряд исполнен весь.
И усталость даже вроде
Где-то там немного есть.*

*Так идём, шутя, шагая,
Лишь улыбки в темноте.
И фонарики, сверкая,
Освещают путь во мгле.*

*На-гора почти летел,
Клеть шатало в сотый раз.
Лишь в ушах едва гудел
Молотков отбойных бас...*

Елена ТРУХАН

«...СЛУШАТЬ ЛЯГУШЕК И – ПИТЬ СОЛНЦЕ!..»

(О последнем дневнике В. Ф. Булгакова)

Есть что-то непреодолимое и безвозвратное в слове «последний». А если речь идёт о последнем Слове писателя, то ещё и ностальгическое, и роковое, и невероятно притягательное. Ведь каждая чёрточка в этом «последнем» бесповоротно и прощальна, каждый шаг – символичен, каждая строка дышит предчувствием ухода...

В собрании Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая (ГМИЛИКА) хранится личный дневник уроженца города Кузнецка Томской губернии, последнего секретаря Л. Н. Толстого, блестящего мемуариста Валентина Фёдоровича Булгакова (1886–1966). Двенадцать исписанных листов, а дальше – пустыня: чистая, пожелтевшая бумага без следов извечной писательской борьбы с неумолимым течением времени...

Втиснутый в неприметную тёмно-коричневую 96-листовую тетрадку, коих в советское время было великое множество, неполную, с извлечёнными частями блока, он, возможно, не привлёк бы к себе особого внимания, если бы не надпись на фронтисписе, заключённая владельцем в маленькую, наскоро очерченную рамку: «Вал. Булгаков. Дневник. С 6 июня 1966 г. по.....»*.

Да это же тот самый дневник, который вёл литератор в Ясной Поляне в последние три месяца своей жизни! Дневник, о котором впервые поведала старшая дочь писателя Татьяна Романюк-Булгакова (1921–2003) через два месяца после смерти отца!

Благодаря её публикации в тульской газете «Коммунар» стало известно о существовании «последних страничек дневника», а также о целом корпусе не опубликованных при жизни автора произведений: исповеди школьного учителя «Цыгане за учебой», цикле «случайных записей» о писателях, художниках, общественных деятелях под названием «Чтобы спасти от забвения», многочисленных рассказах – «В море», «Под Девичьим», «Смерть Лены», «Ночной заем», «Ты помнишь наши встречи?» и др. Это литературное наследие до последнего хранилось в се-

* В работе сохранены орфография и пунктуация дневниковых записей В. Ф. Булгакова.

мье писателя, и только в 2000 году Т. В. Романюк передала труды отца вместе с некоторыми письмами и книгами в фонд ГМИЛИКА (Барнаул).

Общеизвестно, что в историю литературы и культуры Валентин Булгаков вошёл как последний секретарь Льва Толстого, преданный последователь его идей и основатель толстовских музеев. Одарённый мемуарист и очеркист, фольклорист и этнограф, коллекционер и музейный работник, лектор и экскурсовод, исследователь 22-тысячной библиотеки «великого старца», педагог и автор порядка 10 книг и 70 статей, Булгаков заявил о себе во многих отраслях гуманитарного знания. Стал он и первооткрывателем темы «Достоевский в Кузнецке». Одноимённая статья, значительно расширившая литературоведческие и литературно-краеведческие горизонты, была опубликована им в иллюстрированном приложении к газете «Сибирская жизнь» в 1904 году, когда начинающий литератор ещё получал классическое образование в Томской мужской гимназии.

Именно в юношеские годы у Валентина Фёдоровича сформировалась полезная привычка детально фиксировать события, оставлять впечатления в дневниках. Со временем она стала надёжной опорой для развития его мемуарного таланта, ведь, как известно, многие произведения Булгакова рождались именно из дневниковых заметок. Признавая это, современные исследователи булгаковской мемуарной прозы расценивают её как определённый вид публицистики или даже журналистики. На этой позиции стоит, например, профессор А. А. Донсков, один из ведущих булгаковедов, действительный член Канадского королевского общества, директор Группы славянских исследований при Оттавском университете в Канаде. Он утверждает, что «труды и дни» последнего секретаря Л. Н. Толстого вообще «нельзя изучать без надлежащей ссылки на его дневники».

Дневниковая запись в бытовой и литературной жизни Валентина Булгакова играла поистине глобальную роль. Это становится ещё более очевидным после ознакомления с описью писательского фонда в РГАЛИ. Трудно представить, но здесь хранятся его дневники с 1904 по 1966 год (то есть за 62 года!) и записные книжки с 1933 по 1966 год (за 33 года!). И это не считая путевых записок, личной и деловой переписки с издательствами, редакциями газет, журналов и, конечно, эпистолярного общения с видными представителями литературного процесса первой половины XX столетия, художниками, общественными деятелями, музыкантами. Немногие могут похвастать столь обширным исповедальным архивом! Без преувеличения, дневник –

излюбленный жанр Булгакова – помог ему создать настоящий клад знаний о своей эпохе. Он стал и важнейшим биографическим источником, и письменным памятником своего времени. Тем пронзительнее звучат вести об утрате каких-либо записей и дневников. Среди самых ощутимых – гибель во время пожара в Праге в 1945 году «зелёной тетради», которую Валентин Фёдорович вёл в Ясной Поляне в 1910-е годы как «дневник для одного себя»...

Литератор погружался в дневниковую стихию регулярно, вплоть до самой смерти. Несмотря на пошатнувшееся здоровье, не всегда гармоничное душевное состояние и обстоятельства, не изменял своей литературной привычке. И хотя в его последней дневниковой исповеди содержится всего девять записей, он ни на йоту не отступал от выработанных годами летописных принципов: объективности и содержательности записей, протокольной точности событий, глубокой внутренней культуры, представления фактов во всех подробностях, чёткости собственной позиции, лиричности и задушевности. Старшая дочь писателя Татьяна, первая читательница дневника, отмечает крепкую память отца, его проныцательность, умение чётко и ясно излагать мысли: «Поражает его вдумчивое отношение к прочитанному, услышанному, восхищают его меткие замечания».

Ей вторит Ал. Лесс в «Слове прощания», опубликованном в «Литературной России»:

«Несмотря на преклонный возраст, Валентин Фёдорович обладал ясной и острой мыслью, удивительной работоспособностью, любовью к жизни и жадной деятельностью. Он охотно откликался на зов своих собратьев по перу, принимая живейшее участие в делах тульской писательской организации, в делах писателей Российской Федерации. Восьмидесятилетний старец, он с величайшей готовностью приехал из Ясной Поляны в Центральный Дом литераторов, чтобы поделиться с московскими писателями воспоминаниями о Толстом. И чуть ли не на следующий день Булгаков выступил с докладом в Музее Л. Н. Толстого. А сколько докладов и лекций прочёл он в Ясной Поляне и в Туле!..».

Иными словами, Валентин Фёдорович всегда оставался в центре внимания, его профессиональная жизнь была полнокровной и продуктивной даже в канун 80-летия, а работы имели широкий резонанс. С удовольствием исполняя роль музейного экскурсовода, он радушно встречает отечественных и зарубежных гостей Ясной Поляны, читает выездные лекции, активно откликается на культурно-массовые мероприятия:

«1 июля благополучно выступил с лекцией о Л. Н. Толстом на съезде директоров книготоргов

целого ряда (23) областей. Были признательны, любезны, фотографировались и пр. Но... все же устал (п. ч. говорил стоя)»;

«15-го июля музей посетила экскурсия американских духовборцев и духовборок (подчёркнуто В. Ф. Булгаковым. – Е. Т.)».

Каждая строка булгаковского дневника превращается в маленький рассказ о насыщенных писательских буднях, о необыкновенной самоотдаче и поразительной интенсивности труда. Последняя была настолько высока, что практически не предполагала наличия свободного времени. «И в 79 лет отец не знает и не хочет знать отдыха, он буквально завален работой, – констатирует Татьяна Романюк-Булгакова. – <...> Он не жалел ни сил, ни здоровья, делясь с людьми своими воспоминаниями о великом писателе, о днях, проведённых вместе с ним, в кругу его семьи и близких...»

Дневник доносит до нас текущие профессиональные и бытовые события, темы публичных выступлений, заметки о приятных мелочах и милых подарках, неприятностях и огорчениях. Мы узнаём о научных трудах, творческих планах и их реализации, впечатлениях от музыкальных и литературных встреч – словом, вкушаем сочные, помогающие лучше узнать и понять автора факты, определить размах его деятельности в культуре и литературе. Суета и круговерть будней словно захлёстывают литератора, но в то же время помогают чувствовать себя востребованным и нужным. Удивительно, но он находит время на многое, даже на то, чтобы продемонстрировать свою политическую позицию: «12-го июня голосовал за двух тульских кандидатов в члены Верховного Совета СССР».

И хотя на закате дней писатель жил один, одиноким никогда не был. Как точно заметила его дочь Татьяна, «он не отошёл от народа, а наоборот, сблизился с ним».

Дневниковые записи Булгакова пестрят обилием встреч, в каждой из которых – доброжелательность и неподдельный интерес к отдельно взятому человеку, отсутствие формализма и равнодушного отношения к окружающим. Он не просто стремится «выдать» исчерпывающую информацию о Толстом или представить себя в качестве «живого экспоната», а хочет подробней узнать конкретного посетителя. И пусть судьба свела их всего на несколько часов – неважно! Главное, эта встреча состоялась! Он вкладывает душевные силы и в содержание проводимых экскурсий и лекций, и в тех, кому они предназначены. Педантично, с большой точностью, узнаёт имена и фамилии яснополянских гостей, цели их визита, «угощает» автографами, принимает скромные по-

дарки и всё, до мельчайших деталей, заносит в дневник:

«Протекшие дни». 24/VII. Были двое юношей (1 – узбек) и 3 девушки: за автографами. Поговорил с ними. Особенно один черненький еврейчик был привлекателен. И автографами угостил».

«25/VII. Был закарпаторусский писатель Иосиф Жупан из Ужгорода (брат покойного партизана Васи Жупана). Едет в большое путешествие по Волге – до Астрахани. Оставил сборник простеньких, наивных закарпаторусских во всех отношениях рассказиков «Кукла». Человек – достойный, простой».

«28/VII. Были 13 студенток и ст-ов – медичек и медиков из Перми, во главе с проф. А. К. Тычинкиной. Долгая, скорее приятная беседа. Автографы».

«18/VI. Были у меня: председатель Комитета по делам печати при Совете министров СССР (б. министр культуры и позже – посол в Индонезии) любезный, мягкий и «с огоньком» Н. А. Михайлов, драм. актер и декламатор Сурэн Кочарян, худ. Б. В. Щербачков и Н. П. Пузин... С ними же ездил на кладбище: минута глубокого, молчаливого горя в душе – перед скромной и такой одинокой могилой Анечки!..»

Внимание к дневнику приковывает и редкое умение его владельца восторгаться красотой человеческой мысли и душевных порывов, оригинальностью мышления, глубиной чувств совсем незнакомых людей. Питая всю жизнь симпатию к Толстому и его учению, Булгаков невольно «перебрасывает» эти эмоции на тех, кто любит, ценит, читает, изучает великого классика. Эта живая энергия притекает к нему посредством живого общения и через переписку. Так, 15 июня 1966 года писатель цитирует в дневнике письмо воронежского журналиста, тронувшее его до глубины души:

«Русскому человеку, однажды пришедшему к Толстому, трудно от него уйти. Да и не надо этого делать. Я именно такой: пришедший». Эти милые строки принадлежат сотруднику газеты «Молодой коммунар» в Воронеже Виктору Викторовичу Буданову. Есть же еще такие милые люди в нашей молодежи! И таких – не «толстовцев», а именно свежих, самобытных, умно рассуждающих и глубоко чувствующих – молодых людей я уже много встречал в новой России. Даровитость народа (скажу тоже оригинальным словом) продолжается (подчёркнуто В. Ф. Булгаковым. – Е. Т.) и часто чувствуется».

Последний дневник раскрывает истинное, выходящее далеко за рамки обычного средства связи значение писем для Валентина Булгакова. Эпистолярные беседы с известными адресатами и незнакомцами были для него по-настоящему питающим источником: импульсом к творчеству и пробужде-

нию вдохновения, способом писательской самореализации. Он с удовольствием получал от читателей-собеседников, живущих в разных уголках страны, свежие новости, мнения и впечатления, принимал отзывы на свои новые книги, вступал в полемику. Письма давали пищу для новых идей и энергию для будущих свершений. Особенно приятно его волновали такие послания, как от незнакомой ему учительницы-пенсионерки К. Н. Работинской из Йошкар-Олы Марийской АССР, написавшей после «двукратного чтения книги «О Толстом».

Эмоционально отзывчив Булгаков был именно на тон писем. Тон письма огорчал, травмировал, возмущал или, напротив, подбадривал, возвышал, вдыхал новые силы. Достаточно вспомнить об упоминаемых в дневнике критической работе С. А. Розановой («Тон ее рецензии на книгу о «друзьях Толстого» я считаю недопустимым») или о письмах к М. А. Мосолову с совершенно иным эмоциональным градусом («...огромное спасибо Вам за Ваше чудное, великодушное, дружеское письмо, полное внимания и доверия. М. б, я не заслужил его, но благодарность моя искренняя и глубока. Спасибо, спасибо! Душевно Ваш...»; «...позвольте от души поблагодарить Вас за сердечный, дружеский тон Вашего письма, какого я, в самом деле, не заслуживаю в той мере, в какой Вы мне его дарите! Но этот тон ободряет, воодушевляет, и я не могу не сказать Вам: спасибо, спасибо!»).

Чувствительность к тону письма, скорее всего, была обусловлена уникальной способностью Валентина Фёдоровича воспринимать письменное сообщение как живой разговор с его отправителем. Поэтому письмо, преодолев расстояния и время, нисколько не меньше, чем встреча тет-а-тет, влияло на душевное состояние адресата: поддерживало боевой настрой или, напротив, глубоко и серьезно ранило. Письма и ответы на них всегда были связаны с глубоким переживанием, но без него мемуарист не мог обходиться.

Об особом отношении писателя к посланиям общал и Ал. Лесс в «Слове прощания»: «У Валентина Фёдоровича было множество корреспондентов, которые буквально засыпали его письмами. Как истинный интеллигент, Булгаков ни одного письма не оставлял без ответа, хотя такая переписка отнимала много времени и сил».

Даже докучающие, почти анекдотические, курьёзные послания, такие как от «сектанта-толстовца Л.», не оставались у писателя без ответа. Так, 11 июня 1966 года он поверяет дневнику впечатления от очередного письма-незнакомца:

«Украинский сектант-«толстовец» Л. жалуется на Н. Н. Гусева: дважды писал ему, просил, чтоб «напи-

сал о своем здоровье, занятиях и о написанных им сочинениях», указывал, что ему, Л., «полезно было бы хоть изредка переписываться с некоторыми, еще живыми (подчёркнуто В. Ф. Булгаковым. – Е. Т.) друзьями и почитателями покойных Л. Н. Толстого, В. Г. Черткова, И. И. Горбунова-Посадова и Рабиндраната Тагора (?!)». А Гусев молчит и не пишет! Болен он, что ли? «Ответьте хоть Вы, В. Ф., на это письмо!» – и т. д. и т. д. Кстати, он еще и приехать и ко мне, и к Гусеву собирается!..»

Подобные просьбы вызывали, с одной стороны, возмущение и негодование адресата, а с другой – тонкую иронию и такую же тонкую горечь... Но даже тогда писатель был способен преодолеть первые эмоции и чётко, аналитически выверенно очертить портрет своего корреспондента: «Это типичный образец того замаринованного в системе своего мировоззрения тяжкодума – сектанта, который «стремится» (не всегда успешно) к высочайшим полетам морали, а от простой человеческой вежливости совсем отвык или отказался».

Оставаясь тактичным и деликатным, Булгаков находил для навязчивых корреспондентов такие «правильные» слова и веские аргументы, после которых новые письма, тем более сумасбродные поступки были совершенно не нужны:

«Уважаемый ..., мне кажется, что Вы излишне требовательны к Н. Н. Гусеву, желая, чтобы он писал Вам о себе, о своих занятиях. Вы не принимаете во внимание ни его старости (84 года!), ни его занятости, ни множества получаемых им писем, при которых, конечно, он никак не может вести постоянных, правильных переписок с отдельными, незнакомыми людьми. К тому же сейчас он очень болен. Откровенно говоря, и я, грешный, нахожусь в таком же положении. Думаю также, что если у Вас есть моя книга «О Толстом», то уже не стоит и приезжать ко мне (как и к Н. Н. Гусеву): для меня это будет свидание из последних сил, а между тем ничего лишнего я (как и он) Вам уже не скажу. С приветом и пожеланием всего доброго...».

Письменные диалоги знаменитого мемуариста не утихали вплоть до последних дней. Они превратились в каждодневную работу, требующую колоссальных усилий:

«23/VI. Явились ко мне на квартиру 8 молодых девушек, временных сотрудниц музея-усадыбы Ясная Поляна, и помогли мне в трудном для одного меня деле: разобрали по начальным буквам фамилий авторов до 3 000 (а м. б., и более) накопившихся писем».

И даже после смерти Валентина Булгакова эпистолярный поток не иссякал. «Отца уже два месяца

нет в живых, а мы с сестрой до сих пор получаем письма от друзей и знакомых, а часто и вовсе незнакомых. Все они выражают свое глубокое уважение и любовь к отцу. Значит, он живет в сердцах людей...», – делится сокровенным Татьяна Романюк.

Действительно, уровень коммуникативных потребностей писателя был чрезвычайно велик. Это подтверждают и материалы булгаковского фонда в РГАЛИ. Известно, что в разделе «Переписка» числятся послания к 177 адресатам и письма к нему от 860 корреспондентов! И это не принимая во внимание «Дополнительной личной корреспонденции В. Ф. Булгакова», включающей послания друзей и знакомых, сторонников учения Л. Н. Толстого, членов общины духоборов в Канаде, читателей и начинающих писателей (1913–1966), «Деловой переписки» с издательствами, редакциями газет, журналов (1913–1966), а также с зарубежными пацифистскими организациями, вегетарианскими обществами (1924–[1950-е]).

Привычка Булгакова дублировать личные письма в дневниках позволяет прочитать шесть его последних эпистолярных обращений к разным адресатам. Три из них были предназначены журналисту, библиофилу, литератору, работнику Приокского книжного издательства М. А. Мосолову и по одному – дочери Татьяне, сектанту-«толстовцу» Л. и литературоведу А. И. Шифману. На этих «проникновениях» эпистолярной прозы в дневниковую среду хотелось бы остановиться подробнее.

Из всех посланий, вкрапленных в дневник, наиболее примечательны, думается, письма к туляку Михаилу Андреевичу Мосолову. Булгакова с ним роднила не только профессиональная деятельность, но и хобби. Не секрет, что Михаил Мосолов, как и его старший товарищ по писательскому цеху, увлекался коллекционированием и сбором автографов. В личном собрании книжных и документальных раритетов Мосолова хранились уникальные издания времён первой русской революции, 1905–1907 годов, книги с дарственными надписями известных писателей и художников, их письма и фотографии. Адресат Булгакова был не понаслышке знаком с издательским делом и журналистикой: с первых номеров редактировал газету «Молодой коммунар» (1925), трудился в тульской газете «Коммунар» и Приокском книжном издательстве, где, напомним, вышла в свет булгаковская книга «О Толстом» и готовилась к публикации следующая – «Друзья Толстого». Разговор об этих двух произведениях и не только о них и развивается на страницах писем к Мосолову.

В первом письме к нему (дневниковая запись от 6 июня 1966 года) Валентин Булгаков выказывает

чрезвычайную озабоченность судьбой своей будущей книги «Друзья Толстого», получившей «гадку рецензию»:

«...сочинение С. А. Розановой огорчило меня не столько за себя, сколько за нее: столько в нем непонимания и необоснованного (а подчас и искусственно взбитого, наигранного) раздражения. Я обязательно отвечу (не ей, а редакции) на ее рецензию, но только попозже...»

Нелицеприятный отзыв на мемуарное повествование глубоко задел автора, и он не заставил себя долго ждать: уже 4 июля сообщает толстоведу А. И. Шифману, а 23 июля – все тому же М. А. Мосолову, что за письменным столом ведёт полемику с рецензенткой.

Самоотверженная борьба Булгакова за «Друзей Толстого» объяснима. Он предчувствовал свой скорый уход и желал завершить дело, к которому приступил ещё в военные годы. Книга рождалась в нечеловеческих условиях фашистского концлагеря «Вюльцбург» близ города Вайссенбург (Германия), поэтому была ему невероятно дорога. О процессе её создания поведала Татьяна Романюк на страницах газеты «Неделя» спустя 20 лет после смерти своего отца. В статье «Один год и вся жизнь» она описала ужасные, раздирающие душу подробности: «Писать приходилось карандашом, на обратной стороне небольших рекламных листов, которые для отца нелегально проносили в лагерь молодые заключенные, работавшие в городе. Это были матросы шести советских кораблей торгового флота, захваченных фашистами в море или немецких гаванях в первый день войны. Вся рукопись заняла 8 таких книжечек, общим объемом в 1 385 листов. На титульном листке – надпись: «NB. В случае моей смерти послать моей жене Анне Булгаковой». Кстати, статью сопровождало фотоизображение – обложка рукописной книги «Друзья Толстого» (тетрадь 2), где помимо обязательных сведений о названии, авторе и др. стояла булгаковская помета: «Писана в немецком лагере».

Существенно дополнил этот вызывающий дрожь рассказ Александр Иосифович Шифман, советский литературовед и критик, доктор филологических наук, видный исследователь судьбы и творчества Л. Н. Толстого в контексте межкультурных связей, в особенности – со странами Востока. Ему «пришлось видеть и читать волнующие, драгоценные записи, которые Булгаков в лагере делал на обороте рекламных листов какой-то немецкой фабрики». Бесценные детали бытования рукописи «Друзья Толстого» Шифман получил, скорее всего, от самого писателя, с которым был дружен и активно

общался. «Листки раздобывали ему друзья по камере, которых гнали туда на работу, – сообщал исследователь в статье «Воспоминания секретаря Льва Толстого». – Больной, изможденный Булгаков исписывал листки мелким почерком и один за другим нанизывал на ржавую железную проволоку. Получилась своего рода бумажная гирлянда, чем-то напоминающая цветочные гирлянды, которыми венчают почетных гостей в странах Востока. С помощью друзей по камере ее удалось спрятать и чудом сохранить. А затем, в Ясной Поляне, снимая с проволоки листок за листком, переписывая и пополняя их, он составлял свои воспоминания о Толстом, об окружении писателя – яркие литературные портреты, часть которых включена в настоящую книгу»...

Шифман, подробно остановившийся на каждом разделе посмертного булгаковского сборника, с сожалением констатировал, что очерки «Друзья Толстого» в полном авторском варианте так и не увидели свет даже после смерти мемуариста. Не напечатан он и сегодня. Лишь в 1978 году книга частично вошла в объединенное юбилейное издание «О Толстом». Радует, что его предварило вступительное слово Александра Шифмана, которого Валентин Фёдорович пророчил в качестве автора предисловия к «Друзьям Толстого». Об этом он заявлял на страницах последнего дневника: «Предварительно напишу и пошлю в редакцию (и Вам копию) «Отклик на рецензию С. А. Розановой». В рецензии этой много нелепого – и с моей, и с какой угодно точки зрения. Если можно, не начинайте Вашей вступительной статьи, пока не ознакомитесь с моим «откликом» и с поправками и сокращениями, которые я сделаю в тексте книги»...

Но вернёмся к «дневниковым» письмам, адресованным Мосолову. Не остаётся сомнений, что Булгаков возлагал на него большие надежды. Так, 23 июля 1966 года, во втором письме к нему, он обращается с творческим предложением – развить мысль «в память дочерей Толстого, шедших за отцом на тяжелую работу и на помощь народу», то есть написать биографическую книгу «Дочери Толстого». Свой выбор относительно Мосолова-автора он обосновывает так: «На «друзей великого писателя, близко знавших жизнь в яснополянском доме», надеяться нечего, по той простой причине, что почти все они ушли из жизни, а остающиеся единицы – немощны и перегружены другими задачами, от которых нельзя уйти – «в преддверии гроба». Надо найти чуткое сердце среди литераторов. Мой кандидат на работу «Дочери Толстого» – Михаил Андреевич Мосолов. Беритесь-ка за эту тему! Вы сделаете ее хорошо. И

115

Приокское изд-во создаст еще одну интересную работу о людях эпохи Толстого».

По мнению Булгакова, этот шаг развил бы потенциальные возможности будущего автора, благоприятно сказался на репутации издательства и упрочил положительный имидж «великого старца»: «Дочери Толстого» и вытекают из авторитета Толстого, и подкрепят еще более этот авторитет». Ему очень важно не просто найти способного литератора, достойного кандидата на должность автора книги, а человека, которому он мог бы всецело доверить «толстовскую» эстафету. Булгаков прямо-таки настаивает на обращении Мосолова к разработке «дочерней» темы. Переписывая в дневник очередное письмо 2 августа 1966 года, он заявляет: «Сначала – о литературной теме, какую я Вам рекомендовал: «Дочери Толстого». Конечно, Вы справитесь с этой темой (как справитесь со всякой темой, за какую со всей энергией возьметесь!)» (подчеркнуто В. Ф. Булгаковым. – Е. Т.)

Для большей убедительности и поддержки творческого духа своего младшего современника Валентин Фёдорович не ленится «по полочкам» разложить черты его характера, с помощью которых тот смог бы достичь успеха на литературно-исследовательской ниве: «Главное же то, что Вы владеете как раз теми данными, которыми владеет далеко не всякий и какие нужны как раз для выполнения этой темы: 1) душевностью, 2) пониманием душевного, 3) пониманием героического, 4) пониманием мира, выросшего на лучших стремлениях Л. Н. Толстого, 5) демократическими убеждениями, 6) вдохновенностью идеалом социалистическим и коммунистическим, 7) нелицеприятием и должной объективностью по отношению к тем, кем Вы заняты, кого Вы рисуете, 8) человеческой зрелостью и, наконец, 9) художественной одаренностью...».

Убедительную эпистолярную речь щедрый на комплименты и обещания, энциклопедически подкованный мемуарист завершает оптимистично-побудительно: «Итак, смело решайтесь и готовьтесь к этой теме. Разумеется, я – целиком в Вашем распоряжении, в качестве возможного консультанта...». И тут же, и в шутку, и всерьёз, заявляет: «Но – одно «ограничение»! Пожалуйста, не выходите на пенсию [для работы над очерком о «Дочерях Толстого»], пока не издадите мою книгу «Друзья Толстого». Без Вас она потонет. А жалко: на нее потрачен большой труд».

К огромному сожалению, упования Валентина Фёдоровича были напрасны: книга «Дочери Толстого» или творение с похожим названием так и не вы-

шла из-под пера Михаила Мосолова. Желание найти преемника, к сожалению, не воплотилось...

Тема «гадкой рецензии» вновь находит отражение и в последнем послании к М. А. Мосолову (дневниковая запись от 23 июля 1966 года). Булгаков в который раз вспоминает о С. А. Розановой, успевшей за месяц несколько изменить «тон» относительно его мемуаров, спешит поделиться свежей новостью со своим единомышленником: «Интересно, что какие-то нотки покаяния зазвучали в строгом сердце С. А. Розановой, опрокинувшей на меня целый воз жестоких, но, по большей части, дурно обоснованных и подчас даже необоснованно-оскорбительных сиводедовских* обвинений и обличений. Хотя и жаль времени, но придется ей (не прямо, а через издательство) ответить. Тон ее рецензии на книгу о «Друзьях Толстого» я считаю недопустимым».

Рецензия Розановой мало того что вынудила Валентина Фёдоровича заняться написанием отклика, оторвав от другой важной работы, так ещё и отодвинула на неопределённый срок выход книги. Несмотря на состояние здоровья и предчувствие близкой кончины, Булгаков вновь берётся за очередную правку рукописи: «Сейчас я занят откликом на рецензию, а затем займусь последним чтением моей книги и, вероятно, местами ее исправлю и сокращу. И тогда все вместе (и отклик на рецензию, и работу) представлю в издательство. Я не тороплюсь, п. ч. Вы назначили мне долгий срок для возвращения рукописи: полгода (подчёркнуто В. Ф. Булгаковым. – Е. Т.). Я, было, мечтал, что в 1967 году книга выйдет, но, д. б., придется запастись терпением и постараться продержаться на земной поверхности еще два года».

Эти же мучительные мысли повторяются и в письме к А. И. Шифману 4 июля 1966 года: «О «Друзьях Толстого» был только один короткий разговор в издательстве. М. А. Мосолов просил представить исправленную рукопись «так – через полгода». Выходит: к 1-му января 1967 года. А о печати, конечно, можно будет говорить только в 1968 году. Задача для меня: прожить еще 2 лишних года».

Литературные неудачи не заканчиваются задержкой с изданием «Друзей Толстого». Они преследуют Булгакова и в московских «толстяках». Из дневника мы узнаем, что автору возвращена рукопись пьесы «Путь в Астапово» («не пойдет в журнале»). Но он не унывает. Напротив, с большим усердием погружает-

* По имени злостного критика почитателей Толстого из среды преподавателей Тульского педагогического института и Приокского изд-ва. – В. Б.

ся в научно-исследовательскую и литературоведческую деятельность: для юбилейного «Яснополянского сборника» к установленному сроку успевает подготовить не одну, а целых две статьи («Реорганизация и открытие в отдельном здании музея Л. Н. Толстого» и «Реставрация и открытие дома-музея Л. Н. Толстого в Москве»). В «Вопросах литературы» публикует работу о Ромене Роллане. Для налаживания сотрудничества с работающим за границей агентством печати «Новости» ждёт особых известий. Искренне радуется, что миланский издатель Cino del Dusa недавно опубликовал на итальянском языке его книгу «Лев Толстой в последний год его жизни», ставшую необыкновенно популярной...

Несколько записей из булгаковского дневника посвящены бытовой переписке. Она представлена письмом к старшей дочери Татьяне, а также заметками о приезде младшей Ольги с семьёй к нему в гости. Следует сказать, что у писателя сложились очень тёплые отношения с детьми, он был в курсе их домашних дел, интересов, успехов и достижений, прекрасно ладил с членами их семей. Ему было радостно осознавать, что у детей всё складывается: и в личной жизни, и в карьере. Это тешило его самолюбие, давало жизненные силы, вызывало отцовскую гордость и желание не отставать от них. В письме к дочери Татьяне в Новомосковск 9 июня 1966 года он оставляет «характеристику настроения (характеристику немного эгоистическую)» по поводу успехов своих родственников: «Милая Танечка, приятно было читать твоё письмо = какие вы все молодцы! Трудитесь, успеваете, и видно, что счастливы. Рад, очень рад за всех вас... Я от вас не отстаю, занят сейчас срочной работой <...> Здоров. Питаюсь нормально. Гуляю. Всех обнимаю и целую. Ваш папа, дедушка».

Несчастные случаи, раздоры и «семейные катастрофы», такие как ожог зятя Коли, невозможность увидеть внука Никиту, развод дальних родственников с последующим вывозом мебели, огорчают Валентина Фёдоровича, заставляют переживать несколько не меньше, чем тон письма А. С. Розановой или отсрочка с публикацией его произведений. Беспокоясь о самочувствии родных, он старается ни в коем случае не обременять их своей персоной, не ранить плохими новостями о собственном здоровье. И на все предложения переехать к одной из дочерей отвечает неизменным шуточным отказом: «У тебя нет яснополянского вида из окна»...

Ал. Лесс, автор некролога в «Литературной России», присутствовавший на похоронах Валентина Фёдоровича и даже фотографировавший это пе-

чальное событие, писал, что дни напролёт мемуарист сидел в тиши своего кабинета, окружённый любимыми книгами, картинами и фотографиями, и писал, писал. Конечно, такой образ жизни негативно сказался на самочувствии. Темы ухудшения здоровья и наступающей болезни, утраты былой работоспособности, старости и близкой смерти неоднократно просачиваются сквозь булгаковские строки. Знакомство с дневником позволяет утверждать, что Валентин Фёдорович ясно осознавал: дни его сочтены. Он предчувствовал скорую кончину и хладнокровно, без позы и истерики, говорил об этом. Чуть больше, чем в письме к «сектанту-толстовцу» Л., приоткрывается этот аспект в послании к М. А. Мосолову: «Чувствую я себя физически – сносно, так же и душевно. Душевно даже лучше, чем сносно: вполне удовлетворительно и даже хорошо <...> Работоспособность у меня – приемлемая для 80-летнего, но, сама по себе, конечно, недостаточная...»; «И перед смертью (конечно, недалекой) хотел бы, чтобы меня оценивали более справедливо и более сурово... Впрочем, не говорю много об этом, п. ч. самая тема мне не нравится... Ваш...».

Трезво оценивая свои силы и возможности, Булгаков приводит в особенный порядок бумаги и личные вещи, старается завершить начатые дела. Об этом через два месяца после смерти родителя напишет Татьяна Романюк-Булгакова: «С каким волнением отец готовился к своему восьмидесятилетию – 25-му ноября. В шкафу висел тщательно отутюженный новый костюм, в его книжных шкафах и на письменном столе были уложены и пронумерованы папки с рукописями его произведений. Он знал, что жизнь прожита даром, что он потрудился по-настоящему».

Конечно, всё это расценивают как волнительное приготовление к солидному юбилею. Но в то же время подобные действия можно трактовать и как предчувствие близкой кончины. Находясь в здравом уме и твёрдой памяти, писатель успевает дать последние наказы. В дневнике встречаем: «Олю с мужем, гостившими 19–21 июля, познакомил с завещанием и пожеланиями, связанными с возможным для старика неожиданным отъездом туда, откуда не возвращаются».

Согласно последней воле писателя, его следовало похоронить рядом с женой Анной Владимировной, урождённой Цубербиллер, в Кочаковском некрополе (Тульская область, Щёкинский район, п/о Первомайский, деревня Кочаки), недалеко от фамильной усыпальницы графов Толстых. А его богатейший архив передать на постоянное хранение

в Москву, в Центральный государственный архив литературы и искусства – ЦГАЛИ (ныне – РГАЛИ). Дочери Булгакова – Т. В. Романюк и О. В. Пономарева – в конце сентября 1966 года в точности исполнили его желание. Кроме того, булгаковские документы и материалы частично были направлены в отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого, в Центральный архив Октябрьской революции. А рукописи и машинопись художественных произведений с авторской правкой, оставшиеся в семье покойного вплоть до начала XXI века, в том числе последний дневник, были подарены Татьяной Романюк-Булгаковой в 2000 году специалистам ГМИЛИКА (Барнаул).

Мысль о надвигающейся смерти соседствует в дневнике с желанием «поймать» ускользающее время, разглядеть незамеченное. Сделать это никогда не поздно – убеждает нас собственным примером Валентин Фёдорович. Маленьких открытий много, и важная информация приходит порой неожиданно, следует лишь оставаться открытым для неё: «А. Г. Стороженко из Ленинграда прислал старую, неизвестную мне статью П. А. Сергеевко о Толстом и Лескове в журнале «Пробуждение» за 1915 г., с упоминанием о том, как я в 1910 г. открыл, что присланная им Льву Николаевичу тетрадка с мнимыми лесковскими мыслями оказалась, на поверку, только выписками Лескова из толстовских статей (подчёркнуто В. Ф. Булгаковым. – Е. Т.). Ловкий Сергеевко ухитрился при этом опубликовать и самые мысли, более 200 числом! ...Старик польстил мне, назвав меня в статье «любимым» секретарем Толстого».

Горячее желание «наверстать упущенное» проявляется и в структуре дневника. При беглом его прочтении может показаться, что последние строки владелец написал 30 июля 1966 года. Но это не так. Иногда ему попросту не хватало времени, и к событиям прошлых дней он возвращался позднее, организуя их в краткие блоки. Эта лаконичная хроника предыдущего периода, нарушая хронологию, возникает в летописи Валентина Булгакова дважды, что усложняет структуру самой рукописи. Первый из таких блоков под названием «За прошлые дни» возникает 29 июня. В нём «пунктиром» отмечены важнейшие моменты 17, 18, 20, 22 и 23 июня. Второй раз писатель «догоняет время» 2 августа: создается ещё один блок записей – «Протекшие дни», где освещены 24, 25, 28, 29, 30 июля. Конечно, поздние по времени события прописаны более тщательно, ранние – «скороговоркой».

Присутствие информационных блоков за прошедшие периоды несколько запутывает исследователя, жаждущего узнать точную дату последней

записи. Дело в том, что строки, касающиеся событий 30 июля, на самом деле появились позже. Они являются частью информационного блока «Протекшие дни». Таким образом, последняя запись в дневнике была произведена В. Ф. Булгаковым не в конце июля, а 2 августа 1966 года, то есть за 50 дней до смерти. Она представляет собой перефразирование знаменитого высказывания французского романиста XIX века: «Бальзак – о славе: товар невыгодный – стоит дорого, а сохраняется плохо» (подчёркнуто В. Ф. Булгаковым. – Е. Т.).

Появление крылатого выражения, скорее всего, обусловлено событиями 30 июля 1966 года, о которых узнаём из предыдущей записи: «Был старик Магомед Гамидович Эфендиев с племянником Мусой (автором рекламной статьи о нём в «Огоньке»), из Дагестана. Это – бывший объездчик, называвшийся мужиками «черкесом», их гроза, теперь, с помощью изобретательного племянника, прославленный... «воспитанником Л. Н. Толстого». Получает 50 руб. в месяц пенсии. Владеет двухэтажным домом в Дербентском районе. Недоволен. Желает получить персональную пенсию. Просил «написать» какому-то начальству. Отказал».

Булгаков категоричен в ответе на подобные просьбы. Видно, что они угнетают его, равно как и навязчивость, наглость, напористость посетителей Ясной Поляны, их неумение и нежелание понять другую сторону. Но он держит себя в руках, может сказать веское «нет».

Писателю претит и излишний пафос бесед и встреч, напыщенность, искусственность в отношениях. Подчас он сожалеет о зря потраченном времени: «Прием» и ужин у именинницы Галины Езерской, детской писательницы, новоиспеченного члена СП СССР. Кроме меня, были: Н. В. Виноградов (директор Тульского и Приокского книжных издательств. – Е. Т.), Н. П. Пузин (библиограф, главный хранитель Ясной Поляны с 1945 по 2008 год. – Е. Т.), неизвестный мне профессор-физик и др. Скучно. «Буржуазно» – по «идеалу», но не на деле».

При этом нельзя сказать, что возраст превращает Булгакова в излишне требовательного и недовольного жизнью брюзгу. Напротив, он привык довольствоваться малым, очень непритязателен и прост в желаниях, довольно мечтателен и благодарен судьбе за то, «как прожита жизнь»: «Гуляю, под солнышком, по узенькой асфальтированной аллейке, ведущей от нашего дома к пруду и на большую дорогу, дышу огородными запахами и воображаю, что я – в Кырму или на Кавказе... И тем сыт».

На склоне лет ему легко поднять настроение. Истинное удовольствие доставляют простые, неза-

мысловатые, обыденные вещи: долгожданная встреча и общение с родственниками, «чудные чайные розы из Гурзуфа, привезенные в резиновом мешке с водой», доброе письмо незнакомого человека, милые недорогие подарочки, такие как календарь знаменательных и памятных дат со статьёй о его юбилее, прекрасный букет за незапланированное выступление в кинотеатре и др.

Строки Булгакова как будто источают внимание к ближнему, оптимизм и всепроникающую благодарность за общение, за маленькие дары и заботу о нём: «Искренне благодарю Вас за любезную присылку «Календаря знаменательных и памятных дат по Тульской области»! Благодарность эта относится и к редактору милому С. И. Позойскому (пережившему инфаркт – В. Ф. Булгаков), к-го благодарю за привет, к-го часто вспоминал (подчёркнуто В. Ф. Булгаковым. – *Е. Т.*) за время нашей разлуки и к-му тоже шлю сердечный привет. В биографии В. Ф. Б. чувствую добрую, дружескую руку Н. А. Милонова, к-го тоже душевно благодарю за его доброе, незаслуженное внимание!»; «Сердечно приветствую Вас, еще раз желаю полного и всестороннего (подчёркнуто В. Ф. Булгаковым. – *Е. Т.*) отдыха, победы над всей коллекцией Ваших болезней и всего, всего хорошего! Ваш друг...»; «Но вот о чем хочется мне Вам сказать, не откладывая: огромное спасибо Вам за Ваше чудное, великодушное, дружеское письмо, полное внимания и доверия! М. б., я не заслужил его, но благодарность моя искренняя и глубока. Спасибо, спасибо! Душевно Ваш.....».

В конце жизни писателя радует общение с музыкой, литературой, походы в кино и прогулки на природе. Несколько страниц рукописи посвящены музыкальным предпочтениям последнего секретаря. В записи «Я. П., 29 июня 1966 г.» он перечисляет имена и фамилии исполнителей, получивших первые премии во всех номинациях «Заключительного концерта III Международного музыкального конкурса им. П. И. Чайковского (радио)», наименования прозвучавших в эфире произведений, а в конце резюмирует: «Все – большие артисты. Чудный концерт!».

Классическая музыка никогда не оставляла писателя равнодушным. И это закономерно, ведь с ней Булгаков подружился с ранних лет: в семье часто устраивали вечера с пением и игрой на музыкальных инструментах, включали гирофон и – что самое важное – воспитывали у детей взыскательный музыкальный вкус. Позднее, в Томске, обучаясь в мужской классической гимназии, Валентин познакомится с будущим знаменитым композитором, дирижёром и музыкальным педагогом Анатолием Александровым (1888–1982), ставшим одним

из самых близких друзей на всю жизнь. Бесспорно, эта дружба строилась на родстве интересов и взглядов, была полезной и для дальнейшего музыкального развития В. Ф. Булгакова. Во время учёбы приятели часто посещали вечера классической музыки и театральные постановки. Анатолий представил приятеля-гимназиста своей матери – А. Я. Александровой-Левенсон, подарок которой – одно из 14 писем П. И. Чайковского к ней – послужил импульсом к созданию первых литературно-публицистических трудов Булгакова.

Но особенно благотворное влияние на музыкальный вкус Валентина Фёдоровича оказала жизнь в столице. В Москве А. Я. Александрова-Левенсон, сопровождавшая своего сына и В. Ф. Булгакова в университет, постаралась возобновить прежние знакомства. Благодаря её контактам литератор получил контрамарку на посещения генеральных репетиций симфонических концертов Московской консерватории, на музыкальные утра «Кружка любителей русской музыки» («Керзинские концерты»).

Являясь студентом Московского университета, он активно интересовался театральными, литературными, музыкальными и художественными событиями столицы. Его интересовали концерты в консерватории, представления Большого, Малого, Московского художественного театров, театра Корша, оперы Зимина и др. В Большом театре на него производит впечатление балетное искусство В. А. Каралли, Е. В. Гельцер, М. М. Мордкина, сопрано А. В. Неждановой, а также пение Л. В. Собинова, М. И. Фигнер, В. Р. Петрова. Ему удаётся послушать игру бельгийского скрипача Эжена Исайе; пение М. А. Олениной д'Альгейм; повидать на различных мероприятиях композитора Ц. А. Кюи, поэта А. Белого.

Некоторое время, как известно, Булгаков даже берёт уроки вокала: сначала у профессора Московской консерватории С. В. Гилева, затем – у Ю. Н. Вишневецкой. Он участвует в любительских концертах в качестве солиста и участника руководимого Вишневецкой хора. Продолжая своё увлечение коллекционированием автографов, Булгаков посещает знаменитых московских исполнителей, в частности – А. И. Южина, О. Л. Книппер-Чехову. Тем, кого не может застать лично, направляет письма. Таким способом в его коллекции появляются автографы Ф. И. Шаляпина и многих других музыкальных деятелей и исполнителей.

К слову, увлечение музыкой по-особенному «выстрелило» в его биографии и в 1947 году: когда Булгаков дал согласие сниматься в цветном музыкаль-

ном фильме Ивана Пырьева «Сказание о земле Сибирской», ему досталась эпизодическая роль... преподавателя консерватории!

Даже в последние месяцы жизни музыка не покидала писателя, приносила огромное наслаждение, отдохновение. Строки, раскрывающие события 17 июня, возвращают нас к радиоконцерту и вновь подтверждают это: «17/VI. Услыхал по радио неск. пьес участников музык. конкурса имени Чайковского. Поразил чудный финский виолончелист Арто... Мне кажется, что он стоял выше получившей 1-ю премию Георгиен».

Последние дни литератора скрашивали и современная литература, и кино. Он не переставал интересоваться художественными новинками, о чём делал краткие пометы в дневнике. Так, в его поле зрения попали журнальные публикации – прозаические произведения двух авторов: «Талантлива повесть Николая Дубова «Беглец», в 4-й кн. «Нового мира» за 1966 г. Там же – интересные записки Полины Виноградской «Октябрь в Москве» (о событиях 1917–1918 гг.)».

На 20-й странице дневника, рядом с записью от 2 августа читателей ожидает внезапная встреча: в тетрадный блок с любовью вклеен хорошо сохранившийся билетик в кинотеатр «Салют» (г. Тула). Он был приобретён Валентином Фёдоровичем на вечерний сеанс фильма Сергея Бондарчука «Война и мир». Лицевая и оборотная стороны билета отлично сохранили все «реквизиты»: поход в кино состоялся 1 августа 1966 года, в 17:20. Писатель занимал в кинозале 21-е место в 12-м ряду. Этот скромный экспонат, пожалуй, красноречивее других повествует о бесконечной верности и преданности Булгакова Толстому, его пристальном внимании не только к новейшим публикациям о жизни и творчестве великого романиста, но и экранизациям его произведений! Запись от 2 августа 1966 года, ставшая, к сожалению, в дневнике последней, позволяет узнать и общее впечатление Булгакова о фильме, и подробности того примечательного дня: «P. S. Вчера вечером был (подчёркнуто В. Ф. Булгаковым. – Е. Т.) в Туле и смотрел знаменитый фильм Бондарчука в кино «Салют». Должен сказать: хорошо! Нет, больше: великолепно! Советую обязательно посмотреть. Плохо только, что меня вытащили из 12-го ряда и заставили говорить (после неплохо скомпонованного доклада Архангельского). «Результат»: прекрасный букет на столе в «гостиной».

Несмотря на небольшой объём дневниковых записей, скрытых под ледериновой обложкой, создаётся целостное впечатление об их авторе. Пожел-

тевшие тетрадные страницы хранят чёткий рисунок булгаковского характера. Образ автора складывается из многих привлекательных черт: аккуратности и скрупулёзности, высокой культуры труда, умения достоверно фиксировать важные детали, отзывчивости и сопереживания, принципиальности и требовательности к себе.

Но доминирующей чертой писателя всё-таки остаётся необыкновенная скромность: «Дорогой М. А., в заключение прошу Вас: снизьте, пожалуйста, ну – на 95 % ту оценку, какую Вы даете [в В. письме] упомянутому В. Ф. Б.! Не заслуживает он подобной оценки. Это ясно, как шоколад. И перед смертью (конечно, недалеко) хотел бы, чтобы меня оценивали более справедливо и более сурово...».

За несколько недель до смерти он собственным примером доказывает, что никогда не поздно что-то изменить, начать заново. Чтобы чувствовать себя лучше, внедряет новый режим – организует ежедневные прогулки по живописным яснополяским местам. Нововведения даются нелегко, но, пересилив себя, литератор умудряется даже получить от этого определённое удовлетворение: «Сегодняшний и вчерашний опыт «нового режима» оставил чудное впечатление!..»

Сильный духом и стойкий к трудностям, В. Ф. Булгаков до последнего вздоха сохранял искры душевного тепла, детскости и непосредственности, которые дают ощущение полноты бытия. В каждом прожитом дне, облагороженном собственной фантазией, он ловил лучики радости и счастья. И, возможно, у роковой черты вплотную приблизился к философии земного существования: «...Я себе тоже устроил, дома, курорт: кроме вечерней прогулки, буду (со вчерашнего дня) выходить по утрам, ещё до занятий, по нашей узенькой, асфальтированной аллейке, к нашему пруду, вдыхать аромат огородных насаждений сотрудников музея, любоваться прудом и окрестностями, слушать лягушек и – пить солнце!..»

Автор благодарит руководителей Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая (Барнаул) – директора Игоря Алексеевича Короткова и заместителя директора по научной работе Елену Владимировну Огневу – за возможность ознакомления и частичной публикации материалов из хранящегося в музейном собрании личного фонда В. Ф. Булгакова, а также специалистов Центральной городской библиотеки им. Н. В. Гоголя МБУ «МИБС» (Новокузнецк) Татьяну Николаевну Кирееву и Ларису Александровну Сувореву за помощь в поиске публицистических и научно-исследовательских источников, посвященных В. Ф. Булгакову.

Новокузнецк, 2016–2017

НЕКОТОРЫЕ ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ФАКТЫ МОЕЙ БИОГРАФИИ В СВЯЗИ С МОИМ 70-ЛЕТИЕМ

Я родился 24 июля 1932 года в деревеньке Лещихино Калининской (теперь Тверской) области в большой крестьянской семье. Название Лещихино произошло, по-моему, от слова «лещина» – орешник. Рядом был лесок, где росла лещина, а в речке водились лещи. Когда я, много лет спустя, навестил родные края, то леска не увидел, речка же превратилась в ручеёк.

Моё Лещихино

*На карте деревеньку не ищи –
упрятана в российские глубины.
Там было всё:
«лещина» и «лещи»,
и даже нечто слышалось
от «хины».
Причём здесь «хина»?
Горечи сполна
отведал я, когда пришла
война.*

Моё знакомство с русской поэзией началось со стихотворения Лермонтова «Бородино». Мне исполнилось тогда лет шесть, а моя сестрёнка Катюша уже занималась в школе. Сидя на печи, она учила «Бородино» и плохо запоминала текст. Вскоре я стал ей подсказывать: у меня оказалась цепкая ритмическая память, это пригодилось в дальнейшем. «Бородино» я стал декламировать сельчанам, и благодарные взрослые награждали меня за усердие мелкими монетами, а иногда и бумажными купюрами.

Научившись ходить, погнался за симпатичным рыжим жеребёнком, за что получил удар копытом и на время потерял сознание.

Теперь мне кажется, что это был не простой жеребёнок, но маленький Пегасик – символ поэтического вдохновения, у которого ещё не успели вырасти крылья. Не случайно сборник дружеских шаржей, вышедший в Кемеровском книжном издательстве, мы с художником Николаем Бурцевым назвали «Копыто Пегаса».

*Я догоняю жеребёнка,
Лягает он меня, ребёнка.
Я взрослым стал, но и сейчас
Частенько бьёт под дых Пегас.*

В начале Великой Отечественной войны наша семья эвакуировалась в Кузбасс, в г. Прокопьевск. Здесь я в 1951 году окончил мужскую среднюю школу № 1. Когда спрашивают сегодня, почему у меня нет стихов о любви, я отвечаю в шутку:

– Потому, что рядом не было девочек.

Помню ли я своё первое юмористическое стихотворение? Да, с ним связано нечто неприятное. В нашем классе учился кокетливый паренёк по фамилии Козлов. И вот родилась дружеская шутка:

*Такую смесь
встречаешь редко:
он и козёл,
он и кокетка.*

Козлов обиделся и хотел меня поколотить. Впервые я понял, что сатириком быть небезопасно.

151

Публиковаться в местной городской газете г. Прокопьевск я начал, когда учился в 8-м классе. Малыши из начальных классов прибежали, чтобы посмотреть на «живого» поэта.

Окончив школу, я поступил в Новокузнецкий (тогда Сталинский) педагогический институт на историко-филологический факультет (отделение русского языка и литературы). Писал басни, эпиграммы, посещал занятия литгруппы при городской газете «Кузнецкий рабочий» (тогда «Большевицкая сталь»).

Однажды на лекции сочинил экспромт, высмеяв преподавателя, злоупотребляющего словесным «мусором».

*Он «так сказать»
на «так сказать»
скороговоркой множил,
он, так сказать,
без «так сказать»
двух слов связать
не может.*

Эпиграмма дошла до декана факультета, и меня предупредили, чтобы я впредь не смел подрывать авторитет вузовских лекторов.

В студенческие годы публиковался иногда в областной молодёжной газете «Комсомолец Кузбасса» (теперь «Кузнецкий край»). Не считая двух лет работы в школе, я называю себя не учителем, а журналистом, так как не один год жизни связан с «Комсомольцем Кузбасса» и с «Кузбассом». Поездки в города и районы области дарили мне темы для корреспонденций, фельетонов, сатирических и юмористических стихов. Возник замысел: собрать лучшие юморески и выпустить первую книжку. Она вышла в Кемерово в 1962 году, т. е. сорок лет тому назад. Теперь я – автор многих книжек для взрослых и детей, в 1981 году стал членом Союза писателей СССР (теперь России).

Люблю беседовать с детьми, читать им стихи, они отвечают мне взаимным добрым расположением. Давняя дружба связывает меня со школами Ижморского района. Вместе с руководителем детского литературно-краеведческого клуба Михаилом Николаевичем Шеховцовым мы издали коллективный сборник стихов «Ижморские искорки», а также сборник Лены Силенок, Алёны Зачиняевой и Юлии Носиковой «Край любимый и родной».

Отмечая в этом году 70-летие, я не жалею о своём творческом и жизненном выборе. Состоялся ли я как литератор – об этом судить читателям.

Январь 2002 г. Вл. Фёд-ч Матвеев

Дополнение

Сестра Катюша рассказала мне, что однажды в раннем детстве я потерялся. Меня долго искали, но не нашли. И каково же было удивление семьи, когда к самому крыльцу дома меня принесла наша Бурёнка. Оказывается, я сбежал на лужок, где паслась корова. Одет я был в штанишки с ляжками. Бурёнка продела рог под ляжку и доставила меня до места назначения. Так родилась рифма «Вова – корова». С тех пор, уже став взрослым, я начал верить в разум наших меньших братьев и могу рассказать на сей счёт не одну поучительную историю.

От рождения я левша, а в школе меня стали учить писать крючки и целые буквы правой

рукой. У меня это долго не получалось. Желая отучить меня от «дурной привычки», учительница била меня линейкой по левой руке. Но я до сих пор пишу иногда левой, к тому же – справа налево. Образец такого письма прилагаю, запаситесь зеркалом.

Моё прокопьевское детство прошло на так называемой Берёзовой Роще, где к тому времени не росло ни одной берёзы, и в шахтёрском посёлке Ясная Поляна, где поляны не было и в помине. Памятен мне ветхий деревянный барак. Там обитали разные люди – и хорошие, и не очень... Доброе слово хочется сказать о Василии Ивановиче Титове (дяде Васе), который впервые познакомил меня со стихами Сергея Есенина, ставшего одним из моих любимых поэтов.

Бывая в школах, встречаясь с ребятами, интересуюсь их письменными работами, слушаю ответы у доски. Подчас их словотворчество выглядит забавно. Вот несколько примеров:

...Зимой волки собираются в стаи по 10-12 человек.

...Лошадь посмотрела на ямщика через заднее плечо.

...Маша – это румяная круглощёкая девочка со светло-русскими волосами и гладко зачёсанными ушами.

...Лето я провёл в деревне. Дедушка взял косу и стал сенокосителем. А мне дали грабли, и я стал сенограбителем.

...Миша увидел в зооцирке павлина с распущенным хвостом и радостно закричал: – Глядите, глядите, курица расцвела!

... – Чем дышит рыба?
– Швабрами.

152

... – Где носят своих детёнышей кенгуру?
– В кармане штанов.

... – Можно вашу собаку погладить?
– Что ты, она без намордника.
– Ничего... Я – тоже...

Некоторые из таких «смешинок» становились основой моих миниатюр, и я вправе сказать, что дети – мои постоянные соавторы.

Своим профессиональным праздником считаю 1 апреля – День смеха, когда ярче светит солнышко, люди становятся добрее, когда поощряются весёлые розыгрыши.

Умники придумали свой праздник – День дурака – и отмечают его в июне всяческими кривляниями на лоне природы. Я День дурака не признаю, не считаю его всенародным. А Дня смеха – 1 апреля – хотя и нет в календаре, но люди помнят о нём, любят его и, пусть не так часто, но отмечают.

Школьники задают мне при встречах вопросы. Вот мои короткие ответы на некоторые из них:

– **Можно ли выучиться на поэта?**

– Нет. Можно лишь научиться писать стихи, это по силам многим. Я себя поэтом не считаю, я – литератор. Поэты это: Гомер, Омар Хайям, Байрон, Гёте, Данте, Пушкин...

– **Кого из современных поэтов России Вы больше всего цените?**

– Нашего земляка родом из Марьевки Василия Дмитриевича Фёдорова и ныне здравствующего кемеровчанина Виктора Михайловича Баянова. Они прекрасные лирики, глубокие авторы, их стихи запоминаются, доставляют истинную радость.

– **Кто из поэтов-сатириков оказал на Ваше творчество заметное влияние?**

– Дмитрий Минаев, Саша Чёрный, Сергей Смирнов с его короткими баснями эпиграмматического характера. Люблю эпиграммы шотландского поэта Роберта Бёрнса в переводах Маршака.

С Бёрнсом в годы моего студенчества вышел казус. По результатам фоторейда мы выпустили стенгазету и поместили её в городской витрине на видном месте. Под физиономией плутоватого спекулянта я поместил известное четверостишие Бёрнса:

*Нет, у него не лживый взгляд,
Его глаза не лгут:
Они правдиво говорят,
Что их владелец – плут.*

Спекулянт обиделся на критику и, узнав, что автор этих строк студент по имени Бёрнс, долго бродил по институту в поисках злополучного «пасквилянта», жившего аж в 18 веке.

– **Кто близок Вам из детских поэтов?**

– Корней Иванович Чуковский (это гений детской поэзии); Валентин Дмитриевич Берестов с его «Гололедицей», авторство которой (по ошибке) едва не приписали мне; Галина Новицкая; Ирина Токмакова. К Сергею Михалкову и Самуилу Маршаку я в последнее время охладел. У Агнии Барто люблю стихи для самых маленьких – типа «Наша Таня громко плачет...», это – непреходящее, на этом воспитывалось не одно поколение.

– **Что бы пожелали Вы начинающим поэтам?**

– Не самообольщаться ранними успехами, публикациями в газетах и сборниках, чрезмерной похвалой старших. Будьте вдумчивыми читателями, всю жизнь учитесь на лучших образцах, любите классику. Занимайтесь местным литературным краеведением, постигайте азы журналистики.

С уважением, Владимир Матвеев

Из архива М. Н. ШЕХОВЦОВА, друга поэта

Екатерина ТЮШИНА

СОВЕТ ПОЭТА ВЫСЛУШАТЬ СПЕШИТЕ. ВЛАДИМИР МАТВЕЕВ

Поэт, пишущий в жанре сатиры, обличает всё то, что мешает жить человечеству. Писать в этом жанре нелегко. Сатира стала главной в творчестве кузбасского поэта Владимира Матвеева.

*На площади нынче потеха,
Простительна лёгкая пьянь.
Чудесному Празднику Смеха
Отдайте весёлую дань.
Затейники, где вы?
А ну-тка,
Кто в слове сразится со мной?
Да здравствует милая шутка!
Не меркни,
денёк озорной!*

(1 апреля)

Родился он 24 июля 1932 года в Калининской (ныне Тверской) области. В начале Отечественной войны его семья эвакуировалась в город Прокопьевск Кемеровской области. Владимир окончил десятилетку и поступил в Новокузнецкий педагогический институт на историко-филологический факультет. После окончания института некоторое время работал в школе, преподавал русский язык. Затем перешёл на журналистскую работу. Был корреспондентом газет «Комсомолец Кузбасса» и «Кузбасс». Работал редактором световой газеты творческой студии «Панорама», ответственным секретарём журнала «Огни Кузбасса», корреспондентом газеты «Наука и образование».

Писать начал ещё в школе. Первыми его сочинениями стали эпиграммы, сделанные на учителей по просьбе одноклассников. Они были настолько достоверными, что педагоги

без труда узнавали себя в зашифрованном тексте. За что автору эпиграмм часто попадало на родительских собраниях и педсоветах.

Склонность к юмору у Матвеева проявилась и в студенческие годы. Самой первой его публикацией стала басня, напечатанная в газете «Кузнецкий рабочий» в 1953 году. За годы учёбы в вузе он написал много произведений, которые пользовались неизменным успехом среди студентов и пишущих коллег, а первая книга «Иронические строки» вышла в 1962 году в Кемеровском книжном издательстве.

Она была тепло встречена читателями, появились доброжелательные отклики, автору желали дальнейших успехов в сатире. Благодаря такой поддержке в последующие годы один за другим стали выходить новые сборники миниатюр, басен, дружеских шаржей и пародий: «Букет шипов», «Житьё-бытьё», «Копыто Пегаса», «И смех, и грех...», «Весёлое настроение» и другие.

*Верблюды в восторге
От своей симпатии:
«Ты всех верблюдиц,
Милая, горбатее!»*

157

Стихи В. Матвеева публиковались в журналах «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», вошли в коллективные сборники, печатались на страницах центральных изданий.

*Живём
Не без вниманья чуткого,
Но нету новшествам конца:
То вдруг автобус
Без кондуктора,
То магазин без продавца.
На месте не стоят искания,
Взгляни вокруг – заметишь ты
Гуляш без мяса,
Стих без содержания,
Плиту без газа,
Баню без воды.*

(Новшества)

Его творчество было отмечено журналом «Крокодил» за юмореску «**Верность традиции**».

*Знали древние греки
Обычай крутой –
Пить не смели вина,
Не разбавив водой.
Продащица
Традиции древней верна –
У неё без воды
Не бывает вина.*

В 1981 году Владимир Фёдорович был принят в Союз писателей СССР (России).

От сатирика по заслугам доставалось всем: рвачам, хапугам, ворам, которые за счёт народа наживают капиталы.

*Полмиллиона
Плут растратил
И взят контролем
На учёт:
В размере месячной зарплаты
Предъявлен жулику
Начёт.*

(Меры приняты)

Вместе с братьями по перу Матвеев много ездил по городам и сёлам, выступал в клубах, исправительно-трудовых учреждениях и других аудиториях. В поездках он часами цитировал наизусть стихи Пушкина, Есенина. И, конечно, читал свои пародии и миниатюры.

*Не видя
Дальше носа своего,
С природой
Не живём мы в мире:
Вода порой
Не только H₂O,
Но плюс H₂SO₄.*

(Новости химии)

Особенно Владимир Матвеев любил встречаться с детьми. Он с удовольствием посещал школы, библиотеки, интернаты, пионерские лагеря. Выступая перед детской аудиторией, не пользовался своими изданными книжками. У него был особый блокнотик, куда он записывал юморески, которые очень нравились ребятам. Общение с детьми подтолкнуло В. Матвеева писать стихи для подрастающего поколения. Темы ему подсказывали педагоги,

предлагая почитать некоторые ученические сочинения.

*Не ученик, а наказание
(Такой он в классе не один):
Канаду ищет под Казанью,
Сахару – там, где Сахалин.
За Чусовую принял Шую,
Неаполь поселил в Непал...
Не раз в историю смешную
Он с географией влипал.*

(Путаник)

Или:

*Классическим названиям
вопреки
в читальном зале
«требуют» приятели:
– Мне Горького –
«Старуха из Юрги».
– А мне – «Забор
у рижской Богоматери».
– В природе, мальчик,
книги нет такой.
– Есть, тётушка, написана Гюгой.*

(Любители Гюги)

«Беря что-то у взрослых и ребят, – писал о своём творчестве Владимир Матвеев, – замечая, над чем и почему они смеются, ничего слишком не выдумываю, не стараюсь поразить воображение сногшибательным образом. Просто стремлюсь по-хозяйски распорядиться попавшим в руки даровым, ещё сыроватым материалом, обогащаю его, пропустив через себя, и возвращаю прежним владельцам. Каюсь, операции такого рода удавались и удаются не всегда, и всё-таки именно в них весь «секрет» моего творческого метода».

Детям посвящены сборники стихов «Как не стыдно Серёже?», «По грибы», «Озорная перемена», «Весёлое настроение», «Улыбка с нагрузкой», «Секрет летающих тарелок», «Весёлая минутка» и другие. Дети от души смеялись, узнавая в юморесках себя и своих друзей, читали сами его весёлые стихи. Ведь, объясняя, «что такое хорошо и что такое плохо», поэт был далёк от назидательного тона.

*Воскресник проводили
ребята в странном стиле:
две липки –
посадили,
четыре –
погубили.*

(Чудеса во дворе)

Детям нравится, когда поэт умеет посмотреть на окружающее их глазами.

*Каникулы
там сроду не кончаются.
Там отменён
родительский запрет.
Учителя
ребятам подчиняются,
пятёрки ставят
за плохой ответ.*

(Сказ про край, где не житьё, а рай)

Большой популярностью у детворы неизменно пользуется книга «Ах! Какие котятка!». В ней ребята знакомятся с удивительной компанией котят. Перед маленьким читателем предстают шалун и лодырь, замарашка и злюка, грубиян и плакса, драчун и жадина, воришка и лгун. Стихотворный текст удачно дополняют чудесные рисунки художника Георгия Карлова. Вот засоня-котёнок так разоспался, что разыгравшиеся мышата могут «оставить лежебоку без хвоста». А в другом случае дети видят резвящегося шалуна, запутавшегося в мотке ниток. Ну, а третий котёнок удивляет своей находчивостью, пытаясь обманом стащить лакомство.

*Сощурит зелёный с лукавинкой глаз
И что повкуснее утащит у вас.*

И даже самые неуклюжие котятка, которые пугливы и всего боятся, всё равно вызывают симпатию:

*Для труса и птенчик –
грозная птица:
Готов наутёк
он от страха пуститься.*

Котятка пробуждают у детей сочувствие, даже когда становятся плаксами и замарашками:

*И сам не знает, плачет о чём,
Но льются и льются слёзы ручьём.*

Ценность этой книжки в том, что она учит ребёнка с младенческих лет быть честным, трудолюбивым, смелым, открытым окружающему миру; не перенимать того плохого, что, к сожалению, встречается в нашей жизни, а взглянуть на самих себя с другой стороны. Ведь котятка такие же шалуны и проказники, как и сами дети:

*А вы никогда
Не встречали ребят,
Чем-то похожих
На этих котят?*

После смерти поэта в петербургском издательстве «Речь» в серии «Любимая мамина книжка» вышел детский сборник «Посмотрите, какие котятка!» (2015). Над изданием работали главный редактор О. Юрченко и детский поэт из Новокузнецка Э. Гольцман. Эдуард Данилович с большим уважением относился к Владимиру Матвееву и на протяжении многих лет был главным и надёжным хранителем его творчества.

С определённой долей юмора Владимир Матвеев относился и к собратьям по перу, художникам, артистам и другим творческим людям. Им он посвящал дружеские шаржи и пародии, которые вышли отдельной книгой «Копыто Пегаса».

Он особенно интересовался творческими личностями. С удовольствием знакомился с рукописями начинающих авторов, наставляя и ограждая будущих поэтов от заносчивости и излишнего самомнения.

*Шток твой пьедестал.
С чем ты идёшь к читателям?
Членом Союза стал...
Сумеешь ли стать...
Писателем?*

(Скороспелому автору)

Талантливых ребят Матвеев всегда поддерживал. Именно при его редакторской поддержке в посёлке Ижморка увидел свет сборник, куда вошли стихи школьников из десяти деревень района. В память о Владимире Фё-

доровиче в Ижморке ежегодно проходят Матвеевские чтения.

Как писал поэт Виктор Баянов, «при чтении стихов Владимира Матвеева я представляю себе такую картину: идёт по земле приветливый, справедливый человек и, не заботясь о том, как его слышат люди, говорит им порою что-то лёгкое, смешное, однако «со смыслом», порою жёстко-неприятное, но всегда верное и – на пользу дела».

*Пишу безбожные стихи,
Они колючи.
Господь, прости мои грехи...
На всякий случай...*

(На всякий случай)

В. Матвеев был высокообразованным, интеллигентным человеком с настоящей духовной закваской. Обладая обширными знаниями, он смело вступал в обсуждение какой-либо личности, исторического периода или литературных произведений. И никогда не скрывал своего мнения, бесстрашно высказывал его в любой аудитории. Досталось от поэта и строителям новой России.

*Ах, этот безумный, озлобленный мир –
Жульё на ходу рвёт подмётки.
В подъездах – железные двери квартир,
На окнах – стальные решётки.*

(Добровольный узник)

*Здоров, как бык в расцвете лет,
К большому бизнесу причастен:
Возглавил платный туалет
И на дерьме построил счастье.*

(Рыцарь удачи)

Владимир Фёдорович Матвеев жил в Кемерове. Много лет он страдал астмой, которая в последние годы ограничивала его литературную деятельность и общение с людьми. Поэт ушёл из жизни 26 апреля 2003 года.

Но Владимир Матвеев не был бы сатириком, если бы не оставил в назидание потомкам своё ироническое завещание, равнозначное «секрету вечной молодости».

*Совет поэта выслушать спешите,
Проблема долголетия ясна:
До гробовой доски стихи пишите,
И в сердце будет вечная весна.*

Кемерово

Из этого стихотворения становится понятным, как тяжело Божественному Сыну, потому что Он Сын не только Бога, но и Сын Человеческий, который испытывает всё, что испытывает обыкновенный человек: и страдание, и боль, и тяжесть оков, и позор, потому что на кресте распинали в Римской империи только рабов и убийц.

С. Я. Надсон (1862–1887) в стихотворении «Я не Тому молюсь...» видит в Господе Иисусе брата «с небесною душой, для него это Бог страждущих, «Бог, обогранный кровью»:

*Мой Бог – Бог страждущих, Бог, обогранный кровью,
Бог-человек и брат с небесною душой, –
И пред страданием и чистою любовью
Склоняюсь я с моей горячею мольбой!..*

Стихотворение «Христианка» отражает судьбу первых последователей Христа, которые не только подвергались гонениям, но и очень часто становились жертвами диких зверей в амфитеатрах, где устраивались позорные зрелища для римской знати, где «сидит Нерон в кругу друзей», а юная девушка умирает «за веру в моего Христа». И христианка не проклинает своих убийц, она их прощает и просит Спасителя об их прощении:

*В последний раз я открываю мои дрожащие уста:
Прости, о Рим, я умираю за веру в моего Христа!
И в эти смертные мгновенья, моим прощая палачам,
За них последние моленья несую к горним небесам. 759
Да не осудит их Спаситель за кровь пролитую мою,
Пусть примет их святой Учитель в свою великую
семью!*

А. Н. Плещеев (1825–1893) в стихотворении «Мольба» просит Бога, чтобы Он услышал молитвы своих «гонимых чад», чтобы смягчил озлобленные сердца.

*О Боже Истины! Вонми
Гонимых чад Твоих молитве!
Сердца озлобленных смягчи,
Открой слепым и спящим очи,
И пусть хоть бледные лучи
Блеснут в глубоком мраке ночи!*

В стихах А. А. Фета (1820–1892) звучат нотки недоверия к Богу, он борется со своим умом, который называет «кичливым», его ум борется с верою, похоже, что сомнения одолевают поэта, потому что он пишет, что в какие-то моменты «я верю вновь». В стихотворении «Когда кичливый ум, измученный борьбою...» есть такие строки:

*О, как мне хочется склонить тогда колени,
Как сына блудного влечёт опять к Отцу!
Я верю вновь во всё, – и с шёпотом моленья
Слеза горячая струится по лицу.*

Именно Афанасий Фет сделал попытку в стихотворной форме изложить молитву «Отче наш», которую дал своим ученикам Сам Христос.

О том, что в трудные моменты жизни ему помогает книга книг – Библия, особенно когда станет «страшно тяжело», пишет Ф. И. Тютчев (1803–1873):

*Но скудны все земные силы,
Рассвирепеет жизни зло,
И нам, как на краю могилы,
Вдруг станет страшно тяжело.
Вот в эти-то часы с любовью
О Книге сей ты вспомни
И всей душой, как к изголовью,
К ней припади и отдохни.*

В стихотворении «Наш век» поэт точно замечает: «Не плоть, а дух растлился в наши дни», потому что к людям приходит безверие, нежелание признавать Творца и Создателя, нежелание впустить Христа в свою жизнь.

*И жаждет веры – но о ней не просит.
Не скажет ввек с молитвой и слезой,
Как ни скорбит пред замкнутою дверью:
«Впусти меня! Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!»*

И. И. Козлов (1779–1840) обращается к Богу в стихотворении «Услышь, Христос, моё моленье...», в котором говорит о своей готовности носить терновый венец.

*Молю, чтоб дух мой подкрепил!
Хочу носить венец терновый:
Ты Сам, Христос, его носил.
О, дай, чтоб верою святою
Рассеял я туман страстей
И чтоб безоблачной душою
Прощал врагам, любил друзей;
Чтоб луч отрадный упованья
Всегда мне в сердце проникал,
Чтоб помнил я благоденья,
Чтобы обиды забывал...*

Молитва, в которой звучит громкая хвала Богу, радость за избавление от «власти тёмных сил», безграничная благодарность за то, что Бог «раскрыл врата Небес», написана другом А. С. Пушкина – В. К. Кюхельбекером (1797–1846). В стихотворении «На Воскресение Христа» есть строки:

*За нас Свою святую кровь
Он пролил со креста.
Чистейшей кровию своей
Нас, падших, искупил
От мук и гроба, из сетей
И власти тёмных сил.*

*Христос воскрес, Спаситель мой
Воистину воскрес.
Ликуй, душа; Он пред тобой
Раскрыл врата небес!*

А сам Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837) тоже молился в стихах. Разве это не молитва:

*...Владыко дней моих!
Дух праздности унылой
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.*

Великий Пушкин просил у Бога смирения, терпения, любви, хотел жить без греха, быть далёким от праздности. Пушкин знает силу слова, поэтому в молитве просит освобождения от «празднословия», в одном из своих стихотворений он уповает на Волю Божию: «Веленью Божию, о Муза, будь послушна». А в стихотворении «Пророк» поэт говорит устами Бога:

*«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись Волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».*

Очень жаль, что в нашей школе никогда не звучала тема молитвы русских поэтов. Молитвы-стихотворения писали и В. А. Жуковский (1783–1852), и М. А. Лохвицкая (1869–1905), и К. К. Романов (1858–1915), и К. М. Фофанов (1862–1911), и К. Д. Бальмонт (1867–1942) и другие поэты.

Завершить же своё исследование я хочу стихотворением Д. С. Мережковского (1866–1941), потому что это гимн любви и благодарности Богу Великому и Всемогущему, признание безоговорочное Творца и Создателя, который «всё проникает», всё животворит, всё наполняет Собой и Своим творением. Стихотворение называется «Бог».

*О, Боже мой, благодарю за то, что дал моим очам
Ты видеть мир – Твой вечный храм, и ночь, и волны,
и зарю...
Пускай мученья мне грозят, – благодарю за этот
миг,
За всё, что сердцем я постиг, о чём мне звёзды
говорят...
Везде я чувствую, везде Тебя, Господь, – в ночной
тиши,
И в отдалённой звезде, и в глубине моей души.
Я Бога жаждал и не знал; ещё не верил, но, любя,
Пока рассудком отрицал, – я сердцем чувствовал
Тебя.*

*И ты открылся мне: Ты – мир, Ты – всё. Ты – небо
и вода,
Ты – голос бури, Ты – эфир, Ты – мысль поэта,
Ты – звезда...
Пока живу – Тебе молюсь. Тебя люблю, дышу Тобой.
Когда умру – с Тобой сольюсь, как звёзды
с утренней зарёй.
Хочу, чтоб жизнь моя была Тебе немолчная хвала.
Тебя за полночь и зарю, за жизнь и смерть –
благодарю.*

ВОЗДАНИЕ – МОИ БОЖЕСТВЕННЫЕ ВСТРЕЧИ

Мы, женщины, в нашем обществе, в наших семьях выполняем несколько функций. Работницы, дочери, жёны, матери, бабушки... Я давно уже бабушка, а когда-то, 25 лет назад, была дочерью... Хорошей ли дочерью я была? Не знаю. Но я старалась, я слушала мою любимую мамочку, которая была для меня самой лучшей мамой на свете.

Я хорошо училась, выполняла посильные дела по дому. Это было давно – в детстве. Затем, в юности, когда уже училась в Томске, я всегда прислушивалась к маминым советам, старалась исполнять её просьбы. Когда в 1992 году мамы не стало, я выполняла наказ «любить, хранить и читать» мамину книгу – Библию, в которой более тысячи страниц. На книге маминой рукой написано: «Господи, вручи Сам моё завещание, Ты знаешь кому». Эту книгу я прочитала от корки до корки на три раза. Читала каждый день, многого даже не понимая. Но я думала, что мамин Дух видит и пусть радуется, что исполняю просьбу самого дорогого мне человека, тем более, что я верю в безсмертие нашего духа. Именно в безсмертие, а не в бессмертие!

*Я встречу в Вечности и бабушку, и маму,
Я их узнаю по полёту крыл!..*

В маминой Библии было много мест не просто непонятных, но иногда, как мне казалось, сказочных. Например, то место в Евангелии от Иоанна, где Иисус воскрешает своего друга Лазаря. Мне, по образованию физику, было сложно даже представить: как человека, уже четыре дня бывшего мёртвым, можно призвать к жизни? И куда же потом, после воскрешения, подевался этот Лазарь? Я пыталась узнать у верующих людей об этом, но ответа не находила.

И вот три месяца назад я неожиданно попала на Кипр. Всего на восемь дней, семь ночей... Для отдыха это было мне крайне мало. Я решила

«послужить» одной очень «взрослой» женщине (ей было уже 80 лет, и одну – без сопровождения – кто бы взял её на Кипр?). А она очень хотела поехать на экскурсию по святым местам Кипра. Её мечта сбылась. А я... Я именно здесь, на Кипре, нашла Святого Лазаря, друга Христова и Первого Епископа Китийского. Его храм находится в городе Ларнака (Китион – древнее название города). Я не только побывала в храме, но в магазинчике при храме купила книгу на русском языке, которую написал иеромонах Софронийс Михаелидес. Из этой книги я узнала всё, что меня интересовало. Книга помогла мне обратиться к истории.

Святой Лазарь (Елизарий из Хеврона) был жителем городка Вифании, в трёх километрах от Иерусалима. Он известен как «друг Христов», который был воскрешён Иисусом на четвёртый день после кончины (Иоан., 11:11).

В Библии говорится о дружеских отношениях Господа нашего с семьёй Лазаря: «Иисус любил Марфу, сестру её Марию и Лазаря» (Иоан., 11:5). Христос несколько раз пользовался их гостеприимством. Но однажды, когда Иисус возвращался из Галилеи в Иерусалим (где Он вскоре был присуждён к распятию «за жизнь мира») (Иоан., 6:51), сёстры Марфа и Мария встретили Его с печальной вестью: «Господи! Вот, кого Ты любишь, болен». Но Христос провозгласил, что «эта болезнь не к смерти, но к Славе Божией, да прославится через неё Сын Божий» (Иоан., 11:4).

И когда Христос прибыл в четвёртый день после погребения Лазаря, «воскорблённый духом» Он стоял перед гробом... Но, будучи Повелителем жизни и смерти, воскресил Лазаря, хотя «Лазарь лежал мёртвым во гробе уже четыре дня и уже смердел» (Иоан., 11:1-44). Иисус же возвёл очи к Небу и сказал: «Отче! Благодарю Тебя, что Ты услышал Меня... Он воззвал громким голосом: «Лазарь! Иди вон». Тогда многие из иудеев, пришедших к Марии и увидевших, что сотворил Иисус, уверовали в Него» (Иоан., 11:45).

Именно этот Лазарь, воскрешённый Иисусом Христом, вынужден был покинуть свою родину и искать приюта в Китионе, потому что первосвященники и фарисеи хотели его убить: «Первосвященники же положили убить и Лазаря (когда распяли Христа), потому что ради него многие из иудеев приходили и веровали в Иисуса» (Иоан., 12:10-11).

Считается, что наиболее вероятным временем, когда Лазарь покинул Вифанию, был 33 год н. э., это период преследований, которые вспыхнули после побивания камнями Стефана, когда христиане-евреи «рассеялись от гонения, бывшего после Стефана, пошли до Финикии и Кипра, и Антиохии» (Деян., 11:19).

В приобретённой мною книге сказано: «Согласно христианской традиции, Лазарю было в тридцать третьем году 30 лет. И после воскрешения ещё 30 лет он прожил в Китионе на Кипре и умер примерно в 63 году н. э. в возрасте 60 лет. Апостолы Павел и Варнава встретили его здесь во время своего прибытия в 45 году и рукоположили его в сан епископа Китийского, 18 лет Святой Лазарь был пастырем христианской общины (45–63 годы н. э.). После второй кончины он погребён на месте, где ныне возвышается Византийский храм в его честь». В примечании сказано, что Павел и Варнава были из Антиохийской церкви, что они из Селевкии отплыли на Кипр, там высадились при Саламине (теперь Саямис), прошли весь остров с востока на запад до Пафа (Пафоса). Это тот самый Павел Тарсянин (из Тарса), который звался Савлом.

В книге говорится, что письменные документы о жизни и деятельности Лазаря в качестве епископа Китийского до наших дней не дошли. Но можно предположить, что его пастырское дело, как и его последователей-христиан, не было лёгким, с одной стороны, из-за язычества и особенно культа Афродиты, который был распространён на Кипре в то время, а также из-за фанатизма многочисленной еврейской общины Кипра. Чтобы одержать победу, Кипрская церковь была вынуждена вести длительную и тяжёлую борьбу. Сегодня на Кипре Православная Кипрская поместная церковь официально признана государством. И хотя церковь считается отделённой от государства, как нам сказала «самый лучший гид всех времён и народов» Екатерина, любое мероприятие в школах Кипра начинается с молитвы «Отче наш». А, например, в воинских частях среда и пятница – постные дни.

Сохранились различные предания о пребывании Святого Лазаря в Ларнаке. Одно из них гласит, что Лазарь в течение 30 лет после воскрешения никогда не улыбался. Вероятнее всего, он был так сильно потрясён видом, который открылся ему в аду, где провёл четыре дня после своей смерти. Его потрясли Души умерших, ведь они ещё не были спасены искупительной жертвой нашего Господа на кресте, ещё не было Воскресения Христова, которое спасло человека от греха и вечного осуждения.

И лишь однажды он нарушил свой обычай, когда кто-то хотел украсть на базаре глиняный горшок. Увидев это, Лазарь улыбнулся и воскликнул: «Глина крадёт глину!»

Другое предание связывает имя Святого Лазаря с Солёным озером, которое находится в пригороде Ларнаки. Согласно преданию, во времена Лазаря это озеро было огромным виноградником. Однаж-

ды, проходя по тому краю и изнывая от жары, Лазарь попросил хозяина дать ему немного винограда для утоления жажды. Лазарь указал на корзину, которая была наполнена, видимо, виноградом. Но хозяин сказал, что в корзине соль. В наказание за жадность и лицемерие виноградник был превращён в солёное озеро. А Святой Лазарь сказал: «Скупость и жадность иссушают душу человека хуже, чем жара».

В книге сказано, что Лазаря посетила Богоматерь Мария и даже «подарила ему архиепископский паллиум, связанный её руками».

Церковь Святого Лазаря на Кипре «основывала и поддерживала школы, заботилась о больницах и кладбищах, помогала бедным, защищала интересы горожан, помогала всем нуждающимся».

В книге Софронияса Михаелидиса приведена очень интересная информация о храме, построенном в конце IX века (около 890 года) императором

Византии Львом VI Мудрым, а также о тех, кто его посещал в разные времена, об архитектуре храма и его внутреннем убранстве, о фресках и иконах. Сказано, что храм Святого Лазаря был «религиозным, национальным, филантропическим и образовательным центром города, той осью, вокруг которой вращалась религиозная и социальная жизнь Ларнаки». И до настоящего времени храм Святого Лазаря является «неизменным местом пономничества пилигримов в Святую Землю».

За моё послушание маме я получила Воздаяние – замечательные Божественные встречи. В маминской Библии есть запись: «Библия освящена в Храме Гроба Господня 25 августа 2009 года на Голгофе, где были бабушка Надежда и внучка Анна». Теперь можно добавить надпись: «Я нашла Святого Лазаря (10 октября 2016 года) – друга моего Господа Иисуса Христа, которого Он воскресил».

Кемерово

Галина ЛАВРЕНКОВА,

главный хранитель Кемеровского областного музея изобразительных искусств

**«ПУТЕШЕСТВИЕ
С ДОСТОЕВСКИМ»
Выставка иллюстраций
по мотивам произведений
Ф. М. Достоевского**

В залах Кемеровского областного музея изобразительных искусств прошла масштабная экспозиция выставки «Путешествие с Достоевским». Выставка знакомила зрителя с произведениями известных русских и советских художников, вдохновлённых судьбой и творчеством Ф. М. Достоевского. Проект посвящался 195-летию юбилею гениального русского писателя.

В экспозиции были представлены 120 произведений из собраний Государственного литературного музея (Москва), Государственного историко-художественного и литературного музея-заповедника «Абрамцево», Кемеровского областного музея изобразительных искусств, Новокузнецкого художественного музея, Фонда наследия семьи Горяевых (Москва). Высокий статус участников определил художественный уровень выставки.

Экспозиция состояла из трёх тематических разделов. Наиболее объёмный из них позволял проследить историю иллюстрирования произведений Ф. М. Достоевского более чем за столетие.

Самые ранние из выставленных работ датируются 1880-ми годами. Стилистические особенности книжной и журнальной иллюстрации того времени развивались в рамках реалистической традиции, сложившейся под влиянием передвижников, у которых первостепенное значение отдавалось передаче идеологической и социальной составляющей произведения. Художнику-иллюстратору важно было выстроить рассказ и создать убедительную жанровую композицию, соответствующую тексту.

Иллюстрации к «Преступлению и наказанию» В. И. Порфирьева (1853 г. – нач. XX в.) и Н. Н. Каразина (1842–1908) создавались ещё при жизни автора романа. Известно, что с эскизом рисунка В. И. Порфирьева писатель познакомился и высказал своё одобрение. Работы обоих художников отличает подробная описательность и внимательное отношение к сюжетной стороне изображения, точное следование описываемому действию и правильная передача времени, места и облика персонажей.

Другой подход к оформлению романа у одного из крупнейших иллюстраторов второй половины XIX века П. М. Боклевского (1816–1897). Для него процесс создания иллюстраций – это прежде всего поиск обобщений и работа над типизацией образов. Умный, критически мыслящий художник был великолепным мастером сатирического портрета, поэтому основное внимание обращал на передачу остросоциальной характеристики персонажей.

С бурным развитием новых, революционных тенденций в изобразительном искусстве меняется взгляд на оформление книги. Разрабатываются теоретические концепции и новые критерии подхода к художественному решению. Передача внешней событийности повествования уступает своё значение передаче внутреннего содержания. Оформление книги рассматривается как создание единого целого, от иллюстраций требуется не просто пересказ, а соавторство. Работая над книгой, художник оставался верен себе, своей творческой манере, своему восприятию мира. Неудивительно, что теперь иллюстрация привлекает внимание известных мастеров, работающих в разных видах и жанрах изобразительного искусства.

Один из жизнеутверждающих талантов своего времени, народный художник СССР, московский живописец Г. И. Пименов (1903–1977) нашёл неожиданную лирическую интонацию трактовки образов романа «Братья Карамазовы». В 1932 году, когда художник работал над иллюстрациями, он был счастлив со своей новой женой и музой и радовался жизни после тяжёлой болезни. Настроение художника определило его подход к теме, образы романа окрашены теплом и нежностью.

Успехи в развитии советской книжной графики, высокие требования к художественному оформлению изданий привели к формированию большой когорты выдающихся художников книги.

Блестящим мастером искусства создания книги был народный художник СССР

Ф. Д. Константинов (1910–1977). Константинов – это пример высокой преданности своему делу, величайшей основательности и глубины. Художник всегда стремился к раскрытию авторского замысла и визуальной убедительности образов. Его насыщенные бытовыми подробностями композиции полны внутренней экспрессии, а интеллигентная манера интерпретации произведения не вызывает у читателя ощущения навязывания ему однозначной трактовки образа.

Над оформлением романа «Преступление и наказание» художник работал много лет. Впервые он обратился к нему во время Великой Отечественной войны, а закончил в конце 1950-х годов, создав один из высоких образцов книжной графики.

Ещё одна вершина развития советской книжной графики – творчество народного художника СССР Д. А. Шмаринова (1907–1999). Его иллюстрации классической русской литературы, в частности произведений Достоевского, стали хрестоматийными. Работы Шмаринова обладают необыкновенной исторической достоверностью и отличаются глубоким психологизмом, умение автора раскрыть авторский замысел даёт возможность максимального погружения в мир литературных образов.

Художник приступал к созданию отдельных иллюстраций, только осмыслив текст, продумав образ книги, собрав богатый фактический материал. Автор предельно точен в своих изображениях, воспроизводя конкретный эпизод, он тщательно обдумывает все детали, обстановку, внешний облик героев. Описательность, цветовые, стилистические и композиционные особенности, присущие иллюстрациям Д. А. Шмаринова, никогда не заслоняют сути и смысла произведения. В основе художественного решения изображения лежит правильная визуальная разработка психологических характеристик и душевного состояния персонажей. Весь драматизм романа «Преступление и наказание» раскрывается Д. А. Шмариновым через убедительные и запоминающиеся черты его героев.

Яркое явление – работы народного художника СССР И. С. Глазунова (1930–2017). Художник обращается к темам Достоевского на протяжении всей жизни. Помимо книжных иллюстраций, им созданы станковые серии. Работа И. С. Глазунова по мотивам литературного классика принесла художнику мировую славу и считается одной из вершин его творчества.

Творчество И. С. Глазунова всегда отличала публицистичность. Его иллюстрации – это не

только художественная интерпретация текста, но и осуществление определённой нравственно-просветительской функции. Воплощая литературный сюжет, он выделяет героев, раскрывающих главную тему. Исключительно важно для художника показать их духовные поиски как носителей определённых идей. Отсюда напряжённая выразительность их портретных характеристик, крупный план, чёткий и резкий штрих, цветовые контрасты, акценты на глаза. Мастер всегда искренен и заинтересован в работе, для него важно убедить зрителя в правильности своего восприятия, заставить его взглянуть глазами иллюстратора. И эта страсть творца привлекала и будет привлекать к художнику сердца зрителей.

Многие авторы, раз прикоснувшись к наследию великого писателя, оставались с ним надолго или навсегда. Подобное погружение в мир Достоевского характерно для заслуженного художника РСФСР С. С. Косенкова (1941–1993). Ему был близок и понятен тот драматизм, которым сопровождаются нравственные поиски героев. Косенков – автор увлечённый и страстный, умеющий убедительно передавать глубину человеческих переживаний. Его иллюстрации динамичны, полны эмоционального напряжения и тонкого психологизма.

С. С. Косенков иллюстрировал повесть «Двойник», романы «Бедные люди» и «Игрок». Но наибольшей полноты художественного впечатления мастеру удалось добиться при работе над «Преступлением и наказанием». Она затянулась на несколько лет, в 1967–1969 годах он создал сорок листов иллюстраций, в 1971–1972 годах ещё двадцать три листа. За эту серию художник дважды удостоивался золотых медалей на международных биеннале книжной графики в Брно и Лейпциге.

Величина личности, масштаб творческих и нравственных исканий великого литератора и мыслителя захватывают многих художников. Выставка знакомит с творчеством 17 авторов. Кроме указанных художников, зритель может познакомиться с иллюстрациями таких выдающихся мастеров, как И. Э. Грабарь, В. Н. Минаев, А. Н. Корсакова, В. Д. Линицкий, С. Шор. Мастерство художников определяет свободу трактовки литературного материала, работы отличаются разнообразием подходов, мотивов, авторских интонаций. На экспозиции представлены иллюстрации всех программных произведений Достоевского: «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Идиот», «Бесы», «Игрок», «Подросток», «Униженные и оскорбленные», «Кроткая» и других.

Творчество Фёдора Михайловича тесно связано с пространством Петербурга, описания города обостряют передачу эмоционального состояния героев. Он не любил величественного города, никогда долго не жил на одном месте, за свою жизнь в Петербурге сменил двадцать адресов. Но город его притягивал, завораживал и вдохновлял, служил сценой действия большинства произведений. Поэтому следующий раздел выставки – о Петербурге.

Отдельный раздел представляет творчество одного из интереснейших иллюстраторов Достоевского, знаменитого графика, народного художника СССР В. Н. Горяева. Горяев – блестящий рисовальщик, отличающийся лёгкостью и непринуждённостью рисунка, смелостью в трактовке образов и динамичностью. Его работы считаются одной из вершин развития советской книжной графики, классикой жанра. На выставке демонстрируются более тридцати листов, представляющих циклы иллюстрации к двум романам писателя – «Идиот» и «Подросток».

Работа над оформлением произведений великого писателя заняла у В. Н. Горяева почти тридцать лет. К иллюстрациям «Идиота» художник приступил в конце 1950-х годов и занимался этим более десяти лет. Тысячи набросков предшествовали выработке окончательных решений. Автору удалось добиться предельной заострённости и эмоциональной выразительности. Герои иллюстраций, не-

смотря на всю условность изображения, живые, страстные и порывистые. Автор предпочитает обходиться без изображения бытовой среды, прибегая к редким выразительным деталям, заостряя внимание не на действии, а на внутреннем конфликте. К сожалению, В. Н. Горяев не успел закончить работу над иллюстрациями к «Подростку», поэтому данный цикл сейчас можно увидеть только на выставках.

Несмотря на многообразие авторских подходов, всех представленных художников отличает важное свойство – умное, бережное и вдумчивое отношение к источнику, правильный баланс между текстом и изображением. Мир чувств и мыслей Ф. М. Достоевского привлекал, привлекает и, несомненно, всегда будет привлекать художников. Крупнейшие мастера отечественного изобразительного искусства обращались к иллюстрациям его произведений, предлагая собственные интерпретации, своё прочтение творчества писателя, создавая на основе литературных образов выразительный зрительный мир. Это стало их путешествием с Достоевским. Погрузившись в атмосферу полотна на выставке и вспомнив великие романы, кемеровский зритель смог отправиться в собственное путешествие. И, возможно, этот знакомый-незнакомый изобразительный ряд оказался нужным дополнительным ключом к пониманию тех страстей, которые испытывают герои Ф. М. Достоевского.

С ЧУТЬ ЗАМЕТНОЙ И НЕВЕСЁЛОЙ УСМЕШКОЙ

Можно сказать, что лирический герой Дмитрия Мурзина искушён жизнью и, в общем, не ждёт от неё ничего хорошего. Он смотрит на неё с чуть заметной и невесёлой усмешкой, он «медитативен», он всё делает «медленно и печально»:

*Я говорю столице: «Отпусти».
Вхожу в вагон, в котором места мало,
И лезу с головой под одеяло.
А поезд всё не может отойти
С какого-нибудь третьего пути
Ужасно-Ярославского вокзала.*

Это очень выигрышная лирическая позиция. Ибо она не только позволяет взглянуть на окружающих пристальным поэтическим взором, но ещё и художественно дистанцироваться от той действительности, которая, как правило, угнетает поэта своим неблагообразием. Или, как принято ныне выражаться, своей безблагодатностью:

*Всё изменилось. В смысле – тот же свет,
Но я уже не тот. И ты иная.
Не рай земной, но ощущение рая.
Музыка сфер, вращение планет.
И шаг назад, но остаётся след.
Ах, если б жизнь, судьбы не разбирая,
Как будто существует жизнь вторая,
Или, как будто, даже первой – нет.*

Дмитрий Мурзин обладает острым зрением, чутким слухом, тонким, памятьливым обонянием. Его стихи о детстве («Одесса. Лето 1977», с. 10) не могут не запомниться точными приметам юга, запахами моря, ощущением «первичности бытия». Но одновременно в эту «внеисторическую» идиллию вторгается позднейшее горькое знание:

*...Я бросал в прилив возвращенья медь,
не предчувствуя крах державы.*

Такой же плотностью деталей и вообще обилием физической жизни (которая выступает как ипостась незримых духовных усилий) насыщен цикл «Кузнецкий Алатау». Здесь ус-

ловный этнографический романтизм окрашен в мужественные, «хемингуэевские» тона.

Мне кажется, что Мурзину угрожает порой некоторая инерция стиля, когда за многочисленными, хотя и точно увиденными, деталями пропадает ощущение лирического целого, убывает внутренняя необходимость, исчезает «причина песнопенья». А несомненная удача приходит тогда, когда лаконичная стихотворная форма таит в себе глубокое ментальное содержание:

*Носитель языка, чтоб уберечь язык,
Бежит из той страны, язык которой носит.
Настали времена и взяли за кадык,
И вот родная речь молчит, пощады просит.*

*Молчание всегда срывается на крик,
Изъята буква «ять», де-факто и де-юре.
И в колченогий стиль, как косточка в язык,
Войдёт порок и бич, бред-аббревиатура.
По планам ГОЭРЛО, ВКП(б), ЧК –
Пойди-ка разбери, что истинно, что ложно.
И, сгорбившись, идёт носитель языка –
И ноша тяжела, и бросить невозможно.*

Будем надеяться, что эта ноша окажется Дмитрию Мурзину по плечу.

Игорь ВОЛГИН, Москва

166

УЧИТЕЛЬСТВО ПО ПРИЗВАНИЮ

Всякий художник рисует картины с позиции накопленного опыта. И задача читателя, анализирующего его творчество, воспринять передаваемое исследование жизни. Писатель и читатель должны находиться в одних возрастных рамках или быть хотя бы чуть-чуть друг другу близки. Именно поэтому современные школьники не воспринимают классику, а люди постарше зачитываются и «Евгением Онегиным», и «Героем нашего времени», и «Обломовым».

Художник слова Сергей Адодин рисует действительность с точки зрения православного опыта, поскольку является служителем церкви. И люди, формирующиеся в тех же традициях, способны освоить произведения в условиях дефицита веры.

Обращает на себя внимание рассказ «Ворваться в рай». Созданный от первого лица, он напоминает о глубоком жизненном опыте автора. У читателя не возникает какого-то недоверия к создателю, ибо в фабуле культивиру-

ются чистота помыслов, искренность и благожелательность.

Кемеровский автор затрагивает современные проблемы веры. Нежелание исповедоваться – признак того, что утрачиваются её основы. Главный герой – достаточно уважаемый человек, и в стремлении за достатком забывает о душе. При этом рассказ имеет фантастическую окраску, ибо сторонний наблюдатель – душа. Писатель утверждает её существование.

Имя главного персонажа – Семён – означает «услышанный Богом». Несмотря на свои прегрешения, он стремится в рай. Поэтому он туда словно врывается. Так обнажается поэтика названия.

Длящаяся мысль главного героя предоставляет читателю шанс вчуже рассмотреть собственное бытие и как-то иначе его осмыслить. Самоуверенность обращается в покорность, желание быть лучшим – в участие к ближнему. В рассказе чувствуются неги и блаженство: нет ни резких событий, ни обгоняющих друг друга кадров. Автор даёт возможность взглянуть на душу как на ангела-хранителя, находящегося рядом.

167
 Всякий человек после смерти хотел бы оказаться в раю. Но, как можно понять из рассказа, он у каждого свой. Здесь перед читателем уже священник Сергей Адодин. И в его понимании Эдема есть закономерность: если ад наполнен движением, муками и грешниками, то место лучшего обитания, наоборот, должно быть скучным и безэмоциональным.

Адам и Ева были изгнаны из райских кущ, где не надо было о чём-то заботиться и трудиться. Для современного человека, окутанного туманом дел и забот, такое место просто невозможно. Из рассказа явствует, что рай для одного будет адом для другого. Знал бы человек, куда двигаться, так и жил бы соответственно.

В сюжете присутствуют два образа, и оба замечательны по-своему. Образ врача, растирающего главному герою уши, когда тот потерял сознание, иллюстрирует мысль об участии в жизни ближнего. Добрый и радушный, заслуживающий доверия, этот человек лишь на минуту является читателю. Но речь его наполнена тихой и размеренной благодатью, что заставляет читателя его помнить. По темпераменту флегматик, он далёк от того, чтобы навязываться кому бы то ни было, даже человеку при смерти.

С этим образом проявляется мотив выбора. Автор говорит, что человек может верить или не верить. Надеясь героя функциями врача и священника, он утверждает доверие к людям. В бородатом человеке автор выводит себя, но отводит этому персонажу второстепенную роль.

В сюжете можно заметить воспитательные функции. Образ священника будто говорит, что нужно исполнять правила движения, даже когда вблизи никого нет. Так отражены педагогические мотивы. Семантикой учительства насыщены призывы к исповеданию. И рассказ кемеровского автора – нравоучение в большой степени. Он желает воздействовать на человечество и как писатель, и как священник.

Примечательно, что служитель церкви остаётся безымянным. Так автор утверждает, что священничество в целом обладает педагогическим характером. Сквозь эти мотивы выступает благая идея о значении учителя на земле. По мнению Сергея Адодина, истинный учитель не требует специального расположения к себе, но при этом всегда готов стать опорой для ближнего. Учитель – святой человек! Вполне ясно, что наклонившийся над умирающим человеком священник не является владельцем ни Volkswagen Touareg, ни такого автомобиля, в каком ехал главный герой.

Бородатый врач – педагог в широком смысле слова. Священничество, по мысли автора, – учительство по призванию. Таким образом, автор возвеличивает роль учителя, приниженную в современном мире.

Михаил КАЛИНИН, Юрга

ОТ КЛАССИКИ ДО АВАНГАРДА

Во вступительной статье к журналу поэзии «Плавучий мост», № 1/2016, под названием «Кому и что должна поэзия» руководитель проекта и редактор Виталий Штемпель так описывает задачу этого издания («скромную и вместе с тем нелёгкую»): «Отражать на своих страницах современную русскую поэзию такой, какая она есть, давать слово авторам самых разных поэтических школ и направлений, невзирая при этом на географическое местоположение автора».

И действительно, объёмное издание включает в себя произведения более 20 представителей разнообразных поэтических предпочте-

ний (от классики до авангарда) из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбургa, Саратова, Владимира, Орла, Ярославля, Волгограда, Перми, Челябинска, Красноярска и Владивостока, а также русскоязычных поэтов из США и Германии, переводы с английского и белорусского, детские и шуточные стихи, мини-рецензии на книги от Эмиля Сокольского и Германа Власова.

Мне показалось интересным, что отдельные стихотворные подборки сопровождаются, кроме обычной краткой биографии авторов, предисловиями или послесловиями об особенностях их творчества, что позволяет глубже понять прочитанные произведения и, с моей точки зрения, вносит элемент разнообразия в достаточно монотонную из-за большого объёма структуру издания.

Направление всему журналу задают два поэта, помещённые в первом разделе «Берега». Они в самом деле похожи на два берега современной русской поэзии: представитель старшего поколения, пишущий в классической (более близкой мне) манере, замечательный поэт Геннадий Русаков, каждое произведение которого – маленький шедевр, доставляющий настоящее эстетическое удовольствие, и молодой поэт Илья Оганджанов, с менее привычной для неискущённого читательского глаза и слуха формой творческого самовыражения, но чьё стихотворение под названием «Палимпсест» явилось для меня настоящим открытием и потрясением, заставило перечитать его несколько раз, чтобы снова и снова пережить то необычное состояние, в которое погружает нас истинное поэтическое слово.

Между этими двумя берегами над шумным, дерзким, говорливым, бурным, стремительным поэтическим потоком и протянут «Плавающий мост». Иди по нему, читатель. Знакомься с мастерами слова нашего времени. Ищи созвучие со своим мироощущением. Всматривайся, вслушивайся, вчитывайся, запоминай.

Елена ЕЛИСТРАТОВА,
г. Кемерово

ОТЗЫВ НА 3-Й НОМЕР ЖУРНАЛА «ФАНТАСТИЧЕСКАЯ СРЕДА»

Третий номер нового для меня журнала «Фантастическая среда» (Барнаул) первоначально привлёк моё внимание информацией на обложке, озаглавленной «Почётный гость номера: Генри Лайон Олди». За творчеством этого писательского дуэта я слежу много лет, их лаконичная «Докладная записка» написана с присущим авторам чувством юмора.

Барнаульцы оказались на высоте. Во всех прозаических материалах номера хорошо продуманы сюжетные линии и названия подобраны с умом, что немаловажно. Видно, что журнал – результат серьёзной, вдумчивой работы и авторов, и редакторов.

Раздел «Фантастика». «Собака» Натальи Волковой – вполне житейская история с мистической подоплёкой. Рассказы «Хочу в отпуск» Анны Бровко и «Потомки сине-зелёной козы» Евгении Ткалич актуальны – написаны живо и весело.

Хочется поздравить с удачным дебютом авторов раздела, особо отметив забавный «Комплимент от шеф-повара» Ларисы Головиной.

168

Поэзии в номере немного, но страничка с так называемыми «живыми стихами» грозит со временем вырасти.

В разделе «Современная проза» мне пришёлся по душе рассказ «Дед Матвей и зайки» Валерия Копнинова о связи поколений. Я солидарна с автором: негоже нам быть Иванами, родства не помнящими.

Три маленькие фантастические истории от Анны Самойловой, Елены Бызовой и Кристиана Бэда, чайная пауза с шоколадом от Светланы Язовской и весёлые частушки от Ирины Швенк на последних страничках завершают выпуск.

В заключение могу смело рекомендовать «Фантастическую среду» для самого широкого круга читателей.

Юлия СЫЧЁВА,
Кемерово

НА ТОРЖЕСТВЕННОМ СОБРАНИИ

С юбилеем писателей поздравила заместитель губернатора Кемеровской области Е. А. Пахомова, зачитав благодарственное письмо от администрации области.

Совет народных депутатов Кемеровской области наградил почётными грамотами членов Союза писателей России: В. Арнаутова, Д. Филиппенко, Т. Николаеву, Б. Бурмистрова, Ю. Дубатова, С. Уланову.

От департамента культуры и национальной политики Кемеровской области получили благодарственные письма именитые гости праздника: Н. Дорошенко (Москва), А. Кердан (Екатеринбург), Ю. Перминов (Омск), Г. Скарлыгин (Томск), В. Скиф (Иркутск), А. Шалин (Новосибирск).

Член правления Союза писателей России Николай Иванович Дорошенко поздравил писателей и вручил от имени Правления грамоты Д. Мурзину, В. Иванову, Б. Бурмистрову, А. Ярошцу.

Золотыми медалями им. В. Шукшина были награждены С. Донбай и З. Естамонова.

Участники торжественного собрания, посвящённого юбилею, вспомнили в этот знаменательный день писателей старшего поколения. И. Киселёвой, Н. Гержидович (вдовам поэтов), К. Крековой (дочери поэта) были вручены книги, сувениры, оказана материальная помощь.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

От всего сердца поздравляем Кемеровское областное отделение Союза писателей России с 55-летием!

К подавляющему большинству кузбасских литераторов относятся слова Оноре де Бальзака: «У подлинных поэтов-мыслителей, у подлинных писателей наблюдается необъяснимое и редкостное нравственное явление, в котором наука с трудом может разобраться. Это своего рода второе зрение, позволяющее им в любых возможных положениях угадывать истину».

Желаем вдохновения, долголетия, процветания и подлинно народного признания вашего литературного творчества!

С уважением, председатель Совета директоров АО «Кемсоцинбанк» А. Н. ЕФРЕМОВ

ПОЗДРАВЛЯЕМ С 55-ЛЕТНИМ ЮБИЛЕЕМ КЕМЕРОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ!

Пятьдесят пять лет назад литераторы региона объединились, чтобы труд каждого автора мог выйти на широкую читательскую аудиторию, стать частью большого созидательного, творческого труда. Традиции, заложенные в годы оттепели в искусстве, бережно сохранялись нашими писателями, дав путёвку в литературу многим нашим землякам.

Для творческой интеллигенции Кузбасса, для всех, кто интересуется литературным процессом и создает художественные произведения, продвигает творческое наследие писателей Кемеровской области, это знаменательный праздник.

Деятельность Кемеровского областного отделения Союза писателей России многогранна и значима: в привлечении новых авторов, в издании книг, альманахов, сборников, в эстетическом и этическом воспитании подрастающего поколения, в воспитании литературной смены.

Пусть за этим 55-летним рубежом у писателей Кузбасса будут очередные достижения, зазвучат на литературном небосводе новые имена, расширится до границ вселенной аудитория читателей!

Директор Кузбасского филиала ООО «Сибирская генерирующая компания» Ю. В. ШЕЙБАК

КЕМЕРОВСКИМ ПИСАТЕЛЯМ В ДЕНЬ 55-ЛЕТИЯ

*Иркутск и Кемерово – рядом,
Хотя, как будто, далеко.
Но достигать душой и взглядом
Друг друга нам совсем легко.*

*А коли дело до бокала,
Наполненного, вдруг дойдёт,
Рука протянется с Байкала
И руку встречную найдёт.*

*И зазвонят бокалы звонко,
Засветится зари лоскут,
И лопнет тишины заслонка,
Рекою тосты потекут.*

А повод есть! Вам две пятёрки
Сегодня выставил Господь.
Ведь вас от корки и до корки
Прочёл читатель – ваша плоть,

Как говорят, от самой плоти,
Который ваши имена
В своей любви, в своей заботе
Несёт в иные времена.

И нынче он живой – читатель,
Хотя и сброшенный на дно
Житейских тягот. И писатель
Везде с народом заодно

У нас одно большое сердце!
В Иркутске, в Кемерове – мы
Одной судьбы единоверцы,
И даже в недрах Колымы.

Писатели-кемеровчане!
Мы – на Байкале, но всегда
Не забывают иркутяне,
Что греет нас одна звезда.

Мы помним многих, право слово,
Кто вашу лиру зачинал:
Баянова и Буравлёва.
Я их читал, а значит, знал!

Никто из них не слыл прохожим,
Они стояли у основ:
Прозаик Александр Волошин
И с ним Геннадий Молостнов.

Кого-то нет, ушли до срока
В великорусские поля
Баянов, Юров, с ними Крёков,
Пусть будет пухом им земля.

Василии Фёдоров – искусник,
Нас русской рифмой потрясал.
Он – марьевский, зато в Иркутске
«Седьмое небо» написал.

Вся наша жизнь – одно явление,
Одна дорога, путь один.
Но нас не встретит, к сожаленью,
В пути Распутин Валентин.

Колеблют звёздные стропила
Далёкий космос, где живут
Виталий Крёков и Вампилов,
Они сегодня с нами – тут,

На вашем празднике искристом
(Надеюсь, выпить хватит сил),
Где неспроста Борис Бурмистров
Гостей высоких пригласил.

Вы все – творцы, и час от часа
Вам всё дороже этот край,
Где светят вам «Огни Кузбасса»
И светится Сергей Донбай!

Так становитесь всё известней,
Значительнее всякий раз.
И пусть о вас слагают песни
И помнят каждого из вас!

Владимир СКИФ,
Иркутск

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

28 апреля в рамках празднования 400-летия Новокузнецка и 75-летия Кузнецкого района прошли праздничные мероприятия «Добро пожаловать в Кузнецк. Семейный альбом», в которых приняли участие писатели города.

В ночь с 19 на 20 мая новокузнецкие писатели побывали в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского (Новокузнецк), где на высоком профессиональном уровне прошла межмузейная муниципальная программа «Ночь в музее – 2017», посвящённая теме «Легенды и тайны города N».

23 мая в КРИПКиПРО прошёл вебинар, посвящённый Дню славянской письменности. На связи с библиотеками области были поэты Борис Бурмистров, Сергей Донбай и Дмитрий Мурзин.

С 26 по 30 мая члены Союза писателей России из Ленинска-Кузнецкого Дмитрий Филиппенко и Светлана Уланова приняли участие во Всероссийском фестивале «ЛиФФТ», проходившем в Москве и пос. Переделкино. По итогам фестиваля Светлана Уланова награждена дипломом фестиваля, а Дмитрий Филиппенко серебряной медалью.

По результатам конкурса «Сто стихов для Акито» хайку В. Лавриной и Е. Казакова представлены на международном сайте Akita International Haiku Network (<https://akitahaiku.com/>) в переводах на английский язык япониста профессора Александра Долина.

В конце мая прозаик Татьяна Ильдимирова стала победительницей Международного литературного конкурса памяти Константина Паустовского. Его организатором выступил Литературный институт имени А. М. Горького. Рассказ кемеровчанки «Аспарагус» стал лучшим в номинации «Золотая Роза Константина Паустовского». Конкурс был посвящён 125-летию со дня рождения известного писателя.

5 июня прошла встреча в КРИПКиПРО поэта Дмитрия Мурзина со школьными библиотекарями области. На встрече обсуждалось место журнала «Огни Кузбасса» в воспитательном и учебном процессе, проблемы и пути решения спада читательской активности школьников.

6 июня в Кемерове Кузбасский центр искусств совместно с департаментом культуры Кемеровской области провёл традиционный Пушкинский праздник. Торжественную часть открыла глава департамента Лариса Теодоровна Зауэрвайн. Прозвучали приветственные речи главы города Ильи Владимировича Середюка и директора Кузбасского центра искусств Оксаны Александровны Соковиной. Кульминацией стал поэтический флешмоб, в котором участники читали вступление к поэме «Руслан и Людмила» – «У Лукоморья дуб зелёный». Поэтический блок с участием поэтов Кузбасса вёл Сергей Донбай.

Стихи читали поэты Ленинска-Кузнецкого, Польшаево, Анжеро-Судженска, Кемерова. Состоялось награждение участников областного литературного конкурса «Шахтёрское слово – крепь России».

8 июня поэт Сергей Донбай встретился с читателями на юбилее улицы Рукавишниковая, в своём с детства родном районе – Соцгород.

8 июня в библиотеке им. Н. Гоголя состоялось представление третьей книги члена Союза писателей России поэта Андрея Пятака «Луночерпий».

14 июня писатели Кузбасса начали отмечать 55-летие образования писательской организации – Кемеровского отделения Союза писателей России. Празднование началось открытием фотовыставки-ретроспективы, подготовленной фотографом Владимиром Надем. Затем прошла научно-практическая конференция «Писательское братство». В прологе председатель комитета по вопросам образования, культуры и национальной политики облсовета Г. М. Соловьёва вручила грамоты и благодарственные письма облсовета писателям В. Арнаутову, Д. Филиппенко, С. Улановой, Т. Николаевой, Ю. Дубатову. Прозвучали доклады об истории становления и развития писательской организации Б. Бурмистрова и И. Куралова. Этапы большого пути альманаха и журнала «Огни Кузбасса» осветил главный редактор поэт С. Донбай. О проблемах молодых авторов размышлял Д. Мурзин, а о детской литературе Кузбасса говорила Н. Глушкова. О шорской литературе и её классике Софроне Тотыше шла речь в докладе писателя Ю. Тотыша. В режиме «сводободного микрофона» писатели услышали много добрых слов, поздравлений и напутствий. Завершил вечер своими песнями бард В. Егоров.

12, 16 и 20 июня в библиотеке ДК им. 50-летия Октября прошла серия встреч на тему «Профессия – писатель». Во встречах приняли участие Б. Бурмистров, Д. Мурзин и С. Донбай.

18–25 июня состоялся 16-й Международный фестиваль поэзии на Байкале им. Анатолия Кобенкова. Кузбасс представляли Марина Черноскутова, Дмитрий и Наталья Мурзины.

21 июня 35-летний юбилей праздновала библиотека на Весенней. От имени Союза писателей и журнала юбиляра поздравил Сергей Донбай.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ:

Литературная газета № 21 от 31 мая перепечатала отрывки из публикации журнала «Огни Кузбасса» «Записки шахтёра» **Трофима Шалакина** под заголовком «В моих подземных лабиринтах».

Альманах «Иркутское время» за 2017 год напечатал подборку стихов **Марины Черноскутовой**.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск).
«Природа Алтая» (Барнаул)

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru.

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru.

Редакция журнала «Огни Кузбасса» благодарит за поддержку администрацию города Кемерово, ЗАО «Стройсервис», АО «Кемсоцинбанк».

Журнал «Огни Кузбасса»
Главный редактор **С. Л. Донбай**
№ 4. Дата выхода в свет: 23.08.2017
Индекс 12234
Тираж 1600 экз.

Формат 60×84½. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Заказ № 194. Цена свободная

Адрес редакции: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40. Тел. 8 (3842) 36-85-14.
Издатель: ГУК КО «Кузбасский центр искусств», 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6. Тел. 8 (3842) 75-04-88.
Отпечатано в типографии ООО «АИ Кузбассвуиздат»: 650043, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 60Б. Тел. 8 (3842) 36-36-00

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кемеровской области.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ42-00877 от 10 марта 2017 г.

Учредитель (соучредители) (адрес): Государственное учреждение культуры Кемеровской области «Кузбасский центр искусств» (650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6),
Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса» общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40)

Корректура и компьютерная верстка выполнены ООО «АИ Кузбассвуиздат»

Корректор: **Е. В. Фефелова**
Компьютерная верстка: **П. Б. Исаков**